ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арганак

ТАТАРСТАН 12+

№ 3 (16) • 2013

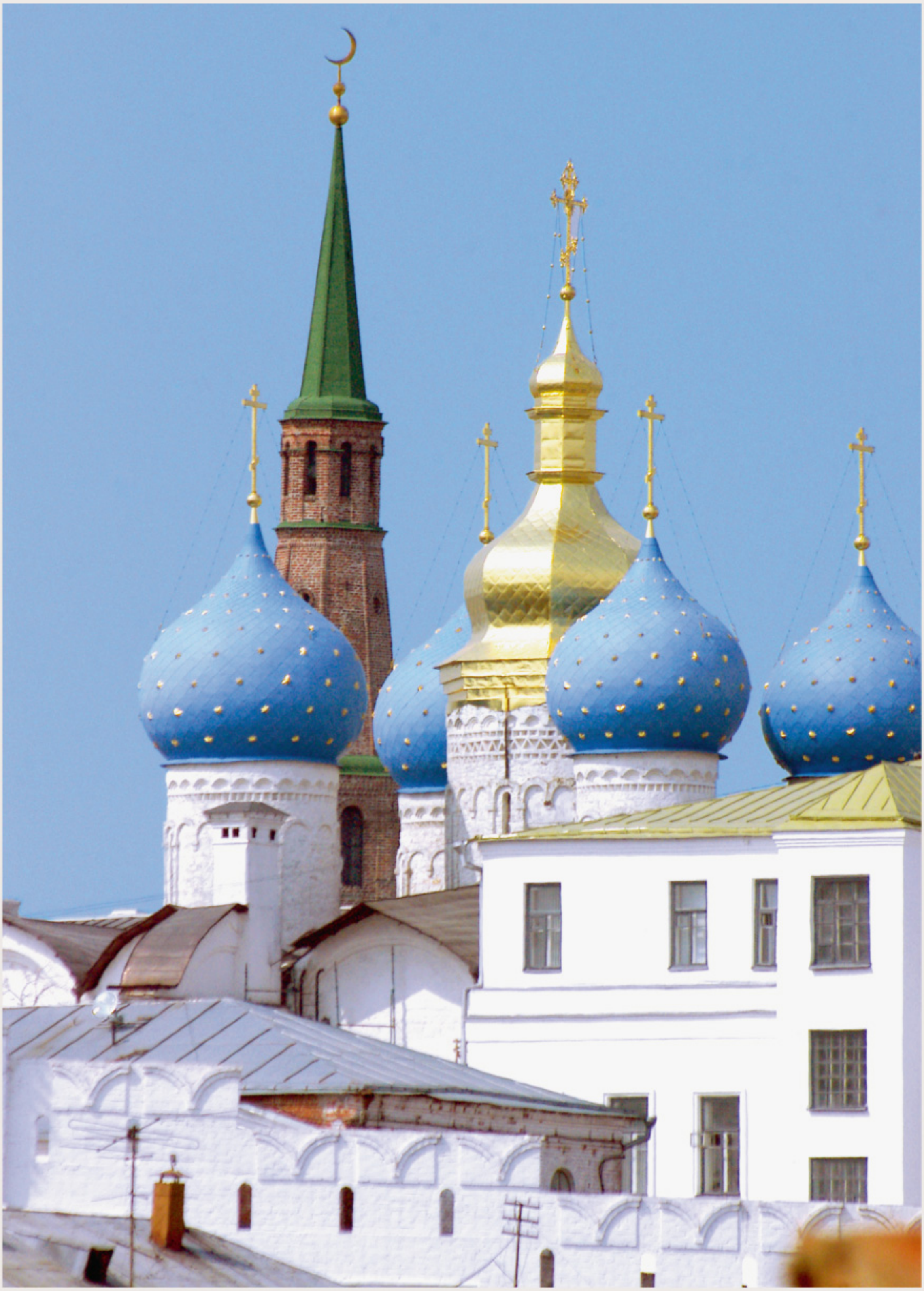


Фото Ф. Губаева

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

Главный редактор
Алешков Николай Петрович

№ 3(16) • 2013

Неси свой крест, храни любовь и дом.

Сагидаш ЗУЛКАРНАЕВА, стр. 129

ББК 94.3+я2(Тат)
А-79

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна — *первый секретарь правления Союза российских писателей;*
Ибрагимов Ильфак Мирзаевич — *главный редактор журнала «Чын мирас» («Наследие»);*
Ларионова Татьяна Петровна — *исполнительный директор республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);*
Миннахметов Ирек Джаудатович — *руководитель республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;*
Переверзин Иван Иванович — *председатель правления Международного сообщества писательских союзов.*

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Н. Н. Беляев — *член Союза российских писателей (Казань);*
Н. М. Валеев — *доктор филологических наук, член Союза писателей России (Казань);*
Н. А. Вердеревская — *кандидат филологических наук, член Союза российских писателей (Елабуга);*
В. Н. Гофман — *протоиерей, член Союза писателей России (Нижний Новгород);*
В. А. Ермаков — *заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России (Орёл);*
Д. Е. Кан — *член Союза писателей России (Новокуйбышевск);*
В. А. Клячин — *член Союза писателей СССР (Иваново);*
С. Д. Кузнечихин — *член Союза российских писателей (Красноярск);*
О. В. Кузьмичёва-Дробышевская — *член Союза российских писателей (Набережные Челны);*
С. Е. Михеенков — *член Союза писателей России (Таруса);*
Н. В. Переяслов — *секретарь Союза писателей России (Москва);*
Н. Б. Рачков — *член Союза писателей России (Тосно, Ленинградская обл.);*
Р. Ш. Сарчин — *кандидат филологических наук, член Союза российских писателей (Казань);*
В. С. Суворов — *доктор педагогических наук (Набережные Челны);*
М. А. Чванов — *президент Международного Аксаковского фонда, член Союза писателей России (Уфа).*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ 16-00151 от 17 апреля 2009 г.
выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Республике Татарстан.

Заместители главного редактора — Александр Воронин, Вера Хамидуллина
Редактор-корректор — Ксения Ларина
Дизайнер-верстальщик — Виталий Павлов
Художник — Ольга Белова-Недовизий
Фото на обложке — Михаил Медведев

ISBN

Рисунок Ю. Свинина

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

СТИХИ О КАЗАНСКОМ КРЕМЛЕ

Я возвращаюсь утром из Москвы
на татарстанском поезде зелёном.
Уж позади и Волга, и мосты,
а впереди пред взором изумлённым...

Приветствую тебя, Казанский Кремль,
на взгорье белокаменное чудо,
республики моей оплот и крепь,
столетий гул доносится откуда!

Здесь хан и царь оспаривали трон.
И тот, и этот — в помыслах державных.
Но, кто кому сегодня подчинён,
не будем спорить — лучше жить на равных.

Татарин, друг, спаси тебя Аллах!
Есть родина у нас — не надо рая.
Не оказаться б только в дураках,
правителей достойных выбирая.

Как просто! И не надо усложнять,
друзья мои, тысячелетний опыт —
Казанскому Кремлю в веках сиять
на перепутьях Азии с Европой!

Продолжение темы на стр. 59

События и комментарии

СВИЯЖСК ВСТРЕЧАЛ ГОСТЕЙ УНИВЕРСИАДЫ

Республиканский фонд «Возрождение» за три года действительно возродил древний остров-град. И в этом мы смогли убедиться минувшим летом, побывав в Свияжске на различных мероприятиях. И встречал нас на острове колокольный звон.

Мы остановили машину на автопарковке (по самому острову-граду передвигаться на автомобиле можно только со спецпропусками) именно в том момент, когда на колокольне Успенского монастыря зазвонили. Добрый знак!

Первым событием, которое никак нельзя было пропустить, стало открытие театрального сезона! Оно случилось именно тогда, когда все казанские театры очередной сезон уже закрыли — в конце июня. К этому событию причастен один из самых известных актёров России — Евгений Миронов, художественный руководитель Московского театра Наций, который на президентский грант проводит по стране ежегодный фестиваль театров малых городов России, в рамках которого — семинары-лаборатории молодой режиссуры и современной драматургии. За два года в таких семинарах приняли участие около двадцати периферийных театров. В прошлом году лаборатории прошли в Магнитогорске (Челябинская область), Минусинске (Красноярский край), Майкопе (Краснодарский край), Сарове (Нижегородская область). И вот этим летом в Свияжске высадился московский десант во главе с помощником художественного руководителя Театра наций Еленой Носовой:

— В рамках творческой лаборатории Театр наций проводит репетиции новых пьес, организует выезды критиков, мастер-классы столичных педагогов, активно привлекая новые творческие силы к работе на сценах «малой» театральной России,— рассказала она журналистам.— Эскизы созданных спектаклей при дальнейшей доработке зачастую пополняют репертуар театров. Надеемся, так будет и в Татарстане. Вместе с молодыми режиссёрами с нами приехали и педагоги, которые провели с молодыми актёрами мастер-классы по сценической речи и движению.

Известно, что треть театров страны находится в малых городах. Да и самые модные ныне драматурги — Дурненков, Курочкин, Сигарёв — тоже не москвичи. Познакомить молодых (и не очень) московских режиссёров с актёрами драмтеатров даже не областных центров, а районных, одновременно дать возможность актёрам поработать хотя бы пять репетиций со столичными постановщиками над пьесами современных российских и зарубежных авторов — эта идея Евгения Миронова (знаменитый актёр и сам родился в посёлке Светлый Саратовской области!) в нашем Свияжске нашла достойное воплощение.

За пять дней работы семинара-лаборатории прошли мастер-классы по сценической речи и сценическому движению, а главное — репетиции трёх спектаклей по пьесам «Детектор лжи» и «Чёрное молоко» нижнетагильского драматурга Василия Сигарёва а также чешской «Детской» Яна Антонина Питински. Спектакли показывали в историко-архитектурном и художественном музее «Остров-град Свияжск» для местных жителей и гостей.

Публика собралась, как можно было понять, довольно искушённая, театральная. Не так много, человек шестьдесят. Во дворе музея было довольно жарко, но мы спрятались в тени. «Детская» в исполнении молодых актёров набережночелнинского театра «Мастеровые», как показалось, не очень подходящая пьеса для уличных представлений. Всё же на территории исторического музея, наверное, лучше было бы играть что-то фарсово-балаганное, хорошее-скоморошее, а не семейную драму о том, как всё плохо, когда родители не понимают своих детей. В результате взрослая дочь пять лет не выходит из детской, не разговаривает с сестрой, отцом и матерью, а сын сбегает из армии... В финале все трое погибают. А муж и жена (в ярком исполнении Владимира Радостева и Ольги Астафьевой) продолжают себе жить.

Конечно, я несколько утрирую содержание. Стоит отметить, молодые актёры из Набережных Челнов — Александра Комлева (Мария) и Юлия Советникова (Лида), Камиль Иблеев (Иржи) и Михаил Шаповал (Виктор) действительно старались, эмоционально затрачивались и в результате смотрелись на фоне музейной стены (сцены) очень неплохо. Всё же несоответствие жанра пьесы и той обстановки, где разыгрывалось действо, мешало воспринимать трагичность сюжета. Возможно, дома, у себя в уютном театральном зале челнинцы сыграют эту «чёрную» камерную драму лучше. Если руководство театра «Мастеровые» решит включить «Детскую» в репертуар. Станет ли этот эскиз полноценным спектаклем, и увидят ли его челнинские театралы? На этот вопрос предложили ответить зрителям. На выходе с театральной площадки гостей ждал выбор: «Забыть как страшный сон», «Оставить как есть» или «Продолжить работу». Большинство проголосовавших посоветовали «Мастеровым» оставить всё, как есть, окончательный же вердикт — быть или не быть новой постановке — вынесет руководство театра.

Режиссёр спектакля, москвич Павел Зобнин после спектакля признался, что по условиям лаборатории он не мог выбирать пьесу, потом очень хорошо отозвался о челнинских артистах, отметил их высокий профессиональный уровень, хотя и посетовал, что пяти репетиций для настоящей работы, конечно, мало. Впрочем, я бы не

стал относить Набережные Челны к числу малых городов, да и «Мастеровые» отнюдь не провинциальный театр, хотя носит муниципальный статус.

Также в лаборатории участвовали молодые актёры Буинского театра драмы, с которыми режиссёр Родион Букаев работал над комедией Василия Сигарёва «Детектор лжи». Фарсовая природа пьесы, фантасмагоричность происходящего — куда более подходили для площадного представления. Токарь Боря по пьяни спрятал всю получку... и с похмелья не может вспомнить, где сделал заначку. Его жена, санитарка Надя, вызвала (по объявлению в газете) гипнотизёра. Может, поможет вспомнить всё... А тот настолько глубоко ввёл клиентов в транс, что супруги узнали друг про друга такое! Надя в результате узнала, что у мужа есть любовница. А Боря даже хотел убить жену, когда открылось, что та до него уже была замужем, хотя говорила, что у неё было всего один разок... Оказывается, о двадцати других она забыла. Пришлось гипнотизёру снова вводить супругов в глубокий сон и внушить, чтобы обо всём, что было сегодня, они позабыли. Лишь вспомнили, как они когда-то любили друг друга. Одним словом, любите и будьте счастливы!

Артисты Альметьевского драмтеатра репетировали пьесу Василия Сигарёва «Чёрное молоко» с режиссёром Георгием Цнобиладзе. Пьеса-метафора о провинциальном мраке, гротескные персонажи взяты из сегодняшней российской глубинки. На станции Моховое супруги-коммерсанты сбагрили местным жителям партию тостеров, которые тем в посёлке на фиг не нужны. Но впарили грамотно, развели лохов «на халяву». Распознав «обман», моховцы попытаются вернуть тостеры, но не тут-то было. В дорогу коммерсантам-коробейникам бедные жители дали банку парного молока... И текст в пьесе вполне площадной, есть и нецензурные выражения. В общем, тоже «чернуха», но узнаваемо и талантливо написанная. И увлечённо сыгранная артистами из нефтяной столицы республики. Тоже, кстати, немалый городок.

Между спектаклями зрители имели возможность познакомиться с экспозицией музея. Мне особенно приглянулся экспонат, для которого выделили целый выставочный зал. Это детализированный макет старинного города размером 2,25х130 м. Свияжск воссоздан по писцовой книге 1565 года — аналогу налоговой описи, в которой точно указаны местоположение дворов и даны описания домов. Словно с высоты птичьего полёта, на модели можно разглядеть храмы, швартующиеся к причалу струги (меньше спичечной коробки), крохотные фигурки людей, коней и коров. В некоторых зданиях подсвечены окна. И создаётся удивительная картина реального живого города! Весь он деревянный, ухоженный и уютный, так и хочется в нём поселиться.

Автором проекта выступил казанский архитектор и известный краевед Сергей Саначин. Вместе с ним над макетом два месяца трудились более десятка специалистов. И самое удивительное — основным материалом для миниатюрного городка послужили обыкновенные зубочистки. А получился настоящий шедевр! Вот только сфотографировать это чудо довольно трудно — отсвечивает стеклянный короб, под которым спрятана модель Свияжска XVI столетия.

В соседнем зале — история более поздняя. И более печальная. После революции на территории Свияжского монастыря, как известно, был лагерь. Осуждённых по политическим статьям здесь погибло немало. Их фотографии смотрят на нас со стен. Обычные лица, крестьянские, не контрреволюционные. Вдоль стен сбиты грубые нары, на них расположены реальные артефакты ГУЛАГовской эпохи, найденные на нынешнем острове (до образования Куйбышевского водохранилища Свияжск не был островом, а делился на верхнюю часть и нижнюю, куда более обширную)... В общем,

ничего уникального. Рядовое зверство, ставшее обыденностью. Но впечатление производит не менее сильное, чем только что увиденный спектакль.

История древнего города уникальна. В первый раз молодой московский царь Иван (тогда ещё не Грозный) осадил Казань 12 февраля 1550 года. И через 11 дней вынужден был отступить. Возвращаясь домой, остановил своё опозоренное и обескровленное войско отдохнуть на правом берегу реки Свияга. Тут Ивану и показали Круглую гору, поросшую лесом, которая возвышалась над Волгой. Стратегическая высота давала возможность контролировать сухопутные пути и переправы, была выгодным военным плацдармом для нового похода на Казань.

Иоанн IV Васильевич поручил дьяку Ивану Выродкову составить чертежи крепости. За зиму срубили город со стенами, башнями и церквами — но не в Свияжске (казанцы бы не дали этого сделать у себя под носом), а в угрюмых Угличских лесах, вотчине бояр Ушатых. После пробной сборки срубы пометили и разобрали, и вот в весну 1551 года «крепость-конструктор» погрузили на суда и сплавили вниз по Волге.

Иван-город заложили 24 мая 1551 года. Вершину горы спешно очистили от леса, и тут оказалось, что привезённых брёвен хватит лишь на половину крепостной стены. Пришлось остальное рубить из местного материала. Небывалый случай в истории мирового зодчества — за четыре недели на Круглой горе, в устье рек Свияга и Щука, вырос целый город с дубовыми крепостными стенами и башнями, церквами и колокольнями. Имя ему дали сначала в честь основателя Ивана, позже в летописях именовали «Новый город Свияжский», в просторечии же закрепился короткий его вариант — гидроним. Так чаще всего и нарекали на Руси города — по названиям рек Москва, Казань, Самара и так далее.

Казанцы хватились, когда уже было поздно. В Свияжске уже через месяц стоял военный гарнизон, селились торговые люди и ремесленники. А через год к Иван-граду подошло войско Ивана Грозного — осаду Казани теперь повели долговременно и обдуманно. Было откуда подвозить припасы, куда отправлять раненых и больных, в Свияжске и сам царь отдыхал от трудов ратных. В октябре 1552-го Казань пала...

А Свияжск превратился в административный и торговый центр всего огромного края (покуда Казань отстраивали заново), затем стал тихим уездным городом Казанской губернии, которому императрица Екатерина Великая утвердила в 1781 году

Фото Михаила Козловского

красивый герб — город, плывущий на корабле, а под ним рыбы. А позже прославился как место паломничества, поскольку Свияжский Успенский монастырь входил в семёрку известнейших обителей, коих по России было свыше тыщи!

Впрочем, нынешних туристов, особенно иностранных, в Свияжске больше всего интересует история пребывания Льва Троцкого, военного комиссара Советской республики, именно отсюда 95 лет назад большевики начинали осаду и штурм Казани, занятой белочехами, чтобы отбить «золотой запас» России. При этом обязательно вспоминается, будто при Троцком в Свияжске впервые поставили памятник Иуде Искариоту, перед тем расстреляв настоятеля Успенского монастыря Амвросия. Расстреляли и монахов, и монашек, и каждого десятого красноармейца, что бежали с поля боя (децимации Троцкого применяли ещё в Древнем Риме).

После гражданской войны в свияжском монастыре, как и во многих других обителях, устроили лагерь ГУЛАГ. А после их расформирования налаженную инфраструктуру приспособили под содержание психбольных. Свияжск угасал. В 1956 году с разливом Куйбышевского водохранилища большая часть города ушла под воду, а Круглая гора стала островом, отрезанным от железнодорожной станции Свияжск. Там образовался посёлок Нижние Вязовые. А остров Свияжск официально стал селом...

Через неделю театральный сезон продолжили гастроли Ижевского театра-студии «Птицы». Однако основную публику больше привлёк концерт II Международного фестиваля «Музыка веры». 29 июня в только что открытом после реставрации храме «Всех скорбящих радости» (ещё не освящённом, а потому доступном для светских мероприятий) звучали древние хоровые распевы, каноны православного богослужения, духовные произведения Бортнянского, Рахманинова, Шнитке. Сам фестиваль приурочен к «Культурной универсиаде» и потом тот же концерт повторили в Казанском Кремле. Но то, что «Музыка веры» стартовала в возрождающемся Свияжске — знаменательно.

— Остров-град — один из важнейших центров православной культуры Татарстана,— сказал художественный руководитель фестиваля «Музыка веры» Игорь Зисер.— Именно поэтому концерт, посвящённый православной музыке, мы традиционно проводим здесь. Нами разработана интересная программа, представляющая многовековую историю развития православной христианской музыки. В концерте будут представлены и греческая, и византийская, и болгарская, и русская школы — каждая со своими особенностями, с самобытной манерой исполнения.

В концерте приняли участие свыше 120 исполнителей — артисты Государственного камерного хора РТ и камерного хора «Преображение» (Казань), Лаишевский ансамбль духовной музыки «Благовест» и детский хор «Солнечный ветер» из Ульяновска, а также певчие Свияжского Успенского мужского монастыря и Крестовоздвиженской церкви Казанского Богородицкого монастыря.

Самый большой храм Свияжска (38х28 м) строился с 1886 по 1906 год по проекту архитектора Ф. Малиновского в популярном тогда неовизантийском стиле. И в высоту он лишь на метр ниже колокольни Успенского монастыря, поэтому акустика в храме просто бесподобная. Особенно чисто звучали в вышине под сводами детские голоса.

Именно этот величавый собор из красного кирпича с серебристыми куполами виден в первую очередь, когда паломники приближаются к Свияжску на автомобиле или теплоходе. Вблизи же это грандиозное сооружение не давит своими размерами, многоярусная форма в виде креста скрадывает объёмы и кажется, что храм легко возносится в небо. Два придела храма были освящены в честь пророчицы Анны

и святого преподобного Серафима Саровского, который был как раз канонизирован в 1903 году. Возможно, это один из первых приделов, восславивших великого батюшку нашего!

По завершении концерта мы обошли вокруг собора и вдруг наткнулись на выцветшие от времени гробы. Где они хранились столько лет? И для чего их вынесли на свет? Во дворе монастыря эти пустые «домовины» производили на гостей фестиваля двоякое впечатление. Одни, конечно, пугались. Другие вспоминали о том, к чему звала нас только что духовная «Музыка веры». Да, наша жизнь коротка, но это не значит, что не нужно думать о вечном, высоком, непреходящем.

В это время с колокольни монастыря раздался праздничный благовест в исполнении звонаря Дмитрия Панькина. Малиновый звон разносился над островом-градом и был слышен, должно быть, даже на другом берегу реки, где виднелся Макарьевский монастырь.

Сергей Тимофеев

ПУШКИНСКИЙ ДЕНЬ В КАЗАНИ

День русского языка, который теперь мы отмечаем 6 июня в день рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, в Казани начался с раннего утра.

Президент Татарстана Рустам Минниханов возложил цветы к памятнику поэта. В мероприятии, посвящённом Дню русского языка, приняли участие председатель Госсовета РТ Фарид Мухаметшин, министр культуры республики Айрат Сибагатуллин, народные поэты Татарстана Ренат Харис, Равиль Файзуллин и Роберт Миннуллин, представители творческой интеллигенции. А продолжили праздновать день рождения Александра Сергеевича в музее его друга — поэта Евгения Боратынского. Там прошёл традиционный сбор литературной студии «Белая ворона».

Кстати, её создатель и бессменный руководитель, поэт Наиля Ахунова накануне сняла свою кандидатуру на соискание Державинской премии. И мотивировала это тем, что за книгу «Ветер с Казанки» она недавно получила республиканскую премию «Книга года-2011». Ранее свою кандидатуру также сняла заместитель главного редактора литературного журнала «Аргамак. Татарстан» Вера Хамидуллина. Напомним, её книга «В поисках Шамбалы» была удостоена Гран-при V Берлинского международного литературного конкурса «Лучшая книга-2012».

Поэтому на заседании русской секции Союза писателей РТ, приуроченному к Пушкинскому дню и предстоящему Державинскому празднику поэзии, в списке для тайного голосования остались лишь три кандидатуры: Михаил Тузов с книгой «Грачи в ночи», Алексей Остудин («Эффект красных глаз») и Айрат Бик-Булатов со сборником поэм «Ван Гог: Дилогия». В результате голосования победил член Союза российских писателей Михаил Тузов, с чем мы его от души поздравляем! Добавим, что Алексей Остудин с этим сборником стихов в прошлом году победил на Волошинском фестивале, так что премиями он не обижен.

По традиции церемония награждения проходит в день рождения Гавриила Романовича Державина, 14 июля, на его родине — в Лаишево. Однако в этом году, в связи с проведением Универсиады в Казани, Державинский праздник поэзии решили провести двумя неделями позже. Там и вручали премию Михаилу Тузову.

Возвращаясь к Пушкинскому дню, новоиспечённый лауреат выступил у памятника Александру Сергеевичу на улице Пушкина на празднике, посвящённом 214-й

годовщине со дня рождения великого русского поэта, который в этом году посвятили его непревзойдённым сказкам. Дети читали стихи на разных языках мира, зрители увидели и кота учёного, и лешего, и Русалку, одним словом, побывали у Лукоморья!

А позже в Доме-музее Василия Аксёнова в рамках цикла «Казанский трамвай» прошёл литературно-музыкальный вечер, посвящённый дню рождения Пушкина, на котором казанские поэты читали уже свои стихи. И тут не обошлось без Михаила Тузова — поэт впервые прочёл на публике свою поэму, посвящённую гибели царской семьи 95 лет тому назад.

Большая праздничная программа Пушкинского дня завершалась в малом зале Татарского академического театра имени Г. Камала, где поздно вечером артисты московского театра «Школа драматического искусства» сыграли «Пушкинский утренник. Уроки Анатолия Васильева». Поставленный легендарным режиссёром и сохраняемый его учениками спектакль стал почётным гостем XI Международного театрального фестиваля тюрских народов «Науруз», который в те дни проходил в Казани. И такого необычного и точного звучания пушкинского слова казанцы, думаю, ещё не слышали.

Сергей Тимофеев

В ТАРХАНЫ, К ЛЕРМОНТОВУ

6 июля 2013 года в старинном селе Лермонтово-Тарханы в Пензенской области прошёл 42-й Всероссийский Лермонтовский праздник, по традиции собравший многотысячную читательскую аудиторию. На праздник приехали заместитель председателя правительства Пензенской области А. В. Мальцев, начальник управления культуры Пензенской области Е. А. Шилов, много именитых гостей.

В рамках праздника состоялась церемония награждения лауреатов Всероссийской Лермонтовской премии. Признаюсь, что известие о присуждении мне Всероссийской Лермонтовской премии в номинации «Молодое дарование» стало для меня неожиданностью, конечно, очень приятной. Несмотря на то, что я знал о выдвижении моей кандидатуры. Но я также принимал во внимание, что процедура присуждения этой премии весьма многоступенчата. Решение о присуждении производится коллегиальным заседанием Управления культуры Пензенской области на основании предложений от Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы». То есть молодые претенденты на премию проходят двухступенчатый отбор: сначала — среди работников музея, потом — на заседании Управления культуры. Уже приехав в Лермонтово, я узнал, что лауреатом Лермонтовской премии этого года стал и известный писатель из Москвы Николай Переяслов. А ещё Всероссийская Лермонтовская премия в этом году была присуждена коллективу Пензенского областного драматического театра за проект «Наш Лермонтов».

Нынешний Всероссийский Лермонтовский праздник знаковый в том смысле, что является генеральной репетицией следующего, который состоится в год двухсотлетия Лермонтова. В этом году на празднике в Тарханах было немало известных и титулованных гостей: народные артисты России Андрей Соколов и Людмила Рюмина, заслуженный артист Украины Сергей Шеремет, лауреат международных музыкальных конкурсов, известный исполнитель романсов Евгений Южин, лауреат Государственной премии СССР, поэт Андрей Дементьев, поэты Юрий Кублановский, Марина Кудимова... Также на празднике присутствовал абсолютный тёзка великого поэта —

советник министра по культуре РФ, председатель «Национального центра Середниково» Михаил Юрьевич Лермонтов.

Про музей Лермонтова в Тарханах не зря говорят, что это один из лучших музеев страны. Тарханы — не просто музей, но уникальный историко-культурный памятник федерального значения. Благодаря достойной государственной финансовой поддержке, помноженной на подвижничество работников музея, сохраняется память о том уникальном времени, когда в Тарханах рос, жил и творил великий русский поэт. На территории музея, насчитывающей 196 га, были сохранены и восстановлены неповторимые экспозиции — помещичья усадьба с барским домом, людской избой и домом ключника, усадебная церковь святой Марии Египетской и многое, многое другое. В ближайшее время в Лермонтово планируется строительство новой гостиницы в рамках подготовки к 200-летию поэта. Конечно, вся эта работа была бы немыслима без директора музея. Я говорю о талантливом руководителе, заслуженном работнике культуры РСФСР Тамаре Михайловне Мельниковой. Своим рачительным отношением к дому-усадьбе, как к живому и современному делу жизни, она напоминает бабушку Михаила Лермонтова — Елизавету Алексеевну Арсеньеву. К слову, Тамара Михайловна провела все Лермонтовские праздники, начиная с первого и по нынешний 42-ой...

Лермонтово за всю свою немалую историю носило несколько названий. К примеру, впервые было названо Долгоруково — по имени первого владельца и основателя — отставного подпоручика Преображенского полка, князя Якова Петровича Долгорукова. Далее было Никольское (по престолу сельской церкви святителя Николая Чудотворца), и, нам наиболее известное, Тарханы — по названии местного промысла крестьян: они скупали ходовые товары (мёд, воск, сало, овчины) и продавили их по торгам и на ярмарках — «тарханили». А ещё меня приятно удивил тот факт, что Лермонтовские праздники в Тарханах — это литературное мероприятие, собирающее большое количество народа. За один праздничный день музей-заповедник посетило

без малого 15 000 почитателей русского гения. И это ещё не предел. Традиционно приезжают люди из Москвы, Санкт-Петербурга, Пензы, близлежащих регионов...

Зелёный театр, в котором проходит чествование лауреатов и выступление гостей, был в плотном окружении публики, чутко внимавшей происходящему на сцене. Девизом праздника стала строка Лермонтова из написанного им в юношестве романа «Вадим»: «Русский народ, этот сторукий исполин...» Аплодисменты «сторукого исполина» были впечатляющими! Как впечатляющим было и гостеприимство сотрудников музея, с которым встретили нас, гостей и лауреатов. Благодаря стараниям Тамары Михайловны Мельниковой на территории музея не только сохранён житейский уклад XIX столетия, возрождена крестьянская и дворянская кухня того времени. Гости праздника могли отведать дворянской ботвиньи, побаловать себя крестьянским наливашником или славянским сбитнем.

И, конечно, не могу не сказать, собственно, о главном — о Лермонтове. В моём понимании он — само воплощение русской музыки, звучащей в космосе. Он едва ли не первым рассказал миру о космосе на русском языке. Но и как земная личность Лермонтов уникален. На Кавказе он, офицер, командовал сотней солдат, и современные бойцы спецназа говорят, что по тем задачам, которые ставились перед сотней Лермонтова, лермонтовскую сотню можно приравнять к современному спецназу. Это был отважнейший человек — воин, который в бою специально надевал алую рубаху, чтобы привлечь к себе внимание горцев. Не прятался от опасности, а искал её. А ещё Лермонтов — прекрасный художник, в Тарханах есть его замечательные картины. Михаил Юрьевич был гениален в самых разных сферах человеческой деятельности. Про таких, как он, можно сказать словами Достоевского: «Широк русский человек!»

Сергей Бударин,
лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова

ЖУРНАЛЫ В ГОСТИ К НАМ!

Круглый стол «Аргамака» в Казани

В погожий майский день в беспокойной перед Универсиадой Казани Национальная библиотека РТ принимала дорогих гостей из многих уголков нашей страны — поэтов, прозаиков, редакторов, литературных сотрудников региональных журналов для проведения Круглого стола журнала «Аргамак. Татарстан» в рамках республиканского фестиваля СМИ «Бэллур Калэм» («Хрустальное перо»). Пожаловало много именитых гостей, друзей «Аргамака»: здесь была и Диана Кан, главный редактор новокуйбышевского литературно-художественного и культурно-просветительского альманаха для семейного чтения «Отчий дом», и Сергей Кузнечихин, зам. главного редактора красноярского журнала «День и ночь», и Игорь Кузнецов, главный редактор альманаха СРП «Лёд и пламень», и Михаил Зайцев, зав. отделом поэзии волгоградского литературного журнала «Отчий край», и Валерий Клячин, главный редактор ивановского интернет-журнала «Русский крест». Были здесь и наши земляки-татарстанцы: Разиль Валеев, председатель Комитета по культуре и межнациональным отношениям Госсовета РТ, Юрий Балашов, главный редактор журнала «Казань», Рамиль Сарчин, критик, литературовед, Наиль Валеев, член Союза писателей России, доктор филологических наук, депутат Государственного Совета РТ и другие почётные гости из Казани и Набережных Челнов.

Встреча началась с песни Ольги Кузьмичёвой-Дробышевской, которая настроила присутствующих на приятный лад и неформальное общение. После этого слово взял

главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан» Николай Алешков. Его выступление началось словами «Россия сильна провинцией». Это и обозначило дальнейших ход разговора о судьбе региональных изданий, путях выхода из сложившихся обстоятельств и перспективах русской литературы. Николай Алешков поприветствовал гостей, рассказал об «Аргамаке» и прочёл стихотворение «Уроки русского», тем самым задав участникам тон выступлений. Затем Сергей Кузнечихин рассказал о журнале «День и ночь», который в нынешнем году празднует своё 20-летие. Он рассуждал о провинциальности региональных изданий, одарённости и относительности восприятия столичных и местных авторов на примере публикаций в журнале «День и ночь». Завершилось его выступление чтением замечательных стихов о русском языке. Разговор поддержал Юрий Балашов, главный редактор журнала «Казань», который порадовался за «Аргамак» и пожелал журналу долгой литературной жизни, ведь именно здесь рождается синтез культур, здесь слово оживает и начинает работать на исцеление и воспитание души, здесь рождается пространство, свободное от политики и глобализации. Он рассказал от том, как развивалась журналистика в регионе и выделил три ключевые составляющие любого издания — содержание, авторы, распространение. Ну и, конечно, общественная идея, которая снимает налёт провинциальности. Но и провинциальность — это тоже неплохо, это почва, традиции, национальная культура. Продолжил тему Игорь Кузнецов, редактор альманаха Союза российских писателей «Лёд и пламень». Он рассказал о своём альманахе и обозначил, что он провинциальный, хотя и базируется в Москве. Также он обозначил проблему распространения и корпоративных возможностей журналов, их узнаваемости. Он предложил сотрудничать и в дальнейшем заняться проблемой книгораспространения, что активно было поддержано участниками Круглого стола. Следующим выступил Разиль Валеев, который тоже внёс свою лепту в создание «Аргамака». Он высказался в поддержку татарстанских журналов и пообещал всячески поддерживать литературные издания в республике, ведь это оплот культуры и традиций братских народов нашей родины.

После этих слов ведущий вечера, Александр Воронин, зам. редактора журнала «Аргамак», сообщил гостям приятную новость: из Берлина пришли почётные награды. В берлинском конкурсе «Книга года» серебро в номинации «Альманахи» досталось «Аргамаку», а бронзу в номинации «Лучший поэтический сборник» получил Николай Алешков и его книга «От сердца к сердцу». Разиль Валеев торжественно вручил почётные награды, после чего слово было предоставлено Михаилу Зайцеву, редактору отдела поэзии волгоградского журнала «Отчий край». Все присутствующие порадовались за волгоградских писателей — их положительный опыт книгоиздательства следует перенять всем регионам. Рассказал Михаил Фёдорович и о своём журнале, о том, как пришлось воевать за место под солнцем. И снова провинция спасла

издание, и оно продолжает процветать благодаря голосам регионов. Поэт завершил своё выступление чтением стихов о родине и Волге. Продолжила эту тему Диана Кан, главный редактор новокуйбышевского литературно-художественного и культурно-просветительского альманаха для семейного чтения «Отчий дом», начав своё выступление со «Сказа о Волге». Она отметила, что образ Волги является собирательным для всех жителей Поволжья. Но у каждого региона свои ориентиры и условия развития литературных журналов. Она отметила, что поэты сейчас становятся известными по публикациям в литературных журналах, и узнаваемость не зависит от количества изданных книг, национальности, вероисповедания. Русская литература — это вещь соборная, и главное, чтобы любовь к России была искренней. И только когда власть поймём, что оплот страны — это русская литература, тогда и можно ждать положительных изменений в этой области. После Дианы Кан слово взял Наиль Валеев, депутат Госсовета РТ, доктор филологических наук. Он обозначил, что нефть не спасёт республику, если мы, татарстанцы, не спасём культурное наследие. Он выразил благодарность всем тем, кто занимается нравственным воспитанием общества, и пообещал всячески поддерживать и поощрять инициативы литераторов. После него выступил Валерий Клячин, главный редактор ивановского интернет-журнала «Русский крест». Он предложил создать единый общероссийский литературный интернет-журнал, который объединил бы всю русскую литературу на просторах Интернета и наладил бы литературное взаимодействие между регионами. Эта идея была поддержана присутствующими, и уже сейчас ведётся работа по созданию единого сетевого литературного поля «Русский крест». Завершил встречу Николай Фёдоров, челнинский руководитель ансамбля народных инструментов «Наигрыш». Он поблагодарил всех присутствующих за реализацию идеи гуманизма, сохранение культурных ценностей и смелость взглядов.

Круглый стол удался. Были споры, обсуждения, восторги и радости. Но главное — достигнуты общие решения. И мы надеемся, что взаимодействие и творческая перекличка литературных журналов дадут благодатную почву для развития русской литературы во всех уголках нашей большой страны.

Ксения ЛАРИНА

ТРИ ИПОСТАСИ И ТРИ ИДЕИ ДИАСА ВАЛЕЕВА

Юбилей известного казанского прозаика и драматурга, философа и мыслителя, ушедшего из жизни в октябре 2010-го, 1 июля Казанская городская организация Татарстанского отделения Союза российских писателей отметила необычной акцией — полуденным восхождением на холм Диаса.

Это место у самого начала моста «Миллениум» когда-то сам Диас Валеев указал для своего необычного погребения — он просил предать его прах огню и развеять над Казанкой... Родные и близкие так и сделали. А теперь пригласили всех желающих вспомнить писателя именно на том безымянном взгорке. И так, как сам он просил: скромным чаепитием и неторопливой беседой...

Напомним, Валеев Диас Назихович родился 1 июля 1938 года в селе Казанбаш Арского района Татарской АССР. Окончил геологический факультет Казанского университета (1962), Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького (1975, Москва). В составе геологических партий работал в Удмуртии, Кировской области, на Южном Урале, в Горной Шории, Хабаровском крае. Вернув-

шись в Казань, с 1966 по 1972 годы работал в газете «Комсомолец Татарии». Первые рассказы опубликовал в 1959 году.

Настоящую известность Диасу Валееву принесли театральные постановки по его пьесам, которые с 1972 года широко ставились в СССР. Наибольший успех выпал на долю драмы «Дарю тебе жизнь», которая шла в Казанском Большом драматическом театре имени В. И. Качалова, Московском драматическом театре имени М. Н. Ермоловой, а также более чем в 50 театрах страны и была удостоена Государственной премии ТАССР имени Г. Тукая (1976). Пьесы «Диалоги» (1976), «Пророк и чёрт» (1977), «1887» (1979), «Ищу человека» (1985) и другие шли на профессиональных сценах Казани, Москвы, Ташкента, Минска и других городов. Диас Валеев — трижды лауреат Всероссийского и Всесоюзного конкурсов национальной драматургии (1973, 1979, 1981).

За полвека литературной деятельности писателем созданы десять пьес, повести и рассказы, эссе и публицистические статьи. Печатался он в центральных журналах «Молодая гвардия», «Смена», «Сельская молодёжь». Автор более тридцати книг. Произведения Диаса Валеева переведены на белорусский, украинский, чешский, азербайджанский и другие языки.

Но главным делом своей жизни Диас Валеев считал проповедь новой религии Сверхбога, основы которой ему открылись в один миг — 16 ноября 1962 года, в полдень, в посёлке Одрабаш Кемеровской области (Горная Шория). С проповедью диасизма писатель впервые открыто выступил ровно через тридцать лет и сорок дней — с 26 декабря 1992 года по 16 января 1993-го в газете «Советская Татария» вышла серия статей Диаса Валеева. В окончательном виде учение вышло в трёхкнижии «Уверенность в Невидимом» (Татарское книжное издательство, 2002) и брошюрке «Сокровенное от Диаса» (сто параграфов). Суть учения такова: чтобы Сверхбог услышал нас, простых смертных, нужно вознести своё сознание от «микро-я» (бытового мышления) и «макро-ипостаси» (общественно-политического, классового и национального ограничения сознания) до «мега-уровня», богочеловека. То есть мыслить вечными, космическими категориями, жить общечеловеческими интересами.

Автор книги «Драма диасизма», председатель Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей, член правления Союза

театральных деятелей РТ Александр Воронин предложил собравшимся выступить с инициативой — поставить памятник Диасу Валееву на этом холме, прямо у въезда на мост «Миллениум», где развеян прах писателя. Тем более, там с советских времён остался бетонный постамент, который к Универсиаде городские власти предусмотрительно засадили кустами (поскольку сковырнуть тяжеленную тумбу строители так и не смогли). Поэт и художник, оформившая все последние книги Диаса Валеева, член Союза российских писателей Татьяна Пашагина показала собравшимся черновой эскиз памятника. А постамент будущего памятника она украсила короткой надписью «Dias».

Наверное, лучше всего такой памятник смог бы воплотить друг Диаса — художник и скульптор, целитель и мыслитель Ильдар Ханов, построивший в Старом Аракчино, на месте своего родного дома, Вселенский храм всех религий... Его идеи о всемирном духовном братстве были удивительно созвучны учению Диаса. Но Ильдар Мансавеевич в этом году ушёл из жизни.

Вдова Диаса Назиховича — искусствовед Дина Каримовна Валеева — поблагодарила всех, кто пришёл в знаменательный день на этот маленький праздник. И сообщила, что Министерство культуры РТ намерено официально праздновать юбилей Диаса Валеева осенью. На него приедут из США дочери писателя — Дина и Майя.

На холме Диаса о его творчестве говорили казанские философы — Фан Валишин, Камиль Хайруллин, Натан Солодухо, Владимир Курашов. Между ними даже возник довольно жаркий диспут о месте религиозно-философского учения Диаса Валеева в этом мире. Из спора неожиданно возникла общая идея: считать сегодняшнюю акцию первыми Валеевскими чтениями. И проводить их ежегодно, возможно, на этом холме.

А кинорежиссёр Александр Долбин предложил снять к осеннему юбилею документальный фильм о жизни, творчестве и философско-религиозных воззрениях Диаса Валеева, если собравшиеся помогут ему со сценарием.

Ирина Григорьева

«ЦЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА — САМООТДАЧА...», ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНОВ В МОСКВУ...

С Верой Хамидуллиной я знакома лет восемь: она кометой ворвалась в литературную жизнь нашего города, вошла и в мою жизненную орбиту добрым спутником. Мы подружились, и произошло то, чему сама Вера даёт ёмкое определение — «Солнцесплетение». А расшифровывается это так: у каждого есть «солнечное сплетение» — самая чуткая, самая незащищённая часть организма, в которой завязано всё: от нервов до души, от кровотока до жизненной силы. А если есть центр — Солнце, то существует и заданная система пространственных координат, система планет и звёзд, спутников и комет, и прочих «пришельцев», которые взаимодействуют, появляясь на путях-орбитах друг друга неслучайно. Как неслучаен, согласно теории чисел Пифагора, задающий жизненный путь человека день его рождения.

Так вот, путь к нынешнему дню рождения Веры, а родилась она 28 мая, начался ещё в марте, когда мы поехали в славный город Менделеевск на Пастернаковские чтения. Там познакомились с одним из внуков Бориса Леонидовича Пастернака, тоже Борисом — известным архитектором, инспектором по охране памятников, изучающим историю московского градостроения, человеком, остро переживающим современное, мягко говоря, не бережное отношение общества к облику Москвы и древних российских городов. А это разрушает культуру в целом: стираются в памяти поко-

лений традиции, забывается язык, умирают поэты, гибнет в океане коммерческой макулатуры хорошая литература.

И вспомнились стихи, и какой-то новый подтекст в них прозвучал:

... Седой молвой, ползущей исстари,
Ночной былиной камыша
Под Пермь, на бризе, в быстром бисере
Фонарной ряби Кама шла.
Волной захлёбываясь, на волос
От затопленья, за суда
Ныряла и светильней плавала
В лампаде камских вод звезда...

«Важно видеть путеводную звезду,— размышляли мы с Верой,— чтобы она оберегала путника, осознавшего свою планиду, от бед, от встреч с «чёрными дырами», позволяя реализовать то, чего требует или тихо просит душа. Но задача состоит ещё и в том, чтобы, отыскав звезду, донести её *до садка на трепещущих мокрых ладонях...*»

На обратном пути из Менделеевска Вера подарила мне художественно-поэтический альбом «В поисках Шамбалы», в котором картины Никаса Сафронова «дорисовываются» стихами Веры Хамидуллиной. Взяв альбом, я, как обычно, открыла его с последней страницы, чтобы, листая, разглядеть репродукции. Вот «Январское утро на дороге» — «Видимость — ноль целых ноль десятых», только вместо ёжика в тумане — автомобиль... Вот «Явление книги вечности» — «Согласно Экклезиасту»... Вот «Человек-стихия» — «Подметает горизонт...» А вот... меня вдруг поманила зыбкая, туманная «Тайна леса», зацепили строки «Стая листьев перелётных зимовать к земле летела. Но один, что посмелее, улетать не захотел...» Вглядываясь и вчитываясь, я услышала далёкую незнакомую мелодию. Задержалась на странице, рассмотрела паутинные облака лесного тумана, напоминающего зыбкие очертания людей (а может, это души?), прочитала до конца стихотворение. Закрыла книгу. Мелодия стихла. Я молчала, пытаясь поймать её отголоски. Но Вера нарушила тишину: не отрывая задумчивых глаз от весенней распутицы, начала читать из неопубликованного. И тут кокетливо-грустными нотами в душу упали слова: «Мои несоблазнённые мужчины... моё невыпадающее счастье... мои несостоявшиеся встречи...» Я тогда ещё не поняла, что именно в этот момент наши с Верой жизненные орбиты пересеклись в сотворчестве.

Когда мелодия «Баллады о зелёном листе» родилась и обрела поддержку гитарных аккордов, я позвонила Вере:

— Привет. У меня тут получается песня... Знаешь, в музыке есть свои законы формы... В общем, мне не хватает двух строк во втором куплете.

— Прочитай, где именно.

— После слов «и ответ не находил он...»

— Так это ж третий куплет, верней, строфа.

— Ну, да, в стихах — третья строфа, а в песне — второй куплет... Хочешь, напою.

— Нет, сейчас не надо. Перезвоню...

Не прошло и пяти минут, как Вера выдала две строки, в которых появился образ Христа. Я записала. А когда пропела куплет с новыми словами, ощутила бегущие по телу приятно-колкие мурашки, будто в моём «солнечном сплетении» произошёл микровзрыв, и его волны (или лучи) вырвались наружу, обжигая *«от гребёнки до ног»*.

Песня состоялась. Но — *«... не бойся, приросшая песнь! И куда порываться ещё нам?..»* — покоя не давали те, неопубликованные, романсовые строчки Веры. И я по-

просила прислать их по электронной почте. Ответа не было долго. Но однажды ночью, открыв «ящик», я обнаружила:

«Оля, ты не поверишь! Высылаю...»

Оказывается, на момент моей просьбы стихи были, по мнению автора, незавершёнными. И Вера, вновь погрузившись в слова, «дошлифовала» строки и дописала ещё одну строфу. Так, в сотворчестве, родился и романс «Мои несоблазнённые мужчины».

А день рождения подруги приближался, и я, записав песни на студии, оформила их на диск. Но неодолимое желание получить скорейший отклик автора стихов заставило меня отправить песни по электронной почте. Волновалась жутко, ведь Вера как-то проронила, что, сочиняя стихи, напевала свою мелодию: «А теперь любопытно сравнить».

На этот раз ответ не заставил себя долго ждать, в тот же день Вера позвонила:

— Ничего подобного себе не представляла, но после первого же прослушивания забыла всё, что звучало у меня в голове. Спасибо... А поехали в Москву? У меня двадцать девятого — вечер в Некрасовской библиотеке, презентуем и песни.

— Поехали...

Из города выехали после обеда. Первая тридцатиградусная жара воспринималась, как благо: из-за неуступчивой зимы весна нынче затянулась, и природа, и люди соскучились по настоящему теплу. Несмотря на хлопоты по подготовке к предстоящему событию, в результате которых «Тойота» Веры почти до потолка была загружена книгами и подарками, настроение оставалось солнечным. И дорога до Чувашской республики вела нас без особых сюрпризов, тем более что от Казани до Чебоксар мы поехали не по новой трассе, а по старой, тихой, чуть ли не «просёлочной»: там нас никто не обгонял, лишь изредка попадались встречные легковушки. На одном из лесистых участков дорогу перелетала птица такой красоты, что я готова была закричать от восторга, но побоялась напугать водителя, поэтому просто сказала:

— Вера, глянь, какая красавица!

А птица, будто услышав меня, взметнулась над дорогой, чуть пролетела вперёд, будто специально для того, чтобы мы могли её получше рассмотреть, и, снова снизившись, повернулась боком и «нырнула» в лес. Крылья её, широко раскрываясь в полёте, светились ультрамарином.

— Красотища,— отозвалась подруга.

— Это добрый знак. Подумать только: мы встретили Синюю Птицу. Помнишь песенку из детства? — и я запела:

— Если вдруг судьбе твоей случится
Заблудиться в небе Синей птицей –
Лети за ней...

— Вот мы за ней и едем,— засмеялась Вера.

Повернули на Нижний Новгород. Дорога испортилась: бесконечные летние ремонты заставили нас постоять в пробках да «потягаться» с неуступчивыми грузовиками, которые так и норовили зажать нашу машину в устрашающих тисках. Но им это не удавалось. На рискованных манёврах Вера приговаривала: «Мы, дерзкие блондинки, вам не дадим... слабинки!» — и, как только открывалось «окошко», шустро обходила одну машину за другой. И всё же движение замедлилось. Зато появилась возможность разглядывать облака и тучи, которые, в отличие от рычащих и дымящих «КамАЗов», приветливо перед нами расступались. Как в детстве, мы искали на небе различные фигурки. Вот слева пробежала лохматая болонка. Впереди

лежит длинный-длинный крокодил, который солнце так и не проглотил,— оно само уже спряталось за горизонт, окрасив небо радужными красками. Над крокодилом улыбкой Чеширского Кота завис весёлый смайлик. Справа снова появилась птица, только теперь уже серая большущая, а перед ней — в неуклюжей стойке — дракон. Мы начали наблюдать за странной парой. Сначала птица дразнила дракона, и он, явно сердясь, чернел. Потом она, решив, наверное, задобрить чудище, стала к нему приближаться, и дракон от счастья начал светлеть. Увидев перемены, птица шире раскрыла крылья и поднялась выше, при этом цвет её и облик постепенно менялись: она лиловела и тихонько таяла, вытягивая шею к драконьей морде — вот-вот поцелует. И дракон, заворожённый медленным танцем, тоже потянулся к красавице, становясь под влияньем птичьих чар всё пушистей и белей. Но она, так и не поцеловав его, вспыхнула розовым светом и почти совсем растворилась в небе — улетела, только всполохи перьев закружились над поражённым драконом. И он, обезумев от отчаянья, упал на спину, подняв хвост и лапы.

— Неужели умер? — изумилась я.

— Сдался,— резко ответила Вера...

... И было темно. И это был пруд
И волны.— И птиц из породы люблю вас,
казалось, скорей умертвят, чем умрут,
крикливые чёрные крепкие клювы...

В Нижний приехали в полночь. Переночевали в гостинице. А с утра — на прогулку. Сначала катались по городу. Вера рассказывала, как в детстве с друзьями кувыркалась на крутых горках под стенами Древнего Кремля: «И эти страшные кручи нас не пугали, а лишь вызывали азарт и восторг!» Как бегала за сладкими булочками на «Горьковский Арбат». Как любила ночами сидеть на крыше спортивной школы-интерната и наблюдать за звёздами; а для этого надо было пролезть через форточку, рискуя сорваться — палата «юных легкоатлеток» располагалась на четвёртом этаже,— подняться по шатающейся лестнице у трубы котельной: «Зато лучше всякого планетария! Рядом — сонные голуби...» Как сдавала километровые кроссы. Как дерзила учительнице пения за то, что та часто кричала на непоседливых девчат, обзывая «хабалками», и не верила в музыкальные способности ученицы. И однажды Вера отомстила, вместо урочной «Запах тополиный и сиреневый» спев: «Сигарета гаснет что-то, что-то меня так тревожит, или проклинает кто-то, или вспоминает, может...» Как сама первый раз бросила курить «Казбек» в третьем классе. Как мыла полы в библиотеке, чтобы библиотекарь Татьяна Фёдоровна дала на выходные нелегально выбранные книги, при этом она всегда строго говорила: «В понедельник утром верни Светлова и Мопассана обязательно». Как с подругами на чердаке, при свечах, вслух читали «Пышку» и «Сабо». Как прятала от подруг затёртые до дыр сказки Бажова... Возможно, тогда и зародилась мечта сделать так, чтобы у всех детей были интересные красочные книги.

Потом погуляли по Большой Покровской, которая впечатлила ярким разнообразием витрин и обилием прожорливой мошки, с утра набрасывающейся на прохожих. Послушали бой часов у здания Государственного банка. Заглянули в Кукольный театр и в большой салон-магазин «Художественные промыслы». Я пожалела о том, что не захватила с собой фотоаппарат, а то бы непременно сфотографировалась у знаменитой Козы-Дерезы.

Прогуляв полдня, мы поехали в Москву.

Живописным зелёным простором нас встретила река Клязьма. Но всё чаще, словно чёрные дыры в юной сочной зелени обочин, стали попадаться сгнившие, с провалившимися крышами дома, заброшенные деревни.

— Вот они, контрасты нашей жизни,— заговорила Вера,— согласись, в Татарстане такого запустения не встретишь, во всяком случае, у автотрассы: поля ухоженные, посёлки — всё чаще новострой.

— Согласна, я много помоталась за последние четыре года. И каждый раз, как еду по РЖД, так сердце щемит. Больно видеть умирающие дома. А их становится всё больше, будто мор какой идёт.

— Вот-вот, казалось бы, рядом трасса, железная дорога — не глубинка вовсе, а не живётся. Сейчас во многих деревнях и скотину-то не держат — дешевле купить полусинтетическое молоко. Страшненько как-то: современные дети не знают ни вкуса живого молока, ни фруктов.

— Зато бананы дешевле яблок и модифицированных «скорпионьих» помидоров...

Бежит машина — летит время. Позади — Гороховец (не оттуда ли родом Царь Горох?), в стороне остался знаменитый горнолыжный курорт «Пужалова гора». Миновали Митино, Илевники и поворот на Вязники. Мне вспомнилось прошлогоднее лето, Фатьяновский фестиваль, который проходил на родине поэта-песенника, в Вязниках: сколько добрых дружб сложилось в той небольшой, но яркой, наполненной музыкой и стихами поездке. Вот и знаменитые Петушки остались по левой стороне. И Покров. Разноцветно-яркой придорожной торговлей, воспринимающейся как вызов (или как отчаянье?) бедности придорожных сёл, встретила нас Малая Дубна.

— Страна не производит, страна лишь продаёт,— прокомментировала Вера.

За разговорами не заметили, как оказались в Московской области. Вот и Балашиха. В этом уютном подмосковном городке живут мои друзья, здесь, в Центральной библиотеке, мне не однажды довелось читать стихи и петь, пока училась на ВЛК Литинститута.

— Вера, мы всего за пять часов домчались из Нижнего до Москвы! У тебя что, в машине реактивный двигатель?

— Нет,— устало улыбнулась подруга,— этот двигатель зовётся Вдохновением.

... И вот уже сумеркам нéвтерпь,
И вот уж, за дымом вослед,
Срываются поле и ветер,
О, быть бы и мне в их числе!

29 мая. Около 19 часов. Москва. Библиотека им. Некрасова. Суета. Последние приготовления звукорежиссёра к началу мероприятия. Последние пояснения виновницы торжества компьютерщику, какие слайды, когда показывать на большом настенном экране. Вносятся последние штрихи в выставку привезённых книг. А их — много: величаво открывает экспозицию альбом «В поисках Шамбалы»; рядом — журнал «Аргамак. Татарстан» (оба издания получили высокую оценку в Берлине); Верины авторские — «Жучок в янтарном медальоне», «Воспоминания моей бабушки», «Женское начало с мужским присутствием»; щедро разложены живописные детские книжки серий «Современные авторы детям» — «САД» и «Современные авторы детям. Издано в Казани» — «САДИК», автор проектов — Вера Хамидуллина, которая издаёт детские стихи российских и татарстанских поэтов в переводе на татарский и русский языки, на немецкий и английский. Увидев такое изобилие, я подумала, что Вера, как современная бизнесвумен, могла бы на деньги, вкладываемые в изда-

ния, поехать на Канары, например, или купить домик в Европе, как это сейчас модно в среде «деловых». Нет же, она просто воплощает мечту. А я назвала бы это — без ложной скромности — реализацией призвания, миссией. Не зря же в библейской притче о талантах сказано: «... ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у не имеющего отнимется и то, что имеет», — потому важно талант отдавать.

Зазвучала в записи авторская песня «По кругу» в исполнении «хозяйки бала». К микрофону вышел **Геннадий Норд**, заведующий отделом культурных программ Центральной универсальной научной библиотеки имени Н. А. Некрасова, представил Веру, поздравил с днём рождения и передал микрофон для ведения вечера. И торжество слова началось. Гостей и добрых речей было много. **Светлана Савицкая** и **Александр Бухаров,** учредители Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», рассказали о Вериных достижениях и пожелали новых литературных успехов.

Александр Павлович Тимофеевский, поэт, автор знаменитой песенки Крокодила Гены, поздравляя Веру, прочитал наизусть её, любимое им, стихотворение «Из далёкого детства обрывки...» и подарил цветущего в горшочке ярко-фиолетового Декабриста. Я увидела в этом намёк на стихотворение Веры «Я никогда не стану декабристкой», намёк на её стойкий упорный характер. Кстати, с лёгкой руки Веры в серии «Современные авторы детям. Издано в Казани» вышли две книги А. Тимофеевского «Необычная школа» и «Каляка-маляка», обе на русском и татарском языках. А недавно, в конце апреля, Александр Павлович в творческом турне посетил Набережные Челны, Елабугу и Казань, где встречался с самыми юными читателями городов.

С добрыми шутками и поздравлениями в стихах выступили представители **Литературного клуба «Рыжий Кот»** московской библиотеки имени К. Чуковского. Их выступление сопровождалось красочными музыкальными слайдами. Литераторы пригласили Веру с авторской программой и детскими книгами в свою библиотеку.

Приехала на вечер и представительница Татарстана, депутат Госдумы РФ **Альфия Гумаровна Когогина**, которая, сказав много тёплых слов в адрес именинницы, вручила большой букет нежных роз пастельных тонов. Когда мы по окончании вечера фотографировались, я, почувствовав их живой аромат, удивилась, ведь современные тепличные цветы, как правило, без запаха. А эти розы благоухали так же, как розы моего детства. И все, кто в тот момент был рядом с нами, осторожно наклонялись к букету, словно отдавали дань уважения маленькому чуду, и вдыхали благостный аромат.

Весь вечер Вера, как всегда артистично, читала стихи. Рассказала о серии детских книг, о том, что Министерством образования Татарстана они включены в новые образовательные программы. Поделилась с гостями и некоторыми тайнами. Для многих стало открытием, что Вера Хамидуллина и **Ольга Трифонова**, вдова писателя Юрия Трифонова, директор московского музея «Дом на набережной», автор романа «Единственная» о Надежде Аллилуевой и книги «Сны накануне», посвящённой отношениям Маргариты Коненковой и Альберта Эйнштейна, воспитывают

общего внука — Юрия Валентиновича Трифонова-младшего. И, конечно же, Ольга Романовна, выйдя к микрофону вместе с сыном Валентином, по-семейному, по-доброму пожелала Вере здоровья, успехов во всех дерзаниях, благополучия.

Преодолев московские пробки, на вечер прибыл и **Никас Сафронов**. Несмотря на больную после операции руку, он приветливо обнял именинницу, галантно склонился к её руке и искренне поблагодарил за сотворчество. Появление звёздного художника вызвало волнение публики, а Никас вёл себя просто, без налёта «звёздности» общался с Вериными друзьями. Мне понравился его джентльменский ход. Перед тем, как был объявлен небольшой перерыв в программе, Никас спросил присутствующих: «Поднимите, пожалуйста, руки, кто приобретёт наш с Верой альбом?» Поднялось рук десять. «Хорошо,— сказал Никас,— остальные книги выкупит, в пользу поэтессы, представительница ВТБ-банка, которая приехала вместе со мной, Вере эти деньги понадобятся для её новых уникальных детских книг». В итоге почти все книги, не только «Шамбала», но и детские, и авторские, были куплены гостями. Потом, когда торжество продолжилось, Вера сердечно поблагодарила гостей и призналась, что первый раз в жизни читает стихи с деньгами за них в карманах: «Рубцову, написавшему известные строки «Стукнул по карману — не звенит...», наверное, подобное и не снилось. И моя душа протестует бытованию современной поговорки «Поэт в России должен быть голодным», и я желаю всем поэтам, творческим людям, всем присутствующим достатка, без которого порой ой как трудно реализовать задуманное...»

С добрыми словами выступил поэт, президент Союза писателей XXI века **Евгений Степанов.** Поздравил Веру и **Андрей Новиков**, поэт, главный редактор журнала «Современная поэзия», куратор портала «ЛИТАФИША».

На встречу пришло много гостей. Приятно было видеть авторов МОССАЛИТа: **Ольгу Грушевскую**, **Всеволода Кружа**, **Зинаиду Кокорину** (кстати, тоже одного из авторов серии «САДИК») и **Микаела Абаджянца**.

Я радовалась возможности, пусть короткого, но тёплого общения с друзьями по **Литинституту.** Немного неожиданной, а потому особенно приятной стала встреча с **Натальей Ниловной Метс**, супругой известного поэта-верлибриста Арво Метса; встречи с Натальей Ниловной, жизнестойкой, мягкой, образованной интеллигентнейшей женщиной, для меня всегда большой праздник. Пришли на вечер и представители **Мужского хора МИМФИ**, с этим творческим коллективом я познакомилась в Вязниках.

И, конечно же, я — пела. Получила добрые отзывы в адрес новых песен на стихи Веры, чему несказанно рада. Этот вечер и для меня стал большим подарком и откровением. Дорогого стоят, ко многому обязывают слова, сказанные Александром Павловичем Тимофееским, когда он подарил мне свою книгу «Краш-тест»: «Ваш голос для меня «и ласковый, и томный». Я знаю двух великих певцов, которые вкладывали в пение душу,— Марка Бернеса и Владимира Высоцкого. Вы, Оля, Марк Бернес в юбке...»

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.

В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте. <...>
Достигнутого торжества
Игра и мука –
Натянутая тетива
Тугого лука.

30 мая. Утро. Выехали из Москвы в Казань. Предстояло принять участие в фестивале «Словесность XXI века», который стартовал 31 мая. Машина снова нагружена книгами: московские поэты и писатели передали казанским друзьям подарки. Настроение наше было бодрым, несмотря на предыдущие бессонные ночи. Почти всю дорогу до Нижнего Новгорода «чирикали» о прошедшем вечере, делились впечатлениями, обсуждали нюансы. В Нижнем поужинали и — снова в путь. Но если Москва нас провожала ласковым солнцем, то бывший Горький стал горько плакать: разбушевавшаяся гроза и длиннющие пробки надолго задержали выезд. Вера притихла. Я стала клевать носом, но мужественно боролась со сном: во-первых, просто потому, что в машине не умею спать; а во-вторых, из-за солидарности с водителем — всякая дорога вдвоём веселей.

Когда мы выбрались из города, совсем стемнело. Дождь прекратился, но низкие тучи затмили небо. К тому же спустился густой туман. Мы попали в плотный поток машин, и скорость, вопреки поговорке «домой и дорога прямей», заметно снизилась. А после того, как проехали реку Илеть, вообще пришлось стоять больше часа: впереди случилась авария. Слава Богу, все там живы, но ГИБДД разбиралась долго. А поскольку дорога в этом месте узкая, то никто ни с нашего, ни со встречного потока не мог объехать злосчастное место.

В Казань прибыли только в четыре утра. Сил — никаких, мыслей — никаких, кроме одной: «Спать!» А утренняя Казань — пустынна и прекрасна! Однако мы уже ничего не воспринимали. Молча добрались до современной казанской новостройки. Нас приветила дочь Веры, Ася. Какое счастье, когда в конце дорожных мытарств кто-то может гостеприимно открыть дверь, тихо сказать: «Вот постель». Мы рухнули.

31 мая. Казань. Около 10 часов. Я сквозь сон услышала настойчивый зуммер сотового телефона.

— Да,— мой уставший голос хрипел.

— Оля! Вы где? Где Вера? — с тревогой спрашивала Лилия Газизова.

— У Аси... Вера ещё спит. Дорога была ужасной...

— Понятно. Как только Вера проснётся, пусть обязательно мне позвонит,— строго сказала Лиля,— к шестнадцати часам будьте в Национальной библиотеке.

— Хорошо.

Бог мой, у нас времени ещё воз и маленькая тележка! Можно спокойно привести себя в порядок. Жаль, конечно, что мы не попадём на уже начавшуюся экскурсию по музею истории Казанского университета, не прикоснёмся к экспозиции, посвящённой знаменитым слушателям и выпускникам вуза Велимиру Хлебникову, Льву Толстому, Сергею Аксакову, Максиму Горькому... Зато можно спокойно попить чай.

16.00. Грот-зал Национальной библиотеки Республики Татарстан. «Круглый стол» первого фестиваля «Словесность XXI века», организованного Союзом писателей XXI века, Общероссийским народным фронтом (ОНФ), Фондом поддержки творческих инициатив «Канафер», собрал известных литераторов современности, приехавших из разных городов России. Вели заседание, посвящённое проблеме

снижения интереса к современной литературе, председатель правления «Союза писателей XXI века», главный редактор журнала «Дети Ра», сайта «Читальный зал», интернет-телеканала «Диалог-ТВ» **Евгений Степанов** (Москва) и председатель секции русской литературы и художественного перевода Союза писателей Татарстана, заслуженный деятель искусств РТ **Лилия Газизова** (Казань). С докладами выступили редактор детской газеты «Сверчок» и журнала «День и ночь», основатель Литературного лицея **Марина Саввиных** (Красноярск); секретарь Союза писателей Москвы, главный редактор альманаха «Кольцо А» **Кирилл Ковальджи** (Москва); доцент Казанского университета, кандидат педагогических наук **Альфия Галимуллина** (Казань); литературный агент, автор бестселлера «Как издать книгу» **Ирина Горюнова** (Москва); организатор ежегодного вологодского фестиваля «Плюсовая поэзия» **Ната Сучкова** (Вологда); редактор отдела культуры радио «Коммерсант ФМ» **Дмитрий Буткевич** (Москва); доктор философских наук, заслуженный деятель науки РТ **Натан Солодухо** (Казань); редактор отдела политики газеты «Ведомости» **Максим Гликин** (Казань). На заданную тему выступили депутат Государственной Думы, заместитель председателя комитета по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству **Виктор Климов**, ректор Казанского (Приволжского) Федерального Университета **Ильшат Гафуров** и другие.

Болью в душе отозвались слова Марины Саввиных о том, что она оставляет своё детище — Литературный лицей: «Я отдала всё, что могла. В лицее выросло поколение талантливых ребят, надеюсь, они найдут себя в современном мире... Важно помнить, что не будет развиваться культура, если не будет подготовлен читатель, способный её воспринимать. А когда нам навязывают извне усреднённые американизированные стандарты образования, это ведёт к утрате как русской культуры, так и национальных культур... это убивает таланты...» О проблемах преподавания литературы и школьных стандартах говорила и Альфия Галимуллина, напомнив о том, что изучение литературы, русского и родного языка во все времена рассматривались как основа любого образования.

Слушая коллег, я вспомнила о своей, не такой уж далёкой, работе в школе, о том, как стремительно, «на глазах» меняются дети: им всё сложней сосредоточиваться над какой-либо задачей, они теряют способность воспринимать и «перерабатывать» информацию. И современные образовательные программы, упрощённая форма контроля знаний с помощью тестов ведут к формированию у школьников «клипового мышления», лишая детей умения сравнивать, анализировать и делать выводы. Потому-то и книги читать современные дети не любят — хорошая книга требует работы мысли. А современные реформаторы и СМИ взращивает потребителей, которым просто лень думать.

Широкую дискуссию вызвал доклад Ирины Горюновой о литературных премиях и грантах: политике и практике. Если политика премий и грантов, как института целевой безвозмездной материальной поддержки, ясна, то вот с практикой возникает много различных недоразумений. Ни для кого не секрет, что вокруг больших (и не только) литературных премий кружатся одни и те же лица, по очереди получая «вознаграждение» и не пуская в свой круг новых молодых или «не тусующихся» авторов. Да и богатый опыт благотворительности, которым славилась дореволюционная Россия, кажется, напрочь утрачен. Когда же снова окажутся в чести́ законы че́сти — вопрос...

Где сердце друга? — Хитрых глаз прищур.
Знавали ль вы такого-то? — Наслышкой.

Да, видно, жизнь проста... Но чересчур.
И даже убедительна... Но слишком...

Вечером литературное общение продолжилось в неформальной обстановке на даче поэта **Искандера Абдуллина**. На закате наша дружная компания прогулялась к Волге. Мы сфотографировались у тихого залива, посидели тесным кругом, любуясь вечерним небом и рекой. Пожалуй, ярким событием вылазки стал маленький курьёз, и это заметила Лиля Газизова: принесённая кем-то бутылка водки так и осталась не раскупоренной. Значит, царившее душевное тепло не нуждалось в поддержке «горячительным».

1 июня. 10.00. Казань. Площадь Тукая. «Поэтический бомонд» фестиваля вошёл в троллейбус № 7 — так началась акция «Литературный троллейбус». Салон украшали распечатанные на листах стихи присутствующих авторов. **Лилия Газизова** и **Евгений Степанов** «работали» гидами, по пути следования рассказывая о достопримечательностях Казани и известных поэтах города. А современные поэты — **Айрат Бик-Булатов**, **Вадим Гершанов**, **Вера Хамидуллина**, **Ната Сучкова**, **Марина Саввиных**, **Ирина Горюнова** — читали как свои стихи, так и классиков. Пассажиры, входя в троллейбус, не сразу понимали, что происходит. Некоторые пытались выскочить обратно на остановку, но чуткий кондуктор объясняла, что троллейбус следует по маршруту. Люди вглядывались и вслушивались, их лица светлели. Одна девочка, включившись в игру, прочитала стихи Пушкина. Пожилая женщина, заслушавшись, проехала остановку. Я пела известные романсы и свои песни. Не обошлось без курьёза и здесь. Одна пассажирка, войдя в троллейбус во время очередей песни, оплатила проезд и протянула деньги мне. Но Вера пояснила женщине суть акции. Пассажирка улыбнулась и сказала: «А я думаю, надо же, приличная женщина, хорошо поёт... наверное, на жизнь решила подзаработать!» Потом литераторы долго шутили по поводу моего несостоявшегося гонорара.

А пассажиры, вошедшие в троллейбус и вошедшие во вкус, даже заказывали любимые стихи и песни. Юная казанка, расспросив подробнее о фестивале, пообещала прийти с друзьями в Дом-музей Василия Аксёнова, на мастер-класс Кирилла Ковальджи и Евгения Степанова. Надо было видеть лица людей, которые на мгновение забывали о своих проблемах, вспоминали стихи, пели хором. А как было не подхватить «Полночный троллейбус» и «Надежды маленький оркестр» Булата Окуджавы, исполненные **Максимом Гликиным**. Литературный троллейбус послужил вдохновенному единению людей, просто следующих по маршруту, украсил поэтическим словом начало будничного дня многих казанцев. Сделав большой круг, наш зелёный № 7 вернулся на Площадь Тукая.

Мы направились к памятнику Льву Толстому. Возложили цветы, послу-

шали приветственные речи представителей ОНФ и Министерства культуры РТ, пожелавших фестивалю дальнейшей плодотворной работы. А поэты, вдохновлённые в троллейбусе доселе небывалым общением, продолжили его и в уютном сквере, приглашая казанцев сфотографироваться и положить гвоздики к памятнику великому писателю. Ненадолго попали в нашу компанию и корейские студенты, которые, как выяснилось, знают и Толстого, и даже слышали о Державине.

14.00. Дом-музей Василия Аксёнова. После экскурсии, которую провела директор музея Ирина Аксёнова (наверное, неслучайная однофамилица писателя), начался поэтический мастер-класс. Все желающие подали на обсуждение по одному стихотворению. Мастера бережно подыскивали верные слова, чтобы указать авторам на допущенные огрехи в текстах; и «слышащие» услышали, и искренне благодарили за замечания.

Кирилл Ковальджи, говоря о современных литературных процессах, подчеркнул, что сегодня не литература кончилась, а завершилась определённая эпоха, наступила *другая*, не похожая на предыдущую, что возник такой парадокс — пишущих всё больше, а читающих всё меньше. Кирилл Владимирович прокомментировал мысль верлибром (запись с диктофона):

Бутылку с личным посланием
доверил я океану:
кто-нибудь, когда-нибудь...
Утром глянул — в океане полно бутылок:
никто, никогда...

Завершился мастер-класс объявлением Евгения Степанова об учреждении постоянно действующих заочных Профессиональных литературных курсов под эгидой Союза писателей XXI века и Московского Института языков и культур Льва Толстого.

А фестиваль продолжился большим Вечером русской и татарской поэзии, где читали свои стихи **Кирилл Ковальджи**, **Нури Бурнаш**, **Алексей Остудин**, **Владимир Маслов**, **Евгений Степанов**, **Лилия Газизова**, **Ркаил Зайдулла**, **Натан Солодухо**, **Марина Саввиных**, **Виталий Молчанов**, **Ирина Горюнова**, **Вадим Гершанов**, **Вера Хамидуллина**, а я — пела.

После торжественного ужина в ресторане Дома Аксёнова казанцы и мы с Верой проводили гостей на вокзал. Перед отъездом Кирилл Владимирович Ковальджи по-

дарил мне свои книги «Зёрна» и «Моя мозаика», тепло откликнувшись о моих стихах в прозе, о голосе и песнях, обратился с просьбой:

— Ольга, думаю, вы знаете, куда и кому передать этот сборник,— и вручил «Собрание духовно-музыкальных сочинений и обработок», в которое вошли обработки духовных песнопений и сочинения Владимира Ковальджи, сына Кирилла Владимировича.

— Спасибо. Конечно же, я знаю, кому и куда это передать. У нас в городе есть уникальный Свято-Тихоновский храм, где работает Воскресная школа, с которыми, волею творческой судьбы, у меня сложились добрые отношения, благоприязнь...

Всё отшумело. Вставши поодаль,
Чувствую всею силой чутья:
Жребий завиден. Я жил и отдал
Душу свою за други своя...

2 июня. Казань. 12.00. Активная литературная деятельность Веры не отпускала нас из столицы Татарстана. Накануне Дня эколога, отмечаемого 5 июня, в Казани, в Доме дружбы народов состоялся большой детский концерт и награждение юных экологов, принявших участие в творческих конкурсах Общероссийского детского движения «Зелёная планета».

Известно, что с 28 октября по 2 ноября 2012 года в Москве прошёл X Международный детский экологический форум «Зелёная планета 2012», приуроченный к 40-летию празднования Всемирного дня охраны окружающей среды. Тогда, на торжественном открытии была зачитана телеграмма Президента РФ Владимира Путина: «Уверен, что нынешний форум предоставит юным участникам прекрасную возможность продемонстрировать свои творческие способности, исследовательский потенциал, запомнится яркими идеями, интересными встречами и дружеским общением...»

Председатель Правления Общероссийского общественного детского экологического движения «Зелёная планета» Марина Медведева отметила, что с каждым годом всё большее количество работ представляют собой творческие открытия, которые демонстрируют яркий талант юных участников конкурсов. Сами же конкурсы проводятся по девяти номинациям: «Природа — бесценный дар, один на всех», «Современные технологии на службе природы», «Эксперимент на Международной Космической Станции», «Жизнь леса и судьбы людей», «Современность и традиции», «Зелёная планета глазами детей (рисунки)», «Зелёная планета глазами детей (фоторепортажи)», «Многообразие вековых традиций», «Природа. Культура. Экология».

Примечательно то, что по итогам конкурсной программы Форума «Республики РФ» награду и признание получило Татарстанское Республиканское отделение «Зелёной планеты». Интересно и то, что уже не один год в рамках форума проходит специальный конкурс рисунков по экологическим сказкам Светланы Савицкой. В 2012 году Гран-При за художественное оформление книг С. Савицкой «Три лягушки» и «С Днём рождения, Магадан!», изданные в Казани, получила челнинская художница **Ольга Белова-Недовизий**. Вот и дети из Татарстана, его разных городов и уголков, оказались победителями и призёрами во всех номинациях «Зелёной планеты», и 2 июня они получали грамоты, которые привезла из Москвы Вера. И неслучайно в качестве подарков детям вручались детские книги из серии «Современные авторы детям. Издано в Казани», выпускаемые нашей поэтессой.

Кроме того, у Дома дружбы народов появился гимн, авторами которого стали Вера Хамидуллина и композитор, заслуженный работник культуры Республики Башкортостан **Фаниля Хабирова**. Гимн исполнили дети, а Фаниля спела а-капелла

башкирскую песню «Соловей»: гибкий чистый голос певицы, разливаясь по залу, завораживал участников торжества.

И мне посчастливилось подарить присутствующим несколько своих песен.

Разошлись взрослые и дети, утих зал. А мы с друзьями, преподавателями Воскресной школы при казанском ДДН **Вартуи Меликсетян** и **Натальей Валеевой**, которые красиво подготовили и провели мероприятие, пообедали в кафе. Конечно же, делились впечатлениями от всего увиденного и услышанного, радовались за детей, разносторонне проявляющих свои таланты. Вспоминали весёлые случаи, связанные с педагогической деятельностью, ведь и Вера тоже педагог, а бывших учителей, как известно, не бывает. В непринуждённой беседе прозвучало заманчивое предложение — с творческой программой съездить в Армению. А что?.. «Солнцесплетение» продолжается. Пути Господни... Лишь на закате дня мы вернулись к родным пенатам.

Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.
Цель творчества — самоотдача...

P.S. Во время путешествия нас сопровождали стихи Бориса Пастернака (они и цитируются в тексте).

Ольга КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ

С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЁТА

18 июля в казанском музее Баки Урманче состоялся вечер «Казань с высоты птичьего полёта» и открытие 17-го сезона ЛИТО КГМУ «Белая ворона» в рамках Культурной Универсиады-2013. В программе выступили авторы и друзья литобъединения: поэты Розалина Шагеева, Филипп Пираев, Айрат Бик-Булатов, Юлия Сандлер, Рустем Аубакиров, Светлана Мингазова. Драматург Борис Вайнер, чьи пьесы в театре кукол «Экият» также вошли в республиканскую программу Культурной Универсиады, спел песню о дружбе из своего спектакля «Новые приключения трёх поросят», а певица Гульчачак Валеева исполнила две песни на татарском языке, в том числе и любимую многими поколениями «Кыю казлар» (муз.Р.Яхина, сл.М.Нугмана). Фотохудожник Фарид Губаев поделился опытом своей работы над пятитомником фотографий Казани к Универсиаде, изданном в Стамбуле: он был предназначен, в основном, для почётных гостей (тираж всего 500 экз.) и весь разошёлся-разъехался по городам и весям... Литературовед Рамиль Сарчин представил свою новую книгу «Лики казанской поэзии» (Казань, ТКИ, 2013) и подарил её для библиотеки «Белой вороны». Председатель Казанского отделения Союза российских писателей, прозаик Александр Воронин поздравил всех с открытием нового литературного сезона и презентовал его участникам свежий номер журнала «Аргамак», куда вошли и авторы литобъединения. Наиля Ахунова, руководитель ЛИТО КГМУ, засл.работник культуры РТ, ведущая вечера, сделала подробный обзор новых книг и публикаций в журналах «Казанский альманах», «Идель», «Аргамак» и др. Во время вечера, прошедшего с аншлагом, слушатели активно задавали вопросы выступавшим и высказывали свои пожелания, а музыкант и педагог Алсу Биктимерова подарила «Белой вороне» оригинальную музыкальную шкатулку, после чего все сфотографировались на память — по уже давно сложившейся традиции...

Казанский обозреватель

«НЕМЦЫ ДОШЛИ ДО ВОЛГИ...»

Некоторые размышления по поводу прошедшего в Самарской области международного фестиваля «Рок над Волгой»

Нынешний фестиваль в некотором роде юбилейный, пятый. А также совпавший по юбилейности с годом русской Победы в Сталинградской битве. Видимо, дабы подчеркнуть юбилейность, ведущие со сцены не единожды напоминали о том собравшимся. И — о чём также не один раз было озвучено со сцены — фестиваль приурочен к государственному празднику День России. Вынесенная же в заголовок фраза «Немцы дошли до Волги» услышана мной в толпе «фестивалящего» народа, в каковую меня угораздило попасть в качестве сопровождающего лица при несовершеннолетней дочери, поклонницы рок-музыки. Не отпускать ведь ребёнка одного на столь массовое мероприятие! Так думалось вначале. Потом, после 12-часового бдения под палящим солнцем я уже философски размышляла о том, как далеко может завести материнский инстинкт!.. Тем не менее, если дочери хоть рок помогает отвлечься от нервотрёпки по сдаче распроклятого ЕГЭ — то пусть будет рок!

Признаюсь, что, будучи с юности поклонницей «Битлз», «Квин», «Скорпионс», «Иглз», частично «Кино», я сама тем не менее не отношу себя к поклонникам рок-музыки в принципе. К противникам, впрочем, также бы себя относить не стала. Хорошая музыка хороша вне зависимости от жанра и существует по факту! В детстве отец мечтал видеть во мне будущую пианистку, и меня, в процессе обучения возненавидевшую музыкальную школу, тем не менее угораздило её закончить. Видимо, «добровольно-принудительная» классическая консонансная музыкальная прививка моей детской души (как прививка кори) позже не позволила мне всерьёз увлечься диссонансным роком. Хотя среди моих знакомых в юности было немало «рокеров».

Обо всём этом думалось, когда мы с дочерью ехали в сторону посёлка Петра Дубрава, что под Самарой. Электричка была одна из первых утренних в фестивальном направлении, специально к фестивалю железной дорогой введённая. Народ в вагоне был самый разношёрстный. Но уже просматривался, так сказать, рокерский «мейнстрим» и специфический «контингент» — в ирокезах и дрэдах. Некоторые парни со знанием дела рассуждали о роке вприхлёб с пивком. Некоторые девушки, частично обнажившись, разрисовывали друг другу тела рокерской и фестивальной символикой... «Как же мы найдём поляну Красный Пахарь, где фестиваль будет?» — спросила у дочери. «Как в «Гарри Потере» — иди вслед за пауками»,— с усмешкой ответила Стаська, иронически кивая на экстравагантных рокеров с ирокезами и прочими экстремальными причёсками. Я вздохнула с некоторым облегчением — слава Богу, у дочери при всей её непонятно откуда взявшейся пламенной любви к року пока хватает ума не сделать себе ирокез и не проколоть бровь.

Кстати, о Боге. Как гордо озвучили устами ведущих фестиваля его устроители — «Рок над Волгой» благословил Патриарх Всея Руси Кирилл. Оставляю сие утверждение на совести организаторов фестиваля, так как ни сам Патриарх Кирилл, ни его самарско-сызранский наместник Сергий, ни кто бы то ни было в церковном облачении перед публикой не появились.

Итак, мы обретаемся в электричке. Наши «пауки» уже выпили пиво, разрисовали тела. Все вместе выходим на станции с милым патриархальным названием «Дачная» и «гурьбой» направляемся к месту «феста». Жители посёлка Петра Дубрава, коих я заочно жалела, как заложников места проведения столь неоднозначного и столь массового мероприятия, как-то не особо похожи на несчастных. Прямо около своих домов-огородов бойко подторговывают пирожками, пивом, минералкой и прочими сосисками в тесте. Кое-кто из толпы время от времени подкатывает к этим импровизированным

точкам продажи и тут же откатывается назад. Вслед незадачливым покупателям незадачливые продавцы не без злорадства кричат: «Ничего, *там* втрое больше за это же заплатите!» Забегая вперёд, скажу, что, когда мы в полночь, после фестиваля, пойдём обратно к электричкам, эти же продавцы будут куда как более востребованы этими же порядком измотанными фестивальным пивом и децибелами покупателями.

На самом фестивале устроители устами ведущих гордо озвучили цифру в 600 тысяч человек публики. Уточнённая цифра посетителей выглядела скромнее — 450 тысяч, но тоже впечатляюще. Так что на предмет того, что сие действо было массовым, никаких вопросов. Вопросы — и большие! — возникают, когда понимаешь, что фестиваль позиционируется ещё и как патриотическое мероприятие. Упор в освещении фестиваля сделан на информативную поверхностную составляющую. Например, сколько грузовиков (девять!) заняла аппаратура «гвоздя программы» — немецкой группы «Рамштайн». А ещё сколько времени (час!) потребовалось на установку этой мощнейшей немецкой аппаратуры на русской фестивальной землице. Кстати, при трансляции фестиваля по каналу ТВ-центр 12 июня «гвоздь фестиваля» остался как-то так за скобками трансляции. Думается, не только потому, что якобы «Рамштайн» по контракту запретила тиражировать своё выступление на российском ТВ. Но и потому, что на ТВ-центре нашлись умные люди, понимающие, что трансляция фестиваля без купюр может вызвать бурю народного возмущения. Одно дело созерцать, как солист «Рамштайна» Тиль осуществляет «художественное семяизвержение» из некоего фаллического прибора на восторженных своих почитателей, принявших на грудь пивка и пробившихся к сцене. Совсем другое — видеть это «патриотическое шоу» трезвыми глазами в День России по российскому же телевидению, не будучи фанатом «Рамштайна»!

Менее всего я ставлю целью данного повествования «зачморить», выражаясь молодёжным сленгом, фестиваль «Рок над Волгой». Скорее наоборот! Это действо, словно лакмусовая бумажка, даёт немало поводов для размышлений — музыкальных едва ли не в последнюю очередь. Размышлений социальных, психологических, исторических, патриотических, политических... И в первую очередь — идеологических. Фестиваль — во многом показательный срез-тест умонастроений современников разного возраста, социального статуса и профпринадлежности. На нём были не только студенты и школьники «рокового» возраста, но и люди, давно оставившие позади возрастной «роковой» рубеж, но сохранившие любовь к рок-музыке.

Повторюсь — официальная патриотическая составляющая «Рока над Волгой» всячески педалировалась ведущими. Во-первых, фестиваль приурочен ко Дню России. Во-вторых, юбилейный пятый «Рок над Волгой» проводится в юбилейный год Сталинградской битвы. Официальным организатором и устроителем фестиваля является правительство Самарской области. Правда, сразу возникает закономерный вопрос: «Почему в канун русского праздника и в год победы над немцами под Сталинградом гвоздём программы проводимого в России на Волге фестиваля становится немецкая рок-группа?» И уж если она стала «гвоздём программы», может, не стоит лишний раз упоминать нашу Победу на Сталинградской Волге? И не повторять лишний раз слово «патриотизм»? А то какой-то странный патриотизм получается... Но, видимо, эти вопросы резонно адресовать в первую очередь устроителям-организаторам фестиваля. А я так уверена: он состоялся бы и был бы не менее массовым, если бы на сцене выступали только российские рокеры. А «Рамштайн», уж если кому-то так охота, можно было бы приурочить и ко Дню студентов, Дню молодёжи, и не делать так, что позиционируемое патриотическим действо уж очень отдаёт кощунством над памятью поминаемых всуе на фестивале победителей Сталинградской битвы — всем мало-мальски продвинутым поклонникам рока известно, что «Рамштайн», скажем

так, не шибко-то дистанцируется от сатанистов. По факту мы живём в эпоху толерантности — по отношению к сексменьшинствам, нацменьшинствам, религиозным меньшинствам... Но уместно ли тогда благословение Патриарха? Во всяком случае, противоречия, на которые был богат фестиваль, более полно раскрывают суть этого явления. Их настолько много, что своё повествование я решила разбить на небольшие главки. Они помогут мне более структурно акцентировать основные энергетические (или болевые, как угодно!) фестивальные «точки». Это будут мои размышления и мои мнения. Я никому их не навязываю, но считаю своим долгом озвучить.

* * *

На входе, помимо процедуры проверки на металлодетекторе, мы прошли процедуру «отъёма пищи и воды». Это делалось якобы в целях охранения публики от возможного отравления некачественными и скоропортящимися продуктами и напитками, взятыми с собой. Однако цены на еду и напитки внутри периметра фестиваля ярко продемонстрировали: «Любовь нечаянно нагрянет, когда на что-то надо жить». В данном случае — любовь устроителей к року, устроителей, которым-таки надо оправдывать фестивальные расходы и гонорары музыкантам. Стоимость небольшой сосиски в тесте, равно как и шаурмы, стартовала от 250 рублей, цена поллитровой бутылки «Аква-Минерале» — от 50 рублей, банальное мороженое в стаканчике тоже начинало отсчёт от 50 рублей. Цен на пиво (в продаже было исключительно «Клинское»!) не знаю, но, вне зависимости от цен на него, пиво было более чем востребовано... На «трезвяк» внимать происходящему со сцены, видимо, не было оптимумом. Невольно вспоминается слоган рокеров моей юности: «Секс, наркотики, рок-н-ролл». Ныне он звучал бы, наверное, так: «Пиво, секс и рок-н-ролл» у наиболее «продвинутых» рокеров и меломанов. Однако, против истины грешить не буду. Там, где стояли мы с дочерью, а мы стояли достаточно далеко от сцены, особо «датых» не было. А в меру «датые» вели себя вполне прилично и даже доброжелательно. И вообще, меня приятно удивило, что при всей явно мужской харизматичности фестиваля и преобладании мужского населения на фестивальной поляне — не было кулачно-мордобойного выяснения отношений (чего я, честно говоря, более всего попервоначалу опасалась!). Люди были вежливы друг к другу. И стоило спросить у первого встречного, где, к примеру, пункт раздачи воды, тебе с готовностью объясняли окружающие.

Раз уж я заговорила о раздаче воды, то следует сказать, что, к чести устроителей, они обеспечили всех-всех желающих бесплатной питьевой водой — её раздавали абсолютно безвозмездно в бесплатных же пластиковых стаканчиках. Туалеты тоже присутствовали, не без очереди, правда. Надо полагать, также бесплатно-благотворительные... Не дошли мы, к счастью, и до пункта оказания медицинской помощи, которые тоже наличествовали на фестивальной поляне. Были и волонтёры в специальных майках с символикой фестиваля, собиравшие мусор, к которым можно было обратиться с любым вопросом.

* * *

Я-то по наивности думала, что буду едва ли не самой «взрослой» посетительницей «Рока над Волгой». Поскольку я сталкивалась с представителями рок-культуры в юности, они в моём сознании так и остались юными навсегда. Так остаются молодыми, тьфу, тьфу, тьфу — мёртвые. Впрочем, к тому же Виктору Цою, Фрэдди Меркьюри, Егору Летову и многим другим рокерам это утверждение правильно на сто

процентов. Но, оказывается, все эти годы, пока рок-культуры была вне сферы моих интересов, её живые кумиры тоже взрослели вместе со своими наиболее верными фанатами. Но для меня рокер на сцене ассоциируется с молодостью. Мол, какой уважающий себя взрослый человек, чего-то достигший в жизни, будет протестовать и в рваных джинсах скакать по сцене, круша гитарой всё на своём пути в пылу вдохновения. Однако ничуть! Те же Константин Кинчев, Борис Гребенщиков и прочие пережившие Цоя современники и ныне никуда не девались. А к ним добавились новые рок-группы — БИ-2, «Смысловые галлюцинации», «Мордор» и др. Правда, и Кинчев, и Гребенщиков протестуют ныне более цивильно, чем в юности. А то, что рок — априори протестная музыка, никто спорить не станет. Не будь он протестным — кто бы его слушал? Протест против пошлости, обывательства, женоподобной попсы, против того, что сегодня душа человека так часто заплывает телом... В этом смысле вдруг подумалось применительно к литературе: Лермонтов — самый рокерский поэт. Кстати, на лермонтовские стихи немало рокеров поют, на того же «Демона»...

Допускаю, что коллеги писатели сейчас поёжатся, читая о том, что «Лермонтов — рокерский поэт». Для таких, особо блюдущих честь писательского мундира, перефразирую: «Лермонтов — роковой поэт!» С этим не поспоришь... Насчёт того, насколько «рокерский» (что роковЫм — несомненно!) был Сергей Есенин — поразмышлять можно отдельно. Есенин, видимо, настолько Есенин, что он — и рокерский, и классический, и народный, и вообще — все жанры побеждающий и жанры презирающий. Как говорил Бетховен: «Композитор — это тоже поэт», таким образом гениальный немецкий композитор ставил поэзию даже выше музыки. В принципе, любой высокий профессионал, будь он алгебраист Хайям или физик Эйнштейн, боготворивший Достоевского, в первую очередь поэты. А чем талантливее поэт, тем более он разножанров, как разножанрова, по сути, жизнь. Таким вот разножанровым «поэтом в музыке» был легендарный (и очень мной ценимый!) рокер Фрэдди Меркьюри, который вполне мог стать выдающимся оперным музыкантом. Но Фрэдди выбрал рок, и рок (в самых разных смыслах этого слова!) выбрал так рано ушедшего в мир иной Меркьюри.

В ходе концерта ловлю себя на мысли, что группы БИ-2 и «Мордор» как-то более живо звучат на фоне давно знакомых мне «Алисы» и «Гребня». Да и реакция публики на новых рокеров явно поживее. Всё-таки рок, в отличие от классики, продукт, как бы это потактичнее сказать — скоропортящийся, должен быть созвучен именно своей эпохе, и без контекста этой эпохи быстро «прокисает». Это классика жива во все времена, вне зависимости от привязки к эпохе. Даже изуродованный новейшими электронными аранжировками Моцарт слушается так современно, что понимаешь — сошедшую с небес музыку на грешной нашей земле даже совокупными нашими усилиями изуродовать невозможно. Наверное, когда грянет Апокалипсис, и сметёт в назидание свихнувшемуся от своей самодостаточности человечеству всё живое с земли, то, говоря словами Тютчева,

Всё сущее опять покроют воды
И Божий лик отобразится в них.

А ещё, наверное, будет звучать, как звучала за миллиарды лет до нас, космическая непобедимая музыка Моцарта или Рахманинова. Она существовала в пронизанном музыкой и словом Космосе-Логосе и до Моцарта с Рахманиновым, они просто услышали её и помогли нам её услышать...

Не шибко заинтересованная происходящим на сцене, я больше наблюдала людей на фестивале. Видя среди них тех, кто постарше меня, но при этом одет в «рокерский» прикид и подпевает происходящему на сцене, будучи в курсе современной рок-

музыки, а не просто зашёл на фестиваль пивка попить, я думала о том, что, возможно, некоторые их них недовольны своим нынешним статусом и положением в обществе. Иначе бы вряд ли сюда пришли... Есть у меня один друг с журналистской моей юности. Идейный рокер! На гитаре играет и поёт так, что заслушаешься. В юности, учась в Екатеринбурге, был знаком со многими ныне культовыми рок-музыкантами. Будучи высокопоставленным, но и уважаемым (бывает такое!) чиновником в Оренбурге, он и ныне весь загорается, когда говорит о любимых музыкантах. Но я почти уверена, что при этом он не поедет на рок-фестиваль, даже если выдастся возможность. Не потому, что условия на фестивалях спартанские. А, видимо, потому, что понимает: «Если ты не был рокером в 25 лет, у тебя нет сердца. Но если ты остался рокером в 45 лет — у тебя нет головы...»

Хотя я тут же отгоняю от себя мысль, что вот эти неюные поклонники и поклонницы рок-музыки, что со знанием дела подпевают происходящему на сцене, просто «лузеры» по жизни, не состоявшиеся в профессии и социальном статусе. Наверное, есть среди них и такие, для кого рок был и остаётся едва ли не самым ярким «приключением» в жизни. Может, всё у них хорошо, а причина — уходящая юность и попытки вернуться в неё, приобщившись к фестивальному действу... В их случаях любовь к року — лишь одна из форм «кризиса среднего возраста». Когда вот эта симпатичная дама крепко за пятьдесят подпевает Алисе, а заодно и Кипелову, не хочет ли она таким образом продлить свою молодость? Другая её ровесница побежит делать ботокс на лице, а эта слушает рок. Тут есть о чём поразмышлять психологу! Ну а молодёжи, что говорится, сам Бог велел в 22 года быть рокером. А если у тебя парень рокер (бывает!), то конечно, отпускать его одного туда, где «пиво, секс и рок-н-ролл» в условиях, когда «на десять девчонок по статистике девять ребят» — глупо... У каждого свои резоны. Кого-то доводит до фестиваля борьба за личное счастье, кого-то борьба с возрастом, кого-то борьба с серостью офисно-планктонного состояния, кого-то борьба за благополучие дочери... Что ж, вся наша жизнь — борьба!

* * *

А раз борьба, то должен быть авангард. Это я о «пробившихся» к сцене. С таким рвением, с каким они, внуки-правнуки победителей Второй мировой войны, пробивались на фестивале к сцене с немецкими исполнителями, пробивались, наверное, некогда их прадеды-деды к Рейхстагу! Являя примеры стойкости и отваги!.. Пробившиеся к сцене были вроде как на передовой — с риском для жизни, учитывая скопление постоянно напиравшего сзади народа. Устроители фестиваля время от времени прерывали выступление очередной рок-группы, на сцену выходила терпеливая девушка и по микрофону увещевала: «Ребята, сделаем дружно и медленно три шага назад от сцены, чтобы не было эксцессов. Пока три шага от сцены не сделаете, фестиваль не будет продолжен!» Слава Богу, очередной «Ходынки» не состоялось. Позже узнала, что некий юный идейный рокер, родом из Оренбурга, друг моей дочери, сумел пробиться именно в первые ряды к «театру военных сценических действий». И ему даже «посчастливилось» не только опалить часть бровей тотальными огненными спецэффектами «Рамштайна», но и лицезреть самую, как говорится, кульминационную часть фестивального шоу. Когда солист Рамштайна после «художественно» сымитированного на сцене гомосексуального полового акта из устройства, призванного изобразить фаллос, изрыгнул в толпу возле сцены некую сверкающую жидкость, надо полагать, следуя логике, это был «образ» семенной жидкости. И всё это под эйфорические крики толпы, подогретой пивом и «патриотизмом». Видимо, гомосексуальная тема ныне настолько в «тренде»,

что даже в канун Дня России и юбилейный Сталинградский год без неё никак нельзя обойтись. Сие «художественное» семяизвержение на сцене продолжилось впечатляющим салютом под занавес фестиваля. Под салют и патриотизм у нас нынче вообще многое можно списать... Когда небо расцветает салютом, недосуг задуматься, что в год Сталинградской битвы немцы пришли-таки на Волгу и на нас, внуков и детей победителей Второй мировой войны, обрушили со сцены свой «салют» — салют потомков побеждённых на потомков победителей. Да ещё, говоря в простоте, бабло гонорарное мы им за это отвалили по линии правительства Самарской области — из наших же денег. Такой вот художественный пересмотр итогов Победы!

Впрочем, к группе «Рамштайн» никаких претензий. Гости ведут себя так, как позволяют им хозяева. Если мы сами не уважаем себя, своих предков и своей славной истории, грешно требовать уважения со стороны гостей. Ну чтобы те, к примеру, завершили своё выступление не «семяизвержением» на нас, но исполнением на немецком языке всемирно знаменитой русской песни «Катюша». Она, кстати, тоже имеется в репертуаре «Рамштайна»! Почему же «Катюша» не стала ключевой в выступлении группы? А вовсе даже наоборот? Это вопрос к устроителям фестиваля.

* * *

А ещё небезынтересно было понаблюдать, как реагируют собравшиеся на те или иные песни русских рок-групп. Какие флаги и майки одеты на собравшихся. Количество маек с надписью «Моя Родина СССР», «Мы русские, с нами Бог» и т.д. может успешно конкурировать с майками, на которых изображены кумиры рока. Стало быть, говорить о всех внуках-правнуках победителей Второй мировой войны как об «иванах, победного родства не помнящих» было бы всё-таки не вполне логично. Они-то не виноваты, что организаторы фестиваля не оговорили с приглашёнными артистами репертуар, которые те вынесут на сцену!.. Отрадно, что краткое-попутное (надо же чем-то паузу заполнить, пока аппаратуру очередная группа подключает), объявление ведущих о том, что нынешний год — юбилейный для нашей Победы в Сталинградской битве, вызвал радостные крики толпы. И песни российских рокеров, даже самые заурядные с точки зрения музыки (в тексты рок-композиций людям, даже малёхонько знакомым с основами стихосложения, я бы слушать не советовала), вызывали особо бурную реакцию собравшихся в тех местах, где пелось о «революции», «свободе»... Кипелов с композицией «Я свободен» был вообще чуть ли не звездой, которую ждали и на которую специально ехали. И пели эту песню молодые парни, стоявшие неподалёку от нас, с такой яростью, словно они в крепостной неволе. С чего бы?

* * *

Все флаги в гости будут к нам. Так писал один советский поэт. Флагов действительно было — море. Настолько разливанное, что устроители просили малость свернуть флаги, дабы не мешать телевизионщикам снимать происходящее на сцене. Каких только городов не было представлено на флагах: Казань, Нижний Новгород, Оренбург, Саратов, Волгоград... Были флаги малых городов и районов, географическое расположение которых большинству россиян знакомо лишь отчасти — Ковров, Глазов, Выкса, Грачёвка...

Но немало было и флагов, которые я бы назвала, как ни странно прозвучит в наше неидейное время, идеологическими. Потому что в данном конкретном случае политическими можно назвать даже флаги ностальгические — со всевозможными надписями

и символикой, пронизанной тоской по СССР и по русскому в России, эти флаги весьма перекликались с надписями на майках. А ещё было немало флагов пиратских, их называют «чёрный джек» (блэк-джеки). Вроде бы безобидные и даже шуточные, в стиле Джека-Воробья. Так — да не совсем так, если вспомнить недавние события в том же Питере, да ещё в ряде городов. Где молодёжь после проведения тех или иных протестных акций выкинула в небо такие вот «блэк-джеки». Так что флаги — тоже повод для размышлений. Как, впрочем, и количество приехавших на фестиваль. Пусть даже не 600 тысяч, а 450! Но нелишне задуматься и о динамике роста поклонников рока. А ну как это косвенный показатель протестных настроений в обществе? Нет-нет, ни в коем разе закрывать фестиваль не надо, это проще всего. Но стоит вспомнить о том, что рок — изначально протестная музыка. А раз протестуют, значит есть, против чего протестовать! И возможно, протестные настроения ныне канализируются не через всевозможные митинги, курируемые компартией, на которые особо никто не приходит, а через рок-движение, как не раз бывало уже в России. Когда Виктор Цой в середине 80-х годов запел «Мы ждём перемен», перемены не замедлили наступить. Никто же не думал тогда, что сии перемены примут облик Михаила Меченого!

* * *

Несколько забавно было, что, озвучивая творческие достоинства той или иной рок-группы, упор ведущими фестиваля делался на факторы, которые при всём желании творческими никак не назовёшь. Например, количество тонн привезённой той или иной группой аппаратуры. Словно децибелы — едва ли не главная составляющая творческого рок-процесса! Объявляя «Рамштайн», в частности, со сцены заговорили едва ли не в первую очередь о 40 тоннах привезённой «Рамштайном» аппаратуры. Потом уже в теленовостных дайджестах количество рамштайновской аппаратуры измерили не в тоннах, а в грузовиках — 9 грузовиков.

* * *

С самого начала фестивального действа я попутно отметила, что на поляне собралось немало неглупых по виду представителей сильного пола. Больше бывает, наверное, только на футбольных матчах. Ребята спортивные, накачанные и не шибко налегающие на спиртное, стало быть не путающие творческое «рок-первородство» с пивной «чечевичной похлёбкой». Возможно, нам просто повезло, мы стояли достаточно далеко от фестивального авангарда, пробившегося к сцене. Но ещё большее (и приятное!) впечатление оставила у меня женская часть фестивальной публики. В наш-то век «тоталитарного гламура и коррекции ногтей» девушки на рок-фестивале были достаточно просто, но со вкусом одеты. Практически ни у одной я не заметила макияжа и искусственных ногтей. Худышек-анорексичек тоже не наблюдалось. Правда, многие девушки и дамы не пренебрегали татуажем на темы рок-музыки и рок-культуры. Так что, по всей видимости, «антигламурки» — рокерский ответ бабски женственным «попсовикам» и «попсовичкам». И, может, не следует так уж один в один отождествлять «пиво и рок-н-ролл». Дочь моя, к примеру, в свои почти 18 лет не курит, не пьёт, сквернословит в исключительных случаях (процесс сдачи ЕГЭ, видимо, один из этих немногих случаев!). Она не носит татуировок, не убегает из дома, не конфликтует с родителями... Но при всём при том моя дочь очень любит рок-музыку! И терпеть не может попсу, которая, видимо, у способной мыслить молодёжи ассоциируется именно с бабским гламуром и прочей «тупизной»!

Как-то в разговоре с самарским известным композитором я услышала поразившую меня информацию. Оказывается, среди заключённых, если учесть, что все мы родом из детства, кого только нет в формате школьной успеваемости — троечники, отличники, даже золотые медалисты. Нет только среди преступников тех, кто волею судьбы получил в детстве музыкальное образование. Один из самарских областных депутатов, будучи куратором «зон», тоже в своё время услышав эту информацию, взял её на карандаш. И решил проверить на соответствие с суровой действительностью. Он при посещении мест лишения свободы в качестве депутата уточнял, если ли среди заключённых люди с музыкальным образованием, полученным в детстве. И каждый раз с удивлением убеждался — таковых нет! Вывод из сказанного? Музыкальное образование, полученное в детстве, не только прививка от дисгармоничной-диссонансной музыки, но и залог добропорядочности гражданина. Видимо, соприкоснувшись с музыкальной классической гармонией, душа человеческая обретает особенную чувствительность ко всякого рода дисгармонии и греху. Кто знает, может, моё равнодушие к року, как музыкальной культуре, за редкими консонансными исключениями в виде «битлов» и «квинов», есть благодатное следствие пролитых мной в детстве за ненавистным фортепиано слёз? Может, именно те горькие корни ученичества дали моей душе сладкие плоды любви к музыке и гармонии? И может, дабы оградить своего ребёнка от неизбежных искушений в жизни, его стоит отдавать учиться в музыкальную школу? Хотя бы даже и добровольно-принудительно, как было в моём случае...

* * *

Не могу обойтись и без исторических параллелей. Ощущение некой слиянности с природой и с изначальной вольностью души, видимо, были не последними факторами существования Запорожской Сечи, разогнанной императрицей Екатериной Великой. Массовые фестивали, вроде «Рока над Волгой» или той же «Груши», видимо, дают возможность людям хоть ненадолго ощутить не столько свободу (столь часто ныне декларируемую, но реально не существующую), сколько — **волю**, природную исконную волю человека, данную ему свыше. А слиянность с природой добавляет этому ощущению романтики. У запорожцев врагом был, как известно, турецкий султан, сочиняя письмо которому казаки не стесняли себя в выражениях. На «Роке над Волгой» таким «турецким султаном», как становится очевидно из реплик окружающих, является попса. Обнаглевшая, безголосая, но при этом голосистая бабская попса. Видимо, тут сказывается различное начало в разных музыкальных направлениях. У рока — выраженное мужское начало. Потому даже прекрасные представительницы рок-музыки не переполнены избыточной женственностью. В то время как в поп-культуре даже мужчины-исполнители весьма женоподобны.

* * *

Забавный и парадоксальный мы народ — русские! Толпой идём на немецкий «Рамштайн», немцы со сцены поливают нас, как хотят, в канун Дня России и в юбилей нашей Сталинградской битвы. Мы утираемся, радуемся, что приобщились к искусству. Зато после фестиваля, толпясь на перроне в ожидании электрички, вдруг начинаем азартно кричать: «Русские, вперёд!» И вся толпа с энтузиазмом подхватывает этот клич. Он лавинообразно нарастает, пока вдруг какой-то парень не кричит: «Ё..., куда вперёд? Там же рельсы!» Стоим-то на перроне! Благодушно хохочем! Кто-то в толпе шутит об Анне Карениной, кто-то о Ельцине — мол, на рельсы только после

них... Но ощущение всеобщей эйфории, единения ещё долго витает в воздухе. Чем не Запорожская Сечь! «Русские, вперёд!» Только не на рельсы!

* * *

И всё-таки грустно! Не потому, что фестиваль «Рок над Волгой» закончился. А потому, что это воистину какой-то рок. И не только над Волгой, над Россией тоже. Я не против того, чтобы на Волге в год Сталинградской нашей Победы пели под овации русских людей немцы из «Рамштайна». Но пусть поют «Катюшу», хоть даже на немецком языке! А ещё я не против, если бы в юбилейный год взятия нашими дедами Берлина под овации немцев возле Рейхстага пели русские рокеры на русском языке. А немцы бы в количестве полумиллиона человек кричали русским «Ура!» А почему бы и нет? Всё-таки не немцы, а русские победили во второй мировой войне. И как так вышло, что с лёгкой руки власти дети-внуки-правнуки российских победителей стали фанатами немецкой группы... чуть не написала — группы войск. И когда мы наконец поймём на самом высшем уровне, что культура национальная — основа национального духа и часть воинства национального, и ей надо позволить работать не Россию. Если мы не кормим свою армию, будем кормить чужую. Если мы не любим своих национальных поэтов (а музыкант, памятуя вышецитированного Бетховена, тоже поэт!), будем вынуждены «любить» чужих.

И чему тогда удивляться, что господдержка патриотизма в том же Самарском регионе идёт в рок-формате (если немцев на Волге, конечно, можно считать российскими патриотами). И если так по факту, то не надо возмущаться, что в городе Тольятти апологеты секс-меньшинств в формате флэш-моба выкладывают презервативы возле Вечного Огня. И тем в очередной раз «прославляют» Самару на всю Россию! При этом вполне искренне молодые тольяттинцы, выложившие презервативы у Вечного Огня, не понимают, а что тут такого? Ну презервативы! Ну у Вечного Огня! А чем это хуже рок-фестивальной имитации гомосексуального совокупления на сцене? Или чем хуже «художественного немецкого» семяизвержения на русскую публику в год Победы в Сталинградской битве в формате мероприятия, приуроченного к государственному празднику День России? Вы так и не поняли, о чём я? А я всё о том же — о государственной поддержке русского патриотизма, в которой мы вполне можем обойтись без немцев и без глумления над русской публикой, без «художественно-креативной» похабени, оплаченной нашими же налогами и из нашего же кармана.

Диана КАН

ПОЭТЫ ТАТАРСТАНА

Редакция «Аргамака» публикует сегодня выстраданные, проверенные временем стихи народных поэтов Татарстана Равиля Файзуллина и Роберта Миннуллина, совсем недавно отметивших юбилейные даты (соответственно 70 и 60). Поздравляя юбиляров, мы желаем им крепкого здоровья и творческого долголетия.

В предисловии к своей юбилейной книге «Вечность мгновения», изданной Татарским книжным издательством на двух языках — татарском и русском, Равиль Файзуллин пишет: «В своё время я довольно активно занимался переводами. К этому были привлечены как наши казанские мастера слова (Рустем Кутуй, Николай Беляев, Мария Аввакумова и др.), так и видные представители русской литературы (Владимир Солоухин, Юрий Кузнецов, Лариса Васильева, Владимир Цыбин и др.). Но так получилось, что в последние пятнадцать-двадцать лет я не уделял должного внимания переводческому делу. Можно назвать немало причин, может быть, не совсем обоснованных: бурные перемены в обществе, разочарование в некоторых идеалах, прежде всего социальных, в некоторых духовных ценностях...»

Мы знакомим сегодня читателей со стихами Равиля Абдрахмановича как раз из этой, во многом знаковой его книги в переводе упомянутых им авторов. Это не случайно. Во-первых, выход таких книг на двух государственных языках — ещё одно свидетельство: что-то всё-таки меняется в нашем общественном сознании. И писателям, и художникам, и музыкантам, и актёрам хочется надеяться, что душа читателя, зрителя, слушателя устала от навязываемых ТВ гламура, попсы, постмодерняги, тупого зубоскальства «Камеди клаб», что она потянулась к чему-то заветному, сокровенному, родному, национальному, и, к счастью, незабытому. Без заветного, сокровенного, родного, национального не может быть подлинного искусства.

И второе. Обратите внимание на мастерство переводчиков — истинных русских поэтов, включая Рустема Кутуя, остающегося по своей национальной сути и татарским поэтом. Приходится признать — из-за причин, точно названных Равилем Файзуллиным, существовавшая в советское время школа художественного перевода была попросту ликвидирована горе-реформаторами. К сожалению, не только из соображений экономии на гонораре.

Гонорарного фонда и ныне недостаёт литературным изданиям. Но я хочу сказать о другом. Русские поэты, названные Равилем Файзуллиным, никогда не относились к переводу, как к шабашке, к «халтуре», в отличие, скажем, от многих авторов энциклопедии татарской поэзии на русском языке, изданной в Москве пару лет назад.

Оговорюсь, что это моё личное субъективное мнение. Я согласен со всеми, кто утверждает, что школу поэтического перевода необходимо возрождать. Добавлю, что при этом не стоит забывать о былых традициях, что надо надеяться на собственных талантливых переводчиков, а не только на московских любителей «срубить капусту».

Слава Богу, хорошие переводчики в родных пенатах были и есть. Первым назову уже покойного Сергея Малышева, творчески взявшего эстафету от своих предшественников. Отдельная значительная фигура сегодняшнего дня — Наиль Ишмухаметов, неожиданно проявивший вслед за переводом и собственное поэтическое мироощущение. Особо хочу отозваться о подвижнической деятельности Веры Хамидуллиной, заявившей о себе не только как о поэте и переводчике, но и рискнувшей на авторский издательский проект для детей и юношества на нескольких языках. Благое дело! Взялся за переводы

и Рамиль Сарчин — тридцатисемилетний кандидат наук, критик, литературовед, поддерживающий в нашем «Аргамаке» своими аналитическими статьями рубрику «Поэты Татарстана». Народный поэт республики Роберт Миннуллин представил рядом с ним в качестве переводчика своих стихотворений и Марата Ямалова. Продолжают оттачивать своё мастерство в деле перевода Лилия Газизова и Алёна Каримова.

Всех в коротком предисловии упомянуть невозможно. Но опереться в благородном и нужном деле в родном Татарстане есть на кого.

Николай Алешков

РАВИЛЬ ФАЙЗУЛЛИН

КАЖДЫЙ МИГ УХОЖУ...

* * *

Всё меньше тех, кто говорил мне «сын мой...»
Ушли отцы и деды в свой черёд...
Одна надежда: если жить достойно,
народ, быть может, сыном назовёт.

Перевод Марии Аввакумовой

ЕЩЁ

Беда, что когда-то согнёт,
ещё не пришла на крыльцо.

Ромашкой под солнцем цветёт
земля, что покроет лицо.

Перевод Р. Бегишева

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОДНОМ БАНКЕТЕ

Было там слово любому дано.
Но — среди тостов серьёзных и тонких —
всех содержательней было вино,
красноречивее — взгляд незнакомки.

Перевод Марии Аввакумовой

КОГДА ТЫ КУПАЛАСЬ В НОЧНОЙ ИДЕЛИ

На черноте воды ты —
белая ворона!

Ревную к маякам?
И что так размигались?..

Перевод Марии Аввакумовой

* * *

Что проку от платья красивого,
когда любоваться некому.
Что проку от тела сильного,
когда приласкать его некому.
Что проку к вершине далёкой
взойти, — а встречать тебя некому.
Что проку от тайны глубокой,
когда и довериться некому.

Перевод Рустема Кутуя

НАША ЗЕМЛЯ

Край родимый покидая,
смуглокожий пел джигит:
«Здесь вода едва живая —
Шурале и тот сбежит...»

Возвращаясь в край родимый,
седовласый пел старик:
«Здесь ласкает паутина,
соловья поит родник...»

Перевод Рустема Кутуя

АВГУСТ В ЯБЛОНЕВОМ САДУ ЗА ДЕРЕВНЕЙ

Тишина какая!.. Кажется, что слышишь,
как паук на ветке паутину ткёт.
В этот век машинный, в этот век ревущий
тишина такая дважды не придёт.

В небесах полночных на спине плыву я,
равный среди равных,
звёздам брат земной.
... Яблоко упало в тишину густую,
словно плод прекрасный тишины самой.

Перевод Марии Аввакумовой

МОЛНИЯ

Гром раскатился.
Молния деревом вниз проросла.
Белым, ветвистым.

Не тень ли её в Сахаре —
я встретил потом
знойные трещины?
Не эхо ль её на закате
звоном в крови пробегает?

Перевод Рустема Кутуя

ДЕВУШКА ПОЗИРОВАЛА СКУЛЬПТОРУ

Б. Урманче

Улыбалась юная гордячка,
про себя смеялась: «Мастер, мастер,
мёртвый камень так и будет камнем,
а ведь я-то всё-таки живая...»

Время шло. Ушёл из жизни мастер.
Но — живут задор и юность в камне.
Сгорбленная белая старушка
вечный мрамор трогает и... плачет.

Перевод Николая Беляева

* * *

Черта горизонта светла и легка.
Беззлобные мимо плывут облака.
А я ухожу.
Каждый миг ухожу.

Нива шепчет о добрых делах.
Слова о любви неустанной — в устах.
А я ухожу.
Каждый миг ухожу.

Перевод Марии Аввакумовой

ЛЕБЕДИ

Как угаснет осень — не наступит лето,
не споют зимою в роще соловьи.
Вы куда собрались,
вы куда спешите,
разве вышли сроки, лебеди мои?

Отпылала юность огненным закатом,
листьями пожухли дни моей любви.
Ах, зачем так скоро,
ах, зачем так рано
улетать должны вы, лебеди мои?

Только я поднялся и расправил плечи,
как уже полжизни где-то позади.
Неужели время,
неужели время
мне прощаться с вами, лебеди мои?

Перевод Вадима Кузнецова

* * *

Полощут девушки бельё
и складывают в вёдра.
А солнце рыжей кошкой льнёт
к их загорелым бёдрам.

Растут сугробины белья
как песня — нота к ноте.

А я... завидую им я,
весёлой их работе.

Ах, если бы я тоже смог,
нагнувшись к речке ближе,
прополоскать холстины строк,
тоску, как воду, выжать!

Ах, если б выпало и мне,
раскачиваясь гибко,
нести, как вёдра на плечах,
и радость,
и улыбки!

Чтоб песни,
сложенные мной,
когда бы их запели,
дышали б речкой, чистотой
и на ветру звенели!...

Полощут девушки бельё
и складывают в вёдра.
А солнце рыжей кошкой льнёт
к их загорелым бёдрам.

Перевод Вадима Кузнецова

* * *

Эх, канаты бы обрубить,
на плотах по Волге уплыть!..

Если жизнь и впрямь хороша —
задохнётся от счастья душа,
ну а если в ней что-то болит —
пусть застонет, заплачет навзрыд.

Эх, канаты бы обрубить,
вниз по волнам уплыть!..
Только Волга душу вместит,
и поймёт меня, и простит!

Перевод Николая Беляева

* * *

Смертью своё бессмертие
завоевали наши поэты.
Кто-то спросит:
— А где свидетели?..—
Я молчу.
За меня отвечают могилы —
Тукая,
Карима,
Кутуя,
Джалиля...

Знали наши поэты, как умирать.
И жизнь у каждого так коротка!
А ведь смертью бессмертие завоевать
не единственный путь на века...

Перевод Николая Беляева

* * *

Нет врагов у меня.
И друзья, и товарищи есть.
Есть порой раздражённые,
даже недобрые взгляды.
Но не вижу врагов, с кем сражаться
считал бы за честь.
Может быть, потому, что стихи
не выносят неправды.

Если кто-то из тех,
кто святое в себе растоптал,
клеветой, словно выстрелом,
в спину ударит,
не скажу и ему, что отныне
врагом моим стал.
Враг — серьёзное слово.
А этот пока зубоскалит.

Я скажу ему: «Нет,
ты ещё не дорос до врага.
Ты меня недопонял...
Ты просто ошибся
невинно...»
... Интересно и весело быть
невозможно наивным
в мире, где у кого-то
однажды
не дрогнет рука...

Перевод Николая Беляева

АЗБУКА КОЛОНИЗАТОРА

С родной земли
сгоняя племена,
жене и детям объявляет гордо:
«Я их победил!..»

В иные времена
вещает внукам твёрдо:
«Я этот край освободил!..»

Немало лет пройдёт.
В двор скотный превратив места могил,
в стихах воскликнут дети внуков:
«Отечество моё!..»

Перевод Рустема Кутуя

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НА РАВНИНЕ

На берегах морей не терпят рабства!
Твердит об этом каждая волна:
«Как я свободен будь!
Как я свободен!»

Живущие в горах не терпят рабства!
Их наделяет твёрдостью скала:
«Свободой гордым будь!
Свободой гордым!»

Родной мой край — широкая равнина.
Лепечет что-то маленький родник,
на дне порхают тени мотыльков...

А в сердце —
плеск
и блеск орлиных крыльев!

Перевод Р. Бегишева

ПОСЕРЕДИНЕ

Гаруну Тазиеву — всемирно известному вулканологу

В чреве нашей планеты,
в капище преисподнем,
огненно дышит дьявол —
чёрное солнце тьмы.

А высоко над нами,
в галактики тронном зале,
другое царствует солнце —
Бог наших светлых надежд.

Солнц этих посередине,
на жёсткой планетной корке,
цветок распускается,
сокол
вдоль кромки
небесной парит.
А вот посмотри: источают
розовый праздничный запах
солнышки земляничин —
пламя их скромно горит.
Ещё человек — между...
Между огней величайших
бегает,
падает,
ползает,
плачет,
хохочет...
Живёт человек, претендуя
на всемогущество в мире
между величием духа
и оскверненьем его.

Перевод Марии Аввакумовой

КАСКАДЁР

В огонь и воду дерзостно кидаться,
В машине в столб на скорости врезаться,
В грохочущий запрыгнуть товарняк...
И от костлявой всякий раз — на шаг!

Нам в этом деле, да, не до улыбок —
Никто не застрахован от ошибок,
Но трюки предпочтём свои без слов
Всем трюкам политических дельцов.

Для нас не трюки это, а работа,
Чтоб истинно и до седьмого пота!
Риск и искусство — их пути на «ты»,
И если падать — только с высоты!

В кино обычно мы на заднем плане,
А впереди — герои на экране!
Бог весть, как удаётся им сыграть
и боль, и страх чужих переживаний?!

Но каково нам — сильным и здоровым —
Осознанно бросаться в катастрофы,
Где в экстремальных случаях порой
Душа, глядишь, предательски и дрогнет...

И смерти тень мелькнёт перед тобою,
Когда тягаться вздумаешь с судьбою.
И сколько ты в тарзанах ни ходи,
Жизнь у тебя всего одна — не более!

Но в этом мире, где смеёмся, плачем,
Удел нам каскадёров предназначен.
Любой из нас от роду каскадёр —
И лишь зовётся, может быть, иначе...

Перевод Розы Кожевниковой

КОГДА ТЫ ПЛЕЧ МОИХ КОСНУЛАСЬ...

Ночью,
Когда бунтовала пурга,
Мы сидели вдвоём, в тишине —
И вдруг...
Моего плеча коснулась твоя рука,
Как апреля луч среди зимних вьюг.
Разбежались по телу
Синие ручейки,
Запах тёплых дождей
Коснулся моей щеки,
и глаза от радости широко распахнулись,
словно тьму ночную
до дна прозрели,
и слова, ненароком прихваченные
с окрестных улиц,
как монеты потёртые,
закатились в щели.
Деревянная ручка на моём столе
Распустила листья!
Вещи стали шептаться, точно ожили тоже
(это было так на что-то из детства похоже!),
И машинки печатной клавиши —
Сами! —
Написали слова —
Человечные самые...
Тоненькая рука твоя мне
Показалась радугою в окне,
И под ней
Мимо комнаты моей небольшой
Человек открытой души прошёл...
Этой ночью холодной,
Когда город тонул в снегу,
Ты ко мне привела весну —
С радостью, с радугой,
С ливнями, с листьями...
Но если в каждую комнату
Ты вносишь весть о весне —
Ой, нелегко будет мне!

Перевод Лидии Григорьевой

* * *

«У дочери седого лесника
венок из ландышей...»
(Из мальчишеского дневника)

Давно тебя не видел я, давно...
Живёшь, наверно, далеко, —
за тридевять земель, за дымом облаков,
за солнечной грядой,
за белою луной...
В моём окне темно.

Лесная девочка, моё лесное эхо,
откликнись серебристым смехом.
Давно тебя не слышал я, давно...

А вдруг увижу и услышу —
и словно звёзды упадут на крышу.
«Но где же? Как случилось? Надо же...
Если это ты, где венок из ландышей?»
Давно расстались мы, давно.
А времени вернуться не дано...

Дожди упали. Лист истлел. Пришли снега.
А я, как в детстве, всё играю в «ладушки».
Всё жду.
Твержу:
«У дочери седого лесника
венок из ландышей...»

Перевод Рустема Кутуя

ЭТЮД-ИДИЛЛИЯ

Человек до Луны добрался,
счастье ища неземное.
А мы вот на родине дедов
окна с тобою моем...

Весне новоселье справляя,
люди дома свои моют
с улыбкой, с открытыми душами.
Природа и та помогает:
то дождик прольёт, то обсушит...
Девушки с вёдрами бегают
туда и обратно — бегом.
Плещутся вёдра, плещутся
колодезным кипятком!
Кто этот славный обычай
придумал, — спасибо ему!
Весны новоселье справляя,
люди дома свои моют
до самой последней щели,
в самом глухом углу...

Человек до Луны добрался,
счастье ища неземное.
А мы вот на родине дедов
окна с тобою моем:
я водой поливаю снаружи,
ты — с другой стороны, изнутри.
Ручьи — по стеклу и раме.
Всё чище и чище меж нами.
Вечер пришёл. Даже звёзды
ярче сегодня сияют.
Сына возьмём на руки
и будем смотреть, как Луна
звёздный парад принимает.

Перевод Марии Аввакумовой

РАМИЛЬ САРЧИН

ЗЕМНЫЕ КОРНИ ВЕЧНЫХ ИСТИН

За полстолетие творческой жизни Равилем Файзуллиным написано несколько сотен стихов, издано около трёх десятков сборников на татарском языке. Переводы его стихов на русский язык сделаны такими мастерами поэтического слова, как Рустем Кутуй, Мария Аввакумова, Вадим Кузнецов, Равиль Бухараев, Лидия Григорьева, Роза Кожевникова, Николай Беляев, Владимир Солоухин, Владимир Цыбин, Вячеслав Баширов и другие. Десяток книг стихов на русском языке изданы престижными издательствами «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Советская Россия», «Современник», «Детская литература», «Художественная литература» — преимущественно в советское время.

Творчество поэта практически с его первых шагов стало предметом разговора собратьев по перу, литературных критиков и литературоведов. Из их работ составлена объёмная книга «Равиль Файзуллин: Современность. Творчество. Личность», в конце которой приведена богатая библиография написанного о жизни и творчестве поэта, включающая указания на сотни источников.

Первое, на что обращают внимание исследователи — это широта поэтического кругозора художника. Впрочем, при многообразии тем лирики Равиля Файзуллина, образно-тематический спектр его творчества на общем фоне татарской поэзии типологичен и сводится к следующим основным темам: родина, любовь, суть и назначение поэта и поэзии, тема татарской нации, её истории, языка и в целом культуры, философская тема смерти, смысла жизни и её ценностей. Среди наиболее зрелых произведений, отражающих

нравственно-философскую основу мировоззрения и творчества поэта, отмечу «Что за дума тайная у этого обрыва?..», «Светлая мелодия», «Возможно ли, не знаю сам...», «Миражи», «Мой язык», «Птицы», «Наступит день...», «Небо тучами с утра...», «Разбился арбуз...», «Так где же мы...», миниатюры «Дождь насквозь пронизывает свет...», «Поднять ружьё, курок на взвод...», «С вершины лет смотрю...», «Усталый от земных забот...» и др.

Но типологичные по своему характеру темы лирики поэта не сводятся к традиционному перепеву, а окрашиваются мотивами, свойственными лишь Равилю Файзуллину, придавая его творчеству «лица необщее выраженье». Вот, например, как он пишет о татарском языке, связывая его с детством, что вводит в стихи о *родном* органичную интонацию сокровенности, душевную теплоту, интимность и чуткость пережитого: «На языке моём смеются дети // среди лугов в ромашковом дыму»*.

Говоря о многотемности лирики Равиля Файзуллина, следует отметить многовекторность и широту нравственно-философских исканий поэта, его усилия по определению истоков, основ и ориентиров жизни и творчества. Он размышляет о родине и долге перед ней, о труде, о чести и совести («Только не звучал бы глухо // голос совести моей!»), о любви, вере и надежде («надо помнить о любви и вере»; «Не вырублена полностью надежда — // и почкам веры высохнуть не даст»), о проблеме выбора и самоопределения, о самоотверженности («... путь — с тяжким грузом, нагорний — // в судьбе // любой человек волен выбрать себе»), о человеческих характерах и сущности человека в целом («Живёт человек, претендуя, // на всемогущество в мире, // между величием духа // и оскверненьем его»), о бытии и вечности («... планов бесконечность // и мыслей ход мы устремляем в Вечность. // И тем силён и славен Человек!..»). ...И неизменно эти размышления приводят к «горнему» — к идеалам, составляющим основу и стержень человеческой жизни. Вот, например, как сказано поэтом о надежде: «... надеждой // жив человеческий род!» («Сказки, я к вам возвратился...»).

Поэзия Равиля Файзуллина — это поэзия постоянных раздумий, парящая в сфере интеллектуальных поисков. Даже беглое прочтение стихов Равиля Файзуллина даёт понять, насколько она медитативна. Но его интересует «не холодное умствование, не рассудочное философствование, а сам миг зарождения мысли, ещё тёплой, живой, не оторванной от «вещной», земной оболочки» (Рафаэль Мустафин). И возможно это становится посредством семантически насыщенного образа. Своей метафоричностью поэт воздействует на читателя, как, например, в великолепно исполненном верлибре «Разбился арбуз...», в котором образ арбуза становится метафорой земного шара, выразившей боль и озабоченность человека за судьбу планеты. Причём поразительно, что при всей философичности стихотворений Равиля Файзуллина выражены они в лаконичной форме — примечательной особенности его творчества (как не вспомнить здесь чеховское «краткость — сестра таланта»).

Лаконизм стихов Равиля Файзуллина обусловлен острым чувствованием времени, драматическим ощущением и пониманием конечности жизни и её мгновенности. А значит — и ценности. В стихотворении «Старость», где это «время года» в жизни человека дано в виде зимы, в противоположность ей льёт весенний дождь — примета вечно обновляющейся жизни. И дождь столь значим, что поэт даже признаки его оформляет как отдельное предложение, наделяя их предметностью и действенностью: «Дождь идёт. Весенний. Чистый». И дождь этот даёт человеку возможность осознать своё место и значимость в мироздании, как бы «маркирует» его в нём.

С помощью лаконичности поэт добивается многозначности, наделяя свои стихи свойствами иносказания, притчи, афоризма («Слетела капля с мельничного коле-

* Стихи поэта цитируются по наиболее полному и авторитетному русскоязычному изданию его произведений: Файзуллин Р.А. Лунные тополя: Стихотворения: Пер. с татарск. — М.: Худож. лит., 1990.

са...»). Афористичность лирики Равиля Файзуллина отчасти объясняется его приверженностью традициям народно-песенной поэзии, систематическим изучением которой поэт занимался, обучаясь в аспирантуре при Академии наук.

Выразить глубокую мысль в краткой форме помогает излюбленная метафора, семантически насыщенная, изначально конкретная образность. В то же время своеобразие лирики Равиля Файзуллина заключается в том, что образная конкретика его стихов не связана с созданием той или иной реалистической картины, а ведёт к выражению внутреннего. В «Затмении солнца», явно написанном как отклик на вполне конкретное и неординарное явление природы, солнце становится символом вечного, божественного, поразившего, от соприкосновения с которым очищается и светлеет душа человека. То же прояснение души происходит и в стихотворении «Часы с кукушкой», но уже через иной образ — в данном случае самый будничный, бытовой.

У Равиля Файзуллина мысль и образ образуют органическое единство, какое свойственно разве что афоризмам. Не случайно большой корпус его стихотворений — это миниатюры: от одностиший до восьмистиший. Можно сказать, это излюбленные жанры творчества Равиля Файзуллина. Столь любимые, что даже «крупные» стихотворения, выстраиваются по их типу, как наблюдаем, например, в третьей части «Взгляда»: «Как ласков и хрупок по-детски снег новогодья! // Дышит Земля, как грудь матери. // Свет зреет в зерне, темнотой укрытый. // Прекрасны надежды людей. // Старое и новое — через удар сердца». Здесь что ни строка, то — одностишие. Другой пример — «Стоял бы здесь вечно...», где каждая строфа — двустишие, которое само по себе может восприниматься как отдельное самодостаточное произведение: «В чужой стране и тень моя горбата. // Приметил сразу. // В городах миллионных нет моей доли. // И путь без следа. // В переполненных храмах высок потолок. // Я меньше свечки». Фразы словно рубленые, не связанные друг с другом, поэтическому дыханию в них будто бы тесно. Они не дают развернуться поэту, стесняют его, сковывают душу, но это вполне соответствует эмоционально-смысловому содержанию. Но, как только речь заходит о родине, интонация совершенно меняется: «... Но, как я высок // на весёлом прогретом пригорке деревни, // вернувшись. // Дымок разметался над крышей. // То детство и юность мне машут. // Стоял бы здесь вечно // и запах родимый вдыхал».

Откуда такая приверженность поэта к миниатюрности письма? Видимо, прав В. Туркин, писавший, что «именно острое ощущение Времени (у Равиля Файзуллина оно всегда с прописной буквы — Р.С.) в малейших его — даже секундных — проявлениях и потянуло Равиля Файзуллина к коротким стихам». Сам же поэт вот что говорит о миниатюрах: «Короткий стих популярен в народе. Простота, краткость, концентрированность мысли, изящность формы, наконец, лёгкость чтения импонируют читателю... В малых формах, как солнце в капле, ярко проявляется индивидуальность поэтического мышления. Ведь выразительные средства в коротком стихе почти сведены к нулю: две-три строки... Признаюсь, работа над короткими стихами даёт мне больше удовлетворения, чем над длинными. Возможно, это и оттого, что в них есть элемент эксперимента и риска».

Лучшие миниатюры поэта, обладающие большой смысловой и эмоциональной мощью, направлены на постижение вечностных основ бытия. Как никому из татарских поэтов Равилю Файзуллину свойственно чувство меры. И в то же время поэтическое мышление Равиля Файзуллина отличается беспредельностью, планетарностью. Здесь-то как раз и уместно сказать о том, что составляет основу его поэтической личности. Это романтическое мироощущение и миропонимание автора. Равиль Файзуллин — поэт-романтик. И все вышеназванные особенности его лирики вполне соответствуют романтическому умонастроению: широта тематики и углублённость

в раздумья — это ведь от стремления прозреть искомые идеалы; лаконизм, афористичность, семантически и эмоционально насыщенная образность — от желания наиболее экспрессивно выразить их в жизни.

Лирическое Я поэта везде и всюду. По-иному и быть не может, ведь он максималист по своему характеру: «... Или — быть самым первым! // Или — совсем не быть!» («Подснежник»). Такая позиция лирического героя вполне отвечает духу известных поэтов-шестидесятников (Вознесенский, Рождественский, Евтушенко и др.). С учётом того, что лирика Равиля Файзуллина вызревала именно в эти годы, хотя и на ином поэтическом пространстве, его лирический герой вполне современен и в то же время «бессмертен». И интересен тем, что именно он является хранителем, носителем и воплотителем вековечных ценностей человеческого существования, воплощающим их в слове.

Также как лермонтовский Демон, лирический герой Файзуллина *всемирен* и *всевременен*, его пространственные и временные масштабы велики, что позволяет поэту представить его, например, в образе Авиценны — средневекового учёного, философа и врача: «Когда-то был я здесь, // так память говорит и навевает виденья... // Когда-то был я здесь — // песком сыпучих дюн, // мелькнувшей птицей, // суховеем...» Романтический герой Равиля Файзуллина может существовать только в необозримом мире, здесь его мятущейся душе есть где разгуляться. Как и на исторических пространствах родины («В Булгарах»).

В основе поэтического мировоззрения поэта две составляющие: вера и мечта, которые очень часто у Равиля Файзуллина соседствуют, семантически сопряжены. Вера и мечта — вера в мечту, в мечту о высоком. Это словно два крыла, поднимающие человека над обыденностью, дающие ему возможность ощутить высоту человеческого духа. Они придают его стихам лиричность, сокровенно-исповедальный, порой интимный характер. Это оттого, что философия жизни, в конечном счёте, сводится к отдельному человеку, к проблемам его личности и судьбы. В центре всех философских исканий — человек, мир его души, мир его чувств и мыслей.

У поэта-философа и поэта-романтика своеобразная поэтическая интонация, отличающаяся предельной экспрессивностью, что достигается благодаря многообразным экспериментам в области ритма. Ритмы его стихов далеки от «ровных» ритмов классической поэзии, в основе которых «правильные» чередования ударных и безударных слогов, строк с их равным количеством, как правило, рифмованных строк. В свете ритмики стихи Равиля Файзуллина, скорее, дети XX века — с его дисгармоничностью, хаосом. Но таланта поэта хватает на то, чтобы даже это привести к некой гармонии, искомой и необходимой для достижения утраченного Временем идеала — человечности, прежде всего. Поэтому даже аритмия в его стихах упорядочивается. Поэт неустанно, чуть ли не для каждого стихотворения разрабатывает свой, неповторимый ритм, что позволяет говорить о музыкальности его творчества. Практически каждая тема, каждая мысль получают своё «музыкальное» решение, в самой многообразной нюансировке представляя душевные движения автора.

Музыкальность лирики Равиля Файзуллина явлена не только в ритмике стихов, но и в их «музыкальной» образности, насквозь их пронизывающей. В них звучат «лады-печали» щемящих душу татарских народных песен «Рамай», «Аллюки», «Караурман», «Сарман», «Гульджамал»; незримо присутствуют образы музыкантов, их произведений. В стихотворении «Белый парус», опять-таки воскресающем в памяти «Белеет парус одинокий...» М. Ю. Лермонтова («визитную карточку» русского романтизма), посвящённом Назибу Жиганову и рассказывающем о его судьбе, в уста персонажа вложены слова, выражающие смысл музыки в жизни композитора и, конечно же, самого Равиля Файзуллина.

Музыкальные образы, песенные мотивы, мелодия — верные спутники стихов поэта. Стихотворение «Светлая мелодия» решена, словно своеобразная песня, посредством контрапункта двух мотивов. Они даже графически отделены друг от друга. Но в единстве и целостности своей они неповторимо «озвучивают» музыку души автора, выражают его внутренний настрой — на выражение самого дорогого. Музыка призвана выразить настроение человека. В тексте стихотворения «Си минор» нет ни одного слова и образа «музыкальной» тематики, но тем не менее всё оно направлено на выражение тоски — того состояния, когда «душа от чёрной мысли стонет». А стихотворением «Песенка развевающегося белья» вообще измеряется человечность: «А люди, мы знаем, песенки любят // счастливые, грустные, // тихие, громкие. // На то они люди, на то они люди, // что множество песенок разных любят».

В этой цитате таится ещё одна яркая особенность Равиля Файзуллина — его приверженность к цветовой символике, яркой, сочной, контрастной, практически не знающей полутонов. Цвет, как и музыка, помогает выразить самое наболевшее в душе поэта, психологическую сложность переживаемого. Цветовая гамма в поэзии Равиля Файзуллина экспрессивна, поскольку выражает внутренний мир лирического героя и персонажей стихотворений, их душевное состояние. В миниатюре «Вечерние цвета» ставка на экспрессию цвета, его контрастность, как и на свойственный поэту лаконизм, помогает решить художественную мысль произведения. Здесь всё держится только на этом.

Завершая разговор о романтизме поэта Равиля Файзуллина, хочу подчеркнуть, что всё же это лирика человека «земного», а не человека «не от мира сего». Это ныне живущая бок о бок с нами личность со своими вполне конкретными радостями и горестями, со своими ценностями. Поэтому такой теплотой наполнены строки о матери, любимой, семье, «малой» родине, Волге, красоте творящегося на глазах мира... Но вознесены они до уровня Идеала, поняты в свете вечных истин, составляющих основу человеческого существования, по сущности своей — «необычайного»: «... На лугу бродит лошадь печальная, // и доносится песенка дальняя. // Есть у жизни необычайное» («Необычайное»). И они, эти вечные истины, как и сам поэт, не оторваны от своих земных корней, имеют чёткие ориентиры. И весь романтизм поэта продиктован лишь одним — острой необходимостью утверждения этих идеалов в жизни человека. Этим определяется актуальность творчества поэта в нашей с вами современности.

РОБЕРТ МИННУЛЛИН

ЛИСТВА ГРУСТИТ ПО НЕБЕСАМ

ОДА ЗОЛОТУ

Совсем непоэтичные дела –
Осанну петь кому-нибудь в угоду,
Но если речь о золоте зашла,
Сегодня я ему слагаю оду.

Предмет, конечно, малость мелковат
Для гимнов и высоких песнопений,
Но *золото* относится к словам,
Имеющим по несколько значений.

Пусть первое значение не в счёт:
Поэту ли металлом восторгаться!
Но в *золоте* содержатся ещё
И нематериальные богатства.

И славлю я то золото земли,
Что светится значением высоким,
Которое ничто не умалит
Под небом голубым, золотооким,

Как не иссякнет золото хлебов,
Взращённое руками золотыми,
И матерей великая любовь –
Золотосердая — мы живы ими!

Пою я золотые имена,
Написанные золотом по камню,—
Пусть ими вечно славится страна
И золотыми множится веками.

Пусть будут оды петься без конца
О хлеборобах, матерях, солдатах!
На среднем пальце золото кольца,
Завещанное мне отцом когда-то,

Ношу и постараюсь уберечь
Для сына — значит, ода и об этом
Металле, если — о высоком речь,
И если ты родился быть поэтом.

Перевод Рамиля Сарчина

ПОСЛЕДНЯЯ ЛИСТВА

Пора переселенья душ
Творится будто бы на свете!
По осени от первых стуж
Листвою окрылился ветер.

Но с опереньем золотым
Ему кружить совсем немного:
Сгорят осенние листы,
Падут на землю одиноко.

И в том не осени вина –
Она сама-то мимолётна.
Что жизнь утратами полна,
Печалиться из года в год нам.

Но как не верить чудесам:
Едва успеет опуститься,
Листва грустит по небесам,
Подобно перелётным птицам.

И, быть однажды перестав
Листвой, собьётся в птичью стаю –
И ни единого листа
Ни в мире, ни в душе не станет.

Но, впрочем, и душа сама
Когда-то обернётся птицей...
А там, за осенью, зима
В окно крылами постучится.

Перевод Рамиля Сарчина

НА АГИДЕЛИ

По Агидели белый пароход
Плывёт к огням давно родной Казани.
Я там живу уже который год –
Мне без неё не жизнь, а наказанье.

Но вот сейчас стою на берегу,
И сердце чем-то теплится хорошим.
За пароходом мыслями бегу,
Душой бездонной пребывая в прошлом.

У нас извечно, видимо, в крови:
Не оторваться от родного плена.
Меня дурманит — то ли от любви,
От запахов ли сохнущего сена.

А рядом ивы радостью полны,
Что я остался здесь хотя бы на день.
Они от счастья, как и я, пьяны!
Счастливые: им никуда не надо.

Как чайка по реке черкнёт крылом,
Так и печаль меня едва коснётся.
Но всё же — всюду до того светло,
Как будто в мире два сияют солнца.

Одно румянит неба синеву,
Другое блещет на души затоне.
И родин две, и завтра уплыву
От изначальной к новообретённой...

По Агидели белый пароход
Плывёт неспешно к берегам столицы.
И жизнь моя, как Агидель, течёт,
Волнами встреч и расставаний длится.

Перевод Рамиля Сарчина

НА ХАН-ГОРЕ

На берегу реки Сюнь есть гора.
В народе её называют Хан-горой.

В родном краю, вдаль устремляя взгляд,
Стою на легендарной Хан-горе.
Ещё милее с высоты земля –
Что может лучше сердце обогреть!

Поля, озёра, травы и цветы
И речка Сюнь — родимая купель –
Как на ладони с горней высоты,
К которой с детства сердцем прикипел.

Здесь хан когда-то всем повелевал,
В сражениях его звенели дни.
И, как от ветра клонится трава,
Так подданные падали пред ним...

И я томлюсь загадкой: этот хан
Когда, и где, и от чего почил:
Сломал недуг, от боевых ли ран? –
О том лишь звёзды ведают в ночи.

Наверное, и похоронен тут –
Ведь неспроста так названа гора! –
Здесь тело хана обрело приют,
Когда душа доверилась ветрам...

Отсюда зримей:
Как там ни кружись,
Но есть конец и ханским временам –
И это — жизнь, на то она и жизнь!
И хорошо, когда даётся нам

В краю желанном обрести покой –
За всё, кем был и не был на земле.
А *после* — в светлой памяти людской
Дано бы было время одолеть...

Перевод Рамиля Сарчина

МОНОЛОГ ПУЛИ, УБИВШЕЙ ЛОРКУ

Пусть на меня проклятие падёт
За силу злую, от которой стонет
Земля, и юный Лорка не споёт –
И алой розой вновь не зацветёт
Заря на андалузском небосклоне.

Лишь только одинокий луч блеснёт,
За облачной погаснув поволокой...
Пусть на меня проклятие падёт
За силу злую —
Я убила Лорку!

Я — чёрная печаль, я на земле
Свинец свинцом —
А сколько тьмы бездонной!
Курок нажат. Не вылететь бы мне,
Для смерти человечеством рождённой...

Пусть на меня проклятия падут
Убитых!
Сколько нерождённых песен!..
Без них, не зная радость и беду,
Так страшен мир и так для сердца тесен!

Я в мире этом быть обречена
Самой собой — и в назначенье горьком,
Быть может, скажут, не моя вина.
Но что с того:
Ведь я убила Лорку!

Перевод Рамиля Сарчина

НОЧНЫЕ ПТИЦЫ

Им солнце ясное — кошмар,
Для них блаженство — ночь.
Они летят от света фар,
Как от пожара,— прочь.

Ах, как мечтал я встретить их –
Хозяйки тьмы глаза
И голос, в зарослях густых
Звучащий, как гроза.
В смятенье приводило дух
В бескрайней темноте
Глухое грозное «у-ух!»
Повсюду и нигде...

Раз только ночью голова
Светлеет у совы,
То я по-своему «сова»,
Поскольку днём — увы! –

Я как во сне: просвета нет
В делах и беготне...
Лишь по ночам приходит свет
Поэзии ко мне.

Перевод Марата Ямалова

ТОСКА ПО СОЛОВЬЯМ

Всегда не хватает их пения мне,
Особенно если грущу.
Не зря то и дело в моей стороне
Я пташек любимых ищу.

Когда соловей от души запоёт —
Как будто с ним вместе пою
О юности песню, что рвётся в полёт
В родимом полынном краю.

Никак не уйти мне от слёз на глазах
От пения пташек моих...
Но ни молодым, ни в серьёзных годах
Ни разу не видел я их.

Наверно, затем, что они рождены
Для слуха, а не напоказ.
Наверно, их песни природе важны,
Как нежность и радость для нас.

Всю ночь соловьиный напев мне звучал,
Душа подпевала моя,
И на соловьиный мотив написал
Новую песню я!

Перевод Марата Ямалова

НА ЗИМНЕЙ ТРОПКЕ

Шагаю зимнею тропой,
И снег вокруг дымится.
Вдруг чудо — прямо предо мной
Неведомая птица!

Присела, смотрит на меня,
Чуть наклонив головку,—
Как красоту свою она
Несёт легко и ловко!

И я от живости такой
Сам вроде здоровее:
Ну что ж хожу я как больной
Под шубою своею?

Ну нет, ещё я поживу,
Ещё судьбу взнуздаю...
А птичку я приворожу,
Жаль, как зовут не знаю!

Она же мёрзнет на снегу,
В ней тоже бьётся сердце...
Иди ко мне! Я помогу –
Есть место, где согреться!

Она, лукаво поглядев,
Под небеса взлетела.
Пошёл и я, повеселев
Душой моей и телом!

Перевод Марата Ямалова

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Мне в деревню, где родился,
Не вернуться никогда —
Точно родины лишился,
Оторвавшись навсегда.

Потихоньку разъезжались,
Убывал в селе народ.
И сердца ничьи не сжались:
Назяде-то — пропадёт...

А ведь если б постараться,
Если б только повезло
Сговориться и остаться —
Сохранили бы село.

Сквозь отчаянную жалость
Вдруг казаться стало мне,
Что навечно потерялось
По моей оно вине,

И уже не возродится,
Сколько душу ни тревожь,
Хорошо хоть колосится
Незатоптанная рожь!
Я теперь, когда бываю
У угасшего села,
Всё острее понимаю,
Как потеря тяжела,

И с отчаяньем и болью,
С ощущеньем пустоты
Я кладу у кромки поля
Запоздалые цветы...

Перевод Марата Ямалова

СТАЯ

Я вовсе не из вашей стаи,
И стайный не люблю кураж.
Пускай отступником считают,
Пускай твердят, что это блажь,

За чудака пусть кто-то держит
И шутки шутит надо мной —
А мне звезда иная брезжит,
А мне по вкусу мир чудной.

Мне кучковаться не по нраву,
Застолья — оставляю вам,
Так веселитесь! Ваше право.
А про моё я знаю сам.

Я, верно, многим неудобен —
На тропке камень, в горле кость...
Поэт и космосу подобен,
И сам всегда — вселенной гость,

А стая только подчиняет,
Чтоб раздавить или сломать.
Мне поздновато, полагаю,
Законы эти принимать.

У всех свой путь под небосводом –
Живите, как привычно вам.
Мне ж дорога моя свобода —
Её я стае не отдам.

Перевод Марата Ямалова

СЫНУ АЛМАСУ

Для меня до сих пор ты
как будто ребёнок,
За тебя мне порою бывает тревожно.
За тобой я глядел с колыбели, с пелёнок,
И давал тебе всё —
всё, что было возможно,

Всё, что знал и умел, всё,
что в сердце хранилось.
Но концы иногда не сходились с концами,

В нашей жизни не всё,
как хотелось, случилось –
Так бывает порой с непростыми отцами.

А судьба меня, честно сказать, не ласкала,
И сбывались нежданно и редко надежды.
Тех, кто рад был удачам моим,
встретил мало.
Нет на совести пятен моей, как и прежде.

Мы не вечны — когда-то наступит минута,
Свй поход завершив,
подытоживать жизнь.
Всё оставлю тебе.
Здесь прекрасно и трудно,
Но он твой, этот мир, —
ты с ним сам разберись.

Перевод Марата Ямалова

РАМИЛЬ САРЧИН

НЕБО НАЧИНАЕТСЯ С ПОРОГА

Зрелость художника определяется постановкой и решением проблем творчества, поиском его истоков, попыткой прозрения его смысла и назначения. Ещё в ранней лирике Роберт Миннуллин с присущей молодости декларативностью заявил: «Не ждите от меня теорий, // Я обыкновенный лирик. // А лирик по всему настрою, // Он — практик в этом мире». В чём же «практицизм» поэзии по Миннуллину? Не в том, чтобы требовать от неё решения сиюминутных задач, хотя примеров, когда поэзия призывалась решать именно эти задачи, в отечественной литературе достаточно.

Но не будем забывать и о теории «чистого искусства», согласно которой оно — самоценно, и задача поэзии состоит в том, чтобы говорить о вечном. Авторитетные имена верных «последователей» этого учения, блестяще «реализовавших» его в своей творческой практике, — А. А. Фета, Ф. И. Тютчева, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского, А. К. Толстого — давно уже сделали банальным утверждение о том, что отними у искусства его устремлённость к познанию вечного — и от него ничего не останется. Впрочем, исторические реалии порой так витиевато складываются, что и белое видится чёрным, и чёрное — белым...

Где же Роберт Миннуллин, назвавшийся «обыкновенным лириком», поэтом-практиком? Мне представляется, он занял по отношению к двум «теориям» срединную позицию, взяв от той и другой наиболее ценное в них: воспевание ценностей текущей на глазах жизни и устремлённость к познанию сущностных начал. Его душа, как струна (метафора, собственно, миннуллинская), настроена на воспроизведение звуков, разлитых «в привычном нашем мире — // В слезах, в любви, в звезде разлуки...» В то же время для поэта характерно осознание того, что за пределами *этого* мира есть нечто высшее: «Есть тайны даже у поэта, // Есть то, что не поётся».

Стихи, как известно, нередко приходят к поэтам ночью. Отчего это? Может быть, ночь со своей темью стирает границы действительности, раздвигает пространства реаль-

ного — до бесконечности, томя ею тоскующую в земной жизни душу. Ночью притупляется физическое зрение, потому что реальность растворена в самой себе, и открывается зрение духовное, направленное внутрь тебя, к постижению тайн души, подсознания.

Но познание себя невозможно без видения окружающего мира с «широко открытыми глазами» на все «360 градусов». Возможно, этим обусловлено обращение поэта в стихотворении «Ночные птицы» (пер. М. Ямалова) к образу совы, для которой «блаженство — ночь»: «Раз только ночью голова // Светлеет у совы...» И этим она близка Миннуллину, ведь по его признанию «Лишь по ночам приходит свет // Поэзии ко мне». Лирический герой поэта — тоже «сова», в том самом, вторичном, значении слова: человек, бодрствующий по ночам. Но сова — и в символическом смысле. Известно, что сова — символ мудрости. Стало быть, употребление Миннуллиным этого образа в стихотворении о поэте и поэзии свидетельствует о понимании им творчества как источника и средства познания жизни, её вечных тайн и истин. Поэту свойственны и им востребованы и иные качества, связанные с образом совы — это проницательность, пророческий дар, ясновидение, предвидение, рассудительность, умеренность, чуткость. А если вспомнить о том, что сова, помимо своего основного, устойчивого во многих культурах символического значения «мудрости», наделена ещё и такими смыслами, как меланхолия, грусть, тьма, мрак, предвестие беды, злое известие, несчастье, смерть (взято мной из одного из словарей символов — и это далеко не полный перечень смыслов), и сопоставить их с то и дело возникающими в лирике Миннуллина, даже в самых «мажорных» стихах, мотивами тоски, печали, одиночества, предощущения некой беды, даже смерти, то «совиная» сущность поэта предстанет во всей его полноте.

Итак, ночь — это время посещения поэта «милой гостьей», имя которой — Муза. А может, она и есть душа, та самая таинственная Психея, с которой не переставала беседовать Марина Цветаева? Как это ни удивительно и ни странно, но порой чуть ли не физически чувствуешь её присутствие, её дыхание. И это не фантастика, не плод поэтического воображения, не высокопарные слова. Поэты поймут, о чём я говорю.

Вот и Роберту Миннуллину «ночные бденья» (Виль Мустафин) не дают покоя:

Как удивительно, как странно:
Я по ночам пишу стихи...
В душе — кипение бурана,
Лесов летящие верхи.

И в ней же — синева без края,
Сияющая тишина,
Печаль высокая такая,
Что поневоле не до сна...

(«Как удивительно, как странно...», пер. С. Малышева)

Здесь Миннуллин выражает сложнейшую проблему психологии творческого процесса, во время которого душа, охваченная бурей чувств и страстей, будто теряет ощущение реального времени и пространства, взмывая над действительностью в ей одной доступные выси и приобщаясь тем самым к вечному.

В таком состоянии и стихи воспринимаются как нечто, пришедшее по наитию: «Не сам я стихи сочиняю (...) Я тихую речь вспоминаю, // Что голову кружит мою». Это строки из стихотворения со много говорящим заглавием «Под диктовку» (пер. С. Малышева). Именно так рождаются, по признанию поэта, его стихи: под чью-то

таинственную диктовку. Часто можно слышать, что талант, а стало быть, и сотворённое им — от Бога! Но врождённая скромность Роберта Миннуллина не позволяют ему применить эту истину по отношению к себе: «Хотел бы сказать хоть однажды, // Что строчку Господь нашептал... // Но, слава Аллаху, пока что // Тукаем себя не считал».

А если не Бог — то кто же? А может быть, *что*? Главный исток творчества поэт находит в своём сердце — этом сосуде человечности в человеке, хранителе вековечных ценностей. Оно не даёт поэту «в немоте найти покой», требует «жизни ритм» вгонять «в клетку рифм, // Чтоб умягчить сердца», даёт твёрдое осознание, что «не писать нельзя». Такова душевная и духовная «ипостась» поэзии. Так размышления о поэзии включаются в раздумья о жизни и человеке вообще, в область нравственно-философских исканий.

С этой точки зрения особый интерес представляет «программное», на мой взгляд, стихотворение «Вопросы» (пер. С. Малышева), которое дало название целому разделу в книге «Ещё не вечер...»

Вот что меня тревожит
Среди других тревог:

А так ли будет прожит
Недолгой жизни срок?

Не зряшно ли горенье,
Работа на износ?

Чем наше поколенье
Запомнится всерьёз?

Дорогой опустелой
Кто двинется вослед?

И начатое дело
Продолжат или нет?

А песни наши снова
Споёт ли кто потом?

Зерном или половой
В потомках прослывём?..

Как видим, тревожат поэта вопросы о смысле жизни и о смысле творчества, что, впрочем, для творческой личности одно и то же. Любопытно, что речь идёт не от лица *Я* поэта, а от имени *Мы*. Поэт, следуя традиции Лермонтова (вспомним хотя бы его «Думы»), вещает голосом целого поколения, задумываясь о его состоятельности, о желании быть полезным людям, оставить после себя нечто, что будет востребовано как в настоящем, так и в будущем, останется в памяти потомков. Так поэзия наполняется «гражданскими» мотивами, раздумьями о судьбе народа, родины.

Поэтому так часты в пространстве «творческой» тематики исторические мотивы, мотивы прошлого, возвращения в родные края, составившие основу многих стихотворений Роберта Миннуллина. В них выражена глубокая вера поэта в нескончае-

мость исторического пути татарского народа — при всей её извилистости и сложности: «Рукоплесканьем моря лет // Ты будешь награждён!.. // А финиша не будет, нет! // Такой уж марафон» (пер. С. Малышева).

«Родина в мире одна, // Больше вселенной она,— // И до скончания дней // Хватит простора на ней!» — утверждает поэт в стихотворении «Единственное» (пер. С. Малышева). Единственное — это самое дорогое, самое любимое, самое родное. Бога, говорят, надо носить в душе. Но и родину надо носить в душе — как самое ценное, что есть у человека. То, что она — в сердце поэта Роберта Миннуллина,— несомненно. Ему свойственно обострённое до боли чувство родины. В этом смысле он — поэт поистине народный, со всей проникновенностью имеющий право сказать без преувеличения и малейшей тени позёрства:

Горести народа моего,
Беды и страдания его
В сердце я мучительно вбираю,—
В ненависть к врагам переплавляю
Горести народа моего...

Чистоту народа моего,
Радости и праздники его
Полнят сердце, не отягощая,—
Я друзьям любовью возвращаю
Радости народа моего.

(«Горести народа моего...», пер. С. Малышева)

«В поисках своей первоосновы» Миннуллин не устаёт возвращаться в родную деревню. Его мироощущение близко к тому, которое его земляк, русский поэт Николай Алешков, выразил, например, следующими строчками: «Небо начинается с порога/ золотой бревенчатой избы», опираясь при этом на «золотую» есенинскую строку. Это, пожалуй, общий исток всех поэтов, родившихся в деревне. Темы «малой» родины поэта я уже касался в работе, посвящённой установлению его истоков, где сказано было и о ключевом в ней образе матери. Но в разговоре о «творческой» теме в лирике Роберта Миннуллина нельзя не упомянуть и стихотворения «Письма матери» (пер. С. Малышева), в котором неразъятое единство двух тем углубляет понимание обеих. В этих письмах — один из истоков творчества поэта. В «страничках материнских наставлений» «неразрывны мудрость и любовь», в «обычных письмах чудится другое // Где простота — покров над глубиной», в них «бездонный опыт вещих озарений»... Полноте, о письмах ли матери речь, не о стихах ли самого поэта — настолько они взаимосвязаны и неотделимы друг от друга! И общее в них — стремление гармонизировать жизнь красотой души, любовью к миру, человечностью, составляющей основу национального характера, философии народа, его мироотношения. Когда даже юнец, участвующий в скачках и шедший впереди всех, вдруг расплакался от того, что его скакун споткнулся: «Мальчик-всадник слетел с него... Сжалось // У меня сразу сердце в груди. // Мальчик плакал, не боль это — жалость // К скакуну. Ведь он был впереди...» («Илишевский сабантуй», пер. С. Давыдова). Вот ведь как: не к себе, а к коню жалость!

Итак, «прочнее всего человечность». Она — прежде всего, и Роберт Миннуллин стих за стихом определяет её как первооснову человеческого существования. Истина, вроде, проста. Но как мучительны на путях её постижения вопросы, от которых «белое кажется чёрным, // чёрное кажется белым». Но в этой парадоксальности

и состоит вся суть жизни. И цель поэзии, связав несвязуемые, «развеянные звенья» (М. Цветаева) бытия, прийти к обретению «небесной гармонии». И Миннуллин в устремлённости к постижению Высшей Красоты, которая, как известно, одна лишь и способна спасти мир (Ф. Достоевский), неутомим: «я никогда не устану искать // верное, истинно верное // и потому — прекрасное!» А самое прекрасное в человеке — «лелеющая душу гуманность» (Белинский — о Пушкине). Поэт не устаёт утверждать её в каждом своём произведении, продолжая тем самым лучшие традиции классической литературы, что позволяет говорить об актуальности его творчества в контексте национальной культуры — России в целом, а не отдельного её региона.

Например, стихотворение «Такая страна...» (пер. С. Малышева):

Криком кричи, но проси не проси –
Мимо пройдут, бормоча и смеясь.
«Вот оно!» — прямо к глазам поднеси...
Видеть не надо, чтоб втаптывать в грязь.
Это страна глухих.
Это страна слепых.

Сходят за ум пустозвонство и спесь,
Пьянство положено чтить и любить.
Бога бояться не принято здесь,
А воровать — не грешнее, чем пить.
Странной стране никогда
Не умереть от стыда.

Это ведь не только о «стране» татар — это о России вообще! Здесь выражена трагедия общенационального масштаба.

А в ряде стихотворений масштабность миропонимания поэта позволяет ему выйти на постановку проблем, волнующих человечество на протяжении всей истории его существования, хотя они и преломляются у Миннуллина в свете современности. Чем-то шекспировским веет от стихотворений «Молчу...», «Как надо жить», «Колыбель Земля» и других. И дело не только и не столько в их общем трагическом звучании, а в точке зрения, под углом которой видится поэту мир. В ряде стихов Роберт Миннуллин вещает, пророчит от лица всего человечества, его мировидение планетарно, космично: «Мы хозяева планеты, Но и гости мы на ней!» (пер. М. Ямалова), «Куда мы, по каким орбитам // пойдём, тоскуя в пустоте?!» Болью за судьбу всего мира пронизано стихотворение «Куда торопимся?» (пер. В. Коркия):

... род людской,
чья пёстрая душа
испытывает вечную тревогу,
спешит вперёд,
по лезвию ножа
прокладывая вечную дорогу!
За годом год –
вперёд, вперёд, вперёд!
Обманчив,
но заманчив путь познанья.
Что в Будущее род людской несёт?

Осуществит какие предсказанья?
Неужто взрывов чёрные цветы
испепелят весенние, живые?
Стоит земля у роковой черты.
Стоят ребром вопросы роковые...

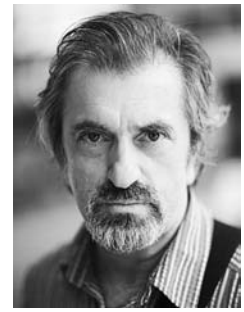
Но люди испокон были глухи к пророчествам, и мы с годами «жмём ещё сильней, // Мгновенье уплотнив. // Плотней, плотней, плотней, // Ещё чуть-чуть — и взрыв! // Куда, сходя с ума, // Летели сквозь года?.. // Тьма... Вспышка... Снова тьма...» (пер. С. Малышева). Эти стихи, как и строки стихотворения «Куда торопимся?», вызывают в памяти одно из самых мрачных поэтических пророчеств о судьбе человечества, высказанное за более чем полтора столетия до Роберта Миннуллина Евгением Баратынским в его «Последней смерти». Близки эти стихотворения в обострённом у обоих художников чувстве убыстряющегося Времени, несущего человечество к необратимому концу.

Как спастись? Только припав, как в жару к холодному источнику, душой к своим первоначалам. Сам же Роберт Миннуллин, несмотря на все трудности и изгибы судьбы, находит свои нравственные опоры и в настоящем, на которое так откликчиво сердце поэта, и в прошлом своего народа, и в его культуре. И у всего одна основа — человечность, любовь и уважение ко всему живому, сострадание, доброта. Поэзия Роберта Миннуллина мной воспринимается в качестве уроков высокой нравственности, *добродеяния* в том самом религиозно-философском, этическом смысле *сотворения благих дел, милости*. И в этом «практический» — в свете духовности — пафос всего творчества Роберта Миннуллина, возвышающий душу над действительностью и устремляющий её к вечности:

Душа!
Будь человечной
На страждущей земле,
Чтоб не остаться вечно
У тела в кабале,

Чтоб не ходить кругами,
И с круга не сойти.
И добрыми делами
В грядущее войти!
(пер. В. Коркия)

Александр Воронин



Фарит Губаев

БЕССМЕРТНОЕ ВЕЛИЧИЕ КРЕМЛЯ

В дни проведения 27-й Всемирной Универсиады вся Казань представляла собой не только спортивную столицу страны, но и многоликую культурную площадку. Впервые в истории Студенческих Игр у нас прошла Культурная Универсиада.
И всё же больше гостей Универсиады манил старинный и обновлённый Казанский Кремль.

В преддверии спортивного праздника здесь состоялся V фестиваль современной культуры Kremlin Live. Главной концертной площадкой стала сцена в Пушечном дворе. Там впервые выступил уникальный Российский роговый оркестр и французская панк-рок-группа Mustang. Песню о родной земле на трёх языках — русском, татарском и английском — исполнила финалистка шоу «Голос» Эльмира Калимуллина.

Как всегда, изюминкой фестиваля стало выступление его почётного президента — известного джазмена Игоря Бутмана. Он приветствовал публику слоганом:

— Да здравствует Kremlin Live в лучшем Кремле России!

Бутман и его квартет импровизировали вместе с нашими музыкантами — Государственным камерным хором РТ, группой Jive. С мультиинструменталистом Радиком Салимовым они увлечённо смешивали музыку всех жанров, стилей и направлений. Kremlin LIVE-2013 в Казанском Кремле посетили 35 тысяч человек, сообщает официальный сайт kazan-kremlin.ru. Фестиваль современной культуры проходил на девяти площадках, но всё равно вынужден был вылиться за кремлёвские стены — на площадь Первого мая, где прошёл танцевальный флэшмоб...

Вокруг было так много молодых, в древних стенах творилось действо столь несвойственное памятнику Всемирного наследия ЮНЕСКО, что невольно приходили мысли: а не кощунство ли — вот так «круто рассекать» среди святынь? Захотелось вдруг очутиться в «машине времени» и унестись далеко отсюда. Не в дальние края, а в давние времена. Чтобы увидеть, как тут было много веков назад.

Но, кажется, мы слегка перегнули палку... И попали слишком далеко назад — в эпоху мезолита, когда люди пользовались палками в качестве основного орудия.

Кремлёвский холм не узнать, он покрыт лесом и разделён надвое глубоким оврагом, где протекает ручей. Древние люди всегда селились возле родников с чистой водой. И вряд ли предки нашли бы в окрестностях лучшее место для своей стоянки. Холм с севера омывался волнами реки, которую сейчас мы называем Казанкой. С запада в неё впадала другая река, берущая начало из большого озера Кабан. С востока по низине тянулась цепь небольших озёр, от которых ныне осталось лишь одно название — городского парка «Чёрное озеро».

Сориентироваться по местности нам поможет противоположный крутой берег Волги, где ныне виден районный центр Верхний Услон. Иначе трудно понять, действительно ли мы попали на «машине времени» (в своём воображении), куда хотели. Всё так непохоже на сегодняшний вид. И Казанку не узнать: она очень узкая, извивается от кремлёвского холма к Зилантовой горе по старому своему руслу, которое сегодня ещё можно видеть в Кировском районе.

Тот холм, что мы теперь зовём Кремлёвским, был обитаем с незапамятных времён. Археологи до сих пор находят тут артефакты доисторических эпох, осколки глиняной посуды, обломки сверлённого каменного топора. Находки свидетельствуют об освоении этой местности и в эпоху бронзы. В более поздних культурных слоях находили много наконечников стрел — следов былых побоищ...

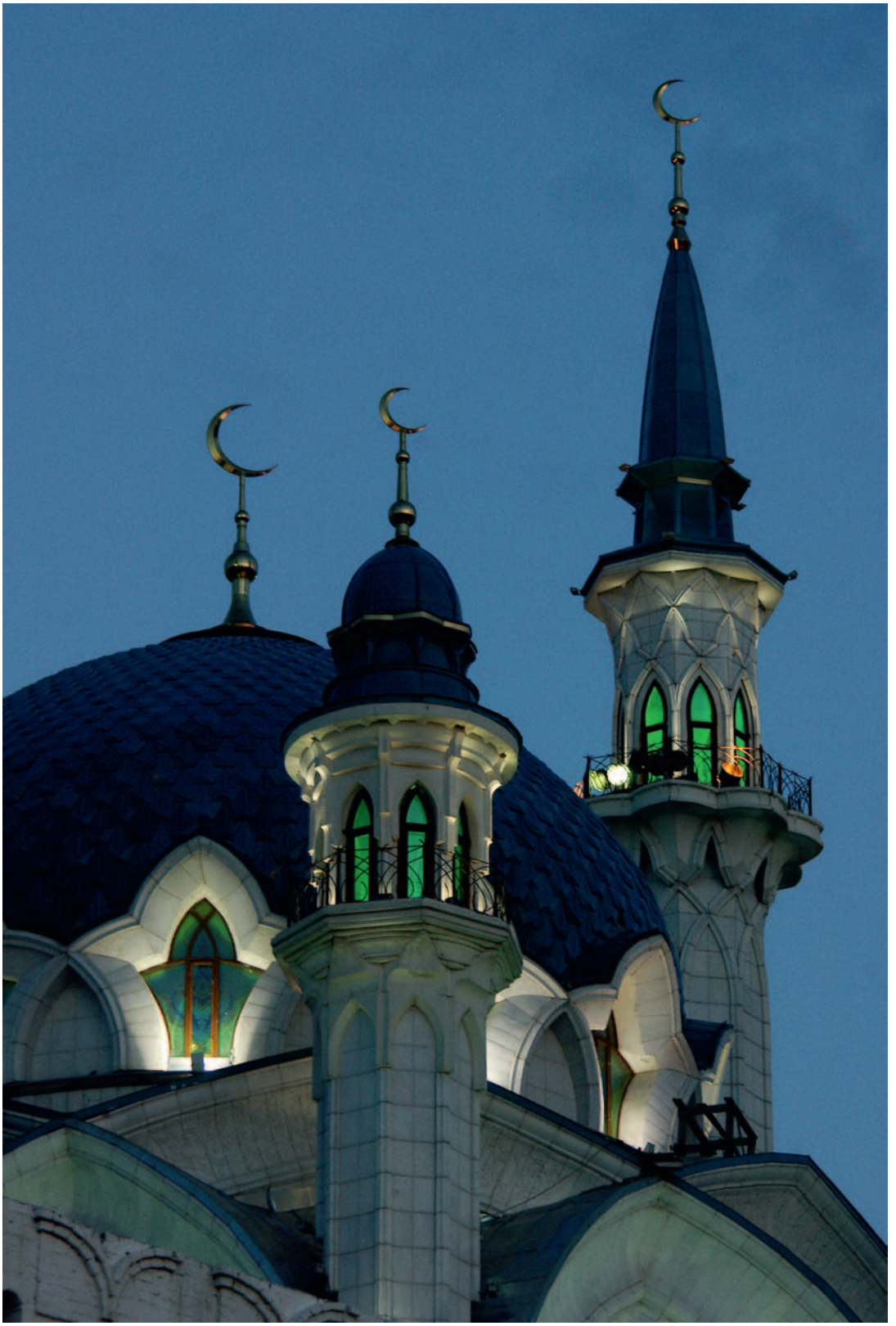
В последний раз роль крепости Казанский Кремль исполнил в конце XVIII века — Емельян Пугачёв взял Казань и обстреливал укрывшихся в Кремле горожан, но приступом ничего не добился... Вскоре пугачёвцев погнали от Казани. Всё же Емельян Иванович побывал в Казанском Кремле. Но уже в качестве арестанта, когда его этапировали в Москву. Следы от пугачёвских ядер ещё долго были видны на стенах и башнях Кремля. И это была последняя страница его воинской истории.

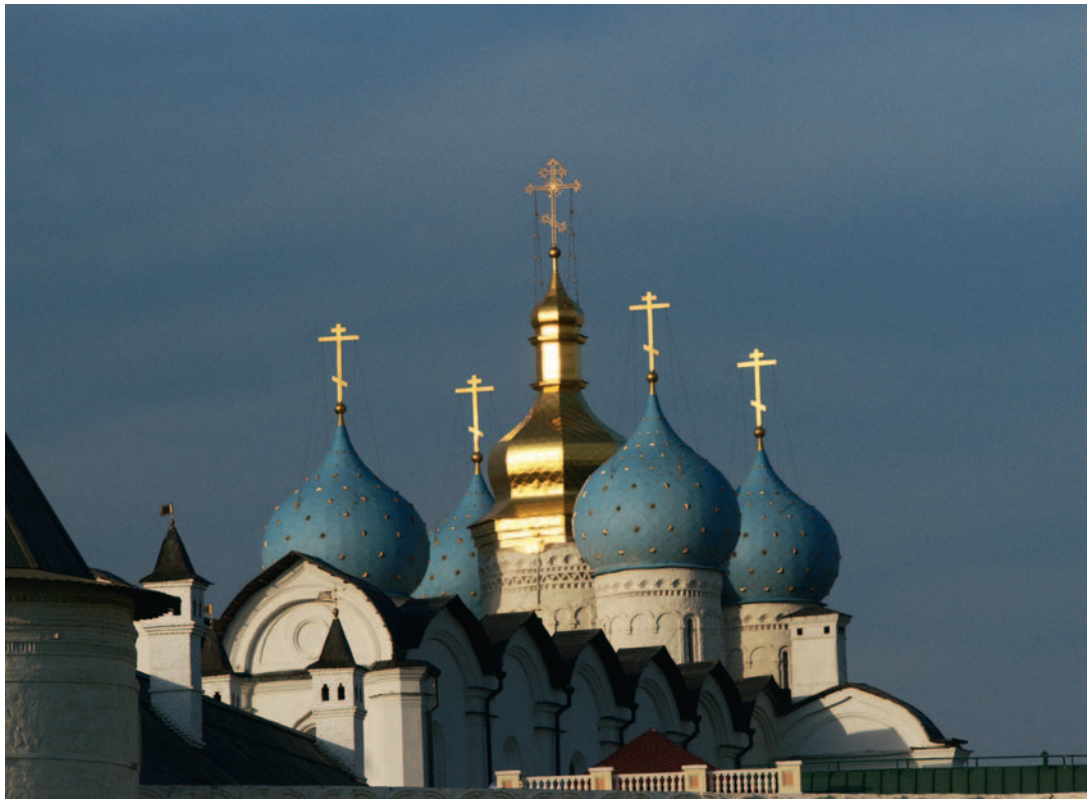
В последующие десятилетия Кремль выполнял в основном административные функции. В губернаторском дворце при советской власти размещался Совет министров Татарской АССР. Перед ним был уютный сквер, известный памятником Ленину, который сидел на каменной скамейке. Рассказывали, будто раньше Владимир Ильич сидел там не один, а с Иосифом Виссарионычем... Но Сталина потом убрали. Впрочем, не стало СССР — так и Ленина вместе со скамейкой куда-то дели. А заодно и сквер ликвидировали. Сейчас там площадь перед Президентским дворцом, огороженная территория, куда посторонних не пускают.

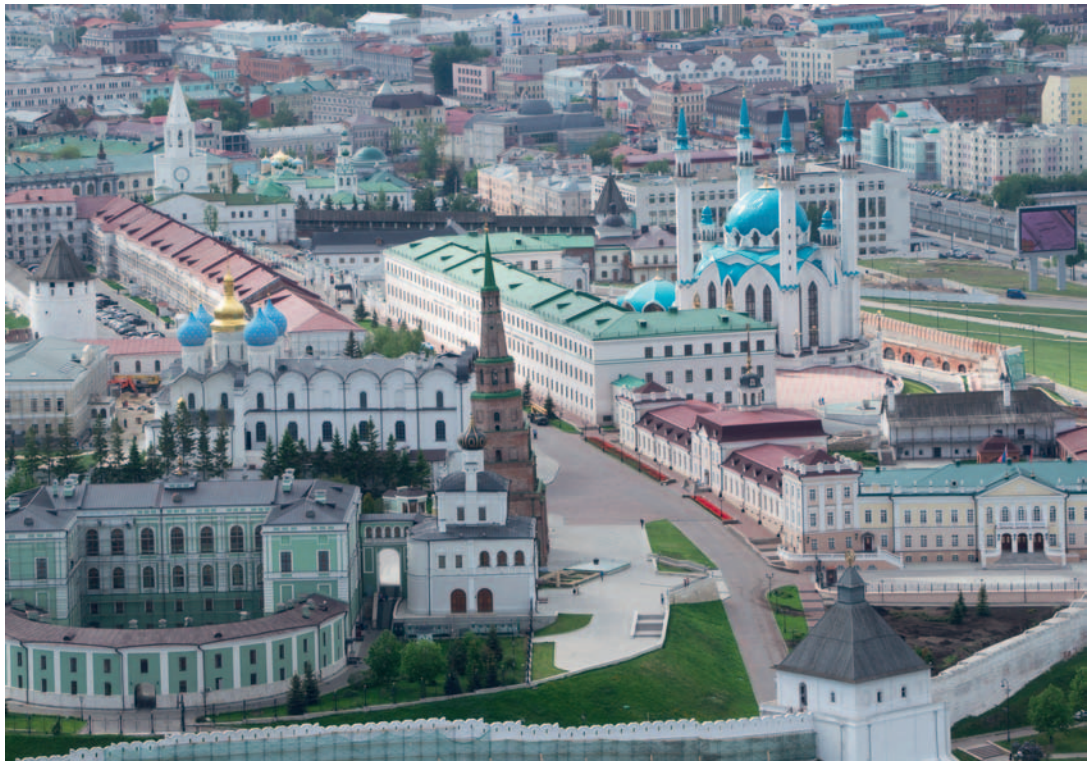
А раньше проход ко дворцу был открыт всем желающим, только на входе в Совмин сидел постовой. Можно было даже попасть и в башню Сююмбике, о которой рассказывали, будто внутри неё долгие годы были свалены черепа и скелеты невинных расстрелянных в годы репрессий. Наверное, это такая же легенда, как и сказание о том, будто славная царица Сююмбике бросилась с этой башни, чтобы не достаться московскому царю Ивану... Как известно, сторожевую башню построили через двести лет после смерти Сююмбике, которая последние годы провела в Касимове и была супругой тамошнего правителя Шах-Али.

Башня Сююмбике известна ещё и как падающая, причём отклонение от оси (1,8 м) у казанской больше, чем у знаменитой Пизанской или болонских башен Азинелли и Гаризенда. В прошлом веке трижды пытались остановить падение башни Сююмбике, наконец, в 1998 году реставраторы объявили — процесс приостановлен, фундамент больше не ползёт, Казань не потеряет свою главную архитектурную эмблему!

Когда я работал в Казанском тюзе, мы бегали в Кремль обедать в совминовскую столовую, которая располагалась сразу за башней Сююмбике и была соединена переходом с бывшим губернаторским дворцом. Туда пускали и простых смертных, разумеется, после того, как насытятся местные «небожители».







КРЕМЛЕВСКАЯ

Кремль так преобразился в последние годы, что теперь уже трудно поверить, что сорок лет назад здесь жили люди. Напротив Введенской церкви XVII века, позже освящённой в честь Сошествия Святого Духа (где была столовая, а ныне — музей истории государственности Республики Татарстан и татарского народа), в пятиэтажном корпусе, в обычных коммуналках ютилось множество семей. Жили тесно, бедно, с удобствами во дворе. Я даже помню козочек, которые мирно паслись на фоне башни Сююмбике. Потом в том старом доме размещались различные хозяйственные службы, в том числе централизованная бухгалтерия Министерства культуры ТАССР, куда мы ходили ежемесячно за зарплатой.

Я поступил на службу в минкульт сразу после окончания Литературного института имени А. М. Горького. Каждый день отправлялся на работу в Кремль, от автобусной остановки проходил через Тайницкую башню, поднимался мимо башни Сююмбике, присаживался покурить в садике (где теперь поставили памятник зодчим Якову Постнику и Ивану Ширяю)... и никак не мог поверить, что это я вот так запросто хожу на службу мимо сих святынь!

Напротив сквера располагался кремлёвский гарнизон. В нём одно время служил прапором мой троюродный брат Славик. Ныне здесь находятся музеи Великой Отечественной войны и естественной истории РТ, национальная галерея «Хазинэ» и филиал Государственного Эрмитажа.

Наверное, у каждого казанца с этими местами связаны какие-то приятные воспоминания. Эта наша коллективная память, соединяясь с памятью предков, должно быть, и составляют духовную ауру Казанского Кремля.

В 1992 году Кремль стал резиденцией первого Президента Республики Татарстан — Минтимера Шариповича Шаймиева. С его благословения в 1993–94 годах архитектор Сайяр Айдаров и археолог Альфред Халиков разработали «Основные направления реконструкции и развития комплекса Казанского Кремля». 22 января 1994 года Указом Президента Республики Татарстан создан Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», открывший новую страницу в его многовековой истории. Большие строительные и реставрационные работы сочетались с предварительными археологическими раскопками, последующими консервацией и музеефикацией исторических объектов XV–XVI веков. Восстановили Пушечный двор и воссоздали соборную мечеть Кул-Шариф. В 2000 году Казанский Кремль был включён в список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО.

В музее-заповеднике идёт активная творческая жизнь, проводятся выставки, фестивали, презентации. Одним словом, Кремль сегодня — безусловно жемчужина Казани, главная туристическая достопримечательность, центр религиозного паломничества мусульман и православных, серьёзного научного потенциала и непреходящих культурных ценностей.

В рамках Культурной Универсиады на площадке Пушечного двора Казанского Кремля прошёл заключительный гала-концерт II Международного фестиваля «Музыка веры». Участниками open-air (концерта на открытом воздухе) стали свыше ста музыкантов, представляющих разные конфессии и стилистические направления. Хедлайнером вечера выступила узбекская рок-звезда Севара, известная не только у нас (благодаря популярным телепроектам «Голос» и «Вышка»), но и многим зарубежным гостям — как победитель крупнейшего конкурса Best Asian Artist-2004 («Лучший артист Азии») и лауреат престижной премии BBC World Music Award. Формат гала-концерта фестиваля, который открывался в древнем городе Болгар, а после про-

должился на острове-граде Свияжск, позволял переплести мелодии разных культур и религий, этнические и фольклорные мотивы, спиричуэлс и джаз, рок-н-ролл и рэп, саундтреки кинофильмов и сочинения современных композиторов. В Казанском Кремле выступали квартет «Светоглас» (Болгария), Московский Патриарший хор «Пересвет», Государственный камерный хор РТ, камерный оркестр «Новая музыка» и клезмерский ансамбль «Симха» (Казань), «Академик Бэнд» и вокальная группа «Госпел» (Ульяновск), заслуженная артистка Удмуртии Александра Саульская и народный артист Башкортостана Идрис Газиев. А в финале все участники фестиваля — каждый в своей манере — исполнили легендарную композицию Let it be бессмертного британского квартета «Битлз» и выпустили в воздух белых голубей.

Древний Кремль такого четырёхчасового шоу, пожалуй, ещё не слышал. Хотя под стенами его Андрей Макаревич, создатель рок-группы «Машина времени», и проводил три года подряд фестиваль живой музыки «Сотворение мира». Возможно, напрасно мы ворчим на молодёжь? И пусть в старинных стенах Кремля звучат новые голоса? Ведь жизнь продолжается...

Прокурор Татарстана Кафиль Амиров, известный в культурных кругах не только как государственный советник юстиции, но на досуге ещё и казанский краевед, и замечательный фотограф, однажды подсказал идею оригинального фотоальбома о Казани и её Кремле одному из самых известных казанских фотохудожников — члену Союза фотохудожников России и художников-графиков Москвы, заслуженному деятелю искусств РТ Фариту Губаеву. Вместо одного неподъёмного тома, каких было издано немало к 1000-летию Казани, Кафиль Фахразеевич предложил собрать пять отдельных альбомов и вложить их в подарочную коробку с символикой Универсиады-2013. Амиров сам разработал тематику пяти книг — «Казань духовная», «Казань культурная», «Казань современная», «Казань старинная», «Казань спортивная»... Приятно добавить, что мне выпала честь писать вступительный текст и комментарии к этим пяти альбомам. Тираж отпечатали в Турции, в знаменитой типографии Ататюрка. Наши печатники просто бы не успели — так много у них было заказов к Универсиаде! Отличный полиграфический подарок вышел в свет при поддержке мэра Казани Ильсура Метшина.

Фотографии Фарита Губаева, вошедшие в пятикнижие, просто потрясающие. Но особенно меня впечатлили снимки Казанского Кремля. В разное время суток, в разное время года, в разных настроениях и с разных ракурсов. Даже с вертолёта!

Особо мне приглянулся кадр, где Кремль стоит как бы на острове, со всех сторон окружённый водами Казанки и Волги. Глядя на такие снимки, понимаешь, что фотография — это не просто документальный отпечаток действительности, а настоящее искусство, со своими средствами выразительности и образности.

Раньше я Фарита Губаева больше знал как мастера портрета, в частности, именно он сделал лучший фотоснимок известного казанского поэта Виля Мустафина (1935–2009). Постоянные читатели «Аргамака» могли его видеть прошлом № 2 (15) 2013 (с.190). Познакомившись с Фаритом Саитовичем ближе, думаю, следовало бы в будущем представить Губаева и как пейзажиста, репортёра, мастера бытовой зарисовки.

Но всё равно мы не обойдёмся без его работ о Казанском Кремле. Это, безусловно, неисчерпаемая тема. И к ней мы ещё вернёмся.

НАТАЛЬЯ КОЖЕВНИКОВА

ЛЕСТНИЦА В САД

* * *

Моя память, как малый ребёнок, капризна –
По ночам тяжела, горяча и нема…
За околицей ветер взывает: «Отчизна!»
И во мгле проступают на миг имена
Обезглавленных храмов и башен тюремных,
Адских станций с урановой плотью внутри…
Одинокая! Ради живущих и бренных
Потерпи и солёные слёзы утри.
У погоста снега завизжат в буераке.
Я ли долго сидела там, мать схороня?
А душа её тихо стояла во мраке,
Трепеща, и, как прежде, жалела меня.
Или бабочки в окна впорхнут удивлённо,
И закружат вокруг, осыпая пыльцу.
И я вспомню, как ты прикасался влюблённо
К моему под луной голубому лицу.
Моя память, ты — узник, желающий воли.
Беспощадна — как цепкие когти волчат
На дороге, упавшей в зелёное поле,
Где по-русски отчаянно птицы кричат.

* * *

Зелёное в листьях всё реже,
всё больше румянца
У зыбких осин на высоком протяжном ветру.
И рельсы накатаны зло до весёлого глянца.
И красным мигает последний вагон на миру.
Мгновенье, и, кажется,
канет со мною в безвестность,
В космический сумрак,
в блаженный заоблачный рай
И эта пустая, ничейная до смерти местность,
И птиц обезумевших
долгий и горестный грай.
Разорвано время на до и на после победы
Зловещей Звезды
над великой и вечной рекой.
Легко и не жутко
принять мне последние беды –
Мой ангел-хранитель давно улетел на покой.
Из пропасти тянет
удушливым запахом серы,
Разъята душа и пронизана скорбью юдоль.
Но ради блаженного мига надежды и веры
Терплю и лелею,
как милость, мне данную боль.

* * *

Как нетленна любовь, так и вечен народ –
В безоглядной дали и в тюремном бараке.
Вот и холм посредине села от невзгод
Уцелел и поёт, и сияет во мраке.
А над ним, не спеша, без незначащих слов
Поднимается церковь из золота сосен,
Упираясь свечами своими куполов
В осиянное небо, в пресветлую осень.
И на дымчатых ветках висят до поры,

И о будущем грезят иголки и листья.
И задорно, победно стучат топоры,
Лик Христа проступает под беличьей кистью.
Как велик и доступен пленительный зов!
И ничтожен в безумии бывший гонитель.
Коли вечен народ и нетленна любовь –
Обустроена будет и Божья обитель.

* * *

Деревянная лестница в сад,
Словно трап в золотое кипенье
Солнца, влаги, листвы, где как град –
Соловьиное майское пенье.
Где холодный смородинный дух
В жарком сумраке зелени тает.
И неслышно лицо обвивает
Одуванчиков розовый пух.
Где дрожит и волнуется воздух,
Синим маревом в небо маня,
Где сама я — лишь отсвет и отзвук
Древней музыки, света, огня…

* * *

Мой духовный отец белокож и кудряв.
Божья Матерь посмотрит со скорбной улыбкой,
Как смиренной косынкою волосы смяв,
Я целую оклад в полусумраке зыбком.
Небо грезит рассветом, и тает свеча.
Где таится спасанье —
в борьбе иль в смиренье?
До сих пор не приемлет земля палача,
Верен старому слух и немеркнуще зренье.
Вспыхнет золотом вечное в небо окно.
Станет тесно и шумно на паперти узкой.
Что забыто и брошено в пропасть давно?
Что воскреснет и вырастет в памяти русской?
То ли плач и мольба, то ли яростный крик
Вознесётся к весеннему птичьему гаму?
И смеётся, и плачет поддатый мужик,
Не нашедший дороги ни к дому, ни к храму.

* * *

Я шла на свет из темноты,
Я жар тягучий пригубила.
Ещё не зная — это ты,
Ещё не веря — я любила.
С огнём и плачем молодым
Любила. Всё тому виною –
Твоей улыбки шалый дым,
Твоё старшинство надо мною.
Твоя морщинка меж бровей.
И плен почуяв, зароптала,
Ещё не зная, что твоей
Отныне женщиною стала…
Взлетела в небо птица дня.
Упала в травы птица ночи.
Не счесть мне звёздного огня
И лунных в речке многоточий.
Обид и нежности скупой,
И непредсказанных любовей.
Так не приемлет дождь слепой
Ему поставленных условий.

* * *

Не стану, не стану сегодня стыдиться
Внезапных, как дождь, всепрощающих слёз.
Растаять, как дым, как туман раствориться
В молчании млечных по пояс берёз.
В озоне, где зноем с утра опалимы,
Молчат соловьи и скворчат вертела,
Где медленно плавает пух тополиный,
У женщин белы молодые тела.
Где жимолость прячет развалины рая,
И тени теней изначально длинны,
Где жизнь моя длится, вершится, сгорая…
И вновь воскресает — как цвет купины.

* * *

Нет луны, но тихо светят
В небо белые сирени,
И река остановилась
Подремать в полночный час.
Я пришла сюда откуда?
Где была моя обитель?
В светлом царстве-государстве
За серебряной рекой?
Кто любил меня беспечно
В том, другом тысячелетье,
Распуская косы-кудри
Осмелевшею рукой?
Из чего стихи сложились
В миг, когда вспорхнули птицы?
Из пунцовых горьких ягод,

Слёз, метелей и дождей?
Из вселенской синей воли,
Из разбуженного солнца,
Из земной горячей страсти?
Но отныне знаю я:
Кто ответит — станет мною.
А не мною, так сестрою –
Посреди реки и света,
Вздоха, воздуха, земли.

* * *

Не называй меня хорошей –
Заворожу дождём косым.
И на ветру дрожащей рощей
Беспечных тоненьких осин.
А на свидании заплачу.
И от смущенья нагрублю.
Я, не надеясь на удачу,
Свою печаль в тебе люблю.
Не называй меня красивой.
В тяжёлом облаке волос
Я окажусь плакучей ивой
С корой, морщинистой от слёз.
От обжигающего ветра,
От ожидания звонка –
Качнётся высохшая ветка,
Вздохнёт усталая река.

Не называй меня любимой
До боли — женщиной из снов.
Осеребрённою рябиной
Я онемею на покров.
Тогда, горячий и влюблённый,
Иную радость обретя,
Меня ты вспомнишь удивлённо
Десятилетия спустя.

* * *

К гербу

Мой гордый русич!
Византии
Не снилась русская заря
В снегах, где славили витии
Печаль великого царя.
Тебе ли, ратнику, стыдиться
Щита червлёного с копьём?
Столетья в поле пыль клубится
И пахнет прахом и огнём.
Крикливый шут и царедворец
Напрасно в страхе лжёт и льстит.
Святой Георгий-змееборец
В небесной мантии летит.
И конь серебряный дивится
Дракону возле трёх дорог,
И вечность с ним святому биться,
И надпись светит — «С нами Бог!»

Я. УДИ́Н

ОРАНЖЕВЫЙ КЛЮВ ДРОЗДА

РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЯША́ УДИ́Н

Творчество прозаика Яши́ Уди́на (Яши́ Манджияна) помимо художественного имеет и судьбоносное значение. Я познакомился с Яшо́й во время службы в редакции журнала «Волга» и в местной писательской организации в конце 80-х — начале 90-х годов. И он открыл передо мной великий мир своего небольшого народа (удинов в мире осталось около десяти тысяч). Хотя в древности этот народ был самым многочисленным из 26 племён, входивших в состав государства Кавказская Албания. А сейчас они живут всего в двух сёлах — азербайджанском Нидже, откуда родом Яша́, в грузинском селе Зинобиани, ну и во многих российских городах. Впрочем, желающие очень легко могут узнать о быте, языке, истории удин, например, в Интернете.

Но почувствовать душу этого самобытного народа, принявшего христианство ещё в начале IV века, можно, пожалуй, только из книг Яши́ («Это нелёгкое начало», «Под старой грушей», «Одинокий прохожий», «Запах айвы»). Ведь до самих сёл по нынешним временам мы вряд ли доберёмся.

В седой древности удины имели свою письменность, но уже давно их язык является бесписьменным. И об удинских писателях никто никогда не слышал, так что Яша́ является первым и единственным писателем своего народа. Вот здесь и проявляется судьбоносность творчества Яши́ Уди́на.

Отслужив в армии, парень из союзной тогда республики поступил учиться на исторический факультет Саратовского университета. Но через пару лет бросил учёбу, потому что не мог противостоять неожиданной для человека, ещё преодолевающего непослушную стихию чужого языка, тяге к сочинительству. Он поставил на кон свою судьбу, годами продираясь через непонимание и неприятие литературных чиновников, решавших, кого печатать, а кого нет. И вырос в прозаика со своим почерком, заметным даже в необозримом пространстве российской словесности.

Считаю его писателем русским, потому что пишет на нашем могучем языке. Потому что воспитан русской культурой, ставшей ему родной, и учился владению словом у русских творцов от Пушкина до Юрия Казакова, других созвучных ему прозаиков и поэтов. Но также считаю и писателем удинским, потому что самые яркие страницы творчества автора отданы осмыслению непростых судеб своих земляков.

На протяжении истории человечества память о многих народах канула в Лету, поскольку не нашлось у них летописцев. Удины тоже могут покинуть последние свои родовые оплоты. После межэтнических потрясений 90-х годов они в очередной раз не по своей

воле рассеиваются по городам и весям всего постсоветского пространства. Но память об их горестях и радостях, чувствах и мыслях, их национальной мечте будет жить, пока будут читаться книги Я. Уди́на. Многие из его рассказов уже оцифрованы. А то, что бытовая и духовная жизнь удинов воспета на русском языке, только добавляет ей долговечности.

Если вдруг у небольшого народа появляется свой писатель, чтобы спасти от забвения уходящую в тысячелетия жизнь этого народа, то это уже какое-то чудо. Но в данном случае самое главное, пожалуй, в том, что Яша́ Уди́н написал о родном селе зрело, мудро, художественно ярко и проникновенно. Так, что захватывает даже читателя, далёкого от какой бы то ни было сельской тематики, своей или чужой. Лично я люблю перечитывать рассказы Я. Уди́на. Несмотря на драматичность и даже трагичность судеб героев, они оставляют ощущение светоносности бытия, исключительности каждого проявления повседневного быта.

Но и в новой прозе Я. Уди́на, с которой предстоит познакомиться читателю журнала «Аргамак», вместе с автором идёшь через страдания к любви, пониманию первооснов жизни и отвращению ко всему лживому, наносному, что мутит и забивает истоки чистых родников общей нашей жизни. Но родники в этой прозе всё равно пробиваются и утоляют нашу жажду осмысленной и одухотворённой жизни.

Раньше у Яши́ Уди́на была родина — малая и большая. Раньше у него было надёжное прошлое, настоящее и будущее. Но всё это за последние десятилетия пущено в распыл — вот откуда, на мой взгляд, форма этой прозы. Автор всего лишь хотел быть искренним — не желая чинить насилия над собой и над окружающей реальностью. Вся наша жизнь изодрана в клочья — и проза эта импульсивна и фрагментарна.

Виктор БИРЮЛИН,
член Союза писателей России

* * *

На планете есть клочок земли — там я родился.
Там рождались все удины испокон веку.
Там душа моя. Там сердце моё.
Оттуда семя наше — моё и всех удинов.

Первая моя встреча со словом «русский» такова: в наших краях не растёт крыжовник, и названия, само собой, не имеет. Единственный куст, густой, тучный, усыпанный как бы просвеченными солнцем хрусткими ягодами, Бог знает, кем и когда завезённый в село, рос в соседском дворе и назывался почему-то «русским виноградом».

Тогда же, помнится, к нам на воскресный базар приезжали рослые, бородатые, светлоглазые люди. Приезжали на громадных двухосных телегах, запряжённых тройками, привозили зерно, яйца, шерсть, голубей, а увозили водку целыми штофами, свинину, пряности. Их называли то молоканами, то русскими. И долгое время слова эти для меня были синонимами.

В смутной, зыбкой дали брезжит летний день. На деревьях медленно наливаются, созревают плоды, кругом поют птицы, толкутся насекомые, изредка лёгкая зыбь пробегает по зелёным ветвям, всё в движенье, струится, трепещет, солнце вкрадчиво шепчется с тенью. За оградой тягуче скрипит арба. Лениво плетутся, отмахиваясь хвостами, буйволы, пережёвывая жвачку, тянут ярмо могучими тёртыми шеями. Железные ободки колёс, свинцово лоснясь, блестят на солнце. Чуть дальше — храм. Окна узки и высоки — не для того, чтобы любопытные заглядывали внутрь, и не для

того, чтобы из храма выглядывали наружу. Там происходит нечто таинственное. Детей туда не пускают — нельзя — в школе засмеют.

Из моей жизни картина — а мнится седой древностью.

Было далеко за полночь. Шёл домой по пустынным улицам. Какая-то усталая, тяжкая тишина нависла над городом. Я шагал и шагал себе в одиночестве, не встретив ни одной живой души. Так что я вздрогнул, когда совсем близко раздался мужской голос.

— Как же так, Таня? — сказал этот голос с болью в тоне.— Как ты можешь!

У торца высотного дома мужчина говорил по телефону-автомату.

— Как же так, Таня? — повторил он.— Как ты можешь, Таня?..

Он громко зарыдал — и мне стало неловко: я быстро проскочил мимо, не глядя в его сторону. Сам он даже не заметил меня. Он безутешно твердил:

— Как ты можешь, Таня?..

Я же стыдливой торопцой уходил дальше, все ещё слыша, как он, захлёбываясь рыданиями, умоляюще взывал к какой-то Тане.

Мужчина в дубовой кадке давит виноград. Тугие гроздья с хрустом и чмоком рушатся под его ступнями. Рядом полуголый младенец сидит на коврике — о чём-то своём гулит. Тут же молодая женщина ощипывает курицу. На веранде работает телевизор — транслируют футбольный матч. На стене веранды висят старинные часы. Они давно не ходят — маятник замер, застопорив маленькую стрелку на 9, большую на 4.

Не знаю — чем мила эта картина. Но знаю, что люблю её. Вообще, если я не полюблю то, что собираюсь писать, не полюблю страстно, трепетно, жадно, как-то язычески, то не стоит и браться — ничего путного не выйдет. Не могу писать без любви.

Погожим осенним днем шёл ты по пустынным городским улицам, шагал себе медленно, прикидывая в голове какие-то шальные образы и в то же время ясно слыша, как с деревьев слетают одинокие листья, падают, перестукиваясь тонко, коротко, когда увидел длинную вереницу детей в сопровождении женщин в белых халатах. Дети шли по противоположному тротуару, шли строем по два, взявшись за руки, и водили головами по сторонам, оглядывались, улыбались, жестикулировали, казалось, переговаривались, но ты не слышал их голосов. Было воскресенье, улица была совсем без движения, безлюдна, тиха, и по тому, как оживлённо вели себя дети, шум несусветный должен был стоять. Но ни звука не слышал ты. Тебя удивила необычность подобной тишины, ты остановился, встревоженный, тряхнул головой, как бы сгоняя одурь, однако ничего не изменилось. Несколько мгновений ты как-то ошеломлённо смотрел на безмолвный строй постепенно удаляющихся детей, и, наконец, догадался: да они глухонемые!..

Твой приятель, всегда такой красивый, спокойный, умный вроде человек, легко и уверенно идущий по этой жизни, ничего не теряя, не оглядываясь, без больших обид, без слёз и без смеха, только с приятной, безмятежной улыбкой, твой приятель всерьёз полагает, что на девушке, на девственнице, он, пожалуй, никогда не женится, потому что она не поймёт, не оценит всю его искушённость в любви — у неё нет сравнения.

Сельский дурачок. Лет сорока. Всегда добродушен. Некрасив, безобразно носат, губы мокрые. Никогда не имел женщин. Уже лет десять ходит с обручальным колечком в кармане. Случается, спрашивают его:

— Когда женишься-то? На свадьбе погуляем.

— Скоро,— расплывается в слюнявой улыбке.— Скоро женюсь. Вот купил, что надо.

И достаёт из кармана колечко, держит двумя пальцами — всем показывает — безмерно счастливый.

Как-то сельские шутники повезли его в город. С женщиной знакомить. Заранее сговорились с какой-то блудницей, затолкали его в квартиру, откуда он через минуту вылетел со страшным криком-воплем.

— Ты чего испугался? — спрашивают шутники.— Чего орал-то так, а?

— Ты что-о! — поражённо возражает он.— Ты что-о? Знаешь, что она хотела сделать со мной?

— Что же? Что она хотела?..

— Как зашёл, кинулась штаны с меня стаскивать. Ты что-о, я испугался от стыда.

В мастерских художников. Двое художников пели под гитару. Не помню ни слов песен, ни мелодии, только впечатление: как славно, как дивно поют! Долго сидели, выпивали, смотрели картины, вполголоса переговаривались, а они — пели!.. Потом к ним, к художникам, пришли ещё двое: вовсе не художники, не писатели, не артисты, не музыканты, а... бизнесмены, солидные, важные, из крупной какой-то фирмы, с дорогой водкой, с закусками. Оказалось, тоже любят попеть, чуток выпьют — и поют: один чистым глубоким басом, второй — лёгким медовым тенором. И так — каждую субботу. Изумительно: двое преуспевающих людей по выходным срываются к художникам попеть...

Какой интересный тип! Как он разговаривает: и всё-то у него самое лучшее, самое красивое, дорогое, удобное, прочное. Назови что угодно, купи что угодно, даже нарочно купи точно такое, что и он купил, всё равно он в своём найдёт больше достоинств. И целыми неделями, месяцами будет ходить и всем твердить:

— Слыхал, этот... то-то... купил? У меня точно такое же — но у меня лучше.

И так обо всём. О машине, о собаке, о квартире, о телевизоре, о даче, о дочери, о жене, о тёще. У него всё лучшее. И при этом навязчив, липуч, пристанет — не отвяжешься.

Я не люблю слово «разумеется». Нет, я довольно часто произношу его и никаких чувств не испытываю, когда произношу, но вот писать, запечатлевать его на бумаге, а пуще того — отпечатать на машинке — противно. Оно похоже на змею. Оно скользко. Гадко. Мерзко.

Кстати, на свете много слов, к написанию или звучанию которых я отношусь поразному. Немало тут зависит от графики письма. Но есть слова сами по себе омерзительные, одно упоминание их бросает меня в жар. И это сугубо личное. К тем же словам другие люди — я заметил — относятся по-другому.

А есть ещё слова приятные. Скажем, мне определённо нравится слово с а д. То, как оно звучит, как пишется: гласная посерёдке и две согласные по бокам. Прелесть!

В отечественную войну он был командиром взвода в партизанском отряде. И, спустя полста лет, в 1992 году, умирая, поимённо перечислил весь свой взвод — и скончался.

А с норовом был старик. Говорят, он как-то гулял по своему саду и увидел на верхушке грушевого дерева соседского паренька. Не останавливаясь и даже не поднимая головы, приказал:

— Ну-ка, мигом слазь и догони меня, влеплю пощёчину, а то мне некогда ждать тебя, по делу иду!

И тот, говорят, совсем взрослый парень, покорно слез и догнал старика. И схлопотал звонкую оплеуху. Ещё и выругал, говорят, старик его:

— Что ж ты такой жалкий, поганец? — сказал.— Разве с такой хлипкой душой лезут в чужой сад?

Когда-то стариков было трое. Часто сидели за одним столом в чайхане. Все очень старые, они были разные, конечно, но одно в них было общее: старческая успокоенность и вытекающая отсюда чистота и опрятность как обличий, так и помыслов — и это в их годы было куда важнее, чем индивидуальные особенности каждого.

Я восхищался ими.

Гия грузин. Стоим с ним у прилавка — грампластинки выбираем. Решили взять «Лебединое озеро» и Ойстраха концерт для скрипки с оркестром Чайковского же. Рядом пара. Он и она.

— Ой, мы тоже берём «Лебединое...» — говорит она.— И Ойстраха.— и вкрадчивым шёпотом обращается ко мне: — Скажите, а это хорошие вещи?

— Да,— говорю,— неплохие.

— Правда? — допытывается она дальше.— Не шумные?

— Нет, не очень.

— Знаете, мы для грудного ребёнка берём,— солидно уточняет он.— Чтоб, значит, спал под классику. Или, скажем, рос под классику.

Я понимающе киваю. Гия интересуется: о чём это они? Я объясняю. И спрашиваю его:

— А ты что слушал в младенчестве?

— Я? — улыбается он.— Тосты слушал. Тосты. Что ещё может слушать ребёнок в простой грузинской семье?

Случайный знакомец лет шестидесяти. Сидим за кружкой пива. На вид мелок, тщедушен. Но с гонором, хвастает безудержно, о чём бы ни шла речь. Расплачиваясь за пиво, обронил на пол несколько мелких купюр и не стал поднимать.

— Я никогда не нагибаюсь за деньгами. Уронил — значит, не мои. Такой вот я парень. Весь в деда, в деда своего. Дед тоже не мелочный был. Мой дед участвовал в русско-японской войне. Так вот пока из Дальнего Востока добирался, семь раз женился. Ровно семь раз. Он мне сам рассказывал, когда я вот таким мальцом был. Женится, погуляет на свадьбе, чуток поживёт с молодой женой и тикает себе дальше. Так вот доехал до дома, снова женился и родил аж десятерых детей. Семь сыновей и трёх дочерей. Не все, конечно, выжили, всего четыре человека. Но всё равно — дед молодец!..

Интеллигентного вида азербайджанец в том же кафе. Врач по образованию, но на рынке торгует. Десять лет назад приехал, бросив на родине работу в больнице, на заработки. Ничего толком, конечно, не заработал. Обратно тоже не может уехать с пустым карманом. Всё надеется разжиться шальными российскими деньгами и победителем вернуться домой. С ним же приехала его племянница с университетским образованием. У неё дома остались муж с двумя детьми. Когда уезжали, её дети были шести и восьми лет. Сейчас им по шестнадцать и восемнадцать соответственно. Она изредка отсылает детям какие-то денежки, и только по телефону общается с ними. Рассказывая всё это, она сидела передо мной и по её щекам катились тихие слёзы.

Ты сидел за столом, не отвлекаясь, увлечённо колдовал над фразой, желая нащупать свою манеру, подстегнуть ритм и устремиться к смутной, призрачной цели, к той черте, где звучащий в тебе голос, то замирая, утишаясь до шёпота, то взмывая, уплотняясь, пока ещё водил твоей рукой, должен, исчерпав, избыв себя, оборваться, и, случайно подняв глаза от бумаги и взглянув на часы, ахнул про себя: сколько времени пронеслось, прошелестело сквозь пальцы и тебе так и не удалось ухватиться за хвостик накануне угасшей интонации. Ты ненадолго замер, как бы застигнутый врасплох, потом, уже остывая, отходя, махнул рукой, оделся и вышел на улицу.

А там — снег! Первый в этом году. Обильный. Кругом бело. Пушисто. Снуют радостные люди. Всем встречным улыбаются. Дети играют в снежки, барахтаются, повизгивая от удовольствия и пыхая весёлыми клубками пара. Всем хорошо, всем так здорово, точно все долго ждали от жизни что-то дивное и, наконец, дождались — и ликуют, беснуются от счастья. И на этом фоне — из какого-то двора малая кучка людей тихо выносит гроб. У покойника лицо синее, почти фиолетовое...

... это, знаешь, дочка, то место, где человек родился и вырос. Это твоя земля, это твои близкие, живые и мёртвые, это твоё прошлое, настоящее и будущее. Вот ты, хоть и здесь родилась, в городе, но у тебя есть малая родина, дочка, там родился твой отец, твой дед, прадед, все твои предки. Да, у тебя есть родной уголок земли, земли щедрой и доброй, и мне всегда хотелось, чтобы ты полюбила свою землю, чтобы она для тебя так же была дорога, незаменима, как и для меня. Твой дядя, а мой брат, построил себе огромный светлый дом, построил с надеждой, что и мы каждое лето будем приезжать в гости, но ты ещё ни разу не была в том доме. Так сложились обстоятельства. Но ты помни, ты знай, это всё равно твой родной, кровный, родовой дом, потому что ты там зачата. И я верю, я убеждён, что когда-нибудь жизнь изменится к лучшему, и все мы туда поедем...

Так или примерно так ты рассуждал, сидя напротив ребёнка, когда раздался звонок в дверь и... вот перед тобой твоя старая мать сидит, брат твой молодой, но весь седой, его жена и дети, сестра твоя с мужем и детьми, жена твоя суетится рядом, предупредительная, за всеми ухаживает, угощает, дочь твоя сидит понурая и как бы немножко виноватая — в чем её-то вина? — и ты среди своих и чувствуешь, как за окном кухни течёт ночная жизнь большого города, шумят ещё машины, гремят на стыках трамваи, запоздалый пешеход торопится домой, к семье, в уют и тепло, а у твоих родных, считай, нет уже ни дома, ни родины, вообще ничего нет и не будет, наверное, все они, что называется, сломя головы, бежали от межэтнических напастей, бежали безо всего, с пустыми руками, подхватив детей и кое-какую одёжку для них, только мать твоя, закоренелая крестьянка, не зная ещё, в городе или в деревне обоснуются, не зная даже, выберутся ли из села, не прикончат ли их, захватила с собой мешочек с семенами, теперь сидит и по-старушечьи неспешно перебирает кулёчки: цветочные в одну кучку, огородные — в другую. Что и говорить, жалкая картина, жестокая, абсурдная, и, сражённый небывалым горем, вдруг ты увидел этот заоконный мир огромным и холодным, враждебным, и тебе стало страшно, страшно за крохотную свою дочь, за всех своих, за весь этот ершистый и зябкий мир.

Одинокая женщина кормила бездомную кошку. Каждое утро выходила с миской в руках и кормила, приговаривая что-то ласковое. Кошка чёрная, а грудка её белая и кончики ушей белые, кошка привязалась к своей кормилице — с раннего утра сидела против её двери в подъезде, терпеливо ждала. Поев, уходила на двор. Так продолжалось года два. Но однажды соседи заметили, что кошка целый день сидит против желанной двери. Сидит и неотрывно смотрит на дверь. На другой день она тоже

сидела, но уже с беспокойством, то отходила от двери, то подходила, а к вечеру не выдержала — выскочила во двор. Наутро снова объявилась у заветной двери и стала требовательно мяукать. Отходила, подходила, и, не переставая, мяукала. Так длилось несколько дней и ночей, пока женщина не умерла. Как её похоронили, кошка куда-то исчезла, и больше никто её не видал.

Два милиционера остановили меня. Проверяют документы. Один из них казах, и он заметно активнее напарника.

— В чём дело? — спрашиваю его.— Сколько народу кругом, почему именно мой паспорт интересует вас?

— Только у нерусских проверяем, только у нерусских,— с характерным акцентом произносит он.

— А ты что,— говорю,— русский, что ль?

— Я милиционер, земляк,— отвечает.— Милиционер.

Как хорошо, когда ранней весной сладко пахнет прелью от лежалой прошлогодней листвы, и страшно озабоченные птицы летают с прутиками в клювах — ладят гнёзда. Ещё несколько дней, и деревья взорвутся новой жизнью. А кизил уже вовсю цветет — кизиловое деревце вспыхнуло ярким жёлтым пламенем.

Ещё лучше, когда со временем огромный тополь так обрастает пухом, что не видать листвы, и при малейшем дуновении облетает беззвучным роем. А неподалёку, в густой зелёной чащобе, возле кротко бормочущего родничка, на высоте вытянутой руки — гнездо горлицы: решёточка из тонких сухих прутиков — и два хрупких белых яичка прямо на голых прутиках. А кругом такая тишина. Такая чуткая тишина.

У него все виноваты. Он обвиняет буквально всех и всё, вплоть до трамвая, что ходит под его окнами. Ворчит брюзгливо:

— Сволочная индустрия! Покоя нет!

Иногда он простоват. Он говорит:

— Разве это врач, если меня спрашивает, что у вас болит? Врач, если он настоящий, должен сразу, как я зашёл, определить...

По субботам он ходит в баню. Заходя в парную, обычно недолго топчется с берёзовым веничком в руках. И говорит:

— Мужики, пар-то жидковат. Считай, нет пару-то.

Мужики молчат. Он повторяет то же самое, только чуть иначе, другими словами. Мужики всё молчат, или кто-то вяло реагирует:

— Нет, так поддай.

— Чего это я-то? — возражает.— Вы-то тут до меня.

И топчется дальше, что-то невнятное бормоча. И снова заводит:

— Мужики, пар-то, говорю, жидковат...

И кто-то не выдерживает, приподнимается с полка:

— Ну-ка вали отсель! Вали, вали давай!..

И он быстро и тихо, с кошачьей бесшумностью исчезает. Помывшись, появляется в гардеробной и затевает иной разговор:

— Мужики, да вас всех обманывают. Хоть понимаете, что кругом дурят вас? А?

Мужики — опять же — молчат, распаренные, пивком балуются, чайком горяченьким. Лениво одеваются. А он стоит голый и гнёт свое. Талдычит:

— Мужики, я говорю, день-деньской вас надувают по телевизору, в газетах. А вы — терпите. Россия гибнет — вы молчите.

И так далее. И до тех пор, пока не пошлют его как следует. По сути — он неудачник. Неудачник во всём. Ему далеко за пятьдесят. Он не женат, и никогда не был. Один живёт. И уже лет двадцать нигде не работает. Как-то перебивается, получая мизерную пенсию по какой-то таинственной болезни. И считает, что вокруг одни лодыри, хапуги и предатели. А себя самого называет не иначе как практичным человеком.

— Вот я, как практичный человек,— говорит обычно,— могу сказать...

Как-то я заметил, не помню уж в связи с чем:

— Оказывается, у нас в стране одиннадцать часовых поясов.

Он искоса поглядел на меня, злобно поглядел и махнул рукой:

— А-а, какая от них польза, от этих поясов?..

Сегодняшние молодые люди совершенно не переносят одиночества. Всякое уединение, будь то с книгой, с музыкой, с созерцанием картин живописи, просто ли со своей душой, для них немыслимо. Они всё делают в стае. В шуме и гаме — среди множества себе подобных.

Их ничем нельзя удивить, и вовсе не потому, что они так развиты, всё знают и понимают. Они просто ни в чём не нуждаются. Они вполне самодостаточны — как им кажется. Всяк из них сравнивает себя со сверстниками и видит, что он такой же, как все остальные — и успокаивается.

Хочется надеяться, однако, что не все молодые люди сплошь таковы. Есть редкие исключения. Не может не быть. Хотя за оголтелой толпой они не заметны.

Складывается впечатление, что, как художник, сегодня я имею представление только о слагаемых, сумма же по-прежнему за семью печатями. Я мыслю фрагментарно. Я вижу только частности. Я понимаю, что всякий мир, тем более мир художнический, состоит из частностей, но жажда целого, жажда понимания не сущности отдельных вещей, явлений, чувств, а всего миропорядка, всей жизни, все ещё сильна и неотступна. Слов нет, звёзды хороши, и хорошо, что я их различаю, могу о каждой рассказать, но купол неба, но звёздный мир — всё ещё недосягаем.

Ему лет восемьдесят. Но стариком не назовёшь. Ещё бодр. Крепок. Речист. Многое знает, помнит. Всю жизнь книжки почитывал. Газетки. И без оглядки рубил правду-матку о чём угодно и где угодно. И дважды пострадал, как сам говорит, за свои взгляды: отсидел два срока. Легендарная, в общем-то, получается личность. Да. Но что странно: сельчане не любили его. Помню: образованные люди, учителя, агрономы брезгливо морщились, когда речь заходила о нём, а которые у власти находились — те вовсе кипели ненавистью. Что — впрочем — понятно. Правда, простой люд, крестьяне — напротив, т.е. не то чтобы любили или там уважали, нет, просто изредка, бывало, нахваливали, дивясь его смелости, бойкости, даже, может, кто и жалел, считая его страдальцем. Кстати, и бабы не любили его. И это загадочно. Я долго не мог понять, в чём тут дело, поскольку всё, что знал о нём, знал понаслышке, никогда не видел его вблизи, не общался. С детьми его — да, с ними учился в школе. А с ним не сталкивался, слишком велика разница в возрасте. Даже голоса его не слыхал. И такой — на расстоянии — он казался мне героем. Борцом. Мучеником. Но совсем недавно выпал случай: ночь напролёт я сидел и слушал его. Он рассказывал о своей жизни, о своих мытарствах, о своей несгибаемости. Я не перебивал, к тому времени я как следует научился слушать людей. Он говорил, говорил, говорил. За всю ночь ни о чём не спросил. Только говорил. И я убедился: не могли любить его сельчане. Не могли. Потому что в нём самом — ни тени от любви или жалости. Ни к чему и ни к кому.

Не было даже любопытства. Интереса. Сплошное отрицание. Страстное, злобное отрицание всё и вся. Отрицание и любование самим собой. Своей персоной. И всё — больше ничего не обнаружил я в этом человеке. Так и хочется сказать — страшном человеке. Перед встречей, зная, что он не воевал, я хотел выяснить, уточнить: отчего он, значит, не был на фронте. Но не смог. Не захотел. Желание исчезло.

Мама рассказывала, что я, родившись, не сразу закричал, как полагается, мол, акушерка довольно долго билась надо мной: держа меня за ножки вниз головой, шлёпала и шлёпала по ягодицам, по спине, пока я не заорал, запоздало возвестив, что я, придя из мглы, тотчас не ушёл обратно в небытие. Кстати, это первое моё запоздание глубоко символично: я всю жизнь всего добивался с большим опозданием. В школу пошёл на два года позже положенного, писать начал, когда мне было за тридцать, первая публикация тоже изрядно запоздала, женился так же, ребёнок мой родился на тридцать восьмом году моей жизни...

Самые распространённые мужские удинские имена двадцатого века: Алексан, Иван, Франц, Валод, Сергей, Юрий, Эрнест, Маис и др.

Часто внешние события и явления — порою очень далекие — влияли на то, как тот или иной удин назовёт ребёнка. От Пушкина, наверное, пошло имя — Алексан, от Ленина — Валод, вообще от русских — Иван, от войн с немцами — Франц, от Хемингуэя — Эрнест, от Гагарина — Юрий, от Есенина — Сергей, от майских праздников — Маис...

Но что интересно: от Сталина — ни одного имени. Странно, ни один удин не назвал ребёнка Иосифом.

Он пригласил ребят поросёнка зарезать, а день был хоть и осенний, но тёплый, солнечный, зарезали, значит, поросёнка, освежевали, разделали, хороший был поросёнок, молоденький, совсем без сала, одно только мясо розовое, нежное, и они решили шашлычком из парной поросятины полакомиться, дружно соорудили из сухих, проветренных дровишек костёр в ореховом саду за домом, два строительных камня-кубика подтащили, установили по бокам костра, штоф вина вынесли из подвала, банку солёных огурцов, хлеба, большие чайные стаканы нашли — ни матери, ни жены дома не было, чтобы винные попросить, подкатили-подволокли к огню четыре круглых, обросших мхом, ровно шубой, ольховых чурбака под сиденье, а пока всем этим занимались, дрова прогорели, превратились в груду раскалённых древесных угольев, подернутых серебристым пеплом, и они нарезали ореховых прутиков, стали нанизывать поросятину на эти прутики и рядком выстраивать на камни-кубики, а один из них взял кусок фанеры — крышку от посылочного ящика и плавно так, мерно стал обмахивать им над угасающим, но живым ещё жаром, чтоб и хорошо обжарилось мясо, и дымом не пропахло, потом они разлили вино по стаканам, расселись вокруг костра и выпили, и разговелись нежнейшей, истекающей во рту поросятиной, потом опять выпили и опять закусили, потом ещё и ещё, и с каждым разом мясо и вино казались всё вкуснее и вкуснее, и скоро все они, конечно, захмелели, и жизнь им показалась безумно прекрасной, и стали они — с детства приятели, одноклассники, односельчане, удины — признаваться друг другу в любви и преданности, стали обниматься и лобызаться, потом вино кончилось, и они ещё сбегали со штофом в подвал, потом подогнали чью-то машину вплотную к месту гулянки, включили музыку и, раскинув руки, закружились, весёлыми, всё и вся любящими, невиданно добрыми орлами закружились вокруг костра, вокруг штофа с вином, вокруг прутиков с мясом,

кружились, летели, парили и улетели в никем немереную даль, а когда вернулись, когда он очнулся, когда на другое утро проснулся он в своей постели и мать, грозно подбоченясь, выросла пред его ещё неясным, мутным, туманным взором, оказалось, что от двухпудового поросёнка остались одни мослы, голова, ножки да распяленная меж стволами орешины шкурка.

Я рассказал другу-прозаику, что, когда вышла моя первая книжка, на моей малой родине подходили ко мне совершенно незнакомые люди, обнимали меня и целовали, поздравляли, и мой друг удивился, с откровенной завистью удивился: у него на родине, дескать, такого нет и быть не может, там и родные-то, мол, не всегда поздравят с выходом романа. Я стал толковать ему, что это потому, что моя родина — это юг, там главное — этикет, форма, да к тому же я из малого народа и этим многое объясняется, но, в первую очередь, конечно, юг, вежливость и прочие условности.

Кавказец вообще живёт одними условностями. Он всегда поступает, сообразуясь с общепринятыми в его народе нормами. Он подавляет в себе свою индивидуальную истинную сущность. Она практически никого не интересует, она сокровенна, почти интимна. Он поступает так или иначе потому, что так принято, что так поступали его деды и прадеды.

Много чего есть в моих записках. Так же много чего нет. Но если создаю полнокровный мир, там должны быть все чувства, все страсти, все потери и обретения, все победы и поражения, вся полнота бытия. Боже мой, как много изначально было мне дано и как я не достоин всего, что мне дано.

Я родился и вырос в сугубо уникальной удинской среде, хоть и до мозга костей напичкан русской культурой, но моё восприятие мира исключительное — я это порою чувствую,— так вот обнаружить и воспеть свою исключительность — главная моя задача. Только б не удариться в голый этнографизм.

Нужно спокойно писать малую родину: её запахи, краски, звуки, лица, нравы, характеры, её истории — её суть. Просто всегда следует помнить, что я навсегда утратил родину и мне необходимо восстановить её образ в первую очередь для себя самого. А там и для моей дочери. Для множества удинов. Тогда это будет и для других. Для всех.

Когда я писал свою малую родину, своё село, своих земляков, свой народ, который почти целиком жил в одном селе, писал родню свою, находил в них и доброе, и злое, а теперь, когда жизнь так страшно изменилась, когда кругом, как порою кажется, одно только зло, и мой народ так безвинно пострадал, рассеялся по свету и находится на грани исчезновения, и я уже не бываю там, на малой родине,— теперь моё село, моё старое, древнее, ветхозаветное село превратилось для меня в сплошной рай, а мои земляки — в ангелов...

Часто боюсь, что, если начну писать город, или, вернее, перестану писать своё село, свою малую родину, то что-то в себе предам. И не только в себе — предам своих земляков удинов. Что они обидятся и никогда не простят мне, что я перестал писать своё кровное. Какая ерунда. Мне больше нужно печься о форме. На крайний случай — можно ведь и удина одеть персонажем городской прозы. Благо, нынче удины рассеяны по всем российским городам и весям.

Сейчас много разговоров о новой литературе. Всё старое, всё наработанное огулом отвергается. Соблазн велик, конечно, отвернуться от самого себя и писать как того

требует время, как требуют новые хамы от литературы. Но это уже было, было не однажды, и, как показывает исторический опыт, ничего нового не получится. Главное — не поддаться, не сломаться, сохранить самого себя.

В то же время очень важно — старые истины, старые ценности поместить в новые формы. Задача весьма трудная. Но надо стараться. Вообще я заметил, писателю, родившемуся в селе, трудно придти к новым формам. Вроде порою он и образованнее, и искреннее, и трудолюбивее многих горожан, и опыт его шире, глубже, но никак не может прийти к новым формам. Может, в силу воспитания труднее предать привычное — это ведь серьёзная вещь: привычка.

А новые формы — как ни крути — нужны. Куда же деваться — вся жизнь пошла новая. Все отношения. По крайней мере — внешняя видимость новая. А это — много, через эту внешнюю видимость следует свои старые излюбленные ценности облекать в новые формы. Создать всего лишь новую упаковку. Этого будет вполне достаточно.

Художник должен отстаивать и любить консервативные формы жизни. Новатором он должен быть в своём искусстве. В то же время очень важно, чтобы читатель в каждой твоей вещи углядел твою потрясённую красотой или безобразием душу.

Ещё нужно помнить, что всякая книга требует ухода от своего времени, от живой окружающей конкретики, от всего наболевшего. Уход либо в прошлое, либо в будущее. Нельзя хорошо писать, живя одним только настоящим. Нужно уходить и от себя сегодняшнего — так же — либо в прошлое, либо пускаться в мечтания...

Между тем давно известно: самое трудное в литературе — вырасти из своего уровня. У тебя какой-то уровень, ты его достиг, и чтобы не повторяться — надо бы расти дальше. Вот это-то мало кому удаётся. Вот тут-то трагедия многих и многих пишущих людей.

Санька Г. рассказывает: в деревенской школе, в 7–8 классах, он учился один в классе. Один ученик — весь класс.

— Раздаётся звонок, захожу в класс, сажусь за парту и жду. Заходит учительница и говорит: «Здравствуйте, дети!»

И так в течение двух лет. Все учителя упрямо твердили: здравствуйте, дети, хотя он и один сидел перед ними.

Ты встал в три часа ночи, написал абзац, который тебе понравился, что случается крайне редко, попил несколько чашек крепкого чаю с клубничным вареньем, со вкусом, не торопясь, выкурил сигарету, после побрился, кстати, с удовольствием, наслаждаясь, что тоже редкость, после дважды кряду выпил по 50 г. коньяку, закусил, тем временем на подоконнике негромко играло радио, лилась лёгкая, задорная мелодия, жена с ребёнком спали себе за стенкой, и им снились, наверное, какие-то сны, и тебе было хорошо, и ты исподволь стал дрыгать ногами, перебирать ими, и так, движенье за движеньем, жест за жестом, ты увлёкся и начал танцевать в одиночестве, стараясь не шуметь, не топать, ты выделывал всякие такие штучки, и это полшестого утра, когда город ещё спал иль только просыпался, потом вдруг спохватился, мысленно окоротил себя и сник, устыдившись. И, сев за рукопись, немного посидел в задумчивости и услышал, как издали, мягко потрескивая, точно палая листва в погожую осень, зарождается вроде бы шальная фраза. Скоро она легла на лист бумаги:

«Он с утра ловил кур и щупал, какая с яйцом, а какая, значит, без».

Да. Что же дальше?

«Он сельский учитель. Он каждое утро перед школой проводит в курятнике. У него закопчённое, морщинистое и крепкое, как грецкий орех, лицо».

И — всё.

В пору, когда я активно писал, я жил один, читал, писал, гулял, пил водку, встречался с друзьями, с женщинами. Жизнь моя текла беспорядочно: утро, день, вечер, ночь — все мои занятия совпадали с любой частью времени суток, и мне было всё равно — я жил стихийной жизнью. Часто, оставшись один, среди ночи я выходил в город, шлялся себе без цели и думал о чём-то, мечтал, вспоминал, любовался ночным городом, редкими прохожими. Всё в себе и вокруг я любил тогда, любил своё прошлое, настоящее и будущее, которое было неясно, как бы в тумане, любил друзей, своих женщин, и вообще всех женщин любил, всех людей, любил свои воспоминания, а больше всего, пожалуй, любил книги, которые читал, словом, любил всю жизнь во всей её полноте и сложности, и, казалось, так будет до бесконечности...

Я никогда не мог быть ройным, не мог слиться со всеми, с теми, кто умеет жить, кто всё-всё, и друзей, и родню, и вообще всё превращает в выгоду, в инструмент добывания житейских благ. Это ведь очень просто — быть в рое. А мне не удаётся.

В сущности, всю жизнь я был наивным, простодушным и до противного доверчивым. А ройные люди всё это — давно известно — не прощают, и вот я остался ни с кем и ни с чем. У меня есть жена и дочь — и всё, и пара-тройка сносных рассказов.

К тому же, чем старше становлюсь, тем глупее кажусь самому себе, тем меньше ранее понятых истин остаются незыблемыми. С возрастом всё подвергается сомнению. Сегодня я ни в чём не уверен. Разве что в том, что пока я жив — и только. Всё остальное зыбко.

То был сон — странный сон: вековечное течение времени вдруг застопорило, и самая крайняя минута, такая округлая, плотная — ты это ясно, отчётливо видел — прямо на глазах стала набухать, набухала, набухала и, разрываемая изнутри живой энергией, наконец разлетелась в клочья.

Ты проснулся, сел за стол и написал не менее странный пассаж: «Когда моё личное время, с того момента, как я появился на свет, даже раньше, когда мои родители только мечтали обо мне, о своём первенце, даже того раньше, когда мои деды и бабки затевали своих детей, а может и того раньше, словом, если моё личное время, то есть время, отпущенное мне, вобрало в себя всё хорошее и плохое от самого начала, от недосягаемых истоков до сегодняшнего дня, и если я ничего или почти ничего не забыл, не утратил, не распылил в суете, если я не беспамятен, то никакой текучести времени не существует, значит, оно, время, сжалось, замерло, затвердело во мне, в моей истинной, внутренней сути, а внешний шелест минут, часов, дней, недель, месяцев, лет для меня не важен, не решающ — главное, я сохранил в себе своё личное, родовое, единственное и... надеюсь, бесконечное время,— дочь заглядывает через моё плечо на испещрённую страничку».

В другой раз тоже то ли сон был, то ли игра больного воображения: ты видел, как время смеялось. Да, сперва оно улыбалось. Потом стало смеяться. Хохотать. И хохот этот был оскорбителен.

Обличием он типично русский. Но родителей своих никогда не видел, в младенчестве его, взяв из приюта, усыновила армянская семья, которая, однако, в свою очередь, была обрусевшей, но обрусела она в большом кавказском городе, и потому он говорит с едва заметным южным акцентом. Его остановил в городе милиционер и с недоумением спрашивает, перелистывая паспорт:

— Ты что, нерусский? Не пойму что-то.

— Нет, русский,— улыбается он. Следом же: — Да, нерусский.

Милиционер смотрит на него, недоверчиво смотрит, и он частит, впрочем, не меняясь в лице, оставаясь спокойным и улыбчивым:

— Нет, конечно, я нерусский русский, или, может, русский нерусский, в общем, не знаю, не помню, забыл. А кем лучше быть, начальник? Кем выгоднее? А то я приезжий, не разбираюсь, подскажи, пожалуйста, будь другом.

— Дичь какая-то,— ничего не понимая, говорит слегка озадаченный милиционер.— Ты что, с дерева падал в детстве?

И, презрительно ухмыляясь, возвращает паспорт.

Мой брат школьный учитель, и понятно, что живёт бедно, скудно, и чтобы как-то поправить свои дела подрядился по вечерам рубить дрова для шашлычной на окраине города. Он рассказывает, что однажды, когда он как обычно рубил дрова, двое мужчин, крупных, дородных, хорошо одетых, сидели за столом неподалёку, ели шашлык и выпивали. Они долго наблюдали за тем, как он орудует топором, наблюдали, наблюдали, и вдруг один из них встал.

— Дружище, где ты научился так ловко топором махать? — спросил он, подойдя ближе.— Я и не видел никогда, чтоб так красиво дрова рубили. Кино какое-то, ей богу. Загляденье.

— Да в селе я жил до сорока лет,— ответил брат.— В глухом кавказском селе — как не научиться.

Но мужчина всё никак не мог успокоиться. Мужчина пригласил брата за стол, и они продолжили беседу.

Ты тогда был холост, одинок, а она почти ежедневно забегала к тебе, обед сготовить, прибраться, выкраивала как-то время, успевала, хотя училась в институте, да к тому же дома у неё лежал смертельно больной отец. Однажды она собрала огромную сумку белья, увезла к себе стирать, а когда вернула — всё выстиранное, выглаженное, рубашки там, постельное бельё, даже носки,— когда вернула всё это и начала раскладывать по полкам в шкафу, ты случайно увидел, что не все носки твои. Она, может, думала, ты не заметишь, но ты обнаружил несколько пар чужих носков, и сказал об этом ей. Она сильно смутилась, словно застигнутая за чем-то непристойным, и тебя поразила догадка: она принесла тебе носки отца. Ты так подумал — и обомлел: отец болен, и она уверена, что он не поднимется, но ведь он жив ещё, жив, а носки уже унесли из дома.

Дочке исполнялся год. Так сложились обстоятельства, что перед тем полгода она жила у бабушки в другом городе. Каждый месяц мы ездили к ней, и она вроде не очень скучала без родителей. Но вот приехали ко дню рождения. Рано утром зашли в квартиру, без шума, на цыпочках зашли и смотрим: сидит на горшке посреди дивана, голенькая, растрёпанная со сна, как увидела меня, надула губки, сказала слабым голоском:

— Па-па.

И тихо-тихо заплакала. И сердце моё чуть не разорвалось от горя.

Утром говорил с мамой по телефону. Она гостит у сестры.

— Книгу твою получили,— сказала мама.— Спасибо. Сынок, ты там опять о нас пишешь?.. Не пиши о нас, сынок, милый, не пиши, из-за тебя, из-за твоей писанины, в конце концов, нас арестуют.

— За что? — спрашиваю с удивлением.— За что арестуют-то?

— Нет, не пиши,— не слушая, твердит она своё.— Не пиши, сынок.

Боже, какой же страх въелся ей в душу пред печатным словом!..

Я звоню ей чаще всего по утрам, когда в доме сестры никого нет. Мама долго не подходит к телефону. Я терпеливо жду, живо, зримо представляя, с каким пугливым томленьем на лице она смотрит на прерывисто и требовательно трезвонящий аппарат. Какое это непривычное для неё дело — самой поднять трубку, ответить.

Четверть века назад. В плацкартном вагоне. Молодая беременная попутчица. Беременность весьма заметная. Но она так миловидна, так весела, речиста, такой нежностью блестят её голубые глаза, так мелодичен голос, так округло, свежо, сочно, полно жизни каждое её движенье. Помню свою влюблённость в неё. Помню её влюблённость в меня. Больше ничего не помню — ничего больше и не было. А осталась в памяти во всех подробностях и навсегда.

Утром вышел из дому, шагаю себе по нашей улице и вдруг вижу: поперёк тротуара стоит небольшой грузовик с брезентовым верхом, двое молодых парней откинули задний борт, выволакивают оттуда носилки. А неподалёку, обочь тротуара, лежит мужчина с задранной и натянутой на голову футболкой. Парни деловито взяли мужчину за руки и за ноги — впечатление такое, что он порядком пристыл — уложили на носилки и молча загрузили в машину.

А мимо спокойно шли люди, никто не останавливался, не остановился, впрочем, и я, проследовал по своим делам, лишь раз-другой оглянувшись. Только потом, чуть позже, меня поразила обыденность происшедшего, и ещё я вспомнил, что он, умерший, погибший ли, кажется, был не стар, судя по коже на руках и на животе.

Он невзрачен, мал, прямо метр с кепкой, правда, всегда одетый во всё модное, заграничное, кепку не носит. За короткий срок он сколотил огромное состояние и живёт вызывающе броско, напоказ, откровенно презирая тех, кто живёт скромнее. И сын его единственный в пятнадцать лет безоглядно самонадеян, нагл. Может запросто в шумной сутолоке школьного коридора подойти к однокласснице и грубо облапить её, расцеловать, а то и больно укусить воспалённо вспухшую, созревающую девичью грудь. Может ржавым гвоздём нацарапать непристойность на дверце автомобиля нелюбимого учителя, соседа ли ни в чём не повинного — всякого, кто не приглянётся.

И всё ему легко сходит, чадолюбивый отец мало того, что не одёргивает зарвавшегося отпрыска, но и всячески оправдывает, кичливо швыряется деньгами, возмещая ущерб пострадавшим, затыкая им рты, чем ещё пуще распаляет стервеца на очередные пакости. Что и говорить, по-скотски сытое, хамское семейство, и смешно и грустно вспоминать, что начинал он, коротышка злополучный, с того, что прислуживал сельским богачам, ходил с ними в баню и тёр им спины, копал их огороды, собирал урожай в садах, сено косил, дрова рубил, да всего и не перечислишь, тогда ещё весьма покладистый, тихий, робкий даже, он делал всё, что ни прикажут власть имущие, ничего не чурался, шёл на любые унижения, прикидывался сиротой, овечкой, и помнил, знал, ради чего старается, знал и ждал, когда придёт его время, ждал долго и дождался, наконец...

Тут ты резко обрываешь фразу, оторопело вспомнив, что твоего персонажа, точнее, прототипа твоего персонажа, второй год как нет в живых, он помер, после обеда лёг отдохнуть, и скончался от инфаркта, а ты так легковесно ведёшь повествованье в настоящем времени, ах ты, Боже мой, как же ты оплошал, как мог такое запамятовать!..

Что ж, нет человека, чуть погодя, рассуждаешь ты досуже, стало быть, нет и проблем, но одну подробность, что мгновенно вспыхивает в твоём сознании, одну единственную деталь ты не можешь оставить без вниманья, ты легко выхватываешь её из размеренно скорбного переполоха похорон и она как бы добивает, дорисовывает твоего коротышку: когда стали, значит, как и положено, обмывать покойника, обнаружилось, что три пальца его правой руки застыли, закоченели в известной комбинации, да так убедительно, так крепко, так навсегда, навечно, что, сколь ни старались, ни пыхтели, ни ловчили близкие, так и не удалось разжать их.

Он азербайджанец. Имя его Заман, что в переводе означает эпоха. Ни много, ни мало — человека зовут Эпохой. Он и был, впрочем, целой эпохой на этом рынке — простоял неизменно за одним и тем же прилавком целых 25 лет. Но в последние годы его так часто останавливала милиция и проверяла документы, что теперь он, завидев людей в форме, загодя достаёт паспорт и обречённо ждёт.

Сегодня в Чечне обнаружены трупы 27 пермских ОМОНовцев и 30 чеченцев. С утра об этом говорят по всем каналам телевидения. Именно сегодня же новоизбранный шесть дней назад глава государства несколько часов подряд катался на горных лыжах. Попросту веселился. Это тоже показывают по всем каналам.

Служу ночным сторожем на стройке в самом центре города. Зимней ночью сидим себе с напарником в тёплом вагончике, чаёвничаем, болтая о том о сём. Вдруг стучатся к нам. Открываем дверь, а там милиционеры — шесть человек. Просятся в вагончик погреться. Расселись за длинным столом, чуток отогрелись.

— Картишек у вас нет? — спрашивают.

— Да нет. Не играем. Шахматы есть.

— Шахматы?.. В шахматы не умеем.

— Никто из вас не умеет в шахматы?..

С улыбками пожимают плечами. Шестеро молодых ребят от 25 до 30 лет — и ни один из них не играет в шахматы.

Странная причуда. Иногда мне хочется месяц или больше, ну, скажем, полгода побыть русским, ещё полгода армянином, ещё полгода арабом, ещё полгода китайцем, ещё полгода французом и так далее. Пожить сколько-то обыденной жизнью определённой национальности. Совершенно перевоплотившись, не зная даже, не помня, что раньше ещё кем-то был.

В других народах мы всегда ищем нечто схожее с нами, тогда как нравятся они нам чаще всего тем, что они совершенно иные — привлекают, манят, чаруют именно несхожестью.

Я люблю свою родину. Люблю свою землю. Люблю те тропинки — а они и сегодня живы,— по которым мои деды, каждый от своего дома, уходили на фронт и погибли. А погибали они не во имя какой-то мифической империи, а ради тех же тропинок, что они, быть может, любили гораздо сильнее, чем люблю я.

Поздняя ночь. Сижу один на кухне. За окном огромная яркая луна. Странно, что она такая же теперь и над моим селом за тысячи километров отсюда, так же сеет свой холодноватый свет на старый наш дом, давно заброшенный, на новый дом брата,

занятый чужими людьми, на огороды, сады, поля, родники, тропинки, леса, речки, на могилы отца, дяди, бабушек, оставшиеся без призора и, может, осквернённые чужаками.

Декабря начало. А снега ещё не было. Припоздала зима. День солнечный, светлый, тёплый — градусов десять. Небо высокое и нежно голубое, без единого облачка. Жена с хрустом развалила на две половинки продолговатую жёлтую тыкву — и такой чудный запах поплыл по кухне.

Меж нами довольно весомая разница в возрасте — почти пятнадцать лет, и первое время она не могла обращаться ко мне на «ты». Несколько недель или, может, месяцев, точно не помню, спали вместе, а она всё говорила мне «вы». А спала она в те годы как убитая. Даже когда стучались ко мне, громыхали в окно, не ворочалась в постели, не разлепляла глаз. Да и понятно — с пятнадцати лет жила в студенческом общежитии — привыкла, что вечно за дверью топают, шаркают ногами, галдят, без конца торкаются в дверь — и у меня никак не реагировала на шум. А может, и не так, может, тут другое. Говорила же сама иногда:

— Ой, я спать люблю, спать — во сне я такие сны ви-и-жу-у!..

То что она, учась в восьмом классе, оставила дома включенный утюг, потом, вспомнив, из робости не смогла отпроситься с урока и побежать домой, в сущности, и есть главная черта её характера. Одно это может нарисовать её во всей полноте.

Жена говорит: дочка в садике целый день ходила неприкаянная из угла в угол в группе — никто с ней не играл. Не играли-то дети с ней, наверно, потому, что она первый месяц в этом садике, а остальные там несколько лет — давно сдружились. Но дочь так испереживалась, что в три часа дня зашла к матери в кабинет — мать музыкальным работником в садике.

— Мам, пойдём домой, — сказала. — Тут со мной никто не играет.

Жена признаётся: еле удержалась — чуть не расплакалась. Я тоже, когда она мне рассказывала, едва не прослезился. Страшно, когда махонький ребёнок среди множества себе подобных детей чувствует себя одиноким.

Беда, когда ограниченный человек самовлюблён, когда единственным героем его романа является он сам. Как-то он говорит удручённо и с раздраженьем:

— Ты знаешь, я его спросил, что это он читает, а он мне ответил: это не для тугодумов.

— Ну и что?

— Как ну и что?! Он меня оскорбил. Умный — вишь ли — какой нашёлся. Раз целыми днями книжки читает — значит умный?

Ещё как-то после обеда, сыто отрыгивая, он говорит:

— При желании всяк мог бы писать прозу — может, чуть хуже, чуть лучше, кто знает. Но — мог бы.

— Ну и пиши. За чем же дело стоит?

— Не хочу. Мне это не надо. Если б захотел...

А сам ленив до одури. Это надо видеть, как он, скажем, моет голову. Садится посреди двора на табурет и, расставив ноги, наклоняется — и жена моет, намыливает, трёт, скребёт, массирует его голову, поливает из ковшика. А он просто сидит — опустив руки вдоль табурета.

У них родился больной ребёнок, увечный и физически, и умственно: что-то ненормально было с нервной системой. Ходили, конечно, по врачам. Ходили долго, упорно, но ребёнок оказался неизлечимым, о чём врачи однозначно сказали им, и намекнули, что, если они не против, если решатся, могут устроить ребёнка в приют. Понятно, не сразу они согласились, они переживали, колебались, на что-то надеясь. Но вмешались их родители, и вскоре сдали ребёнка. Само собой, были всякие сопутствующие разговоры, споры, слёзы, но понемногу всё утряслось. Спустя время, когда у молодых родился ещё один ребёнок, уже нормальный, здоровый, всё у них вроде пошло на лад. Ребёнок рос, супруги радовались, лишь изредка с тихой грустью вспоминая о своём неудачном первенце. Шла жизнь, шла в будничных хлопотах и заботах. Но однажды они узнали, что родители мужа, сердобольные старики, на выходные забирают их первенца домой. Они удивились и испугались, не зная, как к этому относиться. Они занервничали. Они утратили интерес ко всему, даже друг к другу, и подолгу не разговаривали меж собой, а по выходным — вовсе сутками молчали. И боялись пойти и посмотреть на своего первенца. Правда, он, муж, разок сходил, но от жены скрыл. Она же не могла набраться смелости, она страдала, истязая себя сомнениями, и старела ото дня в день, хотя ей не было ещё и тридцати. Такая у них с тех пор пошла жизнь. Такая она и сегодня.

9 апреля. За окном идёт снег. Дует ветер, раскачивая ветки тополей с заметно разбухшими почками. На душе как-то тревожно. В голове сумбур. С женой опять размолвка. Долгая. Три недели не разговариваем, живя в однокомнатной квартире. Ей скоро исполняется 33 года. А у меня ни копейки денег, чтобы купить хотя бы букетик цветов. Вообще-то бедствовать не стыдно. Я это знаю, чувствую нынче на себе. Бедствовать где-то даже благородно, хотя и трудно, тяжко. Но жировать по-скотски, когда другие бедствуют, просто преступно. Я это тоже хорошо знаю. Такое тоже испытывал.

Боже, как жутко дочка кричала, когда с женой скандалили, как нестерпимо кричала:

— Папа, мама сейчас извинится! Папа, мама сейчас извинится! — потом к матери: — Мама, сейчас же извинись! Мама, сейчас же извинись!

Как больно ей было, что меж родителями такой скандал, как больно, как не по себе — крохе этакой.

И как стыдно мне было на другой день, как стыдно и гадко на душе. Я извинился перед ребёнком. А она ответила:

— Папа, да я уж ничего не помню.

Хотя ещё неделю с опаской поглядывала то на меня, то на мать.

Случается, люди говорят, что ты очень похож на отца, говорят, у тебя его походка, его манера говорить, улыбаться, его лицо, голос, характер, повадки, но ты видишь, что у твоего ребёнка тоже всё твоё, отцовское, стало быть, ты похож на своего отца, твой ребёнок похож на тебя, значит, и на твоего отца, и дети твоего ребёнка, скорее всего, будут похожи на тебя, то есть в себе ты хранишь своих предков так же, как и своих потомков, ты средоточие рода, и коль несёшь крест пишущего человека, то основную нагрузку должен брать на себя, и это судьба, от неё ни увильнуть, ни отвертеться.

Дочь во втором классе. Я все ещё провожаю её в школу. Но последнее время за квартал до школы она говорит:

— Пап, дальше я одна пойду. Пусть все видят, что я одна хожу в школу. Лад, пап?..

Я соглашаюсь. Отдаю ей пакет со сменной обувью. Целую в прохладную родную щёчку — и она уходит. Вся такая трогательно хрупкая. С огромным ранцем за спиной. С пакетом в руке. Стою и смотрю ей вослед — и так жалко её становится, так жалко, точно расстаёмся на всю жизнь. Отчего так — не пойму.

Мне непонятно, как это Господь Бог, а точнее сказать, сын Бога, посланец Бога, вроде страдалец, вроде всегда знал, что он пострадает, что его предадут, что он т а к о е перенесёт из-за своего народа, но ни единожды в тридцать три-то года не вспоминает, не сожалеет о том, сколько безгрешных младенцев было загублено из-за него, лишилось жизни при его рождении. Откуда же такое лелеяние предстоящих своих страданий и такая глухота, такое беспамятство, такое равнодушие к чужой боли?..

Впрочем, написал это и, спустя время, стал думать, что я, наверно, не прав. Хотя евангелисты дружно и умалчивают об этом, но Иисус доподлинно знал, сколько безвинных младенцев погибло из-за него, знал и страдал всю свою земную жизнь — и потому, стоя пред Пилатом, вроде бы готовым спасти ему жизнь, никак не защищал себя, никак не оправдывал себя, никак не желал миновать казни, без сомнения, помимо многих причин, чувствуя свою личную вину в умерщвлении тысяч детей. Кстати, возможно, поэтому Он и не улыбался никогда...

Не знаю, читал у кого или, может, видел картину живописи: Христа распяли, и, как известно, слева и справа от него распяли двоих разбойников. Распятый Христос сказал что-то очень тёплое, дружеское, с любовью и добротой, одному из них и тут, на кресте, пред неминуемой смертью, разбойник начинает понимать, что впервые в жизни к нему отнеслись по-человечески, в нём увидели равного, что он обрёл истинного друга в этом странном человеке, умирающем без страха и без особых мук, достойно, и такой вопль отчаянья вырвался из него, из разбойника, что так скоро теряет единственного друга!..

Как я понимаю этого разбойника. Как сочувствую ему. Как больно мне за него.

Провожаю дочку в школу. Шагаем себе рука об руку по улице и дочка, как всегда, без устали о чём-то говорит.

— Пап, ну ты понял? — дёргает она мою руку. — Ты понял, пап?

— Что?..
— Да кошка у них, говорю, сиамская.
— И у нас сиамская.
— Нет, у нас наполовину сиамская, как я, например, наполовину — удинка, наполовину — русская. А у них кошка чистая сиамская, как ты. Ты же чистый удин, да, пап, правда, пап?..
— Правда. Да, конечно, правда.

Сидел и перелистывал старую тетрадь. Моя шестилетняя дочь спросила:
— Пап, сколько листов в этой тетради?
— Девяносто шесть.
— И на всех листах рассказы?
— Нет, что ты. Записи просто.
— А ты мог бы написать столько рассказов?
— Сколько — столько?
— Ну, сколько там листов...
— Не знаю. Смотря — сколько проживу.
— А ты не ешь раков, пап, вот дядя Паша умер от рака, потому что раков много ел.
— Ладно, дочь, не буду...

Тебе нравилось, как твоя жена, возвращаясь из города, заходила в квартиру — раскрасневшаяся с мороза и от быстрой ходьбы, взволнованная, свежая, молодая, любящая и любимая — и ты думал, с умилением глядя на неё: неужели и это пройдёт?..

Теперь же, случается, сидишь за столом, читаешь, жена твоя, устроившись на диване, что-то вяжет. Кругом уютно, тихо. Лишь на кухне мерно капает из крана: шлёп — шлёп — шлёп. Жена отрывается от рукоделья и говорит эдак буднично, безлико:
— Ты можешь допустить, что мы когда-нибудь разведёмся?..
Недолго подумав, тем же будничным тоном отвечаешь:
— Нет, не могу.
— Ой, я сыр хочу.
— Что-что?..
— Сыру хочется. Там на столе тарелочка. Подай...

Ты очень нежно любил жену в пору её беременности. Она тоже очень нежно любила тебя в ту пору. Любила не как мужа, не как мужчину, а как дружка по детским играм, что ли. Вы оба тогда походили на малых детей. Такие внимательные и непосредственные. Бывало, она говорила:
— Ой, мне чего-то хочется поесть. Ты не знаешь, чего я сейчас хотела бы поесть?
— Не знаю,— отвечал ты с улыбкой.— Ты подумай и скажи: чего бы ты хотела — и я тебе подам.

Иногда ты ей читал вслух. Читал любимых тобою писателей: Чехова, Бунина, Ю. Казакова, Г. Семёнова, В. Лихоносова. Она чутко слушала и ты, отрываясь от книжной страницы, видел, что ей тоже нравятся эти писатели, что она тоже любит их, хотя раньше имела о них весьма смутные представления. Словом, вы были по-настоящему счастливы. Ты ни разу не был недоволен ею, и она ни разу не была недовольна тобою. Только однажды, в самый последний вечер, случилось меж вами такое лёгкое препирательство:
— Ой, кажется, схватки начинаются,— сказала она.

— Да? Значит, надо позвонить, вызвать скорую.

— Нет, не надо. Подождём чуток. Может — ошибаюсь.

Ты сидел и развлекал её шутливыми разговорами. Скоро она опять говорила:

— Ой, всё ж, наверно, пора. Нет, погоди, не надо звонить.

— Ты что, милая, дай вызову. Так нельзя. Приедет врач и...

— Ладно, звони. Нет, постой, не надо. Ах, как ты хочешь отделаться от меня. Я тебе надоела — да? Конечно, надоела. А я никуда не поеду, знай,— заплакала она.— Не поеду. Если надо, сам езжай и рожай. Нашёл дурочку. Не стану я рожать. Иди сам рожай. А я не стану. Не стану-у!..

Стоял себе на углу — ждал ребёнка из школы. Двое молодых ребят-кавказцев подошли к сапожной будке, видимо, желая ботинки почистить, но заглянули внутрь и чего-то заробели. Стали меж собой переговариваться, и по куцым репликам я понял: чистильщик стар, и они не могут позволить себе развалиться, бесстыже выставив ноги, чтобы старик, согнувшись, чистил им, молодым, обувь.

— Дед, щётка-крем давай сюда,— говорят они с акцентом.— Сами почистим. Не бойся, деньги заплатим.

А чистильщик — колюче-щетинистые белые усы — бодренько так:

— Бросьте вы, ребятки. Моя это работа — я сам и сделаю: нечего тут выдумывать.

Между ними завязывается спор, они оживленно, страстно жестикулируя, пререкаются, и, наконец, находят устраивающий обе стороны выход: парни по одному ботинку снимают с ноги, подают чистильщику — тот чистит, добродушно приговаривая:

— Во дают, чертяки, а, во дают!..

Сейчас накопилось столько: и материала, и впечатлений, и мыслей, и опыта, пожалуй, только всё сжато во мне, сжато до предела, и нужно, чтобы прорвало — тогда всё пойдет ладно и складно. Я в этом уверен. Чего стоят одни мои наблюдения, какие вокруг люди, какие характеры, темпераменты, сколько у них историй, сколько всяких подробностей. Боже, лишь бы прорвало, хотя бы ещё разок, на год, на два, не более — и я напишу хорошую книгу.

Я страдаю оттого, что я не графоман. Я знаю, что это звучит кокетливо, но это от безысходности: люди, не стоящие моего мизинца, столько написали и всё пустое, пустое. К примеру, Л. пишет на компьютере. Без черновиков. С хода. Такие и вещи у него выходят, без чувств, без мыслей, удобно набранный строй слов, фраз. Главное, ничего в его прозе не происходит. Там только имитация того, что должно произойти в художественном произведении. Сдаётся, он ни в чём в этой жизни не разобрался и, пожалуй, не разбирался. Никого не любил — никого не возненавидел. Всё прошелестело мимо него, и сам он прошелестел мимо всего. И проза его сухо шелестит пустотой и бездарностью.

Снимал комнату в частном доме на окраине города. За домом, в просторном саду, стояли улья, штук двадцать аккуратных домиков, расположенных в шахматном порядке, и шагать к уборной приходилось меж этими ульями, которые зловеще гудели, и вокруг сновали несметные пчёлы, и ты боялся, пробирался медленно, не делая резких движений. Однако это была зряшная предосторожность: пчёлы не то что не жалили, ни одна не ударялась о твоё тело, все они облетали тебя, не обращая никакого внимания. Им, наверное, было некогда. Они были заняты. Они трудились. Кстати, пчела живёт мало — всего тридцать один день. Она слишком себя расходует. Работает с первого до последнего дня. Она почти не спит.

Хотя давно я с нею знаком, учились когда-то вместе, на одном факультете, в одной даже группе, но я не знал её толком, не знал, что она носила в себе все эти годы, о чём мечтала и как вообще жила. То ли такая скрытная, с загадкой, то ли так себе, пустышка недалёкая, но с претензией, не поймёшь, всегда держалась сухо и неподступно. Да и виделся я с ней после института редко, от случая к случаю. Известно только, что в студенческие годы увлекалась армянами. Учила армянский язык. Крупица за крупицей выписывала из книг, учебников сведения об армянах. Даже диплом защитила по армянской истории. На летние каникулы ездила в излюбленную страну в гости.

Вернувшись оттуда, так и сыпала армянской речью, так и сыпала, невзирая на то, понимаешь ты её иль нет. Когда её знакомили с кем-то из кавказцев, тотчас спрашивала, не армянин ли тот, если оказывалось, что нет, до неприличия откровенно теряла интерес. Такая странная женщина. Такая армянофилка, кстати, весьма красивая и элегантная, до тридцати пяти лет не устроила свою личную жизнь — не вышла замуж. Жила одиноко и замкнуто, никого к себе не подпуская. А в тридцать шесть взяла и неожиданно для многих родила. Тут-то и всплывает старая как мир история: выясняется, что столь ревностное увлеченье всем армянским началось с её девичьей любви к армянину. С любви первой и неразделённой, горестной, ибо парень не мог, не имел права жениться не на армянке.

Отвергнутая, она не пала духом, напротив, заваливала своего избранника письмами, ежегодно наезжала в гости и звала его к себе. Так шли годы. Шла жизнь. Он давно женился, имел детей и любил свою семью, ничего ей не обещал, всячески избегая интимных отношений. По всему, он был холодным и очень правильным человеком. Но она вела себя напористо, впрочем, с годами на многое и не рассчитывала — всего лишь хотела родить от него, что ей и удалось, наконец, спустя почти два десятилетия после первой встречи с возлюбленным. Тем и счастлива теперь, горделиво катает перед собой детскую коляску и без смущения рассказывает свою печальную историю.

Три года работал на складе в коммерческом предприятии — и всё это время совершенно не занимался литературой. Не хватало ни времени, ни настроения, ни желания, ничего. Я чувствовал себя как в ссылке, как в эмиграции, живя у себя дома. А когда уволился оттуда — как бы вернулся из эмиграции. Вернулся к своим книгам, к своим старым мыслям, к привычному образу жизни. Мало кто поймёт, что подобная эмиграция намного страшней обычной вынужденной эмиграции в чужую страну.

Между тем, самое гибельное для пишущего человека — просыпаться по утрам с привычным строем чувств и мыслей. Всё привычное — притупляет зрение и слух: ты перестаёшь видеть и слышать этот мир каждое утро по-новому. Ведь только и можно хорошо писать, каждый новый день встречая и провожая как самый первый и самый последний день твоей жизни. Тогда ты полноценная личность. Тогда ты художник.

Невзрачная женщина. Линялый мятый халат, стоптанные тапки. Нижняя часть тела тяжеловатая, всегда источающая запах перестоялой женской плоти, а верхняя — почти сухая, плоская, безгрудая. Лет семь назад она долго суетилась, хлопотала возле соседа, крепкого, молчаливого, сумрачного мужика, целый месяц, а может, и больше, всё то время, пока он обретался один в доме, без жены, крутилась вокруг него, и схлопотала, пожалуй, разве только беременность нечаянную. А жена приехала, и шумно, с позором, с побоями, выставила её за дверь. Вся-то любовь: короткая и горькая, горше некуда, но всё же гостинчик, всё же подарочек для истосковавшейся души. А так, что до, что после, одни бесконечно постылые будни.

Теперь она, случается, по вечерам выходит из дома и ступает по деревенской улице, опустив с хмельной поволокой тусклые глаза, ни на кого не смотрит, ни с кем

не здоровается, словно весь белый свет ей не мил. А рядом семенит белобрысый мальчонка, молчаливый и пугливый, ни на шаг от матери не отходит, жмётся к её рыхлому бедру и всё заглядывает ей в лицо, заглядывает с таким видом, точно ждёт от матери позволенья на какое-либо мальчишечье озорство, но никак не решается потревожить её. Скоро они выходят за околицу и неспешно шагают себе, взявшись за руки, по пыльной просёлочной дороге, а куда и зачем они идут, мать и дитя, унылая пара, и что их ожидает где-то там впереди, какая участь людская, не знает, наверное, сам Бог.

Разведённая молодая женщина с грустной завистью говорит:

— Брат мой всё-всё для жены делает: и на занятия провожает, и с занятий встречает, и по дому помогает. И она всё старается, самые вкусные кусочки ему подсовывает. Отец мой даже ревнует её к сыну. Такая идеальная семейка сложилась. Кто мог подумать — им ведь всего по 20 лет. Ох, хоть кто бы за мной так поухаживал.

— Но муж-то за тобой ухаживал? — возражаю.— У тебя же был муж.

— Муж-то? Да, конечно. Муж — объелся груш. При чём тут муж-то?

Приходил приятель, посидели малость, поговорили, а когда он ушёл, обнаружилось, что кот наш исчез. Дома были я да дочка. Стали звать кота, искать всюду — иногда он, сытно поев, ложился в укромном уголочке и не показывался как ты ни зови. Но нет — нигде не было его. Я открыл дверь, выглянул в подъезд, думая, что, может, кот прошмыгнул, когда приятель уходил, хотя навряд ли такое могло случиться, он раньше ни разу не покидал квартиры, но всё же я вышел, спустился по лестнице вниз, выскочил во двор — всё без толку. Вскоре пришла жена, мы ей всё рассказали, она тотчас же кинулась искать, и очень легко нашла его двумя этажами выше. Оказывается, сидел напротив двери соседской квартиры, откуда взяли его ещё молочным котёнком и больше никогда он там не бывал. Что ж, стало быть, выйдя за дверь, либо инстинктивно понёсся наверх, либо тепло верхнего этажа предпочёл холодку нижнего. Но что поразительно: спустя час после того постучалась к нам соседка из той квартиры и сообщила, что мать нашего кота только что околела.

Как и многие из своего поколения, он до сих пор уверен, что работяга, рабочий человек — нечто незаменимое, неотъемлемое для жизни на земле. У него извечное присловье: была б шея — хомут всегда найдется, то есть на работу-то его всегда и всюду возьмут. Говоря это, он звучно хлопает ладонью себя по загривку. Но уже больше года ходит в поисках пресловутого хомута — износил, наверное, не одну пару подмёток — а что-то не видно, чтобы кто-то посягал на его шею. Однако он не унывает, всё хорохорится — бравадой заглушает тоску и растерянность — успокаивает себя тем же: была б шея — хомут всегда найдется...

Года три назад её муж покончил собой. Застрелился. Теперь она вечно грустит за столом. Только изредка слегка улыбнётся чьей-нибудь удачной шутке. Всё как бы напряжённо думает об одном и том же. А случается — вовсе оставляет застолье, уходит в другую комнату и, горестно поникнув, сидит в одиночестве. Я как-то поинтересовался:

— Чего это всё грустите-то? Пора и забыться — отойти малость.

— Да ведь за стенкой,— вырвалось у неё с трещинкой в тоне,— совсем, считай, под боком стряслось, как забыться-то?..

Я учтиво помолчал.

— Он не себя убил,— сказала она в сердцах.— Не себя. А меня с детьми. Ему что — он одним махом отделался. А нам теперь до гроба, до последнего вздоха жить с этим грузом.

На кухонном столе, в глиняном кувшине, точнее, в глиняной вазе стоят три ярких георгина. И осыпаются бесшумно — днём, а ночью слышно, как лепестки срываются и падают на столешницу. Так и наши дни, месяцы, годы осыпаются в какую-то бездну.

Двухлетняя девочка открывает случайно подвернувшуюся книгу на форзаце и, ткнув пухлым пальчиком в чистый лист бумаги, говорит:

— Ночь.— чуть помолчав, уверенно и чётко повторяет.— Это ночь.

— Почему ночь? — возражаешь ты.— Это же белый лист бумаги.

— Ночь! — упрямится она, капризно выпятив губки.— Это ночь.

И, старательно перевернув страницу и водя пальчиком по крупному шрифту титульного листа:

— Бук-ки.

Ещё перелистывает, видит портрет автора:

— Дядя.

Потом, перелистывая дальше, над каждой страницей произносит:

— Бук-ки... Бук-ки... Бук-ки...

Так, перебрав довольно много, натыкается:

— Кайтинка.

Наконец, захлопнув книгу, снова отворачивает обложку, вернувшись к форзацу:

— Это ночь.

И долго, пытливо смотрит тебе в глаза, и ты с удивлением начинаешь понимать, что чистый лист бумаги, не заселённый ни буковками, ни картинками, она попросту считает лишённой всяческой жизни, ночью, мраком, невзирая на очевидную белизну листа.

Моё удинское село — мне мать. Мой русский город — мне отец. Стало быть — я метис в духовном смысле.

Я сегодня язычник. У меня есть Бог моей старой матери. Бог маленькой дочери. Бог утраченной малой родины. Бог малого литературного дара. Но ни общей веры — ни надежды.

Милый образ родины: каждый день ровно в двенадцать над селом гудел-пролетал почтовый самолёт — и так в течение десятилетий.

Был вечер, сгущались сумерки, кругом кричали дрозды: тер-ре-чок-чок-чок!.. Шли с братом из леса, у меня за плечом болталось ружье, я убил несколько горлинок, они мягко стукались о моё бедро, брат всё приставал ко мне.

— Дай стрельнуть, дай хоть пустяшного дрозда убить.

Наконец я снял с плеча ружьё, он спешно выхватил его, взвёл курок и ринулся, чуть согнувшись, скрадываясь, к густым ежевичным зарослям, где трещало и чокало множество дроздов, и тут я увидел в шагах десяти от него, прямо перед ним, зайца, беспечно сидевшего на задних лапах. Я замер на месте, боясь спугнуть косого, брат мой тоже заметил зайца, но, вместо того чтобы выстрелить, обернулся ко мне и воскликнул удивлённо и обрадовано:

– Глянь, заяц! — и лопоухий, конечно, сиганул в ежевичные заросли и исчез. Брат лишь запоздало и слепо пальнул вслед.

У него четверо детей — и все девочки. В наши-то дни. Удивительно. О чём только он думал — когда затевал их. Да и думал ли вообще? Очень даже сомневаюсь. Знаю лишь, что без них, без четверых детей, без нескончаемых непосильных забот, ему было б скучно жить на свете. Скучно и незачем. Что он ещё мог и может выдать из себя, кроме потомства. Чаще всего многодетство — от внутренней пустоты. От страха перед этой пустотой. Многодетство — это следы страшного зверя под названьем: пустота.

Стояли с мамой перед автовокзалом. Ждали рейсовый автобус. Молодая красивая женщина обратилась ко мне с пустячным вопросом. Я ответил, она поблагодарила, и так, слово за слово, завязалась беседа. Оказалось, она чеченка. Удрала от тягот войны, до институтской подружки добирается.

— У неё пережду этот кошмар. Может, удастся и на работу устроиться.

Она оставляла очень хорошее впечатление. Была спокойна, улыбчива и интеллигентна. Но вот она попросила приглядеть за её чемоданом.

— Пойду водички куплю на дорогу,— объяснила.— И кое-что из еды.

И растворилась в людской толчее. Стоим с мамой, ждём, время идёт, а её всё нет и нет. Я забеспокоился: может, она вовсе не вернётся, мол, может, в чемодане у неё взрывчатка?.. И всякие такие мысли о женщинах-террористках. Глянул маме в лицо — вижу: ей тоже не по себе. Она ведь от телевизора не отходит — наслышана о чеченском коварстве и неслыханной жестокости.

— Мам, возьми сумку,— говорю,— зайдём за угол вокзала.

Без лишних слов мама поняла меня. Зашли с ней за угол и оттуда выглядываем. Возле чемодана чеченки толкутся люди. Множество людей. Что — если сейчас рванёт?..

— Беги найди милиционера и всё объясни,— говорит мама.— Вишь, сучья дочь, чего надумала. Беги, пока не стряслась беда.

Я только тронулся с места — как чеченка мне навстречу. В руках двухлитровая бутылка с оранжевым напитком и целлофановый пакетик с едой. Я здорово растерялся, видимо, потому что она посмотрела мне в лицо и говорит так уныло и усмешливо:

— Ничего, ничего, мы привыкли. Не смущайтесь.

И пошла себе к чемодану. И мне так стыдно стало, так стыдно...

От своего времени всё равно не уйдёшь. Боль-то от него. Шипы-то от него. Немочь-то от него. Как же ты уйдёшь!..

Раз я подстрелил зайца. Пришёл домой. Подвесил зайца на яблоневый сук во дворе. Стал шкурку сдирать. А известно, что заячья шкурка как чулок снимается, так же легко и быстро. Моя мать мельком глянула на освежёванного зайца и воскликнула:

— Ой, он на новорожденного младенца похож!..

Потом сготовила зайца. Все домашние ели и нахваливали. А наша мать наотрез отказалась — прямо ни кусочка не попробовала, как ни уговаривали.

— На младенца похож,— всё твердила.— Не буду. Не смогу. Сразу всю меня вывернет.

До сих пор мать не ест зайчатину. Хотя раньше, до того случая, ела и тоже нахваливала.

Недавно, перебирая старые бумаги, наткнулся на такую запись: «Она была слишком открытой, доверчивой, преданной, отзывчивой, а таких обычно не любят молодые, избалованные женским вниманьем мужчины, вернее, от таких не теряют головы, и, вполне может статься, именно поэтому ты не мог, не хотел на ней жениться, всячески избегал её, отлынивал от встреч, отбивался от её растерянного, слезливого, беспомощного напора.

А твой младший брат, спасая честь девушки или, возможно, спасая твою честь, или же попросту утоляя собственное желание любить, восполняя в себе недостачу этой самой любви, предложил ей себя, то есть пришёл к ней и, чувствуя себя, наверное, неловко, пряча глаза, краснея, пылая жаром, мучась и мучая её, объяснил ей, бедной девушке, и без того исстрадавшейся, что, коль уж так вышло, то он готов подменить брата, жениться на ней».

И ведь правда, правда — как ни чудовищно,— правда это!..

Да и вообще при мысли о том, сколько счастья и горечи ты познал, общаясь с женщинами, и сколько горечи и несчастья принёс им, женщинам, сердце твоё отчаянно сжимается: неужели всё в прошлом? Неужели реальная, живая, полная открытий, волнующая, пылкая жизнь прожита до конца? Неужели все оставшиеся годы придётся только разбирать минувшее, тосковать, вспоминая?..

Такая тоска сдавила мне душу, что не мог ни писать, ни читать, часами сидел за столом, насильно вымучивал какие-то слова, фразы, прочитывал вслух, но они были не мои, не мои,— я это чувствовал, и рвал, комкал бумагу и швырял в угол комнатёнки. Решительно ничего не получалось. Я знал это своё состояние, довольно часто я впадал в такое отчаяние, сходное с бешенством, ещё я знал, что нужно отвлечься, денёк-другой переждать и всё пройдет, не впервой ведь, я успокоюсь и снова начну писать, тоже мучительно, но уже с приятным чувством, уверенно. Я всё это понимал, но ничего не мог поделать с собой, не мог отойти от стола, заняться чем-нибудь другим, я упрямо пытался побороть свою тоску. Ещё я, лёжа на диване, устремив взгляд в пустоту белого потолка, внимал поздней ночной тишине, столь плотной, внятной, что, мнилось, воочию видел эту самую тишину.

Вскоре мысль моя совсем размылась, и я начал думать о ногтях, что растут на больших пальцах моих ног, о безобразных, кривых, толстых, вросших ногтях. Далее я подумал, что такие же почти ногти — только ещё грубее, безобразнее — были у одной из моих бабушек. И ей так же, как и мне всякий раз — было больно стричь их. Я помню, с какими муками моя бабушка стригла ногти — и это почему-то важно для меня — то, что я это помню. Мои бабушки давно умерли, но обе — как живые — пред моими глазами. У меня отменная зрительная память. Да и слуховая не подводит — до тончайших оттенков слышу голоса тех же бабушек. Моя мать иногда диву даётся, какие незначительные мелочи из той далекой жизни вспоминаю. Но вот семью родной сестры, более пятнадцати лет живущей в каких-то ста километрах от меня, никак не мог написать...

Завьяловка — не город, конечно, но и не деревня в привычном смысле слова. Дома все казённые, коттеджами называют. Со всеми городскими удобствами, точнее, подворья у всех — деревенские, со скотьим загоном, с коровами, свиньями, птицами, с огородами, а в домах — газ, паровое отопление, ванная с душем, туалет. Войдёшь внутрь — город, выйдешь на двор — деревня.

В полукилометре от деревни пролегает одноколейная линия железной дороги. По ней дважды в день, в полдень и под вечер, туда и обратно, ходит поезд из трёх вагонов. Что и говорить, хорошие места, но они долго и трудно привыкали.

Всем им поначалу было страшно от малолюдья и тишины. Слишком покойно текла жизнь. Особенно зимой, когда всё занесено снегом. Выйдешь из дома — кругом мёртвая тишина. Ни единого звука или движения. Более пятидесяти домов без признаков жизни. Раньше, когда не было в деревне газа, хоть дымок вился над крышами. Теперь и этого не стало.

Он высок, худ донельзя, кожа да кости, более ничего. Шея тонкая, длинная, по горлу катается крупный кадык. Заставляют работать с утра до вечера по хозяйству, а по ночам сторожит машинотракторную мастерскую. И трудно, конечно, ему от такой беспросветной жизни, и ворчит он целыми днями, и матерится, и часто грозится, что повесится — одним махом отделается от всего и от всех. Но сын с улыбкой возражает:

— Не получится, пап. Слишком уж ты лёгок. Так и будешь болтаться на верёвке, слегка задыхаясь, пока мать не вынет из петли...

Раньше, там, в старой жизни, за тысячи километров отсюда, он работал на железной дороге, сутки работал, трое отдыхал. Не отдыхал, конечно, какой уж там отдых, когда в частном доме живёшь, всегда найдётся, что делать, только не ленись. Но он больше к железкам имел тягу, как всякий городской житель, молотком, отвёрткой орудовал. А тут сразу такое навалилось — хоть вой!..

Поначалу он понятия не имел, как подступиться к той же корове, поросёнку или лошади, не знал, что лошадь лягается, значит, подступайся спереди, а корова бодается, значит, подойди сзади. Тогда всё в сельской жизни казалось ему чуждым, враждебным даже, и он часто срывался, схватывался с женой, обвинял её во всем, точно она из прихоти, из какой-то бабьей блажи заставила его оставить налаженную городскую жизнь — и рыться здесь в навозе...

— Тебе легче было — ты беженка,— говорила ей соседка и землячка по прошлой жизни.— Тебе тут и пособие дали, и подъёмные, и сочувствие какое-никакое оказали. А я переселенка. Вроде добровольно переселилась сюда. На меня — ноль внимания.

— Зато ты среди своего народа,— возражала она.— Считай, к себе домой вернулась.

Или в другой раз с той же соседкой-землячкой происходил такой же пустячный диалог.

— Ты-то ладно. Ты нерусская, ты просто русскоязычная. А я-то русская, это моя кровная родина, а как они меня встретили?..

— Тебе что, ты — русская, тебе все дороги здесь открыты. Делай что хочешь...

Соседи, наверное, любили её, по крайней мере, уважали, ибо она никому не отказывала, давала в долг, невзирая на лица, исключая, конечно, совсем уж оголтелых пропойц. Их она жёстко и крикливо гнала со двора, как те ни клялись и божились, ластились к ней, как могли. Пропойц она презирала, не считая за людей...

Вот и всё, пожалуй, что сумел записать к рассказу о семье сестры...

Тихая, тёплая осень. По небу плывут белые лёгкие облака. Хочется подолгу смотреть вверх. Женщина хлопочет под навесом летней кухни. Кокает яички о край сковородки — яичницу на свином сале варганит. Так ловко и изящно она это делает, что невольно засматриваешься. Неподалёку копошатся куры с молодецким петухом во главе. На соседней улице снова поднимается шум и гам. Пашка Колотовкин, вернувшийся с чеченской войны, опять вдрызг напился и с утра гоняется за кем-то по дерев-

не. Участковый милиционер без дела торчит возле магазина. Он всё слышит и знает, что происходит, но не вмешивается. Может быть, стыдится, что Пашка воевал, а он в это время, молодой и сильный, за танцами в клубе приглядывал. Кто его знает. Младший сын женщины тоже служит в армии. Уже второй год пошёл. Сын часто слал письма. Но вот две недели как писем нет — и она всерьёз обеспокоена: как бы ребёнка не отправили на войну. Тем временем петух бочком-бочком подкрадывается к столу под навесом и орёт во всю мочь. Вздрогнув, женщина говорит:

— Если ты к добру, то ещё кричи, а ежели нет, то в казанке твоё место. Ну!..

И петух, как бы испугавшись угрозы, спешно ещё раз орёт и, хлопнув крыльями, несётся прочь. А на соседней улице всё ещё шумят, наверное, никак не могут угомонить разгулявшегося вояку.

То, что делаю сейчас этими записями, во многом и есть чистейший импрессионизм.

Он поздно женился. Он любил свою молодую жену. Любил он и её родителей, особо не вникая, насколько они хороши. За долгие годы одиночества он просто соскучился по ладной семейной жизни. Но вскоре за тысячи километров скончался его отец. Он спешно собрался и поехал, а когда вернулся через две недели, его никто не спросил, как он съездил и как прошли похороны. Ни жена, ни тёща, ни тесть. Ни один ни единым словом не поинтересовался. Все пребывали в каждодневной беготне за благополучием. Он тоже с хода влился в привычную суету. Но с тех пор он стал замечать в поведении тёщи и тестя явные недостатки. В поведении жены — тоже. Теперь он нередко бывал раздражителен и придирчив. У него как бы испортился характер, и все недоумевали, не понимая, что произошло, отчего частенько по пустякам вспыхивают шумные скандалы.

Со мной иногда происходят странные вещи. Не только со мной — о таком мне рассказывали и другие люди. К примеру, как-то стоял на остановке троллейбуса на привокзальной площади. Вдруг в людской толчее увидел Владимира Николаевича Б. из университета. Вернее, не то что именно его увидел,— просто глянул на мужчину сзади — и вот затылок, плечи, ноги вроде были его, Владимира Николаевича. Подступил ближе, зашёл спереди, чтобы поздороваться, но понял, что это не он, лицо совсем другое. Я удивлённо отвернулся, думая, как этот человек, однако, со спины похож на Владимира Николаевича. Подошёл мой троллейбус. Я сел и поехал — и через три остановки произошло самое поразительное: раскрылись дверки и в троллейбус вошёл сам Владимир Николаевич. Кстати, перед тем мы не виделись целых два года.

В другой раз с дочкой ездили на пляж. Отдохнули хорошенько: поплавали и позагорали. Праздно валяясь на песке, я долго исподволь наблюдал-любовался молодой красивой женщиной. Красивой и пластичной настолько, что весь вечер после пляжа невольно думал о ней. Я даже поделился с женой — рассказал о редкой красавице. А наутро на вокзале, провожая жену с дочкой в деревню, встретил ту женщину на перроне — и это в миллионном городе. Не чудо ли. Или, может, тут что-то другое — я не знаю.

Я осёдлый человек. Между тем как надоела мне моя оседлость. Так бы рванул куда-нибудь без оглядки — будь на то моя воля. Но я совершенно лишён возможности путешествовать. Ездить куда бы то ни было. Что-то менять в образе жизни. Нет средств.

Вместе с тем ведь даже путешествие во времени требует каких-то внешних перемен.

Сегодня и книги мне мало что дают. В книгах мне нынче тесно. С книгами стало скучно. Хочется новых и непосредственных впечатлений от реальной жизни. А было время — книги мне заменяли всё. Было так же время — когда я жил вовсе без книг.

Он колченог. Упрям. Как-то даже озлобленно упрям. А ногу при родах повредили. Может, тоже упрямился, не желая покидать материнскую утробу, упирался.

Шли как-то мы с ним, изрядно пьяные, через какой-то двор, о чём-то беседовали, а навстречу шагали две девчонки, и, когда они поравнялись с нами, он влепил одной из них пощёчину. Совершенно незнакомой девчонке и ни за что!..

Он рассказывает о нашей общей знакомой:

— Оставила записку, думаю, может, случилось что, взял и поехал, приезжаю, а она, оказывается, замуж вышла, с мужем познакомился, посидели, выпили чуток, а знаешь, очень хороший парень, чистый такой, деревенский, смущающийся, да, ничего не скажешь, приятный парень, симпатичный, хотя в конце подрались, конечно, и я его побил, а он был удивлён...

Он признаётся, что в семье их было пятеро братьев, а теперь он один, все остальные умерли, погибли... Слушая его, не знаешь даже, как это назвать: один из братьев по-пьянке сорвался с фонарного столба, разбился, другого, тоже пьяного, на охоте запорол кабан, третьего убили ножом в пьяной драке, четвёртый в пьяном угаре повесился. И что нелепо, дико, страшно, имея такой опыт, сам он пьёт ежедневно.

Он говорит: жена его в открытую ненавидит меня. Я бы сказал, скорее всего, и скажу, когда выпадет случай.

— Милая моя,— скажу я ей,— ненависть такое же сильное чувство, как и любовь. Поэтому я в ответ не могу тебя ненавидеть. Ненависти тоже следует быть достойной. Заслужить нужно.

Купили новые ботинки. Надел обнову и пошёл, напился с друзьями. Вернулся домой, снял обувь в прихожей и стоит, пошатываясь, смотрит и не может понять, чьи эти ботинки.

— Что, у нас гости? — спрашивает у жены.— А?..

— Какие гости? Проходи давай...

— Не-ет, ты скажи, кто у нас в гостях? Чьи эти коры-то? Может — мужика привела?

— Да твои, твои, Господи! Надоел — сил нет. Проходи давай.

— Мои? Не-а! Мои — вон они,— показывает на пару старой своей обуви.— А эти — новые — чьи? Чьи, а? Или, может, мужика?..

Жена не выдержала — с размаху влепила оплеуху. Он машинально ответил. После целый месяц не разговаривали.

Со мной в одном классе учился мальчишка, весь обгорелый, точнее, ошпаренный кипятком, лицо совсем без кожи, одно голое мясо без бровей, без ресниц, то там, то там лопалось от малейшей мимики, лёгкой улыбки, сочилось сукровицей. Он казался столь страшным, что все в классе боялись его обличья, боялись взглянуть на него и, насколько помнится, никто с ним не общался, не играл, на переменах между уроками он одиноко сидел, не вставая, за своей партой, да и как и во что можно было играть с этаким беднягой. То ли в шестом или, может быть, в седьмом классе он скончался.

Обварился же он в очень малом возрасте и, в сущности, не знал ни обычных детских шалостей, ни радости, и невозможно представить, какие жуткие боли терпел, какие нечеловеческие муки перенёс за короткую свою жизнь. Бедный мальчишка.

Дядя В. был сталинистом, то есть Сталина любил и уважал больше Ленина. Судил он о вождях, конечно, по кинофильмам. К примеру, о Ленине он говорил так:

— Неумный человек твой Ленин.

— Почему?

— Что значит — почему? Разве сам не видишь? Он же в беготне всё время. Всё бегает и говорит. Говорит и бегает. Прямо ни минуты покоя не знает. Когда же он думает?..

Я глуповато и малость снисходительно улыбался. Я не соглашался с ним, но и не возражал особо.

— Сталин твой так уж хорош...

— Хе! Сталин... прежде чем слово сказать, семь раз отмерит. Сравнил тоже. Сталин — это Сталин, милок, пора тебе это знать, в школу как-никак ходишь.

Дядя В. привёз из армии патефон. Говорил, что патефоном его наградили за поимку иностранного шпиона. Да и понятно: он служил в начале пятидесятых — а тогда вся страна кишела шпионами: лови сколь хочешь и кто хочет. Одного и мой дядя словил — и его наградили. Иначе и не могло быть. Без смеха, в детские мои годы я искренне верил дяде.

Дядя В. был крестьянином. Колхозным бригадиром. Полуграмотным мужиком. А вот любил костюмы классического покроя. Раз в пять лет выкраивал денежки — ездил в город: выбирал себе костюм. А куда в селе его носить-то? Круглый год в стёганке и кирзовых сапогах. Только по большим праздникам и надевал костюм. Однако, когда он умер, в шкафу целых пять пар почти новеньких костюмов висели.

Пишу эти слова, и почему-то на глазах стоят слёзы — и не поймёшь, какие они, эти слёзы, радостные или грустные.

Дядя В. захворал смертельным недугом и слёг. Мой брат с женой пришли навестить его. Он лежал в постели и по всему — отходил уже, страшно худой, голос слабый, слабый, хрип один, а не голос. Этим своим голосом он велел брату взлезть на дерево, нарвать ещё незрелой, зелёной, кислой алычи. Конечно, брат без слов исполнил его желание. Потом дядя попросил:

— Растолките алычу вместе с чесноком, посолите.

Всё сделали, как он хотел. Поднесли миску к его кровати.

— Теперь ешьте при мне,— сказал он.— А я посмотрю.

Они стали молча есть это изысканное лакомство. А он смотрел, и из его глаз сочились скупые струйки слёз. Брат мой говорит, что то были слёзы радости. Говорит, он видел, как губы его шевелились в бессильной, невнятной улыбке.

В ту же ночь дядя тихо скончался.

В сущности, когда бы человек ни умер, уходит из жизни очень рано. Для сравнения представь, что ты ждёшь чьей-то свадьбы, готовишься, томишься в ожидании, наконец, наступает желанный день, собирается множество гостей, начинается веселье — и вот в самый разгар застолья, когда только разгулялся, вошёл во вкус — неожиданно приходится уходить. Такова смерть, так действует на всякого, наверное.

О смерти, о том, что человек смертен, что люди умирают, впервые я услышал или узнал, не знаю, как точнее сказать, когда мне... нет, сколько мне было, тоже не помню, пожалуй, может, лет пять-шесть, а может и шесть-семь. Я дружил с соседским мальчишкой. Его старший брат — парень лет двадцати — умер от чахотки. У них во дворе похороны. Собралось множество людей. А мы с ним, с дружком, расселись на бревнах неподалёку от дома. У него в руках тростниковая свирель, у меня — обыкновенное жестяное ведро вместо барабана: мы играем какую-то задорную свадебную мелодию. Он наяривает на своей свирели. Я отстукиваю ладошками ритм. Мы так увлеклись, что напрочь забыли, что у них во дворе похороны, что умер его брат, что негоже так веселиться, когда у них, да и не только у них, наверное, во всём селе траур — всё же скончался молодой красивый парень. Скорее всего, мы не понимали, что его брат умер навсегда, что больше не увидим его, словом, ни о чём таком, вероятно, мы не думали. Мы играли весёлую музычку, и развлекались так до тех пор, пока его мать незаметно не подкралась и не отстегала его, дружка моего, хворостиной, а он ошалело отскакивал от матери и слезливо кричал:

— Что, он помер, а мне теперь и на свирели нельзя играть?!..

Я заметил, в думанье о смерти, о своей смерти, кроется определённое удовольствие. Наслаждение утончённое. Более того, мне кажется, наслаждения и смерть — очень близкие категории. Известно ведь — наслаждения отнимают много физических и душевных сил. Стало быть, всякое наслаждение приближает тебя к смерти. Они неразрывны — наслаждения и смерть: потому так сладостно, наверное, порою думать о своей смерти. Конечно же, в думанье о смерти, о своей смерти, как ни странно, есть известная доля мазохистского наслаждения. Я в этом не раз убеждался.

Один человек сильно обидел меня. Нанёс личное и недвусмысленное, обдуманное оскорбление. Спустя какой-то месяц — он неожиданно скончался. Вроде преуспевал и процветал и мог позволить себе: кого приветить-приблизить, а кого и отвергнуть, но вот незадача: Бог скоропостижно прибрал его. Мне кажется, излишне задаваться вопросом, мол, чего он добился, оскорбив меня. Скорее всего, он никогда не думал, что он не вечен на этой земле, что он временен, преходящ, как всё живое.

Всякому следует часто задумываться о смерти, о предстоящем своём конце, чтобы не быть столь безоглядным и не делать окружающим больно. Вообще, кажется, быть добрым и любить людей — это постоянно думать, что ты смертен, что ты не знаешь, где твой предел, чтобы от случайного успеха не скатиться до глупого самообольщения и чванливого высокомерия.

Хоронили В. Н. С. — хорошего, в общем, человека. Народу на кладбище было много. Всё шло, как положено, чинно и размеренно. Солидные речи произносили над гробом. Прощались с покойным — все люди близкие: родня, друзья и сослуживцы. Но вот похоронили, установили крест, оградку, нагрузили могилу венками, цветами, после неспешно расселись по автобусам, тронулись в обратный путь. Проехали метров сто — и я увидел в окно автобуса: сидит молодая красивая женщина над какой-то свежей могилкой, всё лицо залито слезами. Я только мельком глянул на неё и отвернулся — так защемило сердце от чужого горя...

Я заметил: в надгробных речах и в речах на поминках редко кто в состоянии быть искренним и горячим. Эти речи, в сущности, мертвы и не нужны. Вообще живой че-

ловек вряд ли что-то дельное может сказать об умершем. Настолько они далеки друг от друга и даже враждебны — жизнь и смерть. Но мало кто это сознаёт, и все говорят, говорят, и всё выходит нелепо и мелко. О смерти говорят и думают как о конце, как о прекращении жизни. Так во многих случаях и есть: часто об умершем и не скажешь более — чем: жил и умер. Но изредка случаются и другие люди — и над их гробом можно и нужно произнести слово живое и нужное.

Каждую ночь мне снятся сны. Иногда кажется, я и живу только для того, чтобы лечь спать и видеть сны. К тому же, сдаётся, во сне я более полноценен, нежели наяву. Во сне я приемлю жизнь полностью, и жизнь приемлет меня полностью.

Да и что есть вся моя жизнь — как ни сон и ни бред во сне?..

Порою даже чудится, я ещё не очнулся ото сна. Нахожусь в долгом и смутном, тяжком сне. Такая же муть — такая же жуть. Или — нет: неправду записываю. Неточно записываю. Не — то. А то — это то, что я вечно живу меж сном и явью. В узком промежутке. В удручающем бессилии и безволии, когда уже не бодрствую, но и ко сну пока не отошёл.

У меня есть родня. У меня есть жена и дочь. Есть любовь. Есть литература. Есть вроде всё или, скажем, почти всё. А всё ищу чего-то, ищу чего-то такого — чему и названья-то не знаю.

Самое странное и удивительное — через какой-то год с небольшим мне стукнет пятьдесят. Полста лет — это много или мало? — не пойму как-то. Обличием сдаю, конечно, становлюсь тяжелее и невзрачнее. А нутром всё еще юн и глуп. Всё надеюсь на что-то чудное и долгое. Всё мечтаю.

Она привыкла видеть меня с усами. Когда мы познакомились, я носил крупные густые усы, но вот прошло где-то с полгода — и я почему-то сбрил усы. Её тогда не было дома. Вскоре она пришла, глянула на меня — и разревелась. Потом ещё глянула и зашлась в рёве пуще прежнего. Потом долго, наверно, с неделю или две, не могла смотреть мне в лицо. Тут же слеза прошибала. А было ей в ту пору двадцать четыре года. И я не мог прожить без неё более часа. Мы были безмерно счастливы. Боже, как мы были счастливы!..

Частенько, ругаясь с женой, когда у неё постное лицо, говорю:

— Мне не нравится зеленца на твоём лице.

К тому же, бывает, в такие дни жена, как назло, и по квартире ходит во всём зелёном, в зелёных шортах, в зелёной кофте, в зелёных носках. А сегодня ночью во сне видел, как всё в квартире, и шкафы, и книжные полки, и стол со стульями, и пол с потолком покрасила в зелёный цвет. Не сумасшествие ли?..

Меня многое раздражает в семейной жизни. Я часто схватываюсь по мелочам с женой и ребёнком. Но если вглядеться пристальнее в наши отношения, если быть предельно искренним, они ни в чём не виноваты. Они любят меня и делают всё, чтобы мне было хорошо. Я тоже люблю жену и ребёнка — и делаю всё, чтобы им было хорошо. Но мы никак не можем избежать стычек.

Она очень терпеливый человек. Неуступчивый, упрямый в первую минуту, но потом, после, в течение всей жизни, терпеливый и всёпрощающий. Душа её чиста и беззлобна.

Она во многом лучше меня. Лучше. Нечего тут лукавить. Ответственнее и добрее. Чутче меня. Я не достоин её, и ей несладко со мной, но мы не можем — почти не можем друг без друга. Вот что странно.

— Пап, ну почему мы не богатые? — сказала мне дочка.— Почему — скажи — мы не богатые?

— Милая, да мы богатые,— сказал я ей.— Ты у нас здорова, у тебя есть мать, отец, бабушки, дед, в нашем доме множество книг, ты учишься музыке, языкам... Боже, милая, мы очень богатые.

Живу один. Мои на каникулах. Третьего дня бросил пить. Думаю — надолго. Мне грустно и тоскливо. Хожу молча и мрачно по квартире. Телефон тоже безмолвствует. Я со всеми переругался — и все мне изменили или я изменил всем — всё равно. Да и некому мне особо звонить-то. Я как-то это понял. Все те люди, с кем мне интересно, с кем ежедневно общаюсь, все, кому доверяю, кто мне дорог, давно там, откуда нет возврата. С ними не поговоришь по телефону. Вот потому и за четыре дня произнёс всего два слова. Отправившись за хлебом, сказал продавщице:

— Пеклеванного, пожалуйста.

К тому же, я малость прихворнул, и если помру сегодня, об этом узнают только через три недели, когда приедут мои.

Вся моя жизнь — череда ошибок и раскаяний. Я вообще состою из одних недостатков. Так мне кажется. И ко всему прихожу через самоистязание.

Знал бы кто, как я надоел самому себе. Как надоел — хоть вешайся. А как я надоел другим людям — близким и не очень!..

Но умирать не хочется. Жалко умирать, потому что я ещё не написал, скажем, дерево дикой алычи на моей родине. Я не написал его в пору, когда алыча поспела, и всё дерево как бы горит жёлтым пламенем, я не написал, как я по полдня пропадал на этом дереве, ловко устроившись на развилке, срывал и отправлял в рот плод за плодом ярко жёлтую, насквозь светящуюся алычу, смакуя, отсасывал сок и выплёвывал кожицу с косточкой — и земля внизу тоже постепенно желтела. Да мало ли чего я не написал ещё. Не хочется умирать.

Есть общее понятие: хлеб. Но есть — пшеница. Есть колос. Есть зёрнышко одно. Как есть и множество зёрен — целый куль, скажем, амбар или закрома. Всё это — хлеб.

О моих записках речь. О каждой отдельно взятой. О главах-подборках. О целой книге. Всё это — проза.

Я громко, в голос, плакал во сне — жена услышала, разбудила. Снилось мне, будто бы нас должны убить, и вроде много нас, тех, кого должны убить, целая толпа, но я никого не знаю, во всяком случае, никого не запомнил, кто и за что должен убить, тоже неясно, одно точно помню — должны убить меня, жену и дочку. Полным ходом идут приготовления. Мы обречённо ждём. Вдруг — откуда ни возьмись — появляется человек, почему-то лезгин по национальности, и я к нему обращаюсь с просьбой: забери, дескать, нашего ребёнка, спаси её, мы с вами, мол, с лезгинами, этнически близки, удины мы, помоги, братец. Удины? — удивляется он, на мгновение замирает в раздумье и соглашается, подхватывает дочку и подбрасывает её в воздух, и ловит, качает на руках, как бы взвешивая, после, удовлетворённый, бережно переваливает её

через борт в кузов какого-то грузовика. Мы с женой рады, благодарим его и счастливо улыбаемся: ребёнок спасся. Я говорю лезгину: запомни, Марина её зовут, Марина. Да вообще-то, добавляю, ты её, наверно, на свой лад назовёшь, и он кивает — да, конечно, и говорит, как он собирается назвать нашу дочь, но я отчего-то не слышу его голоса. Я переспрашиваю, и в это время дочка звонко и весело кричит с кузова грузовика: «Папа, гляди, где я стою, папа!..»

Тут-то, видимо, и прошибла слеза, я навзрыд заплакал, и жена испугалась, разбудила меня.

Девочке около четырёх лет. Накануне вечером читали ей библейские легенды в детском издании. За завтраком она и говорит отцу:

— Пап, а Ягве ведь плохой, злой Бог.

— Почему?

— А он никому, ни Адаму, ни Еве, не разрешает сорвать яблоко с дерева. Даже змей добрее его...

Он учился в пятом классе, я — во втором, и он казался мне недосягаемо умным и всёзнающим. Однажды мы во что-то там играли — как вдруг он воздел указательный палец кверху и чётко произнес:

— Александр Македонский!

И с пытливым прищуром уставился мне в лицо. А я смотрел на него восхищённо и с нескрываемой завистью.

— Кто это — Александр Македонский? — спросил он.

Я, конечно, не знал. Я глупо хлопал глазами, ожидая, что он скажет, а он не спешил, томил меня в моём непробиваемом невежестве.

— Александр Македонский! — повторил он опять же чётко и, ничего не объясняя далее, заключил: — Решено — историком буду!

И я целых два года считал, что Александр Македонский — всего лишь учитель истории.

Я многое в нём не понимал. К примеру, когда нам встречалась змея или безобидная медянка, он подбирал увесистую палку и со свирепым лицом говорил гаду:

— Если ты мусульманин — покажи язык, а если христианин — не надо: жить будешь.

Поскольку все рептилии постоянно постреливают язычком, все они бывали нещадно убиты, независимо от того, мусульмане они или христиане.

Мир неизменен в худших проявлениях. Рухнула огромная держава — и теперь мы часто говорим о беженцах. О вынужденных переселенцах. Говорим как о страшном и невиданном явлении, забывая, что даже Иисус с матерью и отцом некоторое время — до смерти царя Ирода — были беженцами. Спасались бегством в Египет. Тогда многие израильтяне спасались в Египте. Не тем же ли Египтом является ныне Россия для многих народов бывшей империи?..

Кстати, по возвращению из Египта Иисус тридцать лет жил в своём родном городе Назарете. Учился, постигал премудрости бытия, занимался с учениками. И всего лишь последние три года проповедовал. Не правда ли: как это поучительно — соотношение тридцати и трёх лет? Соотношение времени учёбы со временем деяний...

Писание этой книжки — беспрерывное думанье. Тут порывом, наскоком единым не возьмёшь. Надо думать днём и ночью. Даже слово «надо» — здесь как-то неуместно. Это просто состояние такое — думаешь днём и ночью, во сне и наяву — иначе не можешь.

Да и пишу-то я всегда ощупью. Ничего до конца не продумываю. Подчас сажусь за стол, не зная даже, с чего начну, полагаясь лишь на интуицию.

Вот и автопортрет поры написания этих записок:

«Старая яблоня. Ветки не такие пышные, как раньше, почти нет листьев, зато яблок много — все последние силы уходят на плоды».

Я почти никогда не думаю о Боге. Не прибегаю к помощи Бога. Не взываю. Но он — Бог — во мне есть — я постоянно ощущаю его присутствие в себе, что нередко прорывается в беспричинных слезах. Я вообще чрезвычайно слезлив. Мой Бог, может, и есть слёзы. Боль неотступная. Переживание бесконечное. Кто знает.

Иногда меня упрекают: да ты атеист, в церковь не ходишь, считай, не веришь в Бога. Я отвечаю: во мне христианство с рождения. Я родился в христианском селе, кстати, в единственном христианском селе, окружённом мусульманскими селами. Так что с молоком матери я впитал христианские идеалы. Они у меня в крови — и этого достаточно.

Галина Михайловна была ровесницей века. Она была интеллигентной и весьма начитанной женщиной. До глубокой старости декламировала стихи русских классиков. Иногда мы подолгу беседовали.

— Галина Михайловна, помните ли вы революцию? — спросил я как-то.

— Революцию? Нет, пожалуй. Ведь она случилась в Петербурге. А мы жили здесь. Я была молода, увлекалась поэзией, музыкой, политика не интересовала меня. Помню лишь: как-то ночью мимо нашего дома проскакал конный отряд — и всё: более ничего. Только через месяц отца сняли с работы. Отец мой служил начальником почты. Он пришёл домой и сказал, что страной теперь правят большевики, и что новые власти отстранили его от службы. Четыре месяца отец сидел дома. Потом пришли и пригласили его на то же место.

— И — всё?

— Что же ещё? Отец был хороший работник. Занимался своим делом, и только. В нашем доме никто не интересовался политикой. Никто нас и не трогал. До революции мы жили в пятикомнатной казённой квартире. После революции осталась та же квартира. Лет десять, пока отец служил на почте, никого к нам не подселяли. Да и семья наша была большая.

Говорят, нынешнее время по сравнению с 20–30-ми годами двадцатого века — ничто по жестокости и вседозволенности власти.

Я как-то вяло не соглашаюсь с этим. Я ведь живу сегодня и при теперешней системе ценностей, так что отсыл в далёкие 20–30-е меня не утешает.

Сперва он работал следователем в милиции. Потом бросил службу, с полгода сидел дома — пил водку и читал, читал всё подряд, без разбора. Потом устроился ночным сторожем — и начал писать прозу. Года три пробовал силы и, опубликовав два рассказика, утратил интерес к литературе или испугался предстоящей нелёгкой

жизни — неизвестно. Но писать перестал. Нашёл знакомых — и его взяли в нефтедобывающую экспедицию помощником бурового мастера, и вахтенным способом стал летать на Север. Две недели там — две недели дома, и так три года: в разгар перестройки его сократили. Потом устроился юристом в какую-то коммерческую фирму, но почему-то долго не продержался. Потом скупал и перепродавал книжки перед букинистическим магазином. Потом я потерял его из виду — не виделся с ним лет пять. Потом встретил случайно в городе и с удивлением узнал, что он священник, что экстерном окончил духовную академию, что у него приход, что наконец-то нашёл себя и что доволен жизнью.

Такие вот метаморфозы происходят с людьми в наши дни.

Они жили вместе — мать и дочь. Мать давно обезножела — не вставала с постели. Дочь — потрёпанная бабенка неопределённого возраста — пила беспробудно.

— Нюр, а Нюр! — бывало, кричала мать из комнаты, когда дочь, дико пьяная, разорялась во дворе.— Синюха ты пропащая, Нюр, чего несёшь-то там? Глаза б мои не видели, синюха ты конченая!..

— Ты чё, мать, на синее пальто моё намекаешь? — отвечала весёлая дочь.— А? Или тебе не нравится оно? А — мать? Или оскорбить норовишь? Гляди — не смей оскорблять дочь свою. Одна я у тебя. Одна на всё про всё. Одна-а!.. А помнишь, мать, когда я за буфетной стойкой стояла, ты чё-то не обзывала меня. Ты чё-то хвалилась и гордилась. Да и потом, когда из ресторана выперли, я пошла пивом торговать, тоже не обзывала. Я стояла на базарной площади, пиво из бочки качала, пиво качала, а мужики вились и вились вокруг меня, и тебе очень нравилось, что у меня столько друзей. Помнишь, мать, сколько мужиков было? Мать, а мать, помнишь, говорю?..

— Хотела, чтоб замуж шла,— после долгого молчания, ворчала мать устало.— Мужики, мужики. Где они теперь — мужики твои?

— Мужики-то?.. Только свисну — мухой налетят. А на кой они мне. Я свободу уважаю. Свобода дороже занюханного мужика.

— Синюха ты, Нюр, синюха клятая! Вековушей прожила. Скоро в могилу сойду — с кем останешься?

— С сиськой да писькой, мать, с сиськой да писькой. Ха-ха-ха!..

— Зайди в дом — не позорься там! Стыдоба-то какая, Господи!..

Как-то я, пьяный, ехал домой. На частной машине. Поздней ночью. Водитель был нерусский. С ним рядом сидела какая-то девица и беспрерывно курила. Я что-то говорил всю дорогу. Что-то такое нелепое и диковинное нёс, как всегда случается со мною в сильном подпитии, и ясно видел, что не нравлюсь водителю, то ли рассуждения мои не нравятся, то ли то, что я, как и он, кавказец, а так неподобающе надрался. Скорее — и то, и другое вместе, и он недобро, зло ощеривался в мою сторону, когда я о чём-то спрашивал его. Кстати, в кармане у меня не было денег, чтобы расплатиться с ним, и, когда он подвёз меня к дому, я вышел из машины и попросил немножко подождать, пока я поднимусь за деньгами. Он с недовольным видом согласился. Я отправился к себе и, зайдя в квартиру, как узнал наутро от домашних, тотчас рухнул на диван и забылся мертвецким сном. Знал бы кто, как стыдно мне было на другой день. Как гадко на душе. Как ненавидел я себя!..

Был добр и простодушен. Бывало, он спал, а мы ночи напролёт чаёвничали на кухне и вели бесконечные споры о литературе. Время от времени, желая подшутить, подходили к кровати, будили его и спрашивали: не знает ли он, который час? Он брал

с тумбочки будильник, спросонья подслеповато вглядывался в циферблат, отвечал, сколько времени, снова ложился и засыпал. Так повторялось не раз и не два, и он всё исправно отвечал, ни словом не возмущался: дескать, вон же часы, чего сами не посмотрите?..

Да, всем был хорош, беззлобный и чуткий парень, только вот с женой не повезло. Помнится, как-то пришёл к нему, а он, засучив рукава, стирает в ванной. «Погоди,— говорит,— сейчас закончу, ступай пока на кухню, там моя с подружкой». Прохожу, а там дым коромыслом, музыка играет, сидят две подружки — курят и выпивают помаленьку.

Недавно на сорок третьем году жизни он скончался от инфаркта, и мне кажется, до смерти его довела родинка на животе жены. Крупная и плоская, светло-коричневая родинка чуть выше пупка — и всегда напоказ, на чужое обозрение и восхищение. Беспременно жена носила либо прозрачные платья, либо между юбкой и кофтой оставляла прозор...

Сейчас многих людей подтачивает изнутри ненависть. Одних ненависть к прошлому. Ненависть к сталинизму. Других ненависть к инородцам. Ненависть к демократам. Третьих ненависть ко всякой власти как таковой. Многие, очень многие пропитались самой что ни есть низменной ненавистью.

А было, было ведь время, когда людей объединяла любовь, сострадание, жалость. Совсем недавно всего этого было вдоволь. И куда всё катится — знать бы — к какой благой цели катится?!..

Лично мой народ почти весь изгнан с исконных своих земель. Но я не испытываю никакой неприязни и тем паче ненависти к людям, учинившим расправу над моими соплеменниками, ибо для меня важно сохранить в чистоте свою душу. Если бацилла национализма находит пристанище в человеческом сердце, рано или поздно, так или иначе, она поражает всего человека — все его помыслы, взгляды и поступки.

Бог миловал меня. Бог миловал, что в наше жестокое время во мне нет ни капли ненависти. Бог миловал — и это самое значительное, чем могла одарить меня жизнь.

В то же время... коль в тебе нет зла, ненависти, мстительности — это вовсе не значит, что ты добр. Доброта — не противоположность зла...

Давно известно: чем больше в человеке черт своей собственной национальности, тем лучше он относится к другим народам.

Услышал в старом фильме: «Наш поезд прибывает в столицу Союза Советских Социалистических республик...» — и прослезился. Как глубоко сидит во мне прошлая жизнь. Как неистребим образ навсегда сгинувшей страны.

Да плачь ты, плачь, не смущайся. В сущности, меж первым вскриком человека на этом свете и его последним вздохом — одни только слёзы и есть.

Как долго и как часто я мечтал показать свою малую родину, своё родное село, весь удинский уклад своим русским друзьям. Так и не удалось. Теперь и не удастся наверняка — такие настали времена.

Сижу за столом в городской квартире и ясно слышу, как за две тысячи километров, в моём родном селе, скажем, кудахчет курица, мычит корова, молочный те-

лёночек нежными копытцами стукотит по половицам веранды, скороспелая груша шмякается оземь.

А ведь обо всем этом и многом другом я написал целую книжку, но всё ещё нахожусь в плену этих милых сердцу звуков.

Зимнее утро на моей малой родине. Мужчина садится завтракать. На столе целиком сваренная курица исходит паром. Две большие и сочные груши-наранбуды на тарелочке. Ножичек рядышком. Соленья всяческие. Графинчик с кизиловой водкой. Старинная гранёная стопочка. Да жена напротив, подперев голову кулачками, смотрит на мужа.

Самое начало — мне лет семь или восемь — точно не помню.

Тихим летним днём, проходя мимо соседского подворья, услышал какой-то странный звук и остановился. Подошёл к плетню, став на цыпочки, заглянул во двор и увидел: отец семейства вверх небритым лицом вытянулся на тахте под айвовым деревом и исходил таким могучим храпом!..

Не знаю почему, но я долго стоял и заворожено смотрел на него.

Моя ностальгия уникальна. Если б на свете было ещё одно точно такое же село, как наше, с тем же климатом, с той же природой, с тем же ландшафтом, словом, со всем тем, что есть моё родное село, включая и самих удинов со всеми присущими им достоинствами и недостатками и с языком удинским, то есть, если б на свете существовало ещё одно удинское село и туда я имел бы доступ, то не так страдал бы. Скажем, русский или армянин, утратив малую родину, переживает не так, как я, ибо есть другие такие же русские или армянские села. Мой случай страшен своей единственностью.

Я отдал стране и XX веку всё — и дедов, погибших на фронте, и дядьёв, и отца, и малую родину, да и большую тоже, отдал всё и всех без остатка.

А страна и век предали меня. Как обидно!..

Часто моё писание — как избавление от душевной боли. От обиды. От горечи. От тоски по утраченной радости. От разочарований. А хочется писать от очарований. От очарованности жизнью. Ах, как хочется!..

Как верно какой-то восточный поэт девятнадцатого века сказал о власти: «Суди о царе по бытию поэта».

Он хорош и лицом, и сложеньем, и речами, и поступками. Вроде ни к чему не придерёшься: всё ладное, мягкое, привлекательное. Но в повадках что-то настораживает. Что-то глубинное, корневое, очень важное. Непросто определить — что именно. Однако довериться до конца тоже не можешь: какая-то закавыка в нём всё же таится. Я долго и безуспешно думал: не может быть, чтобы какая-нибудь чёрточка во внешности не выдавала сокрытое глубоко внутри. Лишь недавно заметил: пальцы его рук толстые и короткие, точно обрубленные. Совершенно несообразные с его обличием.

Только устоялась зима, он исчез из города. Он считается заядлым рыбаком, и многие думали, что поехал на рыбалку. Но он завалился в деревню к своей зазнобушке. Пришёл к нему в офис приятель и спрашивает: где, мол, сам?

— Отдыхает,— отвечает бухгалтер,— на Волге.

— Он что — на рыбалке? — оживляется приятель — тоже страстный рыбак и охотник.— А?

— На рыбалке, на рыбалке,— улыбается бухгалтер — женщина немногословная, но весьма остроумная.— У тёплой лунки.

Он ленивый конформист. Четыре женщины опекают его. Две на работе. Одна дома — жена. Одна на стороне — любовница. Прямо шейх какой-то. Однако я не хочу ничего плохого о нём говорить. Я с ним, в конце концов, часто выпиваю и веду приятельские разговоры. Тут я не способен на подлость. Тут я не способен даже на полную искренность или там откровенность. Но ведь это ни для кого не секрет, что он всегда и во всём печётся о своём покое. Он холит и лелеет свою врожденную лень. Он не лёгкой жизни ищет, нет, он просто никакой иной жизни не знает и не желает знать: пусть всё идёт как идёт — лишь бы его не тревожили.

В молодости он вроде всего получил сполна — особо не тратя себя. Всё давалось легко и непринуждённо. Был красив, общителен и даровит — любили друзья, любили женщины, любила власть, ибо был покладист и осмотрителен — не зарывался. Так до старости и не выбрался из этого состояния — и здесь его драма — как писателя.

Как легко телевизионщики говорят о чеченской войне. Как просто и обыденно они говорят о смерти. Подчас о десятках, сотнях смертей за день. От этой лёгкости их тона, от их нечеловеческого спокойствия — всё наше равнодушие к этой войне. Их тон убаюкивает. Их тон превращает нас в живых мертвецов.

Ужасно, гадко, гнусно так легко и обыденно изо дня в день говорить о смерти. Слушать — тоже ужасно...

Не подстраивайся под свой век. Нынче просто выражать своё время — не годится, во всяком случае, это ничего, кроме уныния, не даёт. По возможности сопротивляйся реально текущему времени и его нравам, старайся, чтобы лично твоё понимание жизни, времени и себя в нём стало важным, существенным. Тогда и твой век уподобится тебе. Помни, что мы сами, каждый отдельно взятый человек, окрашивает своё время соком своей души — это-то и есть художество. А всё остальное — так себе, отшумит и канет.

Следует постараться и устроить себе спокойную и надёжную жизнь — уважать маму, жену, любить ребёнка и верить, что жизнь не всегда будет такой безысходной, что впереди что-то там такое светлое и значительное ждёт всех нас — и лишь иногда, когда сильно захочется, что-то такое сочинять. Только так можно написать достойную вещь. Только из любви и покоя может родиться гармония.

Ни о чём прошедшем не жалеть. Ни на что не надеяться в будущем. Жить сегодня — и находить вкус и полноту в каждой минуте.

Ах, как легко декларировать такое!..

«Вольф, сын Илии, принц, похищенный у Торы на девятнадцатой весне.

Иуда, сын Вольфа...» — вычитал я недавно в одной книге и стал думать о человеке, чья мать — русская, а отец — юрист.

Поистине ничего не меняется под солнцем. Сколько раз и кого только не предавал наш сын юриста за те же 30 сребреников.

Саади, кажется, сказал: после пятидесяти лет смешно говорить о родине. Родина, мол, там, где тебя любят и чтут.

Так ли это?..

Умом вроде можно согласиться. Но душой, но сердцем — никогда! Правда, мне ещё нет пятидесяти. Погодим самую малость...

Человек во внешних проявлениях ещё может выглядеть космополитом. Это и удобно и весело: всюду тебе рады и всем ты рад.

Но где-то внутри, в своей глубинной сути, всякий нормальный человек носит свою родину. Именно этим, между прочим, он чаще всего и интересен.

Я пишу книжку для неторопливых людей. Они никуда не спешат. Они как бы уже пришли куда-то. Уже пожили вдоволь. Они во многом знают толк. Они обрели вкус. У них сложилась жизнь. Они поспели — и мне помогают спеть. Моя уверенность — что они есть — помогает мне спеть. Быть спелым и доверчивым. Всё спелое — доверчиво.

Я есть малая удинская капля в океане русского бытия и русской словесности. Признают ли меня когда-нибудь как отдельную субстанцию в этой безбрежности всего — кто знает. Одно мне известно: я почти доволен, что моя судьба сложилась именно так — как сложилась. А моё «почти» относится скорее к материальной стороне жизни: здесь я совершенно заброшен и беспомощен.

Год 1999 — какой ничтожной кажется хилая единичка за тремя смачными девятками. Да и то: вся история Руси в этих девятках, а там, в одинокой единице с тремя гипотетическими нулями, слепая бездна — ничего не видно и не слышно. Там глухая хмарь веков.

Я знаю, что не всегда люблю писать. Иногда противна сама мысль о писании. Но я всё же пишу — иначе сойду с ума. Это тоже знаю наверняка.

Страшно оглянуться назад — такая жуткая жизнь осталась там. Да и хорошо написанное другими подвигает. Восхищает и подвигает.

К тому же очень важно такое извечное: я ведь был! Был! Был на этой земле! Вот отчего, точнее, во имя чего все пишут. Желание как-то зацепиться... закрепиться... зафиксировать своё присутствие. Я был — это всё!.. Только это и движет человечеством. Иначе всё — тлен, труха, сор. Иначе — жизнь не имеет смысла.

В этом мире есть моя мать, для которой я хочу быть хорошим сыном, но не всегда мне это удаётся. В этом мире есть моя жена, для которой я хочу быть хорошим мужем, но не всегда мне это удаётся. В этом мире есть моя дочь, для которой я хочу быть хорошим отцом, но не всегда мне это удаётся. То есть моя жизнь состоит из моей неспособности любить самых близких людей постоянно и ответственно. Моя жизнь состоит из немочи — и вот сопротивление этой немочи, на мой взгляд, есть писательство.

Лета середина. Мои отбыли на каникулы. Изо дня в день я одиноко томлюсь в жаркой и сиротливо опустевшей квартире. Не работается и даже не читается. Так же одиноко мается Алиса — костляво-худющая кошечка — мыкается из комнаты в кухню и обратно и всё, кажется, чего-то или кого-то ищет, не обращая на меня никакого

внимания. Она словно обижена, что её оставили одну со мной, ничего не ест и не пьёт. В аквариуме же, точнее, в трёхлитровой банке, среди водорослей, камушков и улиток живёт одна-единственная щегольски яркая рыбка — и мне порою грустно, до боли грустно бывает наблюдать за ней, за её жутким одиночеством.

Шумный и весёлый мужик в добрых полтора центнера. Не сразу поймёшь, то ли жалуется, то ли восхищается семнадцатилетним сыном:

— Тачку мою, подлец этакий, в лепёшку раздолбал. Только восстановил — на другой день в кювет слетел. Такой амбалище — а ездит: одно расстройство.

— Чего же доверяете машину — коли плохо ездит?

— На чём же он девок своих будет возить? Он же у меня не спит ни днём, ни ночью — всё по девкам шастает. Да ты, наверно, знаешь его, не можешь не знать — кликуха у него такая же, как у меня.

— Какая же ваша?..

— Во даёт, а? Меня не узнаёт. Да Жеребец я — и сына моего Жеребцом кличут. Неуж не слыхал?.. Дела-а: Жеребца не знает...

Из советского прошлого картина: праздно слоняясь по городской улице, ты случайно вскидываешь глаза к лоджии пятиэтажного дома и видишь, что к железным перилам приварены прутья из тонкой, в мизинец толщиной, арматуры, верхние концы которых заточены, заострены, что тебе шила, и торчат они, прутья эти странные, таким тесным частоколом, что меж ними едва ли пролезет мужской кулак. Ты переводишь взгляд на другие перила — то же самое: все лоджии дома отделаны одинаково.

Ты подходишь поближе к единственному подъезду и, по табличке над дверью выяснив, что это женское общежитие, начинаешь соображать, что такое нехитрое, но коварное изобретенье не что иное, как предупрежденье, как преграда для особо сметливых, отчаянных молодцов, возжелавших любви в неурочный час, когда страж порядка и женского целомудрия неотлучно бдит в тускло освещённом вестибюле.

Господи, какой идиотизм! — молча восклицаешь ты.— В конце концов, можно понять или, во всяком случае, смириться с тем, что там днём и ночью сидит неподступный вахтёр, и если возьмёшься спорить с ним, если будешь настырен, то он запросто вызовет милицию и сдаст тебя, как преступника, словом, можно многое понять и простить, однако не то что понять, но и вообразить жутко, что коль осмелишься окольным путём взобраться к женщине, то напорешься на остроконечные, ржавые, отвратительные железные прутья и, разрывая свою плоть, повиснешь, словно на вертеле, в смертельных муках...

Когда-то давным-давно я сидел на крылечке родового дома. Только что отшумел обильный весенний дождь. Выглянуло солнце и заиграло вовсю — дробясь и искрясь мириадами крохотных солнц на зелёных ветвях деревьев. Отовсюду ещё капало и чмокало. Неподалёку в поисках дождевого червя скакал по земле чёрный дрозд. Вот он нашёл его — выхватил клювом и, де-

ловито отряхнув от сора, влаги ли, в два приёма проглотил. Оранжевый клюв дрозда был гораздо ярче дождевого червя.

Моя десятилетняя дочь очень любит деревенскую жизнь.

— Пап, ты знаешь,— говорит серьёзно,— когда вырасту, я хотела бы жить в деревне в собственном доме возле леса. Иметь корову, тёлушку и афганскую овчарку. И ружьё — чтобы дичь стрелять в лесу.

Милая, точь-в-точь повторяешь мою несбывшуюся мечту.

Я недавно видел, как священник, освятив квартиру, берёт деньги — каким жестом, с каким лицом и куда прячет.

Я недавно видел, как продажная девка за свою работу берёт деньги — каким жестом, с каким лицом и куда прячет.

Священник и девка это делали с той лишь разницею, что священник брал деньги после службы, а девка — до: боясь подвоха.

А. Синявский написал: «Умирающий за неделю до смерти у другого умирающего украл очки». Прочитал я это — и расхохотался. Чуток помолчал — опять затрясся в хохоте. Потом ещё и ещё — никак не мог успокоиться. Думаю, так в одиночку недолго и до чёртиков дойти — надо с кем-то поделиться. А дома — я один. Вышел за дверь, позвонил соседу по этажу — интеллигентному, как мне казалось, человеку, любит на концерты ходить, в театры, словом, культурный вроде мужчина, всегда в чистой белой рубашке с галстуком. Появился он, чего-то на ходу дожёвывая, я поздоровался и говорю с улыбкой:

— Вот послушайте, какая дивная фраза.

И стал читать, еле сдерживая смех. Он внимательно прослушал и спрашивает серьёзно:

— Ну и как?

— Что — как?

— Поймали его?

— Кого?

— Ну, того, что очки стырил.

— Конечно,— отвечаю.— В тот же день схватили. А через недельку засудили на два года. Правда, условно, но всё же срок.

— Правильно,— соглашается сосед мой.— Сам при смерти — на чужое имущество позарился. Безобразие!..

Тихие интеллигентные люди. Отец и сын. Оба поэты. Живут более чем скромно. Из удовольствий позволяют себе только рыбалку. На всё остальное не хватает денег. Правда, отец курит, но самые дешёвые сигареты. Всюду они вместе, дружные, как добрые приятели. Иногда поздней ночью, когда мать ложится спать, они сидят друг против друга на кухне. Долго сидят — и молчат. Точно говорить им не о чём. На самом деле они боятся расплакаться от беспросветной нужды. Они, чуткие, не хотят ранить один другого, и потому молчат из последних сил, опустив глаза к чашкам стылого чая.

Наша семья никогда, собственно, не жила как следует. Она всегда выживала. Мои деды и бабки — выживали. Впрочем, деды погибли на фронте, выживали — бабки. Мои родители — выживали. Опять же — отец заболел в молодости, выживала — мать.

И нынче вся моя родня — выживает. Я тоже. Всегда и всюду, во всякую минуту, не отступают мысли и заботы о самом необходимом.

А между тем известно, что, постоянно выживая, а не живя, нельзя отряхнуться от хлама повседневности. Слов нет, наверное, опыт выживания тоже важен для художника. Но не на протяжении всей жизни. Когда-то художник должен жить, не заботясь ни о чём, кроме главного своего дела.

Если б не пала огромная держава, как прозаик, я остался бы просто певцом своей малой родины. Её красот. Её прошлого и настоящего. Теперь же я всего лишь свидетель крушенья. Очевидец попирания всех устоев. Соглядатай обломков. Больно, больно, и лично мне, да и всему моему поколению, до последнего вздоха, до гроба вряд ли удастся избавиться, излечиться от этой боли.

Он работал почти во всех толстых литературных журналах. Но начинал с регионального издательства. Года три редактировал стихотворные сборники местных поэтов. В ту пору он часто забегал ко мне, и мы подолгу чаёвничали и вели бесконечные разговоры о литературе. Точнее, он-то говорил только о поэзии, откровенно признаваясь, что ни русской, ни зарубежной прозы толком не знает, и судить о ней не может. Но однажды он заскочил ко мне разгорячённый и радостный и с порога выложил:

— Всё! Бросаю издательство — перехожу в журнал!

— Но там П. заведует поэзией. Он что — уволился?

— А я не в отдел поэзии. Прозой буду заниматься.

— Как — прозой? — изумился я.— Ты ж не знаешь её.

— Не знаю — так поднатаскаюсь. Да и ты поможешь.

Я в недоумении пожал плечами. И он стал заправлять прозой в толстом журнале. И тут такое началось... с каждой рукописью, со всяким пустячным рассказиком бегал ко мне. Я читал и высказывал своё мнение, он подхватывал рукопись и стремглав бежал в редакцию. Впоследствии я узнал, что не только ко мне он втихую носил рукописи. Были ещё какие-то люди. Скоро он начал ездить в столицу, шастал по редакциям всесоюзных журналов и подбирал у них всё то, что по тем или иным причинам не шло там. Так вот он ловчил и выкручивался и со временем прослыл дельным редактором прозы — и его перетянули в самый знаменитый центральный журнал. Однако там, видимо, очень скоро раскусили его, и он переметнулся в другое издание. Потом — в третье. С тех пор где и кем только ни сотрудничал мой давний приятель. Теперь же, говорят, подписывает фотографии с обнажёнными женскими телами в глянцевом журнале и зарабатывает неплохие денежки. И — всем доволен.

Я бываю горяч, речист и несдержан. Что многие ставят мне в вину, дескать, коечто подави в себе, затаи, не всё же выплёскивать на людей. Будь скромен, молчалив и осмотрителен.

Ах, друзья, друзья. Ведь и змея копит свой яд в полном молчании и осмотрительности. Моё и ваше счастье, что я только кричу и разоряюсь. Я весь на виду. Я весь прозрачен и безобиден — и не могу никого ужалить: во мне нет яда.

Одну и ту же историю разным людям или даже одному и тому же человеку я рассказываю по-разному. Особенно — во хмелю, когда от вчерашней моей истории, как после говорят мне близкие, остаётся лишь внешняя канва, слегка узнаваемый сюжетец, а всё остальное, все детали, подробности, нюансы, словом, всё то, что делает всякую историю живой и достоверной, с каждым новым пересказом совершенно

новые. Часто это многих моих слушателей раздражает. Меня обвиняют чуть ли не в огульной лжи, дескать, заведомо твоя история была выдумкой, и потому так легко и безответственно варьируется.

Но это не так, друзья. Самую что ни на есть реальную, случившуюся со мной буквально накануне историю, я не могу дважды пересказать одинаково. Я просто не в силах это сделать. Более того, мне кажется, мало кто из пишущих людей способен дважды кряду точь-в-точь пересказать одну и ту же историю. Пишущий человек, сам того не желая, с каждым пересказом как бы проверяет свою историю на прочность, как бы всё время обкатывает, обтачивает её, и потому одну и ту же историю пред разными людьми или пред одним и тем же человеком рассказывает всегда как новую. Повторяю, это происходит помимо его воли, и подчас он даже не подозревает, что с каждым разом его история становится всё менее похожей на самое себя в первичном виде. Такова уж природа пишущего человека.

Был отчаянно некрасив — весьма малого росточка человечек. Долгое туловище, кривые короткие ноги, лицо мохнатое от вечной недельной щетины и сросшихся лохматых бровей. Под круглой шапкой кучерявых, в мелкие колечки, смоляных волос безобразно узкий лоб. Да и руки, и грудь, и ноги, и спина в густой жёсткой растительности, словом, всем дремуче мохнатым обличием походил на лесного паука или паук походил на него — думай как хочешь. Характером тоже колюче задирист, несдержан, чуть что не так, накидывался на жену с кулаками. Но я почему-то любил его. Тогда я был мал и не знал — чем он мне так нравился. Зато теперь, спустя десятилетия, понимаю, что вёл он себя со мной и говорил всегда на равных — никакого снисхождения. Он и я — два мужичка почти одинакового роста — везде и всюду вместе. Что могло быть лучше для пацана-безотцовщины?..

Сын его так же некрасив и тоже совсем малого, крохотного росточка. Но у него красивая жена и двое красивых детей, девочка и мальчик. Раньше, в молодые годы, он работал на заводе и хорошо работал, дошёл от простого наладчика до начальника цеха. После пришли новые времена, завод обанкротился и закрылся, он легко и просто ушёл в свободное предпринимательство и тут тоже имел успех: теперь у него хороший дом, автомобиль, дети учатся в престижных школах. Всё или почти всё ему удалось, но он не совсем доволен своей жизнью, случается, жалуется:

— Только рост, рост мой помешал. А то на заводе я стал бы директором, а в бизнесе — банкиром или на худой конец президентом какой-нибудь крупной кампании. Но всё мой малый рост, рост мешал продвижению...

Он одним из первых в городе занимался компьютерным бизнесом. Он работал в одиночку и хорошо зарабатывал. Даже очень хорошо. Он показывал мне свои банковские счета — суммы для тех лет были внушительные. Он жил один в однокомнатной квартире. Крайне редко и в меру выпивал. Был основательно начитан и любил разговоры о литературе. О музыке. О живописи. А по образованию — технарь, конечно. Физик. Он мечтал построить в центре города особняк и еженедельно или дважды в месяц собирать там писателей, художников, композиторов — и поить шампанским. Хотел устроить нечто вроде салона. Он мечтал об этом всерьёз. Он даже успел купить участок земли со старыми постройками. Я видел этот участок. Но вдруг он исчез. Исчез человек — как испарился. Ни живым, ни мёртвым не обнаружился. С тех пор минуло семь лет. Мать его всё ещё ходит в милицию. Мать выплакала все глаза. Но всё — без толку.

Спустя тридцать лет встретил любимого школьного учителя. Он всё ещё смотрелся бодрым и весёлым. Я хотел сказать ему несколько приятных слов, но приятные слова все куда-то подевались, я стоял как истукан, слегка разинув рот и тупо хлопая глазами.

— Что, не рад мне? — спросил он с улыбкой.

Я молча и невпопад кивнул и сглотнул ком, застрявший в горле.

— Как был ребёнком, так и остался,— сказал старый учитель.— Но это не самая страшная беда в наши дни.

Я и вправду слишком долго считался ребёнком. После слишком долго ходил в юношах. Потом весьма длительное время слыл инфантильным молодым человеком. Помнится, когда в тридцать три года в табачном магазине одна продавщица сказала другой, имея в виду меня:

— Подай мужчине пачку сигарет.

Это меня удивило и слегка покоробило: какой я вам, дескать, мужчина?..

Я вырос без отца, и мне в детстве родня и соседи постоянно напоминали, каким он был, отец мой, как ходил, какой походкой, какие у него были шутки-прибаутки, как смеялся или гневался, и, главное, как работал — в те времена о человеке судили по его умению и желанию работать, потому что многие жили праведным трудом.

Самые мои близкие родные более пятнадцати лет являются беженцами или вынужденными переселенцами — называй как хочешь — суть не изменится: не стало возможности жить на родном клочке земли. Как-то моя мать и мой брат с семьёй решили вернуться восвояси — у брата там большой новый дом оставался без призора. Возвратились, и моя мать с радостью взялась за хозяйство и за полтора года насадила огромный фруктовый сад о две сотни кореньев. Но жить в родном селе было по-прежнему невмоготу, житья им не давали, и брат за бесценок продал дом, и снова уехали искать покой и какую-никакую терпимую жизнь за тысячи километров. Теперь, спустя шесть лет после вторичного отъезда, моя мать вспоминает сад, что посадила, в сущности, для чужих людей и, вспоминая, радуется в забывчивости и с улыбкой рассказывает, где и какие саженцы покупала. Потом опомнится — и замолкает надолго в горестной задумчивости...

Мой застарелый конфликт с роднёй — это конфликт между кавказским этикетом и русской сущностью. Просто я малость обрусел — и только. Хотя этикета во мне не меньше, чем в остальных из моей родни, но в то же время сущностного начала очень много. Вся закавыка в том, что во мне они видят, хотят видеть такого же, как сами, типичного кавказца. А это ошибка. Хуже, лучше ли — не берусь судить, но я другой. Давно уже другой. Но разве объяснишь кому, как перемешена в тебе твоя удинскость с русскостью, что и сам не разберёшь, чего больше в тебе, твоего исконно южного, кавказского или русского, как двери реки, слившись, тянут одним руслом, так и ты идёшь по этой жизни, вбирая впечатления от двух национальных стихий.

С 1982 по 1985 год один за другим умирали одряхлевшие вожди нашей страны — и единственная, пожалуй, отрада тех лет: в дни траура по радио и телевидению все развлекательные передачи и кинофильмы отменяли — с утра до ночи отовсюду звучала отменная классическая музыка. Более ничем не запомнились те тусклые и никчёмные годы нашего отечества.

Если в писателе не осталось простой беспечной любви ко всем и ко всему, если писатель начал сознавать себя чем-то более значимым и ответственным, чем просто летописец всех радостных и тягостных испытаний человека на земле, то он уже никакой не писатель. Именно это за последние годы произошло со многими хорошими писателями прежних десятилетий. Перестав писать, они возомнили себя какими-то мифическими спасителями тех ценностей, что ранее они весьма бережно и нежно воспевали, и утратили в себе единственно ценное: глаз и сердце писателя. Таковых множество в обоих противоборствующих станах — имён называть не будем — только посажалеем, что так случилось.

Был такой поэт — Насими. Его казнили за то, что он ходил по земле и проповедовал своё учение о том, что познавший истину, совершенный духовно человек подобен Богу, и что Бог, говоря словами его стихов, «любой из нас, из сыновей Адама». Так он говорил, странствуя по Востоку. И его убили, казнили в сирийском городе Алеппо. С него, с живого, содрали кожу. Было это в 1417 году. Это и тогда была страшная, редкая, неслыханная казнь.

Боже, как жаль безвременно ушедших поэтов. Как жаль безвинно замученных поэтов. Сколько их было — и все сплошь лучшие умы. Все сплошь лучшие сердца.

Мир всегда пребывал в самообольщении — и проморгал лучших. Так было во все времена и у всех народов.

Уже три недели внутри ни искорки радости — и потому не пишется. Не только не пишется, но и не думается. Не можется. Такое впечатление — будто костёр во мне потух окончательно: ни единого тлеющего уголька под мёртвым слоем золы.

Однако это обманчивое ощущение — как мне известно из опыта. Скоро из случайной мелочи, от малейшего дуновения мысли, чувства ли, займётся робкий огонёк — и запляшут язычки пламени...

Не знаю, кто как считает, но я помню: в 60–70-е годы у нас в селе хорошо жили. Какие-то десять лет — с 1965 по 1975 — примерно, конечно. Точнее не скажу. Учителя ладно жили. В достатке и уверенно. С достоинством. У каждого и хозяйство, и зарплату приличную получали. И работа была любима. И война — давно позади. Счастливое время. Многие были счастливы — не только учителя. Все сельчане хорошо жили — и большего не желали.

Говорят, мой племянник во всём подражает мне, и я ему завидую: у меня у самого никогда не было человека, кому я мог бы подражать. У меня даже не было обыкновенного наставника. Детство моё прошло без мужчин в семье — без отца и без дедов. Юность и молодость протекали вдали от родного дома, так что не только мужчин, но и женщин — матери и бабушек — не оказалось рядом. Начав писать, тоже очутился в сиротливом одиночестве. Были редкие случаи снисходительного похлопывания по плечу старших товарищей и только: все они были заняты собой, им было не до меня. Так и мыкаюсь по жизни без пригляда. А будь подле меня умный и участливый человек, как много я успел бы...

Я никогда не любил ничего расхожего — отчего все кругом сходили с ума. В юности, к примеру, когда все или почти все страстно увлекались битлами, я был спокоен и равнодушен. Я даже недоумевал, не понимая, чего же в них такого, хотя со временем, когда страсти поутихли, моё отношение к ним отчасти изменилось. Никогда не

любил писателей или произведения, о которых кричали на каждом углу. От меня всегда отскакивало всё шумное и модное — и тут нет ни позы, ни кокетства, ни тем более какого-то осмысленного отвержения. Просто такова моя природа.

— Только раз в месяц... четыре минуты. А так — спокойной ночи — и спиной ко мне. Бывает, целый день угрохаю, сварю прекрасный обед, приведу себя в порядок, надену самое лучшее своё платье, надушусь французскими духами, накрою стол, поставлю шампанское, а он поест, выпьет, в благодарность поцелует меня в щёку — и на боковую. И я готова бываю убить его!.. А то покуражусь: одену его в лучший костюм и скажу: «Иди измени мне, измени, чтоб хоть знала я!..» А он стоит и лыбится — и всё. Тьфу!..

— А может он... это?..— возразил я.— Может — весь вышел, а?..

— Да какое!.. Только дотронешься — восклицательный знак! Просто не хочет. Никого не хочет. Всё думает о чём-то. Думает и вздыхает. Вздыхает и думает. Днём и ночью. Эти вздохи достали меня вконец, и вчера ночью не выдержала, взяла и чуть не откусила этот чёртов знак препинания. Прямо в кровь искусала — а орал, орал-то как! Скотина этакая — видишь ли — больно ему. А мне, значит, не больно, а я, значит, терпи его пустые охи-вздохи. Всё — разводимся! Пусть теперь один вздыхает. Хватит!..

Его жена три года работала за границей. Приехала, и я в шутку спрашиваю его:

— Ну и как жена?

— Как новая,— отвечает.— Как чужая жена. Как будто своей жене изменил с ней.

Красивые девушки в подружках предпочитают иметь дурнушек — тогда она, красавица, всегда в центре внимания. Между прочим, я заметил, это устраивает и дурнушку. Благодаря подружке-красавице на них обращают внимание и к ним липнут красивые молодые люди. Конечно, дурнушка терпит муки, дурнушка всегда в сомнениях, всегда в ожидании, всегда боится подвоха. Дурнушка — почти всегда несчастна, и в ней постоянно происходит незримая внутренняя работа. Более того, порою дурнушки бывают очень умны. Из них со временем вырастают мудрые женщины. В частности, я знаю женщину внешне похожую на доску-горбыль. Но как она интеллигентна, как умна, какое у неё сердце, какая душа!..

Ему за пятьдесят. Он строен, поджар, лицо большое, но костистое, впалощёкое. Как всегда, в отличном настроенье, как всегда, в отменном костюме и белой рубашке с галстуком, приехав домой на обед, сел за стол и коротко обронил:

— Яйцо моё.

— Ой, сейчас! — игриво всплеснула руками жена и, виляя крепким задом, вышла из комнаты.

Проводив её взглядом, он с усмешкой и в то же время с восхищеньем заметил:

— Вот чертовка! А ведь двадцать лет замужем! — И мне объяснил: — В день по сырому яйцу выпиваю. Прямо из-под несушки. Противно, но пью. Надо. Говорят, мужскую силу поддерживает.

Он жил исключительно ширинкой. Всё вокруг мерил силой своей ширинки. Вся атмосфера, все взаимоотношения, все его дела пропахли ширинкой.

Встречались около двух лет, считай, жили вместе, как муж и жена. Закончив учёбу, уехала к себе и ещё целый год ждала тебя, зазывая к себе и надеясь, наверное, что, может, если и не приедешь, то хоть её отзовёшь обратно. Но ты молчал, слегка

увлечённый другой женщиной, и она вышла замуж. После приехала за какими-то документами, чуть похудевшая, совсем чужая. Уже беременная. Ты хорошо встретил её, легко и весело, не считая, что малость нервничал, отчего и подтрунивал чуток, безобидно потешался над её замужеством. Потом проводил с вокзала с хрустким букетиком влажных ландышей, с грустным троекратным поцелуем и парой дорогих, всё ещё дорогих её слезинок.

Безалаберна была моя юность. Безалаберна — моя молодость. Безалаберна и кратка — учёба в университете. Безалаберны и запутаны все связи с женщинами. Безалаберны отношения с самыми близкими людьми — роднёй и друзьями. Во всём и всю жизнь я вёл себя безалаберно. И из этой мути безалаберности — что-то стало произрастать. Вот что удивительно.

Писательство... точнее, коль уж ты начал писать, это как девушка, утратившая девственность... обратно ничего не вернёшь.

Уходит век. Самый, пожалуй, страшный век. Я почти ровесник его половине. И я рад, что жил глуповато и безалаберно. А то земля стонет от предприимчивых и жестоких умников.

Ещё я рад, я безмерно счастлив, я благодарен судьбе, что дожил до пятидесяти. Сколько пишущих людей — и каких людей! — не доживали до полувекового рубежа. Страшно подумать!

Я вырван из времени. Я сам или житейские обстоятельства вырвали меня из реального течения времени. Часто я существую сам по себе, почти не зная и не желая знать, что творится за окном кухни, а время течёт само по себе и для других. Оно для меня ничего не значит. Я знаю, что я изо дня в день старею, что дочь моя растёт, что сил моих и дней моих остаётся всё меньше и меньше, но всё это, мне кажется, не относится ко времени: всё это моё самочувствие и моя интуиция. Пока есть я, пока я дышу и сознаю, что дышу, время живо без моего участия, само по себе, а как не станет меня, куда-то и вовсе исчезнет время — останется одна вечность тоже без времени и без формы. И эти две категории всерьёз меня интересуют и беспокоят: время и форма, точнее, отсутствие времени и формы...

Я самый обыкновенный и простой человек. Но мой образ жизни не простой и не обыкновенный — не как у всех обыкновенных и простых людей. Это-то тяжелее всего: быть как все — а жить не как все. В то же время в чём-то писатель счастливее всех остальных людей — он постоянно живёт ожиданием: вот скоро, может быть, он напишет что-то дельное, вот выйдет рассказ в журнале или издастся книжка. И так до смерти: всегда впереди смутно маячит что-то светлое и приятное. В этом смысле писатель не стареет.

Не следует подолгу останавливаться на том, что творится вокруг, не следует всерьёз воспринимать окруженье, его нравы, его отношение к тебе, не следует засматриваться на всё подряд и раздражаться. Ведь дело пчелы не в любовании цветком и не в жужжании над цветком: пчела должна добыть взяток и улететь в свой улей...

Я никому ничего не обещал. Не обещал моим землякам — удинам. Не обещал матери. Не обещал сёстрам и брату. Не обещал жить так-то и так-то и делать то-то

и то-то. Я никому ничего не обещал и никому ничего не должен. Я ответственен только перед собой.

Жить — как живут многие, почти все, удины, от свадьбы до свадьбы, от похорон до похорон — я не могу. У меня свой путь. Я выбрал свою дорогу. Может, в чём-то сравнительно лёгкую, а в чём-то и невыносимо тяжкую.

Раньше меня всё время тянуло домой. Где бы ни находился — рвался к себе: к жене и ребёнку. Теперь часто вовсе не хочется возвращаться к своим. Они отдаляются от меня. У них свой маленький мирок. Я им особо и не нужен. Мой мир — тем более. Жена вконец... обабилась. Я это без иронии говорю. И без осуждения. Так оно есть. Не только у меня. Так — у многих. А дочь — ещё ребёнок, и интересы матери ей ближе потому, что сама в будущем женщина. Но она всё ещё любит меня. Я это ясно вижу. Пока ещё любит. Самый близкий мой человечек — и последний, пожалуй, кто искренно и нежно любит меня. Дочери всегда любят отцов. К тому же сегодня у меня она — самый главный мой учитель. Она учит меня жизни. Учит совестливости. Учит радости. Учит ответственности. Учит оптимизму. Многому — почти всему — она учит меня. И я ей благодарен. А то мы привыкли благодарить стариков — вроде умудрённых жизнью. На самом деле ни один старик — будь тот самим Львом Толстым — не сравнится с неподдельной гениальностью ребёнка.

Нельзя жить полнокровной жизнью — и не презирать себя. Подлее себя я и не знаю никого. Чужую подлость можно как-то перенести, переварить, забыть, в конце концов. Но твоя подлость всегда с тобой.

Самое жестокое в человеке — его память о себе нехорошем. О своих неприглядных поступках. Как много гадкого совершает человек — страшно подумать — страшно оглянуться назад. И неотступно совесть терзает.

Каждый человек в плену вольных или невольных своих поступков. В плену привычек. В плену характера и темперамента. Плен этот — судьба — самое тяжкое, пожалуй, самое безысходное заточенье.

Я не однажды пытался совершить побег из своего заточенья — безуспешно. Всякий раз возвращался обратно — надломленным и печальным. Но всё ещё не оставляю надежды...

Не правда ли, иногда писатель похож на девку из стриптиза. Так же, как бесстыжая девка, публично обнажается. Никуда не денешься — таков он, таков, таков!..

— Не обращай внимания на мелочи,— говорят мне.— Что ты изводишь себя по пустякам? Пощади хоть свои нервы.

— Да как не замечать мелочей,— возражаю,— когда я только ими и живу. Все живут пустяками. Вся жизнь состоит их них.

Его зовут Василич. Он умеет спать стоя. И очень этим гордится...

У меня нервное переутомление, угнетённое состояние, мне ничего не интересно, я равнодушен и к друзьям, и к женщинам, и к самым близким людям, жене и дочери, я не могу думать о чём-то дельном, не могу ни писать, ни читать, и всё кругом меня раздражает, и я всё повторяю про себя или вслух, чаще, конечно, про себя, одно и то же слово: тварь! тварь! тварь! И это продолжается месяца три, а может, и того дольше, и до сих пор мне казалось, что мне вконец обрыдла вся окружающая жизнь, все люди,

близкие и не очень, и что словом «тварь» я выражаю своё отношение как к неприглядным явлениям жизни вообще, так и к конкретным людям в частности, но сегодня как-то задумался и понял, что нет, что слово это — тварь — обращено к самому себе, к своей собственной персоне, такой вздорной последнее время и такой мерзкой, так осточертевшей...

В центре села стоит массивная каменная церковь. Стоит на зелёной поляне меж тремя исполинскими чинарами. У подножия церкви, в густой прохладной тени, пасутся овцы с ягнятами, кротко щиплют травку. Рядом с поляной, вдоль тыльной стены церкви, лениво, как бы нехотя течёт речка, посреди речки громоздятся огромные камни, на одном из камней, на плоском мшистом валуне, замер мальчишка с кувалдой в руках — рыбу ловит. Он ловит рыбу по-своему: поплевав в ладоши, вскидывает кувалду над головой и что есть силы бухает о валун, потом, вытянув шею, зорко высматривает, где всплывёт вверх белым брюхом оглушённая рыба. Окрест поляны, на почтительном, однако, отдалении от церкви, стоят дома. Усадьбы. Если же запрокинуть голову, то высоко над поляной, над церковью, над тремя чинарами, высоко над этим божьим миром можно увидеть величаво парящего орла.

Чудный летний день — тишина и покой разлиты кругом. А в ближайшем подворье, под открытым небом, на самом припёке, сидит дряхлый старик с выцветшими, водянистыми глазами на измождённом жёлтом лице, сидит давно и молча, не шевелясь. Возле него — врытый в землю стол, на столе — графин красного вина сорта шалав, ломоть хлеба, ноздреватый кусок овечьего сыра, хлипкий пучок зелени, нетронутые, прикрыты лёгким полотенцем. Чуть поодаль, под верандой двухэтажного дома, затаилась рыжая кошка и, задрав хищную головку, плотоядно облизываясь розовым язычком, смотрит на ласточкино гнездо, чуя вековечным своим инстинктом, что едва оперившиеся птенцы, бывает, выпрыгивают из гнёзда, желая стать на пока ещё слабые, неумелые крылья — и беспомощным комочком шмякаются оземь.

И, слов нет, совершенно ясно, что у этой поляны, у этих чинар, у этого старика, погружённого в свою тягучую последнюю думу, у этой кошки, жаждущей горячей крови, у этих окрестностей должен быть свой певец, летописец, и он есть, без сомнения, но он вдали от этих мест, что называется, за тридевять земель, как в сказке, и он по сто раз на дню и по тыще раз за ночь, считай, умирает, изнывая от тоски, от любви и нежности к этой поляне, к этим могучим чинарам, к этой плотной тени и сочной травке, к этим шершавым камням древней церкви, к мальчишке, заинтересованно замершему с кувалдой над головой.

И там, где теперь он живёт, совсем другая кошка с ломтиком хлеба в зубах ходит по длинному коридору конторы и тоскливо мяукает, разыскивая своих котят, которые странным образом в одночасье куда-то подевались, исчезли, и вот она мечется от двери к двери, скребётся коготками, ей открывают, впуская, но вскоре с истошным криком просится обратно, горемычная, с запавшими боками, с мокрыми, истекающими глазами, всё мается в поисках детёнышей, кочуя из кабинета в кабинет, в одном из которых сидят двое, мужчина и женщина, с самого утра сидят друг против друга и, по всей видимости, ещё ни слова не проронили.

У них не очень внятные, надо сказать, отношения, на посторонний взгляд чистые вроде, не запятнанные пока чем-то явным, однако неясные, с туманцем, не утоляющие любопытства, что раздражает многих. Женщина весьма красивая, полнотелая, рослая, стройная в своей полноте, всегда изысканно и со вкусом одетая, и сама знает, конечно, что хорошенькой женщине на службе сходит многое, появившись утром на работе, обычно без дела, праздно сидит пред своим тихим увлеченьем и молчит ча-

сами. Он тоже молчит. Они молчат, но между ними, несомненно, что-то происходит, что-то живое, трепетное, сладостно волнующее обоих и в то же время, может статься, пугающе тёмное, вероломное, способное омрачить будущее, исковеркать судьбы, поскольку как она, так и он давно обременены семьями, детьми, чередой прожитых в привычных хлопотах лет: обоим изрядно за тридцать.

Меня, бывает, обвиняют: в своей прозе, мол, ты не такой — какой в жизни. В прозе ты лучше. Но ведь так и должно быть, милые. Я вам не житейские реалии переписываю. Я наново создаю свой мир. Маленький — но свой. Это очень важно. Пожалуй, важнее всего, коль ты взялся за перо, — создавать своё — ни на что не похожее. Как ни парадоксально — это-то и сближает тебя с совершенно разными людьми. Ты становишься понятным и близким, если не всем, то многим.

Была ночь. Я стоял на горе. В тишине и одиночестве. Лёгкий ветерок веял мне в лицо. Внизу стлался огромный город. В этом городе я прожил почти тридцать лет. Но я думал не о городе. Я вспоминал малую свою родину. Однажды я так же стоял там — стоял под громадным ореховым деревом. Сухой ядрёной осенью. Такая же была ночь. Так же веял ветерок. Перед тем я повздорил с братом — выбежал из дома и, остывая после горячей стычки, жадно курил под орешиной. Не помню, из-за чего сцепились с братом, но запомнил, что мне хотелось вернуться в дом и всё без обиняков выложить брату. Что именно — тоже запамятовал. Но был крайне раздосадован и раздражён и всё курил, собираясь с духом, но тут с дерева упал орех — тук, потом второй — тук, потом третий — тук, и тремя этими точками оставим книгу открытой: пусть всяк завершит её на свой лад...

РАССКАЗЫ

ВЛАДИМИР ГОФМАН

ЛУЧ

Этого не может быть, но это есть. Конечно, я понимаю, что по всем известным физическим законам природы человек не должен помнить того, что видел в пятидесятидневном возрасте. Но я *помню*. Точнее, я *вспомнил*. И даже *увидел*.

Никто и никогда не рассказывал мне о моём младенчестве — ни родители, ни родственники, ни даже бабушка, благодаря которой и совершилось моё крещение. Только однажды она сказала, что меня крестили ровно на пятидесятый день после моего рождения. И всё. Конечно, что-то близкие люди вспоминали о детских играх и привычках, о моих болезнях, наклонностях и т.п. Но о крещении — никогда. Как будто его и не было вовсе. Крёстные, видимо, выбраны были формально, думаю, что они при сём таинстве и не присутствовали, но их, как тогда говорили, «записали». Они, разумеется, не принимали в моём воспитании никакого участия. А воспитывала меня бабушка. Как умела. Набожная, добрейшей души старушка, родившаяся ещё до октябрьской революции, едва умевшая читать и писать, но знавшая великое множество песен и удивительных повествований из старой русской жизни. Она учила меня первым молитвам, наставляла к терпению и деланию добра. Она открыла мне Христа и Его мир; в этом мире я существую до сих пор.

Мы жили в старом доме на два окна. Из одного виден был долговязый колодезный журавль, а из другого — куст бузины. Дом стоял на краю крохотной деревеньки. Зимой её заносило по самые крыши снегом, а летом она пряталась в зелени огромных тополей. Через поле за оврагом было село, и в селе том на берегу реки стоял действующий храм. Как-то так получилось, что большевики ни разу не закрывали его, ни при Сталине, ни даже при Хрущёве, и потому храм этот многие годы служил спасательным ковчегом для жителей окрестных деревень и сёл. Тут и сами коммунисты-атеисты по-тихому крестили своих чад, а порой и браки венчали, вступив в тайный сговор с местным батюшкой.

Освящён этот храм был в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Здесь меня крестили. Как выяснилось, на пятидесятый день с момента появления на белый свет.

Наверное, к причастию бабушка водила меня часто, но из ранних лет мне запомнилось одно.

Стояла зима. Скорее всего, это был конец филипповок. На улице ещё темно. Мне страшно хочется спать. Мороз щиплет щёки и нос. У крыльца в полоске света, подающего из полуоткрытой двери, фыркает и роет копытом снег лошадка, запряжённая в низкие дровни. Её зовут Метка, потому что на лбу у неё белое пятнышко, как звёздочка. Сосед дядя Ваня согласился ни свет ни заря подвезти нас с бабушкой до церкви.

— Ну, барин, карета подана! — говорит он мне весело и постукивает кнутовищем по валенку.

Валенки на нём огромные — до колен — и рыжие. Снег скрипит под ними жалобно, а дядя Ваня как бы и не слышит, всё ходит вокруг дровней, что-то поправляет, подтягивает. Отвороты полушубка и широкий воротник — всё белое от инея, как и борода с усами. Ни дать ни взять дед Мороз!

Дядя Ваня поднимает меня на руки и укладывает на дровни, где расстелен огромный тулуп, или шубник, как его у нас называют. Укрыв меня мохнатой полой тулупа так, что осталось только маленькое отверстие, чтобы можно было дышать, дядя Ваня ещё потоптался, помогая, видимо, устроиться на дровнях бабушке, а потом лихо присвистнул и крикнул уже тронувшейся лошадке:

— Но-о, родимая!

Дровни мягко скользят по снегу. Пола тулупа на ходу приоткрылась, и мне стало видно чёрное небо и на нём звёзды, белые и яркие, как лампочки недавно проведённого к нам в деревню электричества. Под меховым одеялом тепло, пахнет шестью, повлажневшей от моего дыхания; я опять засыпаю.

Ещё мне вспоминаются деревья, заслонившие звёзды, пушистые, в снегу, ветки — это мы подъезжаем к церкви, возле которой тоже, как и у нас в деревне, растут высокие тополя. Только там зелёные, а здесь — серебристые. Бабушка говорит, что это чёрный тополь, но я не понимаю, почему чёрный, если он серебряный?

— Тпр –р-р-р!

Полежать бы ещё под тёплым тулупом, послушать, как шелестит снег под полозьями, и фыркает на бегу Метка. Дальше, дальше, без остановок!..

Само причастие в тот день я не помню, только знаю, что эта поездка связана с ним, потому что такое радостное, чистое и яркое, как рождественский снег, чувство всегда в детстве связано у меня с церковью и причащением Святых Таин. ... Звёзды, скрипящий снег, белая от инея лошадка, луч, протянувшийся через всю церковь из узкого окна под куполом...

Ага, этот луч! Мне кажется, он всегда появляется в храме, когда священник выносит Чашу. Вот отверзаются царские двери, и батюшка выходит на амвон. В руках у него потир, закрытый парчовым покровцом: там — Тайна! А на покровце наискосок лежит серебряная ложечка — «лжица», ей дают причастие.

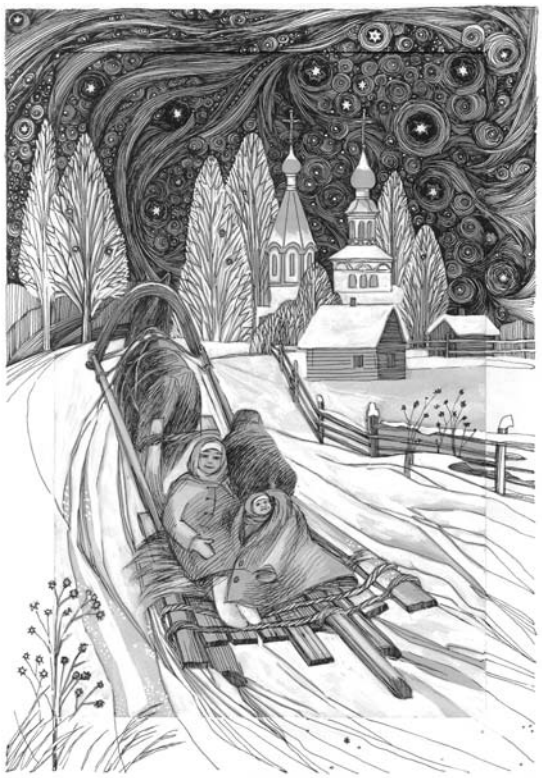
— Верую, Господи, и исповедую...

И тут из левого окна сверху вырывается белый луч и падает на Чашу. В нём плавают золотые пылинки, и он такой упругий, что, кажется, можно потрогать рукой. Я видел его бессчётное количество раз, но только однажды он вызвал в моей памяти удивительное воспоминание — то, что было со мной на пятидесятый день моей жизни.

Но сначала расскажу, как я видел луч не в церкви. Всего один раз и тоже в детстве.

Однажды летом мы отправились с бабушкой в гости к её подруге бабке Меланье, которая жила в деревне на самом берегу Волги, километрах в пяти от нас. Из дому мы вышли утром и долго-долго, как мне показалось, брели вдоль полей и перелесков по тропинке, так крепко утоптанной, что она гудела под моими босыми ногами. Я, правда, слышал, как она гудит, а чтобы лучше расслышать, ложился и прижимал к земле ухо, но в это время гудение почему-то прекращалось. Бабушка говорила, что это ноги мои гудят, а не земля. Но я с ней не соглашался — как это могут ноги гудеть?

У бабки Меланьи мы гостили два дня. И вот на второй день я проснулся рано утром, когда все ещё спали. Солнце медленно всплывало из-за Волги. В доме было очень тихо, только часы-ходики стучали в соседней комнате. Мне очень хотелось пить, и я пошёл в сени, где на лавке стояли вёдра с водой, и в одном из них плавал железный ковшик



с длинной рукояткой. Проходя через сени, я остановился возле двери. Эту дверь я ещё раньше заприметил, потому что она всегда была плотно закрыта, а мне страшно интересно было узнать, что там за ней? Бабка Меланья мне все комнаты показала, а мимо этой двери почему-то провела мимо.

Я тихонько потянул за ручку. Не тут-то было! Я потянул сильнее. Ага! Дверь приоткрылась. В щель обстановка просматривалась плохо, и я шире открыл таинственную дверь. За ней была молитвенная комната! Я уже знал, что это такое. Все свои шесть лет я провёл с бабушкой в храме, первое, что я выучил наизусть, было не стихотворение Агнии Барто про Мишку, которому оторвали зачем-то лапу, а молитва «Отче наш», и потому меня по праву можно было назвать воцерковлённым человеком.

Перед образом Спасителя горела лампадка — в зелёном стаканчике чуть подрагивал живой огонёк. Никакой мебели, ничего — только иконы по стенам, много икон. Большие и маленькие, в окладах и без. Я стоял на пороге, боясь шевельнуться. Бояться, собственно говоря, было нечего, но сердце у меня почему-то замирало. Надо было закрыть дверь и уйти, что я и собрался уже сделать, как вдруг комната наполнилась ровным голубоватым светом, а откуда-то сверху к иконе Христа протянулся белый тугой луч. Сердце больше не замирало, оно остановилось, и я впервые, пожалуй, почувствовал несказанную радость, которую нельзя было объяснить.

Прикрыв осторожно дверь, я на цыпочках выскочил во двор. Солнце уже взошло и ярко светило сквозь ветки старых яблонь прямо в окна дома, рассыпалось в каплях росы на траве вдоль завалины. Далеко-далеко слышался дробный перестук — это пастушья барабанка собирает стадо. В груди опять стучало сердце, и было легко и празднично. Я хлебнул из ковшика холодной воды, пробрался тихонько в дом и, забравшись с головой под одеяло, быстро заснул, а когда проснулся, комната с иконами, наполненная чудесным светом, пронизанным наискось белым лучом, показалась мне сном. А может, так оно и было?..

Своё крещение я вспомнил уже во взрослом и даже немолодом возрасте. Причём совпало это с событием, перевернувшим всю мою жизнь. Вот как это случилось.

По Божьему промыслу моя диаконская хиротония была назначена на праздник Воздвижения Креста Господня. После всенощного бдения я остался ночевать в епархиальной гостинице, читал каноны, волновался и долго не мог уснуть. Когда же, наконец, удалось задремать, мне приснился короткий, яркий сон. Будто стою я перед

амвоном в нашем старом Крестовоздвиженском храме, жду причастия. Свечи горят, пахнет ладаном, а людей никого нет — ни единого человека! И тихо очень, потому что на клиросах тоже пусто. Вот царские врата отверзаются, и с чашей выходит не священник наш отец Сергий, а сам владыка, который меня рукополагать будет. Смотрю я на него, удивляюсь, откуда, дескать, он тут в сельском храме-то оказался? А он на меня смотрит и улыбается ласково. В груди тепло стало, ног я под собой не чувствую — так легко, что впору взлететь. С владыкой тоже никого нет — ни протодиакона, ни иподиаконов. «Кто же ему помогать будет?» — думаю, а он кивает мне, мол, подходи. Только я сделал шаг к амвону, как через всю церковь протянулся из окна к чаше тот белый луч, что видел я в детстве. И так радостно на душе стало, так радостно, что я проснулся, а на щеке слеза...

... Служба шла своим чередом. На меня уже надели белый стихарь, и мир реальный стал нереальным. Вот владыка благословил народ:

— И да будут милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами!

Сейчас начнётся хиротония. Сердце колотится у меня в груди так, что аж больно, а люди и предметы видятся, выражаясь словами апостола Павла, как через тусклое стекло.

— Повели! — гудит протодиаконский бас. По ту строну иконостаса отзывается:

— Повелите!

Иподиаконы крепко ухватили меня под руки и повели к архиерею.

— Повели, Преосвященнейший владыко!

...Теперь вокруг престола... На правом клиросе грянул архиерейский хор, но слова до меня не доходят, только последнее — «Исаия, ликуй!», как при венчании. И вот я встаю на колени с правой стороны престола, крестообразно складываю руки и опускаю на них голову. Это иподиаконы шепчут мне на ухо, что делать, сам я в прострации. Не чувствую своего тела совсем, только сердце бьётся под стихарём, так громко, что, наверно, не только в алтаре, но и в притворе слышно... Только сердце. А меня самого и нет совсем... Чувствую однако, как владыка кладёт мне на голову край омофора, слышу его голос будто издалека:

— Божественная благодать, всегда немощная врачующи...

«Немощная врачующи...» Господи, исцели наши души!

Вот и орарь на моем плече...

— Аксиос!

В это момент я увидел белый луч. «Увидел» не подходит. И всё же увидел. Что-то такое произошло, словно пространство сместилось. Исчез кафедральный собор со всем его праздничным блеском. Тихо стало до звона в ушах. Вот древние иконы в серебряных окладах — лики разглядеть не могу. Над царскими вратами два ангела с рипидами в руках... Луч протянулся из окна нашей старой церкви к купели, я вижу, в ней — вода. Чувствую руки, они возносят моё крошечное, невесомое тело над водой, искрящейся в купели. И даже голос священника, глуховатый, старческий...

— Во имя Отца, аминь. И Сына, аминь. И Святаго Духа, аминь...*

И всё. Видение пропало. Колыхнулся воздух, и опять я в алтаре. И хор гремит последнее:

— Аксиос, аксиос, аксиос!**

Да разве я достоин? Разве кто-нибудь достоин?...

Так я вспомнил своё крещение.

---

* Тайносовершительная формула при Таинстве Крещения

** Достоин (др.греч.)

НАД НЕБОМ ГОЛУБЫМ

Тишина. Будто весь мир умер. Или это я умер? Нет, только не я, потому что я же мыслю, значит, существую. Так, кажется, говорил Сократ. Или кто? Неважно. Важно, что тишина такая. Может, атомная бомба взорвалась в нашем городе? Не дай Бог! А что же тогда? Я слышу эту тишину, а сейчас открою глаза и...— что я увижу?

Он медленно открыл глаза, очень медленно, потому что боялся увидеть что-нибудь страшное. Сначала он вообще ничего не увидел, только воду — проносящийся мимо поток воды, она была рядом — мутновато-прозрачная, наполненная песчано-глинистой взвесью. Потом возле самых глаз проплыл окурок — гигантский, с белым фильтром, испачканным розовой помадой. Она всегда курила такие сигареты: тонкие, длинные, с золотым ободком, кажется, «Virdgins». Только помада у неё была не розовая, а ярко-красная. Вызывающий цвет. Он ему никогда не нравился. Это было давно, в другой жизни, окурок напомнил.

Когда глаза совсем открылись, он заметил ржавую консервную банку из-под сардин, наполовину затянутую илом. И ещё длинные тёмно-зелёные водоросли, похожие на распущенные волосы, которые, подрагивая, вытягивались по течению. Очень хотелось повернуть голову, но не получалось — голова не двигалась, так же, впрочем, как руки и ноги...

Где же это я? В аквариуме, что ли? Кажется, дышу воздухом. А что было до этого окурка и жёлтой воды? Ничего не было. То есть, не было ничего особенного. Купил хлеб и бананы, пошёл домой. Ах, да — в груди припекло, справа. И очень больно стало, как будто грудь разламывается. И всё? И всё. Вода течёт... Тихо.

Он закрыл глаза и услышал вырастающий из тишины звук. Слабенький, тонкий. Струна без обмотки, первая. Далеко-далеко. Фа-минор. Песня.

Под небом голубым,
Есть город золотой
С прозрачными воротами
И яркою звездой...

«Город золотой» он очень любил. И Гребенщикова, и Камбурову, и даже на иврите. Сам пел когда-то, лет двадцать назад. Тогда гитара из рук не выпадала. И четыре бемоля в фа-миноре не страшили. Так, так. Народу нравилось слушать в его исполнении маленькую Canzone папского лютниста. А пели вместе. Только не «под», а «над». Над небом голубым. То есть — *там*. Потому что *здесь* ничего такого быть не может — ни прозрачных ворот, ни яркой звезды. Одни турникеты.

Ему захотелось открыть глаза, но он не стал этого делать, боясь спугнуть песню.

Сколько лет я не брал в руки гитару? Тыщу лет! Как один миг. Врач не могла иглой проколоть кожу на безымянном пальце левой руки. Гитарист? Помнишь, маленькое кафе в подвальчике на набережной, усаженной липами? А «Рошу де десерт» в узкогорлых бутылках? Огромный камень на берегу; на камне, протянув руки к солнцу, девушка в белом платье? Сердце разрывается от любви. И катится тихая литая волна, заливает камень и босые ноги девушки... Помнишь? Как чайки кричали, кружась над кормой маленького парохода, уходящего в закат над Шексной? Я — помню. Это же я был. А, кажется, и не был. Был, конечно. И весь мир — музыка. Первый ВИА со счастливым названием — «Ра». Один слог от слова «радость». Лёшка так и говорил: «кусочек радости». Общага, «Российский» сыр на тарелке, засохший и маслянистый. Репетиции в «красном уголке» до умопомрачения... Она — на клавишных, золотые волосы по плечам. Целовались в тёмном подъезде... Какая ты будешь в подвенечном платье?... Умерла она при родах. И ребёнок тоже.

А в городе том сад,
Всё травы да цветы.
Гуляют там животные
Невиданной красы...

А тут бездомные собаки. Глаза у них добрые. Почему говорят, «как у побитой собаки»?... Помнишь свою Canzone в подземке, как кидали прохожие тебе в шляпу мятые рубли?.. Потом гнали в скверике похмелье настойкой боярышника и кормили ливерной колбасой бездомных псов? Тогда уже всё рушилось — и страна, и душа, и не сыграть было про золотой город, потому что руки тряслись...

При чём тут Б.Г.? И «божественный Франческо» ни при чём! Будто моя это мелодия, и никому не хочется её отдавать. Так и не отдавай! Слушай, и пускай душа твоя радуется. Чему — словам или мелодии? Неважно. Просто радуется. Она давно уже не радовалась ничему в этом мире. А там — другой мир.

Тебя там встретит огнегривый лев
И синий вол, исполненный очей.
С ними золотой орёл небесный,
Чей так ясен взор незабываемый...

Там — настоящий. Тут — исковерканный... Слова Анри Волохонский впопыхах написал, это заметно. А угадал что-то, однако, поэт. Приоткрыл какую-то тайну. Она в Библии — у пророка Исайи и в «Апокалипсисе» любимого Христова ученика. А отзвук в музыке и словах, когда сердце узнаёт загадочные вечные образы: орёл, телец и лев. Что-то такое из подсознания. У Орлова тоже в «Альтисте» такое.

Как, однако, тихо. Не о такой ли тишине он мечтал всю свою жизнь? А её не было, тишины. Суета — была, шум — был, неустроенность, обида, зависть, неудовлетворённость, равнодушие, уныние, отчаяние — всё было. А тишины не было. Вот такой — полной, чтобы ничего и — «Город золотой». А он надеялся, что когда-нибудь это будет. И вот — есть.

А в небе голубом
Горит одна звезда,
Она твоя, о, ангел мой,
Она твоя всегда...

Я и о смерти так думал. Представлялось: сижу на поваленном дереве на берегу реки, опустив босые ноги в воду. Вода тёплая, чистая-чистая, и мальки в ноги тычутся, их видно сквозь воду. Небо надо мной синее и по нему белый след от самолёта, будто чей-то автограф. Автограф Бога, который так любит весь мир и меня в этом мире. Раньше казалось, что не любит, а теперь, в конце, знаю — любит, даже такого, каков есть.

А я сижу — ноги в воде — и щурюсь на закат. Тихо. Ти-хо... Ти... Сосны чуть шумят за спиной. И стрекоза потрескивает слюдяными крыльями. Потом первая звезда над рекой загорится, бледная и одинокая. Я смотрю на неё, а может, она на меня смотрит. Это нам нужно — смотреть на звёзды, потому что они на нас смотрят и узнают. А мы их — нет, не всегда. Перед смертью я свою узнаю обязательно. Вот так и умру, сидя на тёплом стволе, свесив ноги в воду и глядя в высокое небо...

Он лежал в густой траве возле водосточной канавы. «Скорая», которую вызвал сердобольный прохожий, зарегистрировала смерть от обширного инфаркта. Стояла июльская жара. На небе — ни облачка, только след от самолёта, белый и уже развалившийся. Мимо, нарушая все правила, летели автомобили. Из мини-магазина за

тротуаром доносилась музыка. Снова и снова кто-то ставил «Город золотой» в исполнении Бориса Гребенщикова.

... Она твоя, о, ангел мой,
Она твоя всегда...

MEMENTO MORI

Про таких как Изольда Петровна Кузнечикова поэт Некрасов когда-то сказал: «коня на скаку остановит» да ещё и «в горящую избу войдёт». Правда, горящих изб на жизненном пути Изольды Петровны, к счастью, не встречалось, коней она тоже не останавливала, а вот мужчин — сколько угодно. Но это в прошлом, когда ей было... ну, скажем, лет тридцать и даже сорок, теперь же годы взяли своё, и мужчины как-то незаметно исчезли из поля зрения Изольды Петровны. Всю оставшуюся энергию она направила на двух дочерей и сына. Держала их, что называется, в ежовых рукавицах. С внуками, справедливости ради надо сказать, старалась быть ласковой и кроткой. Выглядело это неправдоподобно, и когда многопудовая бабушка, поглаживая заметные чёрные усики над верхней губой, ворковала над малышом протодьяконским басом: «Ах ты, мой зайчик!», никто из взрослых в искренность слов не верил, а дети пугались и начинали реветь.

Короче говоря, Изольда Петровна была женщиной властной и жизнелюбивой, настолько жизнелюбивой, что смерти не боялась вовсе. Неминуемый конец приводил её подруг в трепет, а Изольда Петровна, участвуя в разговорах на эсхатологическую тему, что ежевечерне происходили на лавочке у подъезда, только хохотала оглушительно и, хлопая тяжёлой ладонью по костлявому колену соседки, говорила:

— Брось, Марковна, три к носу! Конечно, когда-нибудь будет, что и нас не будет. Ну так что? Это сегодня умереть страшно, а когда-нибудь — ничего! Так ли? То-то. Умели жить, так и помереть сумеем! Так что тяни лямку, пока не выкопали ямку! Хо-хо-хо!

Вот какая это была бесстрашная и мудрая женщина, Изольда Петровна Кузнечикова!

И вот однажды в конце зимы, а точнее 8-го марта, когда сын и дочери с мужьями явились к ней с поздравлениями, Изольда Петровна, расставив по вазам цветы, объявила:

— Слушайте сюда! — сказала она командным голосом, и все притихли.— Такое, значит, дело. По месту моей прежней работы, а там,— Кузнечикова подняла указательный палец вверх, как бы показывая, где находилась в незабвенное время Высшая партшкола,— там меня, как вы знаете, заслуженно уважали и ценили, мне дали денежное вознаграждение за добросовестный труд.— Изольда Петровна сделала ударение на последних словах и многозначительно посмотрела на старшего зятя, тот почему-то заёрзал на стуле и смущённо пожал плечами.— Так вот, я решила потратить эти деньги разумно.

— Кто бы сомневался! — тихо сказал более смелый младший зять, а его жена, внешне чрезвычайно похожая на свою мать, ткнула его локтем в бок.

— И как же это? — спросил с надеждой в голосе сын.

— А вот так,— произнесла Изольда Петровна угрожающим тоном.— Я решила поставить памятник на могиле мамы.

Наступила гробовая тишина.

— Хорошо,— неуверенно сказала старшая дочь, которая нравом уродилась в отца.— Лучше не придумаешь.

Остальные молчали в ожидании, зная, что этим дело не кончится, иначе старуха не устроила бы такой совет в Филях.

— Конечно, хорошо,— пробасила Изольда Петровна.— Ещё бы! Я давно думала об этом. Но не хватало средств... А вам, разумеется, не до того, своих забот хватает.

Старший зять вскочил и уронил стул:

— Вы же знаете, что дела фирмы...

— Знаю,— оборвала его Изольда Петровна.— Знаю. Сядь. Чего стулья-то ломать? Вчера я съездила в мастерскую, где памятники изготавливают, «Каменный гость», и всё узнала.

— Что — каменный гость? — заморгал глазами сын.

— «Каменный гость» — так мастерская называется,— пояснила Кузнечикова.— Там делают памятники.

— Понятно.

— Ну, раз вам понятно, так извольте по три тысячи с каждой семьи.

Повисла пауза.

— А зачем по три тысячи? — голос старшей дочери предательски дрогнул.

— Да, действительно,— поддержал её зять,— зачем?

— Затем! — отрезала Изольда Петровна и замолчала.— Затем, что моей премии на чёрный гранит не хватает.

— А-а,— протянул сын с кислой улыбкой.

— Может, тогда из мраморной крошки? — робко вставил старший зять.

Изольда Петровна громко отхлебнула из чашки с фиолетовыми цветами остывшего чаю.

— Из крошки мы тебе поставим,— сказала она, не глядя на зятя, и продолжила.— Надеюсь, вы меня поддержите.

Семейные пары молча переглянулись. Последняя фраза матери прозвучала двусмысленно. Было непонятно, в чём требовалась поддержка: то ли в средствах на памятник из чёрного гранита, то ли в грядущей установке памятника из мраморной крошки пока ещё здравствующему мужу старшей дочери.

— И вот ещё что,— добавила Кузнечикова.— На памятнике будут две фотографии.

— Кто же ещё? — осторожно поинтересовался сын.— Папа?

Изольда Петровна посмотрела на своего отпрыска с чувством глубокой жалости, как на тяжело больного.

— Нет,— вздохнула она.— Где находится могила вашего отца я не знаю и знать не хочу! Этот человек погубил мою молодость...

Собравшиеся уставились взглядами в скатерть, ожидая, что старуха по обыкновению начнёт вспоминать тяготы горькой жизни со сбежавшим и почившим вдали от семейства Кузнечиковым, но на этот раз она удержалась от воспоминаний.

— На памятнике буду я! — в полной тишине заявила Изольда Петровна.

Старшая дочь поперхнулась и закашлялась. Муж добросовестно и, кажется, не без удовольствия колотил её по спине. Первым пришёл в себя младший зять:

— Но, мама... э, Изольда Петровна, вы же это... живы... к счастью!

— Вот именно, жива,— глаза бесстрашной старухи молодо сверкнули из-под очков,— жива, и неизвестно ещё, кто...— она не договорила и посмотрела на старшего зятя.— Имею основания предполагать, что после моей смерти вы не поместите на памятник мою фотографию.

За столом произошло оживление.

— Да что вы!.. Как можно, мама?.. Почему?.. Да мы...

— Тихо! — от голоса Изольды Петровны в серванте вздрогнул хрусталь.— Могу я иметь своё мнение? Вам же некогда,— старуха опять посмотрела на старшего зятя,— дела фирмы и т.п. Это раз. Кроме того, я сама хочу выбрать портрет, а то у вас хватит ума дать моё фото в старости. Это два. И, наконец, надо же мне увидеть, как я буду выглядеть на граните и убедиться, что памятник установят правильно, чтобы он смотрелся с дороги? Это три. Возражений нет?

Возражений не было.

Через два месяца памятник привезли на кладбище. Два мужика с пропитыми лицами, рабочие мастерской «Каменный гость», по очереди крича «вира» и «майна», установили гранитную глыбу, не уступающую по тяжести истукану с острова Пасхи, рядом с могильным холмиком, на месте, где раньше стоял скромный сосновый крест с табличкой, извещавшей, что именно здесь покоится прах мамы Изольды Петровны.

Всё семейство присутствовало здесь. Сама Кузнечикова сидела на скамейке у могилы напротив и, пощипывая усы, наблюдала за установкой памятника. Наконец, всё было готово, и один из рабочих снял с лицевой стороны монумента защитную плёнку.

Все так и ахнули.

Гранитная плита размером 60х140 в вялых лучах осеннего солнца тускло отливала антрацитом. Сверху была помещена фотография почившей в Бозе мамы и бабушки, востроносенькой старушки в платке, завязанном под подбородком; сбоку, как положено, указаны фамилия, имя, отчество, даты жизни и смерти. Ниже — портрет цветущей дамы лет тридцати в легкомысленной шляпке с огромным бантом. Надпись же гласила, что это Кузнечикова Изольда Петровна, годы жизни 1930–20... Тут было оставлено место, чтобы поставить две цифры скорбного года, которому суждено было завершить земной путь этой чудо-женщины.

Минута молчания затянулась. Бедные родственники стояли, потупив взоры в землю. По земле бегали муравьи. Один из рабочих вдруг узнал в сидящей на скамейке старухе молодую даму с портрета на памятнике, потряс головой, потом вытянул к фотографии грязный палец и замычал что-то нечленораздельное. Другой покрутил пальцем у виска, пробормотал: «Ну, дают!» — и потащил товарища к машине.

Изольда Петровна, прищурившись, глядела на памятник.

— Что ж,— наконец вынесла она довольным голосом короткое резюме.— Неплохо.— затем указала на свою фотографию и добавила:— Эту заклеить. Пока.

ДВЕ ПТИЦЫ В СИНЕМ НЕБЕ

10 лет сижу за поджог озера.
Надпись на нарах. Бамлаг, Дуссе-Алинь

Плечо в плечо. Вот так мы бежим. Я и мой друг Колька. В общем, два Кольки, потому что и меня Колькой зовут.

И вот мы бежим и задыхаемся — сопка крутая, а снегу много, и ноги увязают в снегу. По такому снегу и не бежишь даже, а ползёшь, но мы-то бежим, мы всё равно бежим — так это называется.

А там внизу, за сопкой, где вдоль невидимой под снегом речушки распластались чёрные лагерные бараки, уже палят в небо вертухаи на вышках, и собаки захлёбываются лаем от радости погони. Далеко слыхать на морозе, будто совсем они рядом.

Дыши ровнее, Николай, береги силы!

Нам бы с тобой только на сопку подняться. И всё! Там ждёт Володька-якут с упряжкой собак. Упадём на санки, я и Колька, упадём, задохнувшись. Ничего, без воздуху немного пожить можно, а без свободы — нет! Упадём мы с другом моим Колькой в санки, собаки со снега встанут, а якут крикнет им: «Эй, эй!» И помчимся. Хрен догонят нас все легавые Бамлага. Так ли, Николай? Так! Они думают, мы на Ургал пойдём, но мы же не дураки, мы — на Сулук: иди, ищи-свищи в поле ветер!

Лысая сопка не такая крутая, как из распадка виделось. Крутая, конечно, но не настолько уж. Видали и покруче. Да, Коль? Силёнок у нас маловато, это так. Но не настолько уж. Ты, брат, не падай, а то вставать трудно. Держись за воздух. «Держись за воздух!» — так говорил мой отец, когда учил меня стоять на лыжах. Давно это было. В другой жизни.

Собака всё-таки быстрее человека бегает. Понятно, у неё четыре ноги. И кормят их не то, что нас. Всё ближе лают. Лайте, лайте, чтоб вы языки себе пооткусывали! Нам уже недалеко, Колька, держись! Вот и вырубка, где покойников хоронят — кладбище, вроде, хотя какое же это кладбище без крестов? Столбики с табличками, а на табличках — номера. Только наших номеров тут не будет. Ни моего, ни Колькиного!

За вырубкой — свобода. Ноги, как гири двухпудовые... Свобода! Слаще слова нет. Сколько мы мечтали о ней на нарах ночами, когда над распадком висят мохнатые от мороза звёзды, а за стенами барака воет — то ли ветер, то ли волк одинокий...

Поднимайся, Кольша, пойдём! Ну и что — ноги не бегут, они же ещё идут? Ну вот!

Человека лишить свободы нельзя. Он рождается свободным и свободным умирает. Так говорил отец Павел, земля ему пухом! Хотя какая земля и каким там пухом, когда его завалило скальным грунтом в тоннеле! Ну, тогда Царство Небесное, он в него верил.

Я согласен с батюшкой на все сто. Свободу у человека отнять нельзя, если он её отдавать не захочет. Как он тогда говорил?.. Даже Господь Бог на свободу человеческую не покушается. То Господь Бог. Люди на мою свободу покушались. Да только зря — жизнь могут забрать, свободу — хрен! Она всегда со мной была — и там, в ледяной тюрьме Мариинска, когда по нашим голым телам ползали вши, и тут, в лагере, на Дуссе-Алине, где мы рубили этот чёртов тоннель, по которому товарищ Сталин поведёт свой паровоз в светлое будущее!.. Туда, где в коммуне остановка.

Беги, брат, беги! Беги, не оглядывайся! Это не собаки, это пеньки от спиленных деревьев. Пускай шмаляют, им нас не достать. Вставай, кореш! Ну, что ты? Кровь? Пустяки, чуток царапнуло, не бери в голову. Сейчас я тебя подниму... Сейчас... Ах ты, сволочь глазастая! Это пчёлка, Коль, пчела меня ужалила!.. Хрен вам! Как ты, Кольша? Молодец! Вон уже и якут за деревьями, видишь? А я вижу. Держись за меня, дружище!

... Легко стало бежать. Это второе дыхание. Чуешь, Коль? Ну, мы как новенькие. Будто и не по земле бежишь, а над землёй... И сугробов нет. И не снег под ногами, гляди-ка, не снег, Коля, а одуванчики... Как у нас на Волге. А может, ромашки? Много ромашек... А небо всё ближе. Синее-синее. Нигде такого неба больше нет, только тут, на Дуссе-Алине. Ну, ещё, может быть, в раю. Там, оно конечно...

Крыло в крыло. Вот так мы летим. Я и мой друг Колька. Два Кольки, значит. Теперь им нас не достать. Потому что мы — птицы. Две птицы в синем-синем небе. Я вижу внизу вырубку-кладбище. На опушке сгрудились вертухаи, собаки так и рвутся с ремённых поводков. Что там? Вот суки! Володьку завалили, якута. Наглушняк, гады, прикладами забьют. Не впервой. И псам скормят. А это... у дерева?.. Два тела в чёрных телогрейках лежат на снегу, и снег вокруг — розовый. Неужели ещё кто-то

рванул из лагеря? Этим двоим не повезло, не то что нам с Колькой — их достала пуля-дура. Пуля, Николай, всегда дура. Что ж, на два столбика на вырубке прибавится.

Вперёд, Кольша, за перевал летим — на свободу!

КОНСУЛЬТАНТ

Нижегородские картинки

Нынче в магазинах (извиняюсь, в маркетах) не просто продавцы работают, а консультанты. У них на груди табличка такая пришпилена, по-современному, значит, бейдж, так на ней написано: продавец-консультант Георгий, или Тимофей. Это что означает? Это означает, как я понимаю, что они всё про то, что продаётся, знают досконально. Я даже в словарь заглянул, чтобы сомнения развеять. Да, точно: консультант — специалист, дающий консультацию, то есть грамотный совет. Здорово! Не то, что в прежние времена — лишь бы втюрить тебе чего-нибудь никем непокупаемое, теперь по-другому — разъяснят, что, как и почему. Одним словом, знатоки своего дела.

На самом же деле это не так. Сказать правду — враки всё это. Вот я недавно столкнулся с таким «знатоком». Хотите, расскажу? Пожалуйста. Оно даже и на пользу кому-нибудь окажется, всякое бывает.

В музыкальном магазине в тот день делать мне было совершенно нечего. Но я зашёл, чтобы спрятаться от дождя. Тут было тихо, пахло свежей краской. Повсюду сверкали лаком всевозможные музыкальные инструменты — от маракасов до синтезатора «Yamaha». Совсем другой мир. А то, помнится, в советскую эпоху... Ну да речь не о том.

Возле кассы скучали двое — девушка-кассир и внушительного вида продавец-консультант, в белой рубашке с бейджиком на кармане, похожий по этой причине на мормона. Только те больше худосочные, а этот был кровь с молоком. Оба не обратили на меня никакого внимания. И правильно, я даже потенциальным покупателем не был, а профи сразу таких чувствуют.

Вдоль стены были развешаны гитары, электрические и акустические — самых разных цветов и форм. Я к ним и направился, потому что гитара — инструмент демократический, три аккорда в ля-миноре всякий возьмёт, и я не исключение. А то подойдёшь, скажем, к ударной установке, красиво, конечно, но что на неё пялиться, если не знаешь даже, как чего правильно и назвать — барабаны и барабаны!

Все гитары были шестиструнные. Я колки пересчитал, не поленился. Три сверху, три снизу — шесть. Оно и понятно, нынче мало кто играет на семиструнке. Я играю.

Посмотрел я на инструменты, и тут бы мне и уйти, а я взял да и погладил обечайки у двух-трёх красавиц китайского производства. Детина с табличкой на груди очнулся и от скуки, видимо, обратился ко мне безнадёжным тоном:

— Вам помочь?

Чем он мне может помочь, я не представлял, но надо было что-то ответить. Из вежливости.

— Да вот хотел посмотреть семиструнную гитару, а у вас все — шестиструнные.

Кассирша по-прежнему смотрела в пространство, а продавец оживился. Он даже повернул в мою сторону стриженную ёжиком голову и уже без всякой вежливости, определив намётанным взглядом во мне дилетанта, произнёс назидательно:

— А как же! Других у нас и быть не может. Надо бы знать, что семиструнка — это изделие советской промышленности. Настоящая гитара — шестиструнная!

Такой поворот дела меня задел за живое.

— То есть, как? — опешил я, не находя слов в защиту любимой мной семиструнки.

— А так,— продолжил консультант.— Коммунисты придумали семь струн. А теперь нет ни коммунистов, нет и семиструнок.

Вот так номер! Дока-консультант говорил вполне серьёзно. Чего только ни приписывали бедным коммунистам, но изобретение семиструнной гитары — это было что-то новенькое!*

Мне стало смешно, но я не засмеялся. Посмотрел на бейдж для, так сказать, идентификации персоны. Там было чёрным по белому написано, что это продавец-консультант. Не грузчик. Не охранник. Тело знатока музыкальных инструментов оставалось неподвижным, но голова всё ещё была повёрнута в мою сторону, хотя во взгляде уже потерялся ко мне всякий интерес.

— А как же Михаил Высоцкий? — задал я резонный, но каверзный вопрос.**

— Кто? — консультант совсем запрезирал меня, как собеседника.— Высоцкого, между прочим, звали Владимиром.

Говорить больше было не о чем, и я поспешил выйти из магазина. Дождь хлынул на мою посрамлённую профессионалом голову, и в ней в результате этого возник афоризм бессмертного Козьмы Пруткова: «Если на клетке слона прочтёшь надпись «буйвол», не верь глазам своим».

Классика!

От редакции. **Владимиру Николаевичу Гофману — 60. В Набережных Челнах многие его помнят и ждут. Ждут как православного батюшку, как друга, как автора и активного члена редколлегии литературного журнала «Аргамак. Татарстан». Понимаем, что трудно оторваться от нижегородской купели (родина есть родина), но не забывай, отец Владимир, что и с нашим городом у тебя связана часть жизни, что в наших сердцах есть добрый след твоего духовного и душевного участия. Да и хочется, в конце концов, поднять бокал церковного кагора за твой юбилей! Поздравляем!**

---

* Первую русскую школу игры на семиструнной гитаре написал и издал в 1798 году в Петербурге Игнац Гельд, чех по происхождению, живший в России.

** Высоцкий (Высотский) Михаил Тимофеевич (ок. 1791–1837, Москва) — рус. гитарист, композитор и педагог. Род. в семье крепостного в подмосковном имении поэта М.М. Хераскова. С основами муз. грамоты и приёмами игры на 7-струнной гитаре его познакомил С.Н. Аксёнов. Получив ок. 1813 вольную, поселился в Москве, где вскоре завоевал популярность как виртуоз, композитор и педагог. По некоторым данным, у Высоцкого брал уроки игры на гитаре М.Ю. Лермонтов, посвятивший ему стихотворение «Звуки» (1830). Наряду с Аксёновым В. — крупнейший представитель моск. гитарной школы. Высоцкому принадлежат также фантазии, прелюдии, вариации, переложения для гитары пьес В.А. Моцарта, Л. Бетховена, и др. Незадолго до смерти Высоцкого была издана его небольшая «Практическая школа семиструнной гитары» (М., 1836).

САГИДАШ ЗУЛКАРНАЕВА

СВЕЧА НА СКВОЗНЯКЕ

* * *

Несмотря на то, что имя Сагидаш Зулкарнаевой пока неизвестно читателям России, можно сказать, что перед нами не только очень талантливая, но и зрелая поэтесса, много думавшая и много страдавшая женщина, которой выпала на долю непростая эпоха. Весной 2013 года, после заседания в Самарской областной писательской организации, поэт из Сызрани Александр Карякин подвёл ко мне её, симпатичную, худенькую, чем-то похожую на пугливую лань. Женщина была настолько скромная, что сама ко мне даже подойти постеснялась. Увы-увы, в литературе часто обладают скромностью совсем не те, кому следовало бы. А вот какой бездарь или графоман, ничтоже сумняшеся, подошли бы и начали зачитывать свои стишата, ничуть не сомневаясь, что создали шедевры…

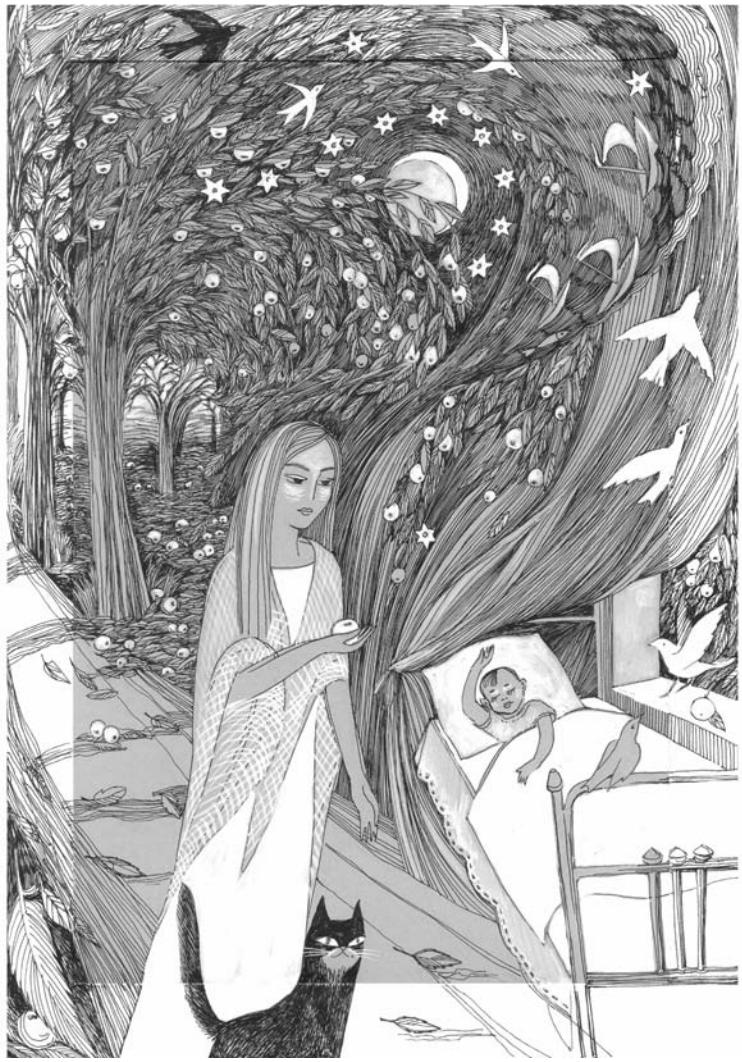
Биография Сагидаш Зулкарнаевой проста — родилась в 1968 году в Самарской области. Детство провела, можно сказать, в обнимку с природой — помогала маме пасти скот в степи, заниматься сельской нелёгкой работой, ездила на коне лучше заправского наездника… Отголоски степного вольного ветра много позже зазвучат в лирике поэтессы. Многие годы писала в стол, так как отдалённость проживания от областного центра, семейные дела не позволяли часто бывать в Самаре. Публикация в таком престижном российско-республиканском журнале, как «Аргамак», для Сагидаш Зулкарнаевой на сегодня будет практически самой статусной. И, надеюсь, не последней! Сагидаш рано вышла замуж, у неё крепкая семья: любящий муж и умница-дочка. Так что и тут она нетипичная поэтесса — никакой тебе сломленной женской судьбы, никаких богем, никакой череды мужей и брошенных поклонников. Один-единственный муж, один ребёнок, крепкая родная почва под ногами и — талантливые стихи…

Порой получаю от Сагидаш по электронке письма, от которых веет таким неподдельным почвенным-родным-сельским, что слёзы на глаза наворачиваются. После того, как обговорены какие-то творческие моменты, Сагидаш пишет мне: «Побежала доить корову». Да уж, она, талантливая поэтесса из глубинки, не может похвалиться, как иные литературные и окололитературные расфуфыренные «фифы» из больших городов, ни профессиональной коррекцией ногтей, ни стайлингом, ни педикюром… Она сама по себе — красивая от природы и обаятельная женщина. Зато она может похвалиться такими стихами, каких никогда не написать пресловутым «фифам». Впрочем, поскольку Сагидаш Зулкарнаева не по таланту скромна, она ничем не хвалится, и всегда внимательна к критике. Проживает Сагидаш Зулкарнаева в районе Самарской области с таким много говорящим названием — Больше-Глушицкий. Но если эта большая самарская глушь способна питать живительными творческими соками таких талантливых поэтов, как Сагидаш Зулкарнаева, то честь и хвала этой глуши.

Диана КАН

* * *

Выпив ночь из синей чашки, жду, когда нальют рассвет.
Тень в смирительной рубашке мой обкрадывает след.
Обернувшись тёплым пледом, обойду притихший сад.
Пахнет горько бабье лето неизбежностью утрат.
Звёзды светят маяками. Может, в небо за буйки?
Где цветные сны руками ловят божьи рыбаки.
И по лунам, как по рунам выйти в космос напрямик.
По дороге самой трудной, где полёт — последний миг…
Только в доме спит ребёнок. Захожу, скрипят полы.
Не скрипите: сон так тонок! В степь пойду, нарву полынь,
И травою горькой, дикой окурю себя и дом:
Блажь полёта, уходи-ка! Полечу потом, потом…



* * *

Я оденусь в шёлк июля,
Не зови меня — ушла.
Пусть молва летит, как пуля,
Зависть жалит, как пчела.
Над ручьём и над канавой,
Где скопился сельский сор,
Напрямик шагну я с правой —
Всем врагам наперекор,
Улыбнусь песочным сотам
Муравьиного вождя
И не стану старым зонтом
Заслоняться от дождя.
Прощевай, моя избушка,
Прощевай, моя земля...
Я свободна, как лягушка
В чёрном клюве журавля.

* * *

У бабы Мани всё, как встарь:
На кухне — книжкой календарь,
Портрет с прищуром Ильича
И борщ краснее кумача.
А во дворе кричит петух,
Слетает с неба белый пух.
Старушка хлеб в печи печёт,
И время мимо нас течёт.

* * *

Смотрите-ка, небо пробито –
Упало на крыши и лес.
И черпают люди в корыто
Несметные звёзды небес.
Лукавые бесы лакают
Луны просочившийся свет,
Один лишь прореху латает –
Непризнанный небом поэт.

* * *

Перерезав пуповину
Бесконечности сует,
Вдаль, где рыжие овины,
Ускользну на склоне лет.
Запустив ведро и веник
В самый синий водоём,
Обернусь не птицей Феникс,
А пугливым воробьём.
Ты меня в руках согреешь,
А наутро — лишь перо.
Несерьёзную жалеешь,
Мой задумчивый герой?
Но когда, как чашка оземь,
Разобьюсь, — пойдёт молва...
Ты скажи, мол, вышла в осень...
И сгорела, как листва.

* * *

На местах начальники правят вкривь и вкось,
На дорогах «чайники» едут на авось.
Депутаты праздные вешают лапшу,
Молодёжь отвязная курит анашу.
Где борец за истины, за права людей,
Где идальго истовый, бравый лицедей,
Чью отвагу песнями славили певцы?
Дон Кихот на пенсии «со́лит» огурцы.

* * *

Так Богом на земле заведено —
Бить больше слабых, чтоб сильнее стали.
Держись и помни: легче пасть на дно,
Чем подниматься по ножам из стали.
Неси свой крест, храни любовь и дом,
Когда-нибудь ты станешь в ряд прощённых.
Но всё равно не забывай о том,
Что крест — не плюс, два минуса скрещённых.

* * *

Вот и май. Туманом нежным
Занавесило село.
Заневестилась черешня,
И в саду белым бело!
На полях бороздки — цепью,
Трактора гудят вдали,
Пролетая по-над степью
Ветер гладит ковыли.
И, набравшись первой влаги,
Распустился первоцвет.
И трава из-под коряги
Выбивается на свет.

* * *

В моей деревне полный штиль,
Смотрю в окно — вся даль открыта:
Дорог степных седая пыль
Дождями в твердь земную вбита.

Там на ладонях берегов
Река уснула до морозов,
Набрав в карманы «матюгов»,
Гусей гоняет дед-Спиноза.

На нитку улицы дома
Нанизаны неплотным рядом.
А вот идёт — сойти с ума! –
Соседка в новеньком наряде.

Достану чашки и суфле,
От тёплого окна отлипну,
И, нарушая дефиле,
Модель села на чай окликну.

* * *

А кровь её — небесного состава,
И крылья есть, но только счастья нет.
Вчера она бежать за ним устала,
Пускай поспит, Ты не включай рассвет.
Вернуть его пытался дождь поддатый,
И даже лес пошёл наперерез…
Но он ушёл! Сломав замки и даты,
Наверно снова в ад к чертям полез.
Он там тусит под песни бедуина
И кличет ветер, стоя на краю,
И в коконе слепого кокаина
Он ловит кайф, зараза, мать твою…
И ей — представь? — вот этот демон нужен —
Больной, обросший, раненый — любой!
Когда луна клонируется в лужах,
Придёт он к ней, чтоб пить её любовь.
А завтра на ладонях мокрый ветер
Им принесёт апрельское тепло.
Я так хочу, чтоб ей на этом свете
Леталось… Слышишь?
Всем чертям назло!

* * *

Харуки Мураками, я к Вам письмо пишу!
На сердце тяжкий камень, который год ношу.
(Тут муж пошёл налево, но не об этом я,
Зато, как королева, — сама себе судья.)
На днях в Инете фото попалось ваше вдруг,
На нём грустны вы что-то, неведомый мой друг…
Вы любите картошку, баранинку с лучком?
А водку под окрошку не пили утречком?
Попробуйте — сшибает. Сама-то я не пью,
На Новый год, бывает, бокал «Suri de mu».
Харуки Мураками, мне Вас бы пригласить,
Своими пирогами с капустой угостить.
От Вас мне, видит Боже, не надо ничего,
Вы просто так похожи на папу моего.
… Он так любил картошку, баранину с лучком,
Ну да, и под окрошку…

* * *

Последний дождь отчаян –
По снегу мажет тушь.
От осени отчалив,
Нырну под снежный душ.
И по осколкам будней
Босой душой пройдусь,
Держась за солнца бубен,
Как Будды сын — индус.
Под Новый год остыну,
Впустив домой сквозняк,
И сразу с сердца схлынут
Тоска и депресняк.
Отмою душу в вёснах
И стану просто — я –
Наивной, несерьёзной,
Как юбка пёс-тра-я.

* * *

Не совпадаем мы с тобой,
Как разные миры.
Я — в гору шла, неся с собой
Весь груз. А ты — с горы.
И вот теперь, спустя года,
Я в ночь ушла. Ты — в свет.
И оказался — там, где — «да».
А я сошла на — «нет».

* * *

Напьюсь я всласть осенней сини,
Уйду в заречье через мост,

Где серебрит луна полыни
Под многоточьем синих звёзд.
И по песку, как по наитью,
Придут покой и благодать,
Чтоб я могла ковыльной нитью
На сердце рану залатать.

* * *

Когда играют на домбре,
Я вижу гладь степной равнины,
Где ходят кони на заре
И светят тонкие рябины.

Когда играют на домбре,
Я будто вижу через время,
Как дарит мне родное племя
Свой след в ковыльном серебре.

* * *

В родном краю милее облака,
И солнце ярче и теплей, чем где-то.
И нет светлее и святее света,
И нет целебней в мире родника.
Вот детства дом у берега реки,
В нём помню всё, до трещинки в пороге.
Глаза закрою — избы и дымки,
И до костей размытые дороги.
Но в этот край взволнованных степей,
Где облака наполнены, как чашки,
Зовёт меня залётный воробей,
И лепестки несорванной ромашки.

* * *

Всё не так и всё не эдак,
Все дороги по кривой.
Ты за юбками кокеток
Волочишься, чёрт с тобой!

Разобью в осколки будни,
От надежды отрекусь.
Стану снова безрассудной,
Под мальчишку подстригусь.

Не бывает чуда дважды,
После пирровых побед
Ты оглянешься однажды,
А меня с тобою нет.

* * *

Когда мой мир как лист бумаги скомкан,
И душу рвёт кинжальный ветер дней,
И скудость ждёт отточенным осколком
На алчущем паденья жертвы дне,
Так хочется повеситься, как месяц,
Задраить люк души, завыть, как бес,
Скатившись вниз по гулким рёбрам лестниц,
Упасть в ладони жаждущих небес,
Забыть все рамки, правила, законы,
Долги, пароли, мерки, этикет,
Сбежать из мира клеток и вагонов,
Машин, неона, пластика, ракет,
И кануть в непролазной, тихой чаще,
Где бродит по деревьям лунный кот,
И выгореть, как август уходящий,
И сдаться в плен всем армиям невзгод.
Когда ж душа надорвано умолкнет,
В бессилье крикну вновь себе: дыши,
Уеду в глушь — соломенной иголкой
Сшивать дыру надорванной души.

* * *

Всё в мире тленно. Все уйдём туда.
Кто раньше, кто потом — никто не вечен.
Осядет муть, и смоет след вода,
Путь у людей так скор и быстротечен.

И всё, что было, унесётся вдаль,
Другие вслед придут, и будет снова
Поступков, дел, страстей вариться сталь,
И круг вертеться, и рождаться слово.

* * *

Сдаёшься невзгодам метельным,
Как листьев увядшая рать.
Серебряный крестик нательный
Не пропуск в неведомый рай.
Живи не с пустыми глазами
Убитых морозом синиц.
Пусть маятник времени замер,
Нет пробных у жизни страниц.

Пусть время твоё так нелепо
Уплыло прогнившей доской.
Вода пахнет кровью и небом,
А воздух кислотной тоской…
И всё же, чтоб выстоять, в ракурс
Берёшь не окно — небеса.
И климат душевный на градус
Поднимется, вспыхнут глаза.
Глядишь: бесконечна дорога
И вечен рассветный пожар,
Пока на мизинце у Бога
Раскрученный вертится шар.

* * *

Как в чёрной речке нету дна,
Так и в тебе мне нет опоры.
Ты от меня уедешь скоро,
И я останусь вновь одна.
Не оглянувшись, ты назад
Уйдёшь, а я поставлю точку.
И поцелую тихо дочку
В твои прекрасные глаза.

* * *

Просто жить и не думать о смерти,
Просто верить всему вопреки.
Что дождей беспросветные плети
Унесутся с теченьем реки.
Просто помнить, что нам изначально
Бог даёт лишь на время весло.
Оттого так на сердце печально,
Оттого так на сердце светло.

* * *

В печке морозные плачут поленья,
Ходики мерно идут, не спеша.
Смотрит со стенки недремлющий Ленин,
Тихо ступает по дому Душа.

Кошка сыта и цветочки политы,
А на столе аппетитный пирог.
Двери Души для прохожих открыты,
Вот и Она поднялась на порог…

Дети приехали, печь разобрали,
Душу снесли на погост за село.
Кошка ушла, и цветы все пропали,
Ленин остался, ему повезло.

* * *

Вот он, венец терновый —
Соль от беды в горсти.
Мне бы успеть лишь Слово
В вечность произнести.
Бьюсь в этой сирой хатке
Жилкою у виска.
Бес ли железной хваткой
Держит меня в тисках…
Я по дорогам бывшим
Ездить одна боюсь.
Печкой давно остывшей
Душу не греет Русь.

* * *

Ты говоришь — нет слов, и хватаешь плётку,
Плётка из рук твоих вылетает пташкой.
Ты говоришь — волна, и садишься в лодку,
Лодка в руках твоих — голубая чашка.
Ты говоришь — тоска, выключаешь небо,
Руки твои луна жжёт огнём безжалостно.
Ты говоришь — пока, и летишь налево…
Хватит играть со мной, уходи, пожалуйста.

* * *

Я переменчива, словно над нами небо.
Ты постоянен, будто земля святая.
Ловишь, как рыбку, в синь запуская невод,
Я уплываю, в облаке синем тая.
Пусть осуждают, не отрекусь от чувства,
В чёрной речушке сплетни людские канут.
Вместе сольёмся — холод с горячим буйством,
Крепкой настойкой ночи бродя в стакане.

* * *

Не спится злому сатане —
В дороге путая, сбивает.
Не потеряться бы в стране,
Которая себя теряет.

Она свечой на сквозняке
Стоит на новом перепутье.

Того гляди от зла и мути
Сорвётся в чёрное пике.

* * *

Сегодня, завтра, через месяц,
Когда-нибудь, как стает снег,
Сорвусь по чёрным нотам лестниц,
Чтоб вновь упасть в двадцатый век.

Открою дверь, закрою снова,
Скелет увидев от страны.
Вернусь и сдам ключи былого
С осадком собственной вины.

И что теперь кричать без толку —
Ушла на дно моя страна,
Когда её делили волки,
А я смотрела из окна.

* * *

Я еду, еду к милой маме.
Я знаю, ждёт она меня,
С утра воюя с пирогами
И печку старую кляня.
И пусть мороз сегодня страшен,
Аж снег от холода визжит,
Через лесок, вдоль белых пашен,
Дорога к мамочке бежит.
И без пальто, лишь шаль на плечи
Накинув, через всё село
Пойдёт она ко мне навстречу
И примет дочку под крыло.

МИХАИЛ ЧВАНОВ

Серебристые облака

Окончание. Начало в № 2(15)

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Старец Амвросий Оптинский: «Господь только тогда прекращает жизнь человека, когда видит его готовым к переходу в Вечность или же когда не видит никакой надежды на его исправление».

Это изречение очень любят повторять священники.

У меня это вызывает невольную усмешку: получается, что, если хочешь подольше побыть на этом свете, нельзя быть уж совсем откровенной сволочью, и в то же время не надо стремиться, а наоборот даже надо остерегаться попасть в праведники, надо быть где-нибудь посередине...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

На даче зимней метельной ночью, мучаясь от бессонницы, стал рыться на книжных полках, но не хотелось читать ничего серьёзного. Так я перебирал книгу за книгой и наткнулся на книгу И. Халифмана «Шмели и термиты», вышедшую в уже незапамятные времена в издательстве «Детская литература». Во время строительства садового дома я с интересом перечёл раздел «Шмели». Эти удивительные, любимые мной с детства, пушистые, ласковые создания сразу же обжили только ещё достроенный нами

дом, чем-то понравился он им. По осени они забирались зимовать в его щели, а по весне, просыпаясь и обманувшись печным теплом и электрическим светом, выбирались не на улицу, а по только им ведомым щелям внутрь дома. Убедившись, что обманулись, они, стремясь на волю, начинали, недоумённо и недовольно гудя, биться в оконные стёкла, я осторожно брал их носовым платком или полотенцем, на что они сердито, но не обречённо гудели, видимо, были уверены, что я не нанесу им вреда, и, открыв форточку, я отпускал их на волю, а они, улетая, благодарно, так мне казалось, басили.

Помню, перелистал я тогда и раздел о термитах, но так как в наших краях термиты вроде бы не водились, читать не стал. Теперь же, неожиданно для себя, пропустив раздел о шмелях, я стал читать раздел о термитах и, не отрываясь даже на ужин, прочёл до конца. Я прочёл его как бы применительно к человеческому смыслу жизни, как и к смыслу жизни вообще на Земле. Мы эгоистично думаем, что мы единственные разумные на планете, и, уж точно,— главные. Всё остальное существует лишь относительно к нам. А рядом с нами, оказывается, существуют другие цивилизации, например, цивилизация термитов, как, впрочем, и цивилизация муравьёв, на которых мы не обращаем внимания, уклад общества у которых, может, совершеннее, или, говоря человеческим языком, человечнее, чем у нас. А может, и они на нас не обращают особого внимания, определив для себя нас, как мы для себя их, своего рода муравьями: существуют и пусть существуют?

Ну, ладно, существуют если не цивилизации, то сообщества пчёл, шмелей. Не трудно обозначить их необходимость, полезность человеку, они собирают мёд, опыляют растения. А зачем Бог создал цивилизацию термитов? Оказывается, рядом с человеческими городами существуют города-термитники, большинство из которых, если можно так сказать, основаны раньше самых древних человеческих городов — некоторые города-термитники существуют пять и более тысяч лет. Мало того, по всему, термиты появились на Земле раньше человека. А большинство из нас даже не подозревает о существующей рядом с нами иной цивилизации: ну торчат и торчат из земли эти нелепые, на первый взгляд, мёртвые, никем не обитаемые сооружения, иногда на их поверхности появляются какие-то насекомые, а на самом деле внутри них тысячелетиями течёт строго упорядоченная, по-своему осмысленная жизнь, только обитатели этих странных сооружений принципиально отгородились от солнечного света, хоть опосредованно и питаются им, живут в вечном мраке, а может, отгородились и от нас. Учёные многих стран в разные века старались разгадать загадку термитов. В результате даже появилась целая наука — термитология, которая за сотню лет существования главного о термитах так и не смогла сказать.

Термиты, появившиеся на Земле раньше человека, в отличие от людей, не воюют между собой, но зато воют с муравьями, которые появились на Земле позже на несколько миллионов лет.

У термитов, как у людей, существуют расы, своего рода народы. Зачем?..

Никто из учёных не смог объяснить странного самоубийственного роения термитов, во время которого они, панически боящиеся солнечно света и всю жизнь живущие в абсолютном мраке, как бы в другой Вселенной, вдруг, на человеческий взгляд, безрассудно вылетают навстречу верной смерти на белый свет:

«Всё в термитнике круглый год с весны до осени живёт по строгому порядку, но только не в тот выдающийся день и час его жизни, только не в те минуты, когда накопившиеся в термитнике скрытые силы вырываются из мрака на свет. В определённое время года (не только у разных видов термитов по-своему, но и у каждого вида в разных местностях не одинаково), чаще после первого обильного тёплого дождя, строго

размеренный ход жизни термитника начинает давать перебои. У одних термитов это происходит обычно на рассвете, у других — в полдень, у третьих — к вечеру.

Вдруг нарушается привычное беспрерывное движение термитных цепей, вырывает из них взрослых рабочих и солдат. Сначала поодиночке, потом массами они стягиваются вверху и сосредотачиваются в обычно полупустых верхних этажах, ближе к покрывающей термитник сплошной кровле.

Всё идёт здесь сейчас не так, как обычно.

Термиты-рабочие сами принимаются вскрывать ходы, ведущие из крепостных темниц гнезда на волю. В нескольких местах по крупинке изнутри выщипывается укрытие купола. Рабочие прогрызают в нём узкие, но шире, чем на одного, двух термитов, отверстия. И едва они проделаны, в них вырастают тёмные головы солдат, принявших пост охраны.

Пока рабочие изнутри пробивали ими же раньше так старательно строившийся купол, в тесные камеры и ёмкие залы верхней части гнезда постепенно собираются массы термитов, поднимающихся из более глубоких отсеков подземного лабиринта.

Ещё совсем недавно каждое крылатое всячески избегало света и воздуха, проникающего с поверхности земли. Во вскрытых извне термитниках они первыми поспешно убегали в нижние горизонты гнёзда или поглубже забивались головами в тёмные тупики камер. Сейчас же свет и свежий воздух нисколько не страшат крылатых, наоборот,— зовут, привлекают ещё настойчивее. Зовут в ослепительно сверкающий бездонный голубой небосвод. Тысячи и тысячи рабочих и солдат готовятся проводить их в первую и последнюю вылазку во внешний мир.

И вот многочисленные выходы готовы, охрана покидает свои посты, в одно мгновение взбудораженная масса крылатых вперемешку с бескрылыми солдатами и рабочими выливается наружу, разбегается, снуёт, мечется. Покрывает кровлю термитника.

Масса бескрылых и крылатых термитов продолжает выплёскиваться из гнёзда. Трепещущиеся насекомые расползаются по куполу. Взбираются на любое возвышение, на стебельки травинок, стремясь подняться повыше над землёй, в тесных недрах которой они безвыходно жили до той освящённой солнцем минуты.

Ни один термит не прячется сейчас ни от одной из тех смертельных опасностей, которые ежесекундно подстерегают его.

И в воздухе, и на поверхности земли вокруг роящихся термитников неспокойно: сюда отовсюду сползлись, сбежались, слетелись птицы, грызуны, черепахи, ящерицы, ежи, пауки, тысяченожки, сверчки, скорпионы, муравьи, осы... Если роятся термитники, расположенные вблизи водоёмов, то у берегов появляются целые стаи рыб. На опушках зарослей и лесов собираются шакалы, обезьяны, куницы... За окраинами селений без устали клюют термитов куры, до отвала наедаются ими коты и собаки. В эти часы извечные враги, как бы заключив между собой перемирие, не обращают внимания друг на друга, мирно пасутся бок и бок и вместе с другими хватают, пожирают неистощимо богатую и ставшую совершенно беззащитной на поверхности добычу.

Кто-то из этих миллионов вылетевших из термитника, из вечного мрака, из закупоренной наглухо капсулы остаётся в живых, но вход в термитник уже снова наглухо закрыт, и им не попасть туда обратно. Из оставшихся в живых находят друг друга два совершенных насекомых, сбросивших длинные крылья, два имаго — молодые самка и самец, они становятся друг против друга, головой к голове. Время от времени обмениваясь короткими прикосновениями усиков, они роют под собой землю, взрыхляя

её жвалами. Лапками насекомые отбрасывают от себя мельчайшие крупинки почвы и пыль...

Не только на следующий год, но и через два, три, четыре года ничто не выдаст присутствия термитов в их новом подземном убежище. Оно всё ещё незаметно извне. Зарывшиеся на глубину нескольких сантиметров основатели нового гнёзда, основатели нового термитного города теперь уже не одиноки. Их окружают первые десятки небольших по размеру термитов-рабочих, которые продолжают расширять гнездо, окружая зародышевую камеру новыми нишами и ячейками.

Гнездо разрастается пока всё больше вширь, отчасти вниз, а верх — еле-еле, так что оно по-прежнему нигде не поднимается выше уровня почвы. Не раз успевают смениться времена года. А обитатели маленьких зародышевых камер, скрытно живущие на глубине не более мизинца, всё ещё не выдают своего присутствия...

Вот уже больше ста лет мимо термитников в Австралии идут поезда. Люди смотрят на них в окно, большинство не догадывается, что рядом, под этими странными сооружениями, прячется от солнечного света другая, игнорирующая человеческую, таинственная цивилизация. Пока человек не трогает её, она не трогает его, но стоит даже случайно задеть её владения, она рано или поздно отомстит человеку... Специалисты, исследуя обстоятельства землетрясения в Ашхабаде в ночь с 5 на 6 октября 1948 года, пришли к выводу, что его последствия были бы не таким страшными, если бы дома не были подточены термитами. Внешне это было совсем незаметно. Город был подготовлен к катастрофе той болезнью строений, которую французы называли «термитозом». Рисуя бедствия, обрушившиеся в 1875 году на остров Св. Елены, некто Д. С. Меллис писал: «Уничтоженный термитами город Джемстаун выглядел как город, разрушенный землетрясением».

У народов тропической Америки и Центральной Африки сохранились верования и обычаи, поддерживающие в людях страх перед обитателями термитников, убеждающие в безрассудности, бесполезности и опасности борьбы с этими коварными созданиями: «Термиты находят обидчика даже под землёй, а если его не найдут, то накажут родных и близких».

Термиты действуют скрытно. Скрытно, но безудержно и неотвратимо. Неслучайно в странах Южной Америки старинные столбы на дорожных перекрёстках и сегодня ещё взывают к небу высеченными на каменных плитах словами молитвы, короткой, как крик души:

Боже, спаси нас от молнии!

Боже, спаси нас от землетрясения!

Боже, спаси нас от мучительной смерти!

Боже, спаси нас от термитов!

Я закрываю книгу. За тёмным окном метёт метель, постукивая ставней. Вспоминаю, что каждое лето стропила моего дома точит жук-древоточец — в своё время соблазнился, купил по дешёвке осиновые брёвна. Я вот уже больше двадцати лет безуспешно борюсь с ним. Эта мысль отвлекает меня от мыслей о цивилизации термитов, но я всё равно не могу заснуть...

Адам и Ева, вкусив плод с запретного древа познания, тем самым, может быть, уже тогда положили начало самоуничтожению человека. Мы продолжаем вкушать с запретного древа познания и шаг за шагом неотвратимо идём по пути самоуничтожения всё ближе к всеобщему концу: в этом ряду химическое, биологическое, ядерное, психотронное оружие, клонирование человека, манипулирование человеческим сознанием... Да, продолжая вкушать с запретного древа познания, мало что ещё мы можем придумать, что может стать нашим последним шагом. Развитие науки (в каком

греховном нравственном поле она с самого начала существует) на самом деле не что иное, как ежедневное срывание запретных плодов с дерева познания. Совершив однажды этот грех, мы продолжаем и продолжаем совершать его, пока однажды, может быть, даже не успев осознать этого, враз не самоуничтожимся.

Вот уж действительно получится, что мы временные на Земле, как и вообще временные у Бога. А цивилизация термитов останется, если мы её не уничтожим вместе с собой. Будет ли она по-прежнему выяснять свои отношения с цивилизацией муравьёв? Или они сумеют между собой поделить планету? А мы пришли и ушли, оставив после себя горы ядовитого мусора и превратив Землю в сплошной археологический памятник (для инопланетян?), как неудачный эксперимент Божий? Или ещё чей?

Зачем я в реквиеме о тебе — о термитах?

Сам не знаю. Попала под руки книжка.

Но может мне кто-то объяснить, какой о термитах был замысел у Бога, поселившего их на планете раньше человека?

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Когда ты уже была безнадёжна и когда мы из ракового центра в очередной раз проезжали мимо дома на бывшей Бекетовской, где прожили большую часть нашей совместной жизни (а я почему-то всегда упорно ехал этой улицей, только в самый последний момент спохватываясь, что снова и снова возвращаю тебя к воспоминаниям), ты молча смотрела на когда-то застеклённый мною балкон. На зиму я пристраивал на него какую-нибудь большую ветку, на которую привязывал пучки рябины и калины, а ниже пристраивал кормушку, в которую насыпал хлебные крошки и семечки. С приходом настоящих холодов на деревцо собиралось множество самых разных птиц: синиц, снегирей, свиристелей, разумеется, воробьёв, особенно птицы смотрелись в морозную ясную пору, и люди, идущие внизу, невольно поднимали головы и улыбались...

Теперь уже на чужом для нас балконе сушились детские вещи, но кормушку для птиц они оставили, даже не перевесили на другое место, и я весь сжимался от мысли, что сейчас происходит в твоей душе. Здесь мы были относительно счастливы. Здесь мы были несчастны, но почему-то никак не могли расстаться. Здесь мы совершили свои главные ошибки. Здесь прошла вся наша с тобой жизнь. Сейчас бывшую Бекетовскую переименовали в очередной раз. Это уже не наша с тобой улица. Рядом с нашим нынешним домом незадолго до твоего ухода загородили забором старый дом, обречённый на слом. Ты жалела не столько дом, сколько ель, которая когда-то кем-то была заботливо посажена у подъезда, и которая теперь была обречена на вырубку. Она, как и ты, доживала последние дни.

Ель срубили ночью, ещё при тебе...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

В очередной раз приехали с твоей сестрой на кладбище.

Когда я вернулся от колонки с ведром воды, чтобы полить цветы, сестра, закончившая прибирать могилку, не смогла сдержать слёз:

— Сколько воспоминаний, но одно не даёт покоя: уже в гробу у неё по щеке вдруг побежала слеза... Боже, как она не хотела умирать!..

Боже, как ты не хотела уходить из этого мира, когда поняла, как нужно было жить!

Снова и снова я вспоминаю, как ты была прекрасна в гробу, с лица ушли все следы страдания, оно было покойно и светло, ты была моложе, по крайней мере, лет на двадцать, казалось, вот-вот откроешь глаза и улыбнёшься. О твоей необыкновенной красоте говорили и врачи-паталогоанатомы, подрабатывающие в похоронном бюро на бальзамировании умерших... Сделав своё дело, они какое-то время заворожённо смотрели на тебя и говорили между собой шёпотом, словно боясь тебя разбудить. Твоё прекрасное лицо без тени страданий, может, более всего говорило о существовании иного мира, оно было так покойно и светло, словно ты наконец нашла то, что всю жизнь искала.

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Через три года после твоего ухода — в твой день рождения! — неожиданно пришёл приблудный пёс Рыжик, которого мы давно считали погибшим или умершим от старости. Было это так: утром, ещё в темноте, на кого-то заворчал Дружок. Я открыл дверь, мимо меня с писком прорвался на веранду, а потом в дом с грязными лапами Рыжик, пробежал в кабинет к топчану за печью, на котором мы с тобой раньше спали, но тебя там не было, жалобно заскулил и, опустив голову и прихрамывая, побрёл на кухню, где, свернувшись в комок, привычно лёг за печкой. Утром поел, поскулил, поскулил, потыкался из угла в угол, то и дело заглядывая на топчан. Всё так же поскуливая, послонялся по участку и незаметно ушёл...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Под Новый год уволился сторож Игорь. Он заранее готовился к этому. Осенью куда-то увёз свою собаку, якобы в ветеринарную клинику. Уходя, он даже не предупредил меня, хотя мы с ним вроде дружили. Я только через полмесяца узнал, что Дружок и Динка остались беспризорными. Дружок ещё ладно, он будет ходить в соседний дачный кооператив, он там дружит с кем-то из сторожей или жителей. А вот полудикая собака Динка, оставленная твоей любимой собакой Динкой мне в угрызение совести, никуда не отходит от дома. Прячется от всех, но никуда не отходит. Потому, отказавшись от предложения друзей вместе отметить Новый год, в последний день старого года, несмотря на буран, еду в сад.

Новый год в обществе брошенных собак, в отсутствии электричества: всю предновогоднюю ночь завывал, метался буран и, видимо, где-то порвал электрический провод.

И всю зиму в любую погоду каждую субботу я вынужден ехать в сад: в деревне оставляю машину, встаю на лыжи и иду кормить собак.

Динка по-прежнему не даётся даже погладить. Но, когда я ухожу, какое-то время на расстоянии идёт за мной, а потом ещё долго смотрит мне вслед, в то время как наевшийся до отвала Дружок преспокойно дрыхнет под верандой.

Ты в образе полудикой собаки Динки так и не отпускаешь меня. Большинство знакомых, знающих о Динке, сочувствуют мне, спрашивают о ней, даже собирают для неё с Дружком кости.

Однажды я чуть не женился. Это было в другом городе. Я гостил у этой женщины. Пришёл день, и я сказал:

— Мне нужно ехать, я уже десять дней не был на даче. У меня там собаки голодные.

— А что с ними случится?! — равнодушно сказала она.— Собаки живучие.

Это меня остановило.

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Никогда мне не освободиться от памяти о тебе и от всего, что связано с тобой. Снова и снова пытаюсь осмыслить твою клиническую смерть за десять лет до истинной, необратимой, когда наша поздняя попытка родить ребёнка окончилась выкидышем. Что это: Бог тогда хотел тебя взять к себе, но потом посчитал, что ты ещё духовно не созрела для той жизни, что ты ещё должна помучиться на Земле, осознавая свои грехи? Вот как вычитал я в церковных книжках: «Иногда, по неведомому Промыслу Божию, человеку даётся возможность пройти «сень смертную» и на время вернуться назад, в мир живых. Таким образом Господь помогает душе в деле нравственного самосознания и самоопределения, зная, что такой урок будет духовно полезен человеку, который оценит эту милость Божию и дальше будет жить по Его заповедям и воле, заботясь о внутреннем очищении».

Мне остаётся жить надеждой, что после всех твоих земных страданий, многим из которых я виной, тебе там хорошо. И если, забирая к себе, Бог не отбирает у нас память о земном, я знаю, ты всё равно тоскуешь о нашем саде, о наших собаках, о деревьях, посаженных тобой, о щемящих земных горизонтах, которые, может, как раз и зовут в мир иной, о том дне 19 октября 1994 года — необыкновенном, печально-торжественном, казавшимся нам неземным, а на самом деле самым земным на свете. Как светилась тогда, полыхая золотом и багрянцем, наша роща!.. Может, и ты вспоминаешь обо мне...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Может, нужно было тебе дать прочесть книгу «Жизнь после смерти»? Другие подобные книги. Сейчас вот думаю: как ты отнеслась бы к этому? Мы с тобой старались вообще избегать разговоров о смерти, даже в последние дни, словно этим могли обмануть её. И я, читая тайком подобные книжки, прятал от тебя. А может, на том свете всё совсем не так, как в этих книжках, и встреча с загробной действительностью после них стала бы горьким ударом?

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Только сейчас, по прошествии времени, я осознал, что после клинической смерти ты стала другой, а я этого в суете жизни не заметил. Прежде всего, изменилось отношение ко мне. Оно стало вроде отношения матери к не очень удачному, уже взрослому ребёнку, воспитание которого безнадёжно упущено, и надо воспринимать его таким, какой он есть. Ты не то чтобы простила все мои грехи, а стала смотреть на них иначе, с чувством, что уже ничего нельзя изменить. Я с опозданием понял, что ты тогда не совсем вернулась с того света и на этом жила уже с памятью смертной, которая тебя вроде бы должна примирить с будущей смертью, а ты, наоборот, ещё больше

хотела жить. Но жить, пусть с запозданием, в согласии с собой и со всеми. Твоим единственным миром стал наш сад и наши собаки, которые заменяли тебе детей. Ты не раз с горечью повторяла, что по молодой дурости выбрала не ту профессию, что тебе нужно было стать ветеринарным врачом, так как животные, в отличие от людей, ни в чём не виноваты.

Я только сейчас многое стал понимать.

Но зачем мне сейчас это понимание, которое приносит только запоздалую боль?

А может, как раз смысл в этой боли? Может, это тоже своего рода подготовка к другой жизни? Может, поэтому Господь ещё держит меня на этом свете?..

МЫСЛИ ВСЛУХ...

А всё-таки: надо ли человеку постоянно напоминать, что он смертный?

Не всякому это по силам — постоянно жить с этим чувством. Для одних это, как утверждают, благодатная память смертная, ограждающая от грехов. Других же (и их, возможно, большинство), маловерующих или вообще неверующих, это прижимает к земле, понуждает или потакает торопиться жить, наоборот, разрешает совершать грехи, в том числе самые смертные...

МЫСЛИ ВСЛУХ...

Церкви — представительства, почтовые станции того света на Земле. В них через священников, какими бы они ни были, или напрямую люди общаются с Богом. Раковые центры — тоже своего рода представительства, почтовые станции того света на Земле...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Включаю телевизор: передача о переселении душ. Люди видят себя в прошлой жизни, даже на других планетах. И некоторые случаи, примеры настолько убедительны, что не знаешь, во что верить. Когда, например, душа — или что иное? — девочки, погибшей в России, вдруг вселяется в тело девочки, пережившей клиническую смерть в Казахстане. Придя в себя, она не узнаёт своих родителей, зато признала за своих родителей и родственников девочки, погибшей за тысячи километров от её дома в России. И теперь живёт то там, то здесь — на два дома.

Это противоречит основам веры в Иисуса Христа, принимаемого нами за единственную и вечную истину, но это — действительный факт.

МЫСЛИ ВСЛУХ...

Люди, как бы опомнившись и в какой-то мере освободившись от разрушительной большевистской химеры, начали искать свои земные корни, составлять родословные. А зачем искать то, что ушло в неведомые века, если мы всего-навсего временные на Земле? Значит, мы подспудно знаем, что на неё когда-то вернёмся? Значит, для чего-то или для кого-то это нужно, разумеется, прежде всего, для нас самих,— в том

случае, что мы не временные на Земле, — да не прервётся связь времён, да протянется род из века в век!

Но, в то же время, по какой-то причине, порой, нам кажется, не зависящей от нас, прерывается не только род, но и жизнь целого народа, даже целой цивилизации, да так, что о существовании её даже не подозревают или только смутно догадываются потомки. Будто произошла непредвиденная утечка информации... Сгорают, например, в пожарах древние библиотеки, где хранились сведения об этой цивилизации, словно кто-то специально стирает память о ней для потомков, как, например, случилось с легендарной Атлантидой. Может, могущественная и процветающая с виду, она погрязла в таких грехах, в таких нравственных неизлечимых болезнях, которые, подобно чуме, передались бы потомкам? Но так как уже ничего невозможно было исправить, легче было её уничтожить целиком страшным землетрясением, извержением вулкана или чем-то подобным; сделать всё возможное, чтобы о существовании её в будущем никто не догадывался.

Мы, русские, в большинстве своём не знаем, не помним своих корней, словно это нам не надо, словно мы действительно временные на Земле. Например, в отличие от татар, с которыми уже много веков живём не просто рядом или даже вместе, но и повязаны одной судьбой. Они, в отличие от нас, как правило, независимо от сословности, помнят своих предков до седьмого колена, а многие и того дальше.

Мы же до последнего времени, в большинстве своём бывшие крестьянами (и до тех пор мы останемся русским народом, пока его основой будут крестьяне), преимущественно беспамятны, никогда не вели родословных, в лучшем случае помнили лишь прадедов. Может, это не случайно? Как и неслучайно заброшены наши кладбища? Это доказательство нашей ущербности? Или лишнее доказательство того, что как народ мы — не от мира сего и острее других, бессознательно, на генетическом уровне чувствуем, что мы временные на Земле и потому так равнодушны к своей земной судьбе? Но почему же тогда наши предки, по природе и сути своей будучи земледельцами, то есть всем своим существом наиболее привязанными к Земле, определили себя народом Христа — крестьянами? Но крестьянин — не просто земледелец, исповедующий Христа, но и добровольно разделивший, несущий вместе с ним его крест. Понятия христианин и крестьянин до последнего времени на Руси были синонимами. Случайно ли это? Русский народ чувствовал себя одновременно народом этого и того мира. Может ли такой народ быть временным на Земле? Зачем же нас так упорно зовут с Земли, соблазняя нас раем вне Земли?..

Но, может, в том и трагедия русского народа, что он, определив себя народом Христа, по-прежнему беспредельно привязан к Земле, а это противоречит замыслу Всевышнего?..

Спохватившись, уже будучи с седой бородой, я с трудом проследил свою крестьянскую родословную по отцу до начала девятнадцатого века. Мои предки, пригнанные откуда-то из центральной России на южно-уральский Симский горный завод в качестве чернорабочих крестьян, в ревизских сказках начала девятнадцатого века назывались уже по фамилии, когда все другие однодеревенцы именовались ещё по принципу Иван сын Петра. Вроде бы за моими предками не числилось, по крайней мере, мне неизвестно, никаких страшных или особых грехов. И во власть никто не лез, правда, дед, будучи кузнецом, по своей грамотности по совместительству ходил в волостных писарях. Никто не вступал даже под нажимом ни в какие партии, тем более в большевики, никто не раскулачивал, наоборот, были в раскулаченных, все, кого знаю, всегда были ниже травы, тише воды, но Господь почему-то решил прекратить наш род.

У моих сестры и брата — только дочери. В юности один умер, второй погиб, разбившись на мотоцикле, два моих двоюродных брата, не оставив после себя никого, у двух других — тоже только дочери.

Я прервал тянущийся из века в век род. Может, так по неведомой мне причине решил Всевышний?

Мне это не даёт покоя...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Вспоминаю...

Оберегал тебя как ребёнка от всяких неприятностей и, видимо, делал это неуклюже. Ты узнала о моей операции по поводу остеомиелита правой голени только на третий или четвёртый день после операции, когда из реанимации меня уже перевели в палату. Отправляясь в дальние экспедиции, с которыми заведомо не было никакой связи, я оставлял на последней почте деньги, чтобы тебе время от времени от моего имени посылали телеграммы, что у меня всё в порядке. Потом ты узнавала или догадывалась об этом и начинала думать, что у меня есть от тебя какие-то тайны.

Получалось, что я всё это делал во вред себе.

ВСПОМИНАЮ...

Когда мы одно время жили каждый сам по себе (и ещё не в разводе, и как бы уже договорившиеся о нём) казалось, нас удерживала лишь общая квартира (сколько несчастных семей удерживал и удерживает этот проклятый для России вопрос), однажды вечером ты как бы между прочим сказала мне:

— Мне предлагают выйти замуж...

Я молчал. Я знал, что у тебя есть поклонники, в том числе статный милицейский полковник, который откуда-то знал, что мы с тобой живём не в ладу, и который однажды на улице пытался заговорить со мной на эту тему, но я отмахнулся от него: «Почему я должен решать, пусть она решает».

— Что мне делать? — спросила ты.

— Решай сама.

— А ты что скажешь?

— Решай сама,— ушёл я от прямого ответа.

Порой мне хотелось, чтобы ты ушла. Порой мне самому хотелось уйти от тебя, но я выжидал, чтобы это решение приняла ты, ибо причину наших разногласий я видел только в тебе. А сейчас порой думаю: может, не нужно было тебя тогда удерживать? Может, ушла бы ты к другим берегам, была бы счастлива? И были бы у тебя дети, внуки... Может, и у меня теперь были бы и дети, и внуки. Может, мой большой грех, что я тебя тогда удержал, неспособный дать тебе счастье? И может, не заболела бы ты этой страшной болезнью, ибо не было бы у тебя смертного греха перед Богом, от которого я тебя тогда не только не удержал, более того, как я теперь запоздало понимаю, свой грех переложил на тебя?...

Однажды, измученная страшными болями и уже не в силах бороться с раздражительностью, ты в сердцах бросила мне в глаза: «Ты лишил меня материнства». У меня чуть удержалось на языке, чтобы не сказать в ответ, что ты лишила меня отцовства и обрекаешь на одиночество, но я промолчал.

Господи, я знаю, что не имею права даже просить у тебя прощения!

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Умер от рака Г., второй человек в администрации губернатора. Мне приходилось обращаться к нему с некоторыми вопросами, по возможности он всегда старался помочь. Не помогли ему ни ЦКБ в Москве, ни дорогостоящие лекарства, ни знаменитые немецкие онкологические центры. Не знаю, когда в нём поселился рак, но за два года до этого в авиационной катастрофе над Баденским озером вместе с семьёй Калоева у него погибла дочь, и говорили, что рак в нём поселился, возможно, в результате нервного потрясения. Всего месяц назад мы встретились с ним и обнялись в ночном аэропорту: я возвращался из Москвы, а он встречал прилетевшую этим же рейсом старшую дочь-студентку. Ничто не говорило о том, что жить ему осталось всего месяц...

Рак!

Что это за болезнь? Было время, ещё в начале XX века, когда врач за всю свою медицинскую практику мог ни разу не встретиться с раком. Сейчас же ежегодно в мире от рака умирает около 5 миллионов человек при одновременном выявлении до 9 миллионов новых случаев заболевания. И с каждым годом эти цифры растут чуть ли не в геометрической прогрессии. И, главное,— катастрофически растёт детская заболеваемость раком.

Каковы природа, причина рака? Стресс, как, может, в случае с Г.? Канцерогены? Вирусы? Чей-то (если кто наблюдает за нами со стороны, в случае, если мы для него подопытные кролики) способ борьбы с перенаселением планеты? В чём смысл неизлечимости рака, длительности, мучительности умирания?

Раком заболевают грешники, чьи души не поддаются никаким другим способам совершенствования, подготовки нас к иной жизни? В зависимости от степени греха и закостенелости души они одариваются разными видами рака: одним для подготовки к иному миру хватает месяца, а некоторым — многие годы? Может, раком заболевают также люди, которые настолько сильно привязаны к Земле, что, в случае внезапной смерти или смерти по старости, могут оказаться совершенно неподготовленными к иной жизни, без осознания её, без покаяния, а покаяние возможно только на Земле? И потому человек перед уходом с неё так мучается, что Бог из милости даёт ему возможность осознать свои грехи и покаяться, чтобы ему было легче там?

Человек при раке высыхает до того, что остаётся одна измученная душа. Вместе с ней мучаются, совершенствуясь при этом, души родных и близких?

Заболевший раком, хочет он этого или не хочет, начинает осмысливать прожитую жизнь, и в результате приходит к выводу,— но всегда ли? — что некоторые, а может, и многие его поступки и дела, которыми он, может, даже гордился, были грехами? Может, Господь специально «одаривает» человека раком, чтобы, когда человек вдруг узнает о своей обречённости, его заблудшая, закостеневшая душа сначала как бы в результате электрошока или удара молота проснулась, а потом, совершенствуясь в муках, постепенно освобождалась от своего тела, которое не хочет отпускать её, и после смерти которого она могла быть принятой Богом?

Но если признать, что причина рака только в неправедной жизни, то я знаю десятки людей, которые жили праведной жизнью, в том числе монахов, которые умерли от рака. И в то же время я знаю множество случаев, когда человек в результате этих

мучений не очищался душой, а, наоборот, озлоблялся, не примирялся с уходом из этой жизни.

В бессилии перед раком мы ведём себя, словно страус, при опасности прячущий голову в песок: раз мы бессильны перед раком, то, пока он не коснётся нас лично, делаем вид, что вроде бы его вообще не существует. Пока он не коснётся нас лично, мы стараемся не замечать, что рядом с нами почти в каждом, по крайней мере, в каждом крупном и уж обязательно в областном городе существует раковый центр, а теперь это, как правило, даже целый квартал, город в городе, в котором мест, несмотря на постоянное его расширение, не хватает. А мы упорно продолжаем до поры до времени верить, что этот страшный пограничный город не заберёт кого-нибудь из близких или самого тебя. И, проезжая мимо, до поры до времени отворачиваем от него голову: раз мы его не видим, то он вроде бы и не существует. Может, в мире с каждым годом всё больше и больше грешников? Может, со временем раковые центры будут занимать целые микрорайоны? Может, уже бессильны все другие способы разбудить наши души? И чуть ли не каждый человек будет проходить через рак, в такой степени закостенели наши души? А мы никак не можем понять этой простой истины и безрезультатно ищем причины возникновения рака.

По какому принципу и кто нас отбирает в этот страшный город на границе миров? Кто-то из нас умирает во сне, не подозревая о своей смерти. Большинство из нас мечтает о такой безболезненной и беспамятной смерти. Православные священники, наоборот, утверждают, что это большое несчастье: «Люди неверующие всегда желают умереть внезапно, вернее, избежать смерти через смерть бессознательную. Такая смерть — результат жизни бессмысленной. Насколько легка, спокойна, радостна смерть истинно верующих христиан, настолько она страшна и мучительна для неверующих или для людей, взявших свою веру не из Божественного Откровения. Смерть внезапная, без покаяния, страшна и часто является наказанием за наши грехи. Желание умереть во сне — из трусости. Господь посылает нам болезни для нашего спасения, для осмысления грехов наших, чтобы в немощах своих познавали силу Божию».

Кто решает, когда и как какому человеку умереть: от сердечных болезней — вдруг, неожиданно, или мучительно долго — от рака? Рак всё шире охватывает именно так называемые цивилизованные страны, несмотря на все усилия медицины. Может, причину его нужно искать в извращённой жизни, в разладе с природой, в отсутствии гармонии в самом человеке между его телом и душой?

Пытаясь найти ответ, открываю книгу приснопамятного владыки Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, светоча России в Новое, нынешнее Смутное время:

«Болезнь тела есть лишь следствие болезни души, поэтому главное лекарство для больного — это «дух сокрушён», это искреннее раскаяние в совершённых грехах и намерение исправиться. О первопричине телесных болезней говорит сам Иисус Христос, исцеляя страждущих, Он напутствовал их такими словами: «Иди и больше не греши!»

Ещё: «Ты неправильно понимаешь суть болезни... Господь хочет через болезнь привести тебя ко спасению, а ты расстраиваешься и тем самым идёшь против воли Божией... Говори так: «Господь, укрепи меня в страданиях моих и даруй мне терпение, чтобы без ропота переносить всё во имя Твоё, помилуй мя».

И ещё: «Неверно рассуждаешь, что твоя болезнь якобы не от Господа. То, что она возникла у тебя не на почве порока, ещё не значит, что она не от Бога. Это Он болезнями привёл тебя к Себе, поэтому не смущайся, а твёрдо верь, чтобы посредством её исцелить твою душу».

Оказывается, всё просто и ясно, если ты веруешь в Бога. А раз тебе с этими простыми и ясными мыслями трудно смириться, значит, твоя вера некрепка, или ты только обманываешь себя, что веруешь. Простым гриппом окаменевшую, тем более загнившую душу не вылечишь. Но в то же время противится этому душа, и без того так мало нам отпущено на этом свете. И каков принцип отбора? Я уже говорил, что знаю людей, несомненно, праведных, но окончивших жизнь в страшных страданиях. Или у нас с Всевышним различны понятия о праведности?

И ещё читаю: «Часто, возлюбленные братья и сестры, перед нами встаёт такой вопрос: почему не за всякого больного можно приносить молитвы? Ответ мы находим в житиях подвижников благочестия, которые правильно разумели суть событий. Они разумели, по какой причине происходит та или иная болезнь в естестве человеческом, и в зависимости от этого или умоляли Бога об исцелении, либо всецело предоставляли исход болезни Божественному промышлению о человеке... Я знаю, что современный нам подвижник благочестия протоиерей Иоанн Кронштадтский тоже не за всех молился, хотя и был весьма любвеобилен к немощам и страданиям людским, к человеческому горю. Праведник прежде прозревал причину болезни. И если видел, что она произошла вследствие грехопадения, тогда молился не об исцелении телесного организма, а об исцелении души человеческой».

Но вот что я ещё читаю у владыки Иоанна, но уже применительно не к отдельному человеку, не к отдельной душе человеческой, а применительно ко всей России, к Новому Смутному времени, обрушившемуся или специально обрушенному на неё:

«Никто не знает, сколько ещё отпущено нам, чтобы опомниться и исправиться, поэтому каждый, не откладывая, не медля, спроси себя: «Не я ли причина нынешнего позора? Не мой ли грех удерживает Отчизну в бездне падения? Не моё ли нерадение отлагает светлый миг воскресения?.. Русские люди, подумайте здраво — среди нас никого, кто мог бы оправдаться, случись ему отвечать на эти вопросы не пред земным бесстрастным и слабым человеческим судом, а перед Судом Всеведающим и Всесовершенным».

И сразу рождается мысль: если мы временные на Земле, почему митрополит Иоанн, взывая к нашей совести, говорит о будущем России, о её воскресении? Где она воскреснет? Или уже есть параллельная небесная Россия? Или она воскреснет в час Воскресения на Земле вместе с нами?

Читаю дальше:

«Разумение своей нравственной немощи и побуждает человека стремиться к исправлению. Когда это стремление к чистоте и святости овладевает целым народом, он становится носителем и хранителем цели столь высокой, столь сильной, что это неизбежно сказывается на всём мироустройстве. Такова судьба русского народа».

Если мы временные на Земле, какова же наша цель не как отдельного человека, а как народа, страны в целом, здесь, на Земле и, может быть, в мире ином? Все утверждают, в том числе мусульмане, иудеи, буддисты, что мы временные на Земле, и все воюют между собой, порой за какой-нибудь незначительный кусок планеты. Зачем, если мы рано или поздно навсегда уходим с Земли? Или государства — это тоже своего рода детская песочница, в которой, притираясь друг к другу, народы, государства учатся жить?

И опять детский вопрос: зачем Бог — или, всё-таки, не Бог? — разделил нас на разные народы, хотя по утверждению Его апостолов нет у Бога ни эллинов, ни иудеев? Чтобы мы, время от времени выясняя между собой отношения, не поднимали глаза к небу? А мы, славяне, некогда единый народ, до сих пор продолжаем кроваво делиться, разбегаться — сначала на южных, западных и восточных славян, потом

каждая ветвь ещё не раз разделилась, только что закончился кровавый делёж на Балканах и, к примеру, у славянской Польши нет более ненавистного врага, чем братская Россия.

Мы говорим, чаще всего всуе, о небесной России. А что это такое? А что — есть и небесная Германия? Небесная Франция? Почему они не могут претендовать на своё там место? И мы там снова будем выяснять между собой отношения? И почему народы в муках войн и внутренних катаклизмов — одни раньше, другие позже — погибают или тихо умирают, на их кладбищах, из их несчастных остатков, потерявших чувство прежнего народа, постепенно формируются, рождаются в муках новые народы, которые, в свою очередь, со временем тоже умирают или погибают, и только один народ, может быть, самый жестоковыйный, неизменен на протяжении двадцати веков? Может, он на самом деле богоизбран? Или послан Богом на Землю для испытания других народов?

И вообще, в чём смысл всемирной истории, если мы — временные на Земле? Или это попытка создания гармоничного общества на Земле как зеркала того, высшего мира? Чем более гармоничен человек на Земле, чем более гармоничны его отношения с людьми, тем более он готов к той, высшей жизни?

Но если всё на Земле создал Бог, и человека он отправил на Землю на исправление, то зачем, создав параллельный человеку животный мир, для каждой твари он определил врага? И циничный смысл жизни каждой твари — всего лишь быть пищей другой твари? И всю жизнь трястись в страхе быть съеденной другой тварью. Всеми и всем на Земле кто-то питается, держит постоянно в напряжении, хотя у животных, несомненно, есть душа, радость жизни, даже ликование жизнью, это нетрудно понять, достаточно послушать весенний разноголосый и многоголосый ликующий птичий хор на рассвете в ожидании солнца. И в то же время — страх смерти! Почему так устроен мир? Из-за греха Адама страдают не только люди, но и весь животный мир? В чём их вина?

Но, говорят, есть остров, где-то около Австралии, где нет хищников. Птицы и звери умирают там собственной смертью: по старости или по болезни. Почему Господь создал или оставил этот островок? По недосмотру? Ради эксперимента? Какой смысл во всём этом? И у человека до поры до времени было множество врагов. А когда он, сорвав яблоко с древа познания, стал всесильным и в результате у него не стало врагов, он определил врагом себе самого себя.

Но если мы вернёмся на Землю после Страшного Суда, хватит ли нам всем, воскресшим, на ней места? Или на неё вернутся только избранные? Определённые в рай? Или, наоборот, в ад? А может, мы уже живём в аду за прежние грехи наши, только не подозреваем об этом?

Ищу откровения, мысли по этому поводу так называемых святых праведников:

Преподобный Варсонофий Великий: «И во второе пришествие Иисуса Христа будет воскресение мёртвых, всеобщий суд, и тогда определится окончательно участь каждого человека. Человек восстанет и с костьми, и с жилами, и с власами — и в теле нетленном, бессмертном, славном».

Блаженный Феодорит: «Бессмертный дух не будет воскресать так, как тело, а только возвратится в оное».

Святитель Иоанн Златоуст: «В воскресении не женятся, не посягают, но как Ангелы. Состояние это утверждается благодатью, ведь и в раю жили девственной жизнью».

Раз мы воскреснем после Страшного суда в прежнем теле, а кости наши остались на Земле, значит, мы вернёмся на Землю? Значит, мы её благоустраиваем для себя?

Пришёл к этой мысли, точнее, обманул себя этой мыслью и успокоился. Пусть что угодно говорят, но раз воскреснем и в прежнем теле, значит снова на Земле!!!

МЫСЛИ

В конце концов я, кажется, внутренне согласился с мыслью, что болезни даются в наказание человеку, в осознание его грехов, в искупление их.

Получается, что какие причины возникновения рака мы не искали бы, он ниспослан нам для исправления души. Но как тогда быть с животными? Они болеют одними и теми же с человеком болезнями, в том числе раком. Им Бог посылает болезни — тоже в исправление грехов? Но ведь церковь утверждает, что у животных душа смертна, значит, не требует покаяния. Или они тоже будут жить в том прекрасном загадочном мире? Сколько погубили мы за тысячелетия в бесконечных войнах ни в чём не повинных лошадиных душ?! Тогда в раю должны пастись на зелёном вечном лугу несметные табуны погубленных нами коней, а человеку там вообще нет места, а если есть, то держаться от должен где-то стыдливо в сторонке.

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Как жить дальше? И сколько мне отмерено? Стоит ли дальше городить земной огород? Может, уже пора собираться в дорогу? И, если у меня ещё есть время, какова цель, смысл моей оставшейся жизни?

В своё время, бывая в Болгарии, я не раз порывался поехать к известной прорицательнице Ванге, в том числе, чтобы узнать своё будущее. Мои болгарские друзья обещали устроить эту встречу. Другое дело: приняла бы она меня? Но в последний момент я отказывался от этой поездки. Что-то меня останавливало. Или кто-то меня остановил. Соблазнительно и в то же время страшно знать своё будущее. С одной стороны, зная свой последний день, можно всё спланировать, распорядиться своим имуществом. Но с другой стороны: а вдруг это уже завтра или послезавтра, пусть уж лучше будет неожиданно...

Почему и кем Ванге дан был такой дар?

Почему Вангу не признала Церковь, хотя она считала себя православной? И после её смерти долго не освящали построенный ею православный храм? Потому что своей мыслью вторгалась в запретное? Но она не просила этого дара, он пришёл к ней свыше после несчастного случая. Или, видя будущее, она не имела права посвящать в него людей? Получается, что её предсказание, предвидение будущего — свидетельство того, что наша жизнь — не цепь случайностей и что мы не сами её планируем, на самом деле она кем-то запланирована, словно в нас заложен какой-то механизм с жизненной программой, и мы не в силах что-либо изменить. С этим моё сознание никак не может смириться. Как и с тем, что моё будущее — тайна только для меня. Ведь если наша жизнь никем не запланирована, то невозможно предсказывать будущее. Это во-первых. Но ведь тогда получается, что и все наши грехи запланированы?! Как же тогда быть с покаянием и с воспитанием души? Почему же некоторые, вроде Ванги, в результате тяжёлых травм головы или душевных потрясений получают — от кого? — дар видеть будущее? Вангу в детстве поднял смерч и ударил о землю, в результате чего она ослепла, но обрела другое зрение, внутреннее. Другой попал в автомобильную катастрофу. Третий был сбит в самолёте над Афганистаном...

Почему же Господь не даёт нам, обыкновенным смертным, знать будущее?

Преподобный Иоанн Лествичник объясняет это так: «Некоторые испытывают и недоумевают, почему Бог не даровал нам преддверие смерти, если воспоминание о ней столько благотворно для нас? Эти люди не знают, что Бог чудным образом устраивает через это наше спасение. Ибо никто, задолго преузнавши время своей смерти, не спешил бы принять крещение или вступить в монашество, но каждый проводил бы всю свою жизнь в беззакониях, и на самом уже исходе из мира сего приходил бы ко крещению или к покаянию, но от долговременного навыка грех делался бы в человеке второю природою, и он оставался бы совершенно без исправления...»

Как и чем жить дальше?

Читаю у митрополита Антония Сурожского:

«Христиане в древности воспринимали смерть как решающий момент, когда окончится время деяния на Земле, и значит, надо торопиться, надо спешить совершить на Земле всё, что в наших силах. А целью жизни, особенно в понимании духовных наставников, было стать той подлинной личностью, какой мы были задуманы Богом, в меру приблизиться к тому, что апостол Павел называет полнотой роста Христова, стать неискажённым образом Его».

Кстати, Ванга тоже умерла от рака...

Читаю очередную книжку о жизни по ту сторону смерти:

«Мы всего лишь странники и пришельцы на этой Земле — странники, идущие к Царствию Божию. Как странники, мы имеем за своими плечами котомки, и оттого, что мы запасём в них к концу нашего странствия, и будет зависеть наше спасение, либо наше отчуждение от жизни вечной. Если в конце нашего жизненного пути окажутся лишь прелести мира, чрезмерная привязанность ко всему тленному — тогда наступит погибель наша. Но если мы отрешимся самих себя и приучим сердце к небесным благам, складывая в котомку души добродетели,— придёт наше спасение».

Только я было уверовал в наше будущее воскресение на Земле, как меня снова убеждают, что мы только временные на ней, отбывающие здесь свой срок наказания. Не от Лукавого ли всё это? Не Лукавый ли таким образом, таким сладким языком, подделываясь под Всевышнего, стремится нас поскорее увести с Земли? Что значит: чрезмерная привязанность ко всему тленному?! Это значит чрезмерная привязанность ко всему земному, к родным, близким?! Не может моя душа принять это.

Я мысли не могу допустить: как это жить, заранее приучая себя к мысли, что всё вокруг, что тебе с рождения дорого, эти рассветы и закаты, эта горящая золотом осенняя берёзовая роща — для тебя чужое. А если не чужое, то постепенно нужно отчуждать себя от всего этого, иначе тебе нет пути в мир иной. Это в собственном доме, на своей Земле чувствовать себя иностранцем, случайным гостем?!

Снова сверлит мысль: тогда в чём смысл мировой истории, если мы в полном смысле временные на Земле?

Зачем строить Святую Русь?

Переживать о судьбах русского народа?

Смысл мировой истории единственно может быть в том, если наше воскрешение вслед за Страшным Судом произойдёт всё-таки опять на Земле, и мы должны осознать, что, в конце концов, благоустраиваем Землю для самих себя, когда снова воскреснем. И тогда мы не будем её равнодушно отравлять, заваливать мусором.

И всё-таки почти каждый человек уходит с мыслью: может, всё это — насчёт того света — обман: умру, а там пустота, ничего нет?

Сюжет: «Всю жизнь жил праведно, готовился к той, истинной жизни, какие только соблазны не были, отводил от себя, ни разу не согрешил — а там ничего не оказалось, чёрная пустота. Обманули святоши, а ничего уже не вернёшь...»

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Зачем я снова и снова прокручиваю в памяти нашу с тобой жизнь, с каждым разом всё больнее и острее чувствуя вину перед тобой, даже в тех случаях, в каких раньше не считал себя виноватым? Тем самым так терзая душу свою, что порой кажется, что она не совершенствуется, а истончается, и однажды, истончённая до предела, порвётся. Или всё-таки в этих душевных муках она как бы шлифуется? Чтобы однажды, когда я до конца осознаю свою вину перед тобой, перед Богом, вопреки мне, вопреки разуму моему, она неожиданно, столь же мучительно, как у тебя, попросится из тела? Чтобы там, если нам суждено встретиться, с лёгкой душой встать перед тобой на колени, а ты, всё простив мне или забыв по воле Божией, погладишь меня, как прежде, как ребёнка, по голове?

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Очередной твой день рождения. Несмотря на осень, буйно цветут стоящие на твоём столе перед твоими фотографиями фиалки. Остальные цветы так себе, безрадостные, еле живые.

МЫСЛИ ВСЛУХ...

Опять у кого-то читаю: «Мы, христиане, не от мира сего». А я хочу быть от мира сего. Не хочу я райских кущей, я хотел бы видеть снова и снова — и так без конца — осенние берёзы в искрах первого морозца, печь в костре картошку, смотреть и вслушиваться в весёлую горную речку...

МЫСЛИ ВСЛУХ...

Мы с раннего детства, как только начинаем осознавать себя, живём будущим и даже в будущем. Сначала торопимся стать взрослыми. И радуемся, когда нам говорят: «Какой большой стал!» И даже у взрослых: всё лучшее у нас всегда впереди, мы никогда не довольствуемся настоящим, и даже в лучшие свои времена живём завтрашним днём. И так чуть ли не до самого последнего дня.

Может, это не что иное, как тоска по тому, другому, высшему миру, интуитивное и даже генетическое стремление приблизить его? Знаем, что жизнь коротка, а в то же время сами её гоним и гоним, живя завтрашним днём, — и всё время в каком-то томлении души...

Вспомнил свою первую, школьную любовь. Наверное, ангельская любовь подобна первой, ещё детской невинной любви, когда нет ещё телесного желания. А одно лишь желание видеть, быть рядом, быть полезным...

МЫСЛИ ВСЛУХ...

Спрашиваешь ребёнка:
— О чём ты мечтаешь?
— Поскорее стать взрослым.
Спрашиваешь взрослого:
— Ради чего живёшь? В чём смысл жизни?
— Ради детей. В детях.
— А зачем дети?
Некоторые теряются от такого вопроса, отвечают не сразу, другие отвечают, не задумываясь, но все, за редким исключением, отвечают одинаково:
— Продолжить род.
— А зачем продолжить род?
Недоумённо пожимают плечами: одни — не зная, что ответить, другие — считая вопрос нелепым.

И так — из поколения в поколение. Никто не живёт для себя, исключая людей ненормальных, больных тщеславием. Большинство живёт для детей, для продолжения рода. Получается, что другого предназначения у человека на Земле нет. В этом есть какой-то высший смысл, которого мы не знаем. Вроде бы: зачем тянуть из века в век свой род, когда мы временные на Земле? Значит, мы не временные где-то, куда улетают наши души?

Если бессмертна наша душа, зачем Господу столько новых душ? Для заселения пустой Вселенной? Для борьбы с Дьяволом? Но Дьявол отбирает, по крайней мере, на Земле у Господа всё новые и новые души. Получается, что плодится как раз воинство Дьявола?..

ЧИТАЮ И ПЫТАЮСЬ ПОНЯТЬ:

«Бог создал Адама и Еву и поселил их в раю сладости, чтобы они радовались его красотам и питались его плодами. В испытании их послушания только от одного дерева запретил им вкушать — от древа познания, на котором начертал смертный приговор. Все прочие деревья, сказал он им, в вашей власти, берегитесь только, не вкушайте от этого, ибо Я решил, что, как только вы протянете к нему руку, тотчас умрёте: «От древа познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» (Быт. 2.17).

Зачем же Он тогда создал мужчину и женщину, если знал или предполагал, что они могут согрешить? Или зачем тогда Он создал женщину, если там, в раю, не будет разделения полов и по Его мысли люди должны были размножаться иным способом? Или зачем Он тогда создал человека несовершенным, заложил в него сладкий яд самоуничтожения и посадил перед ним для испытания древо познания, зная или подозревая, что человек, сорвав с него плод, непременно додумается, в том числе до атомной бомбы, да ещё до чего пострашнее её, например, до попыток изменения генетического кода, до клонирования, наконец? Да только Дьявол, наверное, знает, до чего человек ещё додумается, вот сейчас ему непременно надо знать, из чего состоит антиматерия, мало того, попытаться создать её. Может, не всё было во власти Всевышнего? И тем более теперь — не в Его власти?

Ева первая протянула руку, взяла плод, съела сама и подала Адаму. Она поверила не Богу, а змию, который сказал: не умрёте. Но почему тогда самым первым и самым

верным христианином была женщина, Магдалина? И ныне, войди в любой храм, увидишь, что там больше женщин?

Мало того, что за первородный грех человек был наказан. Якобы и природа, в которую был брошен человек, тоже была наказана: она стала тленной. «С преступлением человека изменилась и природа,— пишет Феодосий Антиохийский. И хищники появились только после падения Адама. Природа стала враждебной по отношению к человеку». Что, хищные динозавры и прочие появились на Земле позже или одновременно с человеком, как следствие грехопадения его?

Но если бы не было греха Адама и Евы, как бы появился на Земле человеческий род? Они так и жили бы вдвоём в раю бессмертными? Преп. Максим-исповедник пишет о духовном размножении человеческого рода. Но тогда снова встаёт прежний вопрос: зачем Господь придумал разделение полов или зачем он создал женщину?

Из книги в книгу подвижников церкви переходит основополагающая мысль, что смерть — последствие грехопадения человека. Бог создал людей бессмертными, но в результате уклонения от заповедей Божиих люди стали смертными и тленными, как и вся Природа.

И вдруг у преподобного Исаака Сирина натыкаюсь на утверждение, что установление смерти и изгнание из рая были только совершены под знаком проклятия, а на самом деле в проклятии этом было скрыто благословение Божие: «Как бы установил для Адама смерть под видом приговора за грех и как посредством наказания. Он выявил наличие греха... точно так же он показал, будто смерть была установлена для Адама как возмездие за его ошибку. Но Он скрыл свою истинную тайну и под образом чего-то устрашающего спрятал своё предвечное намерение относительно смерти и Свой мудрый план относительно неё; хотя этот предмет (смерть) может быть поначалу устрашающим. Позорным и трудным, тем не менее, в действительности,— это средство перенесения нас в тот восхитительный и преславный мир... Когда он изгнал Адама и Еву из рая, он изгнал их под личиной гнева... Но во всём этом уже присутствовало домостроительство, совершенствующее и ведущее всё к тому, что изначально является намерением Создателя... Не непослушание ввело смерть в дом Адама и не нарушение заповедей низвергло Адама и Еву из рая, ибо ясно, что Бог не сотворил их для пребывания в раю — лишь малой части земли; но всю землю должны они покорить».

Не в этом ли смысл мировой истории и нашего пребывания на Земле — сделать её частью рая? Или самим раем?

Но нынешний митрополит Волоколамский Илларион так комментирует преподобного Исаака Нисского: «То есть, даже если бы первые люди не нарушили заповедь, то всё равно не были бы оставлены в раю навсегда. Таким образом, смерть была благословением, поскольку изначально содержала в себе потенциал будущего воскресения, и изгнание из рая было во благо человеку, поскольку вместо «куска земли» он получал во владение всю землю... Согласно Исааку Сирину, смерть явилась следствием божественной «хитрости»: под маской наказания за грех Бог скрыл Своё истинное намерение, заключающееся в спасении человечества. Необходимо видеть, что действия Божии в истории человека лишь внешне могут выглядеть как наказание и кара, в действительности же цель Бога — достичь нашего блага любыми средствами. Зная заранее нашу склонность к разным видам лукавства, Бог премудро и хитро уготовляет то, что кажется нам пагубным, на самом же деле оно является средством нашего исправления и спасения. Лишь пройдя через то, что нам представляется наказанием от Бога, мы осознаем, что оно служило нашему благу. У Бога нет возмездия. Он всегда заботится о пользе, происходящей от всех его действий по отношению к людям...»

ЧИТАЮ И ПЫТАЮСЬ ПОНЯТЬ:

«Верующие в Христа попадают в рай».

А куда попадают не верующие, не крещённые, не знающие Христа не по их вине?

Вот тебе и готовый ответ:

«Не проходят воздушных мытарств души неверующих в Христа (не крещённых), а сводятся бесами прямо в ад, что подтверждает Сам Христос: не верующий уже осуждён есть».

Не может такого быть! Не может Он быть таким жестоким! Верно ли тут трактуют Спасителя? Этот ли смысл Он вносил в свои слова?

«Невозможно церковное поминовение не православных». А что, они виноваты, что не православные, если, например, родились где-нибудь в срединной Африке, например, папуасы, которые и слышать не слышали об Иисусе Христе? «Умирающие вне веры похожи на самоубийц».

А куда попадают мусульмане, которые веруют в Иисуса Христа только как в одного из пророков Всевышнего? Или у них свой рай и свой ад?

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Ну что, добился я своего: можно сказать, осуществил свою мечту: стал писателем — и оказался у разбитого корыта. Я без всякого сожаления променял бы все свои написанные книги на счастливую семейную жизнь с детьми и внуками, с садом, огородиком и сиренью перед окнами. Помимо всего прочего, мои книги мало кому нужны, более того, они многих даже раздражают: уже несколько человек, кто с лёгким упрёком, а кто даже с досадой бросали мне в лицо, что не жалею я своего читателя, рву нервы: «Хочется чего-то лёгкого, со счастливым концом, а Вы рвёте душу...»

Читаю:

«Причина рака — в падении духа, ибо уныние — одно из самых страшных грехов, утверждает Евангелие».

Это — обо мне. Может, рак уже тоже разрушает меня изнутри, может, разрушают сами мысли о нём? Что ни заболит, я уже думаю о нём.

Читаю:

«Заболевший раком до поры до времени не подозревает, что болезнь давно затаилась в нём как результат потери организмом способности к сопротивлению, что вызывается следующими факторами, длительное время подтачивающими здоровье: неправильное питание в течение всей жизни; истощение жизненных сил организма из-за чрезмерной работы, излишних волнений, страхов, а главное — мрачных и разрушительных мыслей...»

Это — тоже обо мне.

«Так и подготавливается почва для рака, который теперь может развиваться в той части тела, которая так или иначе подвергалась длительному раздражению. Пытаясь помочь больному, медики вырезают поражённую часть тела, никоим образом не устраняя причины болезни...»

Читаю:

«Психоастенический синдром — хроническая усталость души и тела. Астения (в переводе с греч.— слабость, бессилие) может быть усталостью физически перетрудившегося человека или человека, перенёсшего болезнь. Однако, нас интересует другая астения — усталость измученного неудачами, неприятностью, агрессивностью окружающих, безрадостной жизнью, отсутствием положительных эмоций человека. И это — усталость души, психическая усталость, но не от серьёзной умственной работы, а от накопленных отрицательных эмоций, от тяжёлых переживаний. Это усталость от контакта с жестоким и безжалостным человеком, от бесконечной несправедливости, от ощущения беспомощности перед злом. И ничто так не отбирает силы у человека, как тягостные переживания. Они как вампиры.

В конце концов духовная, психическая опустошённость приводят к физической опустошённости. И в этом случае речь идёт о психоастеническом синдроме как важной составной части психосоматического заболевания. От такого истощения сил более всего предостерегает древневосточная медицина, считая такое состояние самым опасным из всех бед, настойчиво предупреждая, что при таком развитии событий человек неизлечим. Древневосточные медики полагали, что предельное истощение психофизических сил — преддверие смерти, когда человек ещё жив, но уже обречён. Тибетская медицина относила к грозным признакам предельного истощения сил следующие симптомы: постоянное чувство предельной усталости, полной безнадёжности, бессилия и апатии. Человек не живёт, а только существует. Он капитулировал, у него в депрессии и душа, и тело.

Психоастенический синдром, таким образом,— самая тяжкая расплата за невежество, за жизнь вопреки своей натуре, за неспособность изменить свою жизнь, когда она невыносима, безрадостна или пошла по порочному кругу. История многих драматических судеб –история развития психоастенического синдрома. Его коварство в постепенности, неприметности сползания в него, в том, что человек спохватывается на этом пути, когда уже поздно.

Пасихоастенический синдром имеет свои этапы. Вначале человек полагает, что он просто устал и надо как-то продержаться до выходных дней, до отпуска, что усталость естественна. Утром он ещё свеж, но с середины дня уже ощущает себя уставшим, разбитым, измученным. Он отмечает снижение трудоспособности, ухудшение памяти, а окружающие чувствуют его повышенную раздражительность.

На втором этапе человек уже просыпается усталым. Теряется интерес к новым встречам, к разговору, к общению. Отдых начинает напоминать прострацию, когда ловишь себя на том, что это скорее забытьё, когда смотришь в одну точку и ничего не видишь. Возникает тревога, страх, мучают плохие предчувствия.

На третьем этапе человек начинает говорить не «устал», а «предельно устал». Усталость уже на клеточном уровне. Речь идёт о глубоком истощении организма, о его беззащитности, в том числе иммунной системы. Это подход к «красной черте» или переход её. Омрачённость души доведена до своего логического конца. Человек инстинктивно ощущает страх. Он чувствует себя старым и разбитым. Нет желаний, он равнодушен к тому, что раньше его занимало больше всего. При встрече с родными, друзьями человеку мучительно хочется остаться одному.

Это уже катастрофа. Возникают новые болезни, становятся хроническими старые. Врачи видят в психоастеническом синдроме альфу и омегу проблемы психосоматических заболеваний, её основу основ, в том числе рака...»

Всё это обо мне...

Как–то нужно брать себя в руки...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Два восприятия мира: до и после твоей смерти. До того, как перечитал купленные в церковной лавке умные книжки о потустороннем мире: что нас ждёт там, за рубежом жизни, и — после, когда я их прочитал. Подобные, до сих пор не знаю, умные или хитрые, книжки попадали мне и раньше, но раньше, если я их и читал, то не более как научно-фантастическую литературу, они как бы не относились лично ко мне. Или пока не относились. Разумеется, я и раньше задумывался над тем, что там, за пределом жизни, но я решал эту проблему просто: поскорее отмахивался от этих мыслей, всё равно ничего не изменишь, поживём-увидим, всё это в далёком-далёком будущем, придёт время, тогда и думать будем. Иначе говоря, за рубежом жизнь была пока для меня неясная, пусть и тревожная, но пока ещё далёкая от меня пустота. А тут вдруг приходишь к мысли, что это может случиться уже завтра или даже сегодня.

Эти умные или хитрые книжки вроде бы давали надежду на продолжение жизни после смерти или даже на вечную жизнь, они исключали зияющую пустоту после смерти, но этот факт меня почему-то не радовал. И я знал, почему он меня не радовал, а даже пугал. За порогом смерти меня, может, больше устраивала пустота: пустота она и есть пустота, в пустоте ни за что не надо будет отвечать, ни перед кем отчитываться за прожитую жизнь. А в случае продолжения жизни за рубежом смерти за всё прожитое на Земле придётся отвечать. А я к этому не готов, более того, к этому я преступно не готов. Оторванный, пусть во многом не по своей вине, от простых, но основополагающих истин, а я до сих пор сомневаюсь, что они — конечные истины, я, чаще всего не задумываясь, не считая грехом, в этой жизни натворил столько всего, за что придётся отвечать, что, может быть, предпочёл бы пустоту.

Да, как ни парадоксально, легче жить, когда впереди у тебя пустота. А знание или предположение, что за гранью жизни на Земле есть другая жизнь, только в иной ипостаси, и не на Земле, обострило внутреннее несогласие, что мы, люди,— временные на Земле, что мы больше никогда на неё не вернёмся, даже после Страшного суда и всеобщего воскресения. Какое-то время после твоей смерти и особенно после прочтения этих умных или хитрых книг я вообще на всё, в том числе и на себя, смотрел как бы со стороны, как на временное. На так называемые памятники старины, которые мы зачем-то пытаемся сохранить, хотя и они временные, на бегущие мимо машины, на сидящих в них людей, на ежедневные человеческие проблемы, на политические страсти, даже на всемирную историю. Не знаю, догадывались ли о моём состоянии окружающие, но с этим чувством жутковато было жить. Всё вокруг казалось не имеющим смысла, тем более, когда люди гибли даже не в войнах, а в автомобильных катастрофах, от грозовых молний. Шаровая молния взяла и догнала пытающуюся убежать от неё только начинающую жить девушку. По какому принципу молния выбрала именно её? Тысячи, десятки тысяч людей одновременно, независимо от того, были они грешными или безгрешными, погибали от ураганов, землетрясений, волн цунами. На что бы я ни смотрел, всё было временным. Временной была и Земля, и даже сама Вселенная. Ещё из школьного учебника астрономии я знал об этом, не помню, потрясло ли меня это в детстве, но только сейчас я осознал всю суть вселенского временного бытия. Но тогда куда уносится после нашей смерти, как утверждают, бессмертная наша душа?

В своих мыслях я снова и снова как бы повисал в пустоте, как, очевидно, тысячи, миллионы людей до меня. Только в так называемой святоотеческой литературе всё просто и ясно: веруй, и всё! Веруй, и всё остальное не твоего ума дело! Моё сознание, моя душа оказались не готовыми к восприятию толкований Евангелия. Не своео-

бразная ли это разновидность так называемой фантастической литературы? Читая её, я чувствовал бестелесность не только себя, но и мысли. Видимо неслучайно, что именно из среды семинаристов, воспитывающихся на толкованиях Евангелия, выходило столько крайних атеистов, нигилистов и революционеров всякого рода...

Мне говорят: зачем ты читаешь всё это? Читай Евангелие, там всё ясно и просто изложено, всякие попытки толкования искажают истину.

С последним утверждением я полностью согласен, но далеко не всё ясно мне, может из-за скудости ума, может, из-за очерствелости души, в Евангелии, не говоря уже о том, что оно — действительно ли евангелие Спасителя, не искажено ли по недоумию или хитрому умыслу его апостолами.

Повторяю, я не знаю, замечали ли моё состояние окружающие. Но я на всё смотрел теперь как на временное и потому не имеющее никого смысла — какими-то потусторонними временными глазами. Даже не отчаяние, как прежде, а равнодушие скручивало меня.

Только по прошествии времени во мне что-то стало устаиваться, успокаиваться: да, всё временное, но, видимо, в этом есть какой-то высший смысл. Но полностью от этого тяжёлого чувства я так и не смог освободиться. Оказывается, легче привыкнуть к пустоте за пределом жизни, чем к тому, что ты пусть вечный, но временный на Земле.

И ещё я теперь жил с чувством: если раньше я мог что-то скрыть от тебя, какой-то свой малый грешок, то теперь ты оттуда всё видишь. Может, хотя бы потому нужна вера в потусторонний мир, независимо от того, есть он или его нет? Это остерегает человека от многих дурных поступков.

И ещё я пришёл к мысли, что, наверное, всю оставшуюся жизнь нужно посвятить тому, чтобы хоть сколько-нибудь стать готовым к этому ответу. И не только потому, что я боюсь гореть в вечном огне. Я всё-таки думаю, что вечный огонь ада — понятие иносказательное, потому что после твоей смерти я уже беспрестанно горю в нём, исключая, наверное, только часы сна, чувство непоправимой вины перед тобой, впрочем, перед самим собой тоже, меня постоянно гложет. Никто вроде бы, кроме меня и тебя, не знает моей вины, это тайна нас двоих, и тебя больше нет, и можно было бы делать вид, что никакой моей вины вообще не было. Но мне от этого нисколько не легче, люди не понимают, почему я прячусь от них, многие считают меня гордецом, а мне с моими смертными грехами тяжело с людьми, не столь или не так грешными. Я уже писал, что недавно меня посетила мысль: а может, мы уже живём в аду? Может, Земля — не детский сад для человечества и не исправительная колони даже, а тот самый ад, куда отправляют падшие души в человеческой личине и тленном теле? Может, потому у нас на Земле с самого начала и до самого конца, исключая раннее детство, так мучаются душа и совесть — пусть не всегда, пусть время от времени, но заставляют нас гореть в мучительном огне?

Совесть.

Что такое совесть, если мы умираем, если мы временные? Куда она уходит с нашей смертью? Она умирает вместе с нами? Или улетает вместе с душой? Или она одна из составных души? Как, когда зарождается совесть в человеке?

Сократу принадлежит мысль, что нельзя объяснить существование в людях нравственных деяний и норм, коль скоро упускается из виду Верховный нравственный законодатель. Английский учёный Тейлор заметил, что не было открыто до настоящего времени ни одного даже самого дикого народа, который был бы чужд тех или иных понятий о нравственно-добром и злом, об обязательности первого и непозволительности другого.

Может быть, совесть зарождается и существует в нас независимо от нас? Она как бы стоит выше человека и господствует над его разумом, волей и сердцем, хотя заключена и живёт в нём. Но в то же время присутствует ощущение, что она не плод самого человека. Иначе говоря, может, совесть — это голос Божий в сердце человека?

Св. Григорий Богослов говорил, что человек совмещает в себе две природы — духовную и материальную, которые при существенном отличии и совершенной противоположности друг другу соединены таинственным и неизъяснимым образом. Может быть, они соединены совестью?

Но совесть, как бы меня ни убеждали в обратном, противится смерти, потому как требует беспредельного нравственного совершенствования человека. Но оно непостижимо в этом мире. Может быть, как раз это доказывает, что смерть не могла входить в творческие планы Бога при создании человека?

Читаю: «По воле Всемогущего и Премудрого Бога вся телесная организация человека, если бы он остался святым, могла бы всё более и более утончаться, просветляться и усовершенствоваться и, наконец, дойти до такого духовного тела, которое явилось у Иисуса Христа при его воскресении, тела, которое не нуждалось ни в пище, ни в питье, и не было в тесной зависимости от пространства и времени. Подобные примеры ещё можно видеть в вознесении Еноха и Илии».

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Почему–то часто вспоминаю врача в раковом центре, ведущего соседние с твоей палаты, который никогда, даже кивком головы, не отвечал на моё приветствие — проходил мимо, глядя в сторону или в пол, словно меня не видел и не слышал. Я до сих пор мучаюсь в догадках: то ли он был настолько погружённым в себя, то ли, зная о твоей безнадёжности, чувствовал неловкость передо мной, его грызла беспомощность перед раком.

Почти каждый раз, когда я изредка заезжал в церковь на вечернюю службу, встречал его там, стоявшим позади всех или где-нибудь в углу, а потом посреди службы торопливо уходящим. Иногда мы оказывались с ним рядом, или даже сталкивались в тесноте церкви лоб в лоб, понятно, что я в церкви не лез к нему с приветствием, но на следующий день, встретившись со мной в коридоре ракового центра, он попрежнему меня не замечал...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Можно месяцами, годами, всю жизнь мучить себя мыслями о цели и смысле человеческой жизни, а вот шёл высоко в горах, ругая себя, что поддался соблазну, уговору друзей как прежде, легко и радостно взойти на прекрасную и загадочную вершину Иремель, где раньше всегда было томительно хорошо моей душе, поехал и с ужасом обнаружил, что далеко ещё до вершины стал задыхаться, не только растренированное, но и надорванное твоим уходом сердце всё больше сжимала неизвестная сила, зачем-то ещё слишком тепло оделся, и, взмокший, уставший до предела, отстав от всех, ни о чём не думая, лёг в снег, на спину, упёршись глазами в низко пролетающие, даже задевающие меня или забирающие меня в себя облака, иногда поворачивая голову на юг, где далеко внизу лежали леса, города и сёла, здесь были лишь снег да камни, да близкое небо, и неожиданно пришла мысль, простая и ясная: «Может,

смысл и цель человеческой жизни в том, что на Земле в тленном человеческом организме формируется в испытаниях, в соблазнах, муках, в потерях близких вечная душа человеческая, которая сейчас вот-вот вырвется из моего тела, нужная Богу для каких-то высших целей, с каждой новой душой он увеличивает своё воинство, может, для преодоления смерти вообще, может быть, для борьбы с Дьяволом, может быть, для спасения всей Вселенной, которая тоже временна, потому что и в неё вошло зло, и она вся кипит, взрывается, в отдельных своих частях рождается и умирает в мучительных противоречиях... Потому, вкладывая в человека при его рождении на Земле зародыш вечной души, которая является Его частицей, Бог сперва дал человеку разум, потом Истины, учитывая его младенчество, высказав их иносказательно, через Пророков, через Евангелие. Только это иносказание вышло и Богу, и человеку боком, каждый толкует это иносказание по-своему, а тут ещё, видимо, Дьявол путает, подсовывает Лжеистину... Через Пророков Бог лишь приоткрыл основы мироздания для того, чтобы человек уверовал в вечность своей души и знал, как надо жить на Земле. Но Бог почему-то не всесилен, а на нашем пути столько соблазнов... Нет, Земля — не концлагерь, не исправительная колония, тем более, не ад, а своего рода ясли, детский сад, может быть, начальная школа для человечков. И раз так прекрасна Земля, и совсем не случайно Господь создал её такой прекрасной, рано или поздно мы должны на неё вернуться...»

Мои друзья уже спускались с вершины:

— Вставай!.. Уходим вниз...

— Вы идите, я догоню.

Мне было легко и покойно лежать в студёном снегу, не ощущая его холода, опрокинувшись глазами в бездонное небо, я сейчас был готов без всякого сожаления умереть, и неважно, кому достанутся моя квартира, машина, только вот жалко было оставлять загородный дом, потому что был он в прекрасном лесу среди берёз и сосен, и всё там, пусть коряво, но было сделано моими руками. И ещё жалко было оставленных там собак. А так моя душа, кажется, была уже готова перенестись в мир иной.

Смогу ли я сохранить это светлое спокойное чувство, спустившись вниз, в земную суету?..

ВСПОМИНАЮ. ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ...

Это было лет десять назад. Совсем забыл об этом случае, а сейчас вдруг вспомнил...

Соседка по автобусу, незнакомая женщина лет сорока пяти, она — у окна, я — с краю. Оказалось, что мы выходим на одной остановке: в дверях я пропускаю её вперёд, выхожу следом.

Вдруг она поворачивается ко мне, называет по имени-отчеству:

— Простите, мы не знакомы, но я Вас узнала по фотографиям... Можно я отберу у Вас несколько минут?..

Я пожал плечами.

— Ещё раз простите, но я должна Вам это сказать. У Вас застарелый бронхит. Вы считаете, что вылечили его, а он притаился, перешёл в хроническую форму. Не нужно его запускать...

— А почему Вы решили, что у меня бронхит? — стараясь сдержать раздражение, спросил я. У меня действительно был хронический бронхит, время от времени дающий знать о себе, отголоски перенесённого в детстве плеврита, но, во-первых, какое

дело до этого незнакомым людям, а во-вторых... а во-вторых я, кажется, в автобусе ни разу не кашлянул.

— Прошу, не принимайте меня за сумасшедшую. Ещё раз простите, что, будучи совершенно незнакомой, лезу Вам в душу, но в некотором смысле я ясновидящая и даже целительница. А потом: Вы в автобусе несколько раз кашлянули, Вы так привыкли к этому вроде бы безобидному кашлю, что не замечаете его. Не надо его запускать, хотя он у Вас уже основательно запущенный. Я могу предложить Вам несколько народных рецептов...

— Спасибо, не надо! — попытался я уйти от «ясновидящей». Огромная армия проходимцев кормится на человеческой беде, а в смутные времена, да ещё во время массовой безработицы, тем более: чуть ли не десятая часть населения страны ходит в народных целителях и ясновидящих. Как Остап Бендер не додумался до такого надёжного, уголовно не наказуемого способа добровольного отбирания у граждан денег, может, совесть не позволила?

— А будущее Вы не предсказываете? — усмехнулся я, надеясь на этом закончить разговор.

— Могу, но не предсказываю,— не обиделась женщина.— Человек не должен знать своего будущего, по крайней мере, до поры до времени. Пока ему посредством чего–то, может, болезни, иногда неизлечимой, не скажет Бог, чтобы человек, наконец, задумался о своём будущем,— не приняла она моей усмешки.— А вот насчёт Вашего прошлого я кое-что могу сказать.

— Но своё прошлое я и сам хорошо знаю,— снова усмехнулся я.

— А я Вам напомню. Во-первых, чтобы Вы мне поверили, а во-вторых, от прошлого во многом зависит будущее. А потом я могу Вам сказать о прошлом, которое Вы никак не можете знать, например, кем Вы были в прошлых жизнях. Да-да,— не дала она мне рот открыть,— я знаю, как православный, Вы не верите в переселение душ, но тем не менее. Может, просто любопытно будет узнать... Тем более, кто знает, как это бывает на самом деле. И противоречит ли это православию... Что же касается будущего, у Вас после тяжёлой травмы или ранения головы сужены сосуды мозга левого полушария, и в связи с этим у Вас уже в скором времени могут быть серьёзные проблемы, если их уже нет.

Я не знал, что ответить. Скорее всего, «девушка», действительно, с приветом, но откуда она знает о моих проблемах с головой, что порой меня мучают сильные головные боли?

— Нет, я вполне нормальная,— словно прочитав мои мысли, улыбнулась незнакомка.— Меня зовут Наталья Петровна, я учитель русского языка и литературы в школе. Но с некоторых пор, после автомобильной катастрофы и клинической смерти, я обнаружила в себе дар ясновидения и целительства. Старалась не заниматься этим, но какой-то внутренний голос, а скорее, голос извне, заставляет меня это делать. Нет, я не лечу, на это я не решаюсь, не говоря о том, что это отбирает много сил, а диагностирую, потому что тот голос меня требовательно спрашивает: «Как ты можешь смириться с тем, что видишь, а человек не знает, что давно болен, и если вовремя не начать лечить, то может быть поздно? Тебе совсем не случайно дан этот дар. Как не случайно на время вернули с той стороны смерти. Нет, не с того света, как у вас в таких случаях принято говорить, а всего лишь с той стороны смерти. С того света не возвращаются. А с той стороны смерти, с пограничья, бесцельно не возвращаются. А внутренний голос тебе подскажет, кому нужно открывать будущее, а кому нет». Потому я иногда диагностирую. В таких случаях рекомендую как можно скорее обратиться к врачам. В каком-то смысле я и ясновидящая, иногда, вопреки моему

желанию, вижу будущее человека. Не знаю, кто, но кто-то отвечает на мои вопросы, стоит мне к нему мысленно обратиться. Таким чётким, беззвучным способом. И, что поразительно, я редко, очень редко ошибаюсь.

— И кому, по-вашему, принадлежит этот голос?

— Не знаю. Может, ангелу-хранителю. Или ещё кому. Иногда боюсь, что демону, подстроившемуся под ангела. Но словно кто-то постоянно рядом со мной, точнее, где-то вверху, над моей головой. Потому как голос я слышу как бы сверху. Я мысленно задаю ему вопросы, он отвечает. Иногда мне хочется уйти от всего этого, тогда он сам как бы заставляет задавать ему вопросы и тут же отвечает на них. Иногда мои вопросы строго останавливает: «Этого тебе не нужно знать!» Или: «Этому человеку этого не нужно знать! Всему своё время». И вот сейчас: сижу в автобусе, узнала Вас, и, ещё раз простите, без Вашего разрешения обратилась к нему, что он может сказать о Вас. Была какая-то пауза, а потом он ответил: «Я знаю этого человека...» — и начал словно диктовать, как бы читал по какой бумаге...

Видя, что я демонстративно смотрю на часы, ища повод, как деликатно откланяться, она спросила:

— Чтобы Вы поверили, хотите, я расскажу о других Ваших болезнях, которые Вы перенесли, начиная с детства?

Я помедлил, не зная, что ответить, всё это было не очень приятно, но в то же время был соблазн любопытства, «ясновидящая», воспользовавшись моим замешательством, начала перечислять, словно читала мою медицинскую карту, но и не только её...

Мне с трудом удалось скрыть, что я был поражён. Есть болезни, которыми по жизни, начиная с детства, болеют почти все. Допускаю даже, что она знакома с кем-нибудь из моих знакомых, или даже с участковым врачом из поликлиники, но откуда она могла знать о тех моих болезнях, о которых кроме меня не знает никто?

— Признаюсь, когда шла за Вами в автобусе на выход, я провела рукой вдоль Вашей спины от затылка до поясницы, и мне было этого достаточно. Хотите узнать, что сказал о Вас мой ангел-хранитель, или ещё кто, не знаю?

Я пожал плечами.

— Наталья, я знаю этого человека. Он живёт уже восемь жизней. В предыдущей жизни он был князем, жил в России. Имел жену и троих детей. Была любовница, в которой он души не чаял и очень страдал из-за любви к ней. В настоящей жизни этот человек призван быть тем, кого у вас называют писателем. Это его земной тяжёлый крест. Потому его душа не знает утешения. Печаль в нём живёт постоянно, нереализованность земного счастья изначальна. Господь покровительствует ему. Но он страдает. Дай, Господи, ему радости!»

— А ещё что он сказал обо мне? — неожиданно для себя спросил я.— О моём будущем?

— Он меня строго остановил на этом вопросе: не каждому человеку нужно знать, что с ним будет. А точнее никому, кроме исключительных случаев, этого не нужно знать. Человеку опасно знать, что с ним будет. Но кое-что я увидела сама, я же сказала, что сама в некотором роде ясновидящая.

— И что Вы увидели? — я уже не мог остановиться.

— Этого я не имею права говорить...— на какое-то время она отвела взгляд.— А это Вам нужно знать, что с Вами будет? Как Вы будете с этим знанием жить?.. А бронхит свой лечите. Не запускайте, этот очень опасно. Кстати, он в более опасной форме у кого-то из Ваших близких. Это, может, самое главное, что сейчас Вы в смысле будущего должны знать о себе. О своих проблемах с сердцем Вы уже знаете, отне-

ситесь к ним серьёзно. И займитесь сосудами головного мозга. Это трудноизлечимо, но замедлить процесс можно.

— Но если всё в нашей жизни заранее предопределено, если у каждого из нас судьба прописана с первого до последнего дня, значит, в нашей жизни уже ничто нельзя изменить?

— Не всё. Кое-что в наших силах. В зависимости от нашего поведения происходит, а точнее, проводится коррекция нашей жизни. Хотите, я оставлю свой телефон?

— Нет, спасибо,— сам не зная почему, решительно отказался я.

Потом я, может быть, жалел об этом... Наверное, нетрудно было бы найти её по телефонному справочнику, не так уж много в городе школ, а в них учителей русского языка и литературы по имени Наталья Петровна, но что-то меня каждый раз, как в случае с Вангой, останавливало...

Живёт-живёт человек, болеет разными болезнями, может быть, даже они хронические, но не роковые, потому не лечащие его душу, они идут по поверхности его души, почти не задевая её, и вдруг его ударяет, что у него рак, что его время сочтено. Это сообщение переворачивает его душу. Начинается настоящая подготовка к переходу в мир иной или в никуда, если человек озлобится, не впадёт в отчаяние, не восстанет против Бога, независимо от того, веровал в него или не веровал...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Лежу в больнице на обследовании: на третий год после твоего ухода серьёзно стало сдавать сердце. И раньше, когда мы с тобой последние три года жили в ожидании твоей смерти, пытаясь как-то противостоять ей, когда я жил ещё с тобой, я, мягко говоря, чувствовал его, а теперь вот прижало серьёзно. И в правое, и в левое ухо я постоянно слышу, что я должен смириться с твоей смертью, что я должен как можно скорее жениться, что нужен элементарный режим, нужно, наконец, просто успокоиться...

Я попытался жениться. Нет, не отказавшись от тебя. Наоборот, я хотел, я готов был как бы в искупление вины перед тобой отдать встретившейся мне женщине и её малолетнему сыну, который привязался ко мне, как к отцу, море неистраченной теплоты и нежности. Всё вроде бы было хорошо, пока она жила у меня наездами. Но через неделю, когда совсем переселилась ко мне, однажды утром, и не просто утром, а на Рождество Христово, она, заломив руки, встала передо мной на колени:

— Нет, не могу. Здесь по-прежнему живёт Ваша покойная жена. Она не ушла отсюда. Она везде. И не просто везде, а постоянно напоминает о себе. Она не отпускает Вас... Или Вы не отпускаете её... Она против меня...

И, собрав свой скудный скарб и заказав такси, она уехала...

Я лежу в кардиоцентре, который во многих случаях — тоже почтовая станция в мир иной, по статистике, люди умирают от болезни сердца даже больше, чем от рака. Но, в отличие от рака, в большинстве случаев,— неожиданно для больного, и потому не так страшна такая смерть.

У меня появилось много свободного времени, потому много читаю.

«Мысль о земной кончине страшит лишь тех, кто не верует в Бога, или тех, чья вера слаба, хотя они думают, что она сильна — так тоже бывает. Мы можем совершать бесконечные паломнические поездки, рыдать у святых мощей угодников Божиих, молиться всю ночь напролёт (а потом целый день спать), совершать, как нам кажется, подвиги во имя Христа, даже посещать все богослужения, что само по себе хорошо,

но... Но леденящий жутковатый холодок внутри при мысли о смерти безошибочно покажет нам, как слаба наша вера в Милосердного Бога... Без веры думать о смерти страшно. И всё-таки думайте о смерти! Потому что рано или поздно эти мысли приведут вас к вере! Человек начинает жить подлинной жизнью, лишь осознанно принимая неотвратимость земной кончины и необходимость подготовки к ней...»

Верую ли я? Не знаю. Если не верую, а только обманываю себя — что заставляет меня время от времени ходить в храм и замирать там в неясном благоговении?

Если я действительно веровал бы, а не прикидывался верующим, обманывая прежде всего самого себя, если бы верил в тот прекрасный мир по ту сторону смерти, наверное, не была бы для меня так ужасна твоя смерть...

«По сотворению мира все Ангелы были связаны союзом святой любви и пребывали в великой святости и чистоте и имели мир между собой и Богом. Но вскоре Ангел, которому была вверена охрана Земли, не вынес чести и славы, дарованной ему творцом, и допустил самомнение, высокоумие и гордость. Слово Божие говорит, что Денница (Диавол) в помышлении своём пожелал взойти на небо, выше звёзд небесных поставить престол свой, сесть на горе высоце и быть подобным Всевышнему...»

Не в силах до конца понять сказанного, набираюсь наглости размышлять: но значит, с самого начала что-то ущербное было в творении Божием, раз один из ангелов восстал, раз он захотел на Земле создать свой мир и, может быть, создал его?

«...Он возымел желание стать равным Богу. И вслед за этим самообольщением последовало прямое неповиновение Богу. Кроме того, он увлёк за собой множество состоящих под его властью Ангелов. И спал сатана вместе с мятежными ангелами с неба, как молния. И падение, и изгнание Диавола по учению святой церкви произошло до сотворения человека. И зло уже было в отпадении Ангелов. Человек, как земной ангел, украшенный добродетелью и чистотой, явился венцом творения. Но Диавол смутил любимое деяние Божие...»

Почему ангелы восстали против Господа?

Раз это произошло раньше появления человека, действительно, не создал ли Бог человека себе в помощь в борьбе с Диаволом, возмечтавшим стать Богом для Земли, а тот быстро переманил человека на свою сторону?

Остаться после смерти жить на Земле — это значит оставить сколько-нибудь благодарную память о себе, если не у всего народа, если не у всей деревни, то хотя бы у своих потомков, то есть жить как бы в двух мирах, которые потом, может быть, соединятся.

Если мы временные на Земле, то почему каждый старается после себя оставить память на Земле, прежде всего в образе детей?

Иначе, почему я так страдаю от того, что никого после себя не оставляю?
По мнению учёных, мозг наш задействован всего лишь процентов на 10. Остальные 90 процентов как бы спят.

Почему же мы умираем, не использовав даже малой доли возможностей мозга?

Может, мозг человека специально заблокирован, чтобы мы чего-то не натворили по своей безнравственности? Может, эта блокировка произошла после грехопадения Адама и Евы? И опять, словно гвоздь в мозгу: но почему Бог не смог предвидеть и предотвратить их грехопадение? И наложил печать греха на всё последующее человечество?

Или же наш мозг — часть души, он остаётся задействованным всего лишь на 10 процентов на будущее, чтобы проявиться где–то в другом месте, в другом мире? Где–то же должны проявиться в полной мере возможности нашего мозга!

В другой жизни? Но мы знаем, что мозг смертен, а бессмертна, если это правда, только душа. Но, может, действительно мозг– часть души? Может, действительно, наш мозг должен заработать в полную силу в результате нравственной эволюции, когда он будет вторичен по отношению к душе, а не наоборот, как сейчас: мы сначала до всего доходим умом? Это совсем не противоречит божественному происхождению человека, наоборот, подтверждает его. Бог только дал толчок, как бы сделал первоначальную колодку человека, заложив в него душу и в помощь полностью подвластный ей ум, а дальше мы должны были нравственно расти сами, и неукоснительно главной должна быть душа, а ум подчинён ей. Но после того, как первый человек сорвал плод с древа познания, Господом в печальном предчувствии, что может натворить человек, у которого ум переборол душу, заблокировал наш мозг, надеясь, что не навсегда?

Читаю:

«И сказал змей жене (Адама): «В день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз вожделенно, потому что даёт знание, и взяла плодов его и ела; и дала мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания».

Сколько не пытаюсь понять конечного смысла этих слов, но не могу...

Кто-то недобрый вселяет в меня мысль: «Бог наказал Адама и Еву за то, что они полюбили друг друга, а он хотел, чтобы они любили только его?

Читаю:

«Бессмертие человека состоит в том, что душа его по смерти тела продолжает жить отдельно от тела, и человек за гробом продолжает своё существование в другом мире. Правда, в другой форме и в других условиях. Смерть не прерывает существование человека, а только видоизменяет его... Потому для православного верующего человека существует в большей степени память смертная, чем страх смерти. И чем сильнее и крепче вера, тем меньше страх смерти. Но больше память смертная».

Мой ближайший друг с детства — мусульманин. Без всякого сомнения,— я-то уж знаю,— он выше меня по нравственным и духовным качествам, но ему, по утверждению христианских священников, закрыты врата рая. Он, как мусульманин, должен считать соответственно, что врата его рая в принципе закрыты для меня, православного христианина.

У каждого свой рай?

Оба мы веруем, или хотим веровать в Иисуса Христа, только я, православный, как в Бога, а он — как только в одного из пророков, посланников Бога. У нас с другом нет проблем по этому поводу, я мог бы сказать, что мы просто деликатно обходим стороной эту тему, но это было бы неправдой, потому что нас кроме детства, кроме всего прочего объединяет как раз то, что мы веруем в одно божественное существо, пусть и в разных ипостасях.

Но почему из-за этого не принципиального разногласия христиане и мусульмане раздираются, стравливаются между собой много веков, начиная с явления пророка Мухаммада, хотя по Корану он пришёл на Землю, чтобы как раз продолжить дело Иисуса Христа. Из-за этого в явных и тайных религиозных войнах уничтожены миллионы и миллионы людей. Мало того, сегодня мир стоит на грани действительно мировой, спровоцированной тайной беззакония христианско-мусульманской войны, за которой, может, и последует конец света, но совсем не тот, за которым мы ждём Всеобщего Воскресения, а действительный конец, пустота. Может, по этой причине погибали одна за другой на самой вершине развития древние цивилизации и кто-то специально стёр память о них, чтобы каждая следующая, в том числе наша, начина-

ла с чистого листа? А мы так и остаёмся малыми злыми детьми, дерущимися из–за игрушек в песочнице?

Неужели мы с другом детства — друзья только потому, что я не в полной мере христианин, только обманываю себя, что верую в Иисуса Христа, а он — не в полной мере мусульманин? А если были бы полными каждый в своей вере, то тут же схватились бы: один — за топор, второй — за ятаган?

Я всегда испытываю странное чувство, когда из иллюминатора самолёта смотрю вниз, на Землю, мыслью отстранившись от неё: почему, получив в дар её, невообразимо прекрасную, люди разгородили Землю на государства, вместо того, чтобы единым человечеством обихаживать её. Неужели это Богу не угодно?

И снова и снова прежний вопрос: почему Всевышний разделил людей по религиям, как до того разделил на расы, народы? На языки, ведь первоначально у нас был единый язык. Чтобы мы без конца выясняли между собой отношения и не поднимали головы к небу? Или мы сами разделились, помимо Его воли? Что Его так испугало в созданном Им самим человеке? Почему Он поторопился отвернуть человека от неба и вместо того, чтобы заставить людей заняться нравственным самосовершенствованием в общем богоугодном деле, заставил их всю короткую жизнь бесплодно и разрушительно выяснять отношения между собой? Или это дело рук Дьявола? Почему Господь— или кто иной? — так упорно отделяет Землю от того, рисуемого нам прекрасным, потустороннего мира, а не стремится сделать Землю частью его? Или это случилось только после грехопадения человека?

Почему Всевышний после первоначального разделения людей на народы, языки и вероисповедания, словно этого разделения ему показалось мало, попустил ещё разделиться людям, даже исповедующим Его, на православных, католиков, протестантов... И ещё на десятки и даже сотни всевозможных сект, которые постоянно выясняют между собой отношения и доказывают свою единственную причастность к Нему. Ведь и Ислам разделён на шиитов и суннитов и ещё на сотни всевозможных сект, у которых между собой вообще кровавые разборки. Или рождённый Всевышним человек уже давно не подвластен Ему? И Он отказался от своего детища? Порой мне кажется, что человек давно брошен Богом, может быть, из отчаяния исправить его. В таком случае мы, оставшиеся на Земле сиротами, своего рода злые дети, по-прежнему младенчески, но теперь уже без отеческого присмотра копающиеся в песочнице. И только этим, отеческим или материнским не присмотром, можно объяснить многое, что мы успели натворить с Землёй, с самими собой. И нетрудно представить, что нас, злых беспризорников, как крайним средством, можно будет остановить очередным всемирным потопом или каким-то подобием его...

Мой знакомый, бывший военный лётчик, сбитый во время войны в небе над Афганистаном и получивший в результате тяжелейшей контузии и ранения некоторый дар ясновидения, по окончанию войны вернулся в Афганистан, чтобы кое-что прояснить для себя, потому что он не испытывал никакой вражды к людям, с которыми не по своей воле доблестно воевал. Он встретился с бывшим полевым командиром, одним из выдающихся мыслителей Ислама, Махмудом шахом Масудом и задал мучавший его вопрос:

— Самое страшное, что может быть впереди у человечества?

— Самое страшное случится,— ответил тот,— если Ислам заменят лжеисламом, что сейчас и стараются сделать, а потом стравят его с христианами. Тогда погибнут в поистине мировой междоусобной войне не сотни тысяч, как сегодня, даже не миллионы, а миллиарды людей, если вообще не наступит конец света в самом прямом смысле этого понятия, после которого не произойдёт никакого воскрешения. Все-

вышний же, если у него ещё осталась какая-то надежда на человека, поселит нового Адама, заставив, как уже было, забыть своё прошлое, скорее всего, не на Земле, а на какой-нибудь другой планете, может, даже в другой Галактике.

Может, подобное уже случилось на Марсе, после чего он стал пустыней, а мы пытаемся там найти следы прошлой жизни. А по Земле какое-то ещё время будут бродить отдельные одичавшие люди, вроде обезьян. И нынешние обезьяны, может быть, одичавшие люди, которых Всевышний, боясь, что они натворят страшного, непоправимого, лишил разума и божественного облика, то есть, может быть, обезьяна произошла от некогда уже раз падшего человека, спасшегося во время очередного мирового потопа, а не наоборот, как у Дарвина. Впрочем, Коран так и утверждает, что обезьяна произошла от человека:

«И заменили те из них, которые делали несправедливость, другим речением, чем было сказано им. И послали Мы на них наказание с неба за то, что они были несправедливы. Когда же они забыли про то, что мы им напоминали, мы спасли тех, которые удерживали от зла, и схватили тех, которые были не справедливы, наказанием дурным за то, что они были нечестивы. Когда же они (опять) преступили то, что им запрещали, мы сказали им: «Будьте обезьянами презренными!»

Читаю Евангелие совсем другими глазами, чем раньше...

В речах Иисуса Христа, произнесённых им перед народом, в тесном кругу ближайших учеников, в молитвенных воззваниях к Богу-Отцу, выбираю места, относящиеся к вопросу о смысле, о конечной цели человеческой жизни. Взятые вместе, они дают ясный ответ, что за порогом смерти нас может ждать вечная жизнь, при условии, что мы будем вести себя должным образом на Земле. Выписываю для себя следующие места: «В доме Отца Моего обителей много, а если бы не так. Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я» (Ин.14.2–3). «Отче! Которых Ты дал мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мной. И Я открыл им имя Твое, и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них» (Ин.17.24–26). «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика наша награда на небесах» (Матф.5.8.11.12). «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от сложения мира» (Матф.25.24).

Читаю всевозможные толкования Евангелия. Знаю, что читать нужно только само Евангелие и верить только самому Евангелию (холодный ум снова и снова подсказывает: если оно не ложно истолковано апостолами, неважно, сделано это из недопонимания или специально), но не всё в Евангелии доходит до моего сердца, может, потому, что я пытаюсь понять его, прежде всего, умом, а ум мой то и дело растерянно упирается в стену или в пустоту.

«По Евангелию жизнь человеческая не прекратится всецело здесь, на Земле. Земная жизнь — лишь первая стадия человеческой жизни вообще, она продолжится и за пределами земной жизни, причём сознание, личность каждого человека останутся неприкосновенными... И вот там-то, за гробом, а не здесь, на Земле, конечная цель человеческой жизни, и там-то она вполне будет достигнута. Потому для нас смерть брата нашего по вере не должна заключать в себе горечи разлуки навсегда.

Человеку, грядущему на сон, не говорят: прощайте! Не правда ли, как было бы странно и смешно говорить это слово. А говорят: спокойной ночи! до утра! до утреннего свидания!

Ты каждый день видишь смерть, видишь её и на улице, видишь её и в доме твоём, видишь её на чужих и своих, на взрослых и детях. Ты похоронил отца или сына, за-

крыл глаза жене своей, оплакал друга, и не веришь, что и ты умрёшь. Ты стар, одной ногой уже ступил в могилу, смерть висит у тебя на шее, а ты всё ещё надеешься на жизнь. Дьявол обманывает тебя, что ты не умрёшь».

Читаю и пытаюсь принять сердцем, но оно почему-то противится.

А каков смысл моей оставшейся жизни здесь, на Земле?

«Отчаяние гони, как лютого зверя. Оно у тебя появляется от самонадеянности. Совершай то, что в твоих силах, а остальное восполняй смирением и любовью. У святых отцов сказано, что смирение без всяких подвигов может спасти человека. Вот и смиряйся. Не горячись, не кипятись, не ищи каких-то особых подвигов, свойственных древним подвижникам,— твои подвиги в терпении немощей: своих и других.

Когда к тебе приходит состояние безотрадности, ты только взывай: «Господи, помоги! Господи, не оставь меня, помилуй немощного Раба Твоего!» В эту минуту необходимо терпение и упование. Это время испытания. Полезно открыть такое состояние духовному отцу, прося его молитв».

У меня нет духовника, и я не ощущаю потребности в этом, может, потому что врать ему нельзя, а говорить ему правду страшно.

Шепчу про себя: «Господи, помоги! Господи, не оставь меня, помилуй немощного Раба Твоего!» Но не слышу ответа...

Читаю... Снова натыкаюсь на прежде покоробившее и даже возмутившее мою душу утверждение:

«Одно из самых чудесных богослужений в Православной Церкви — это служба похорон...»

Читаю и неожиданно для себя не чувствую прежнего несогласия, а, скорее, только удивление и, может, даже согласие:

«Одно из самых чудесных богослужений в Православной Церкви — это служба похорон. Она начинается словами, которые можно произнести только из глубины крепкой веры или напрягая все силы своего доверия к Богу: «Благословен Бог Наш...» Благословен Бог на жизнь, но благословен Он и на смерть. Но вспомним: когда Христос стоял перед лицом своей смерти, Он сказал ученикам: «Если бы вы меня по-настоящему любили, то радовались бы за меня, ибо я отхожу к Отцу своему...» И мы перед гробом таинственно созерцаем величественную встречу Бога и человека, момент, когда завершается земной путь человека, и он приходит домой».

И странно: моя душа и разум хоть полностью ещё и не приемлют прочитанного, но уже не восстают против него... А слова «И мы перед гробом таинственно созерцаем величественную встречу Бога и человека, момент, когда завершается земной путь человека, и он приходит домой» вызывают надежду...

Вспоминаю, как это было... Сначала вижу всё как бы со стороны...

Несколько придавленных горем людей в чёрном около гроба в Крестовоздвиженской церкви, в одной из трёх сохранившихся в городе в безбожное время. Рядом стучат поезда, спешат, везут людей по их земным делам на восток и запад по Великой Транссибирской магистрали, люди из любопытства или чтобы убить время смотрят в окна, глаза неожиданно упираются в купола церкви, кто-то, редкий, крестится, и никто из них не подозревает, что в церкви в сии минуты кого-то провожают в мир иной. Знакомый священник, татарин, отец Роман (у меня вдруг мелькает мысль: а если мы провожаем тебя в лучший мир, в истинную жизнь, почему священник в чёрном и почему вообще люди, уже в этой жизни отрешившие себя от этого мира, монахи, всегда в чёрном?), до духовной академии окончивший философский факультет университета, суть учения в котором состояла в том, что его в течение пяти лет убеждали, что Бога нет,— может, как раз это и привело его к Богу? — начинает читать Последование по исходе души от тела:

БЛАГОСЛОВЕН БОГ НАШ...

Каждое слово гулко отдаётся то ли в сводах храма, то ли внутри меня, и я уже как бы не вспоминаю, а как бы снова стою над твоим гробом. Кажется, что и меня вслед за тобой отрывает от Земли, я стою на хрупкой грани двух миров и чувствую присутствие над нами или среди нас ещё Кого-то. И я не узнаю отца Романа, он внутренне преображается, как бы уходит в себя, его лицо становится торжественным и отрешённым, когда его взгляд натыкается на меня, он словно не видит меня, он смотрит словно сквозь меня и словно видит за мной или надо мной что-то или Кого-то, чего или Кого, невольно оглянувшись, не вижу я.

Он торжественно и отрешённо повторяет:

«Благословен Бог наш...»

И я словно отрываюсь от Земли. Голос священника доносится до меня как бы издалека:

«Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас...»

Я, словно проснувшись, замечаю, что кто-то высоким женским голосом начинает вторить ему:

«Со духи праведных, скончавшихся душу рабы Твоей... Спасе, упокой, сохраняя ю во блаженной жизни, яже у Тебе, Человеколюбче.

В покоищи Твоем, Господи: идеже вси святии Твои упокоеваются, упокой и душу рабы Твоей... яко един еси Человеколюбивец.

Ты еси Бог, сошедый во ад и узы окованных разрешивый, Сам и душу рабы Твоей упокой.

Едина Чистая и Непорочная Дево, Бога без семени рождшая, моли спастися души её».

На какое-то томительное время в храме повисает пауза, а потом на меня как бы обрушивается сверху:

«Помилуй нас, Боже, по великой милости Твоей. Молим Ти ся, услыши и помилуй...

Ещё молимся об упокоении усопшей рабы Божией..., и о еже проститися ей всякому прегрешению, вольному же и невольному...»

Высокие женские голоса на клиросе отвечают священнику:

«Господи, помилуй!»

И опять голос священника отрешённо и торжественно возносится к куполу храма:

«Боже духов и всякия плоти, смерть поправый, и диавола упразднивый, и живот миру Твоему даровавый, Сам, Господи, покой душу усопшей рабы Твоей... в месте светлее, в месте злачне, отнюдуже отбеже болезнь, печаль и воздыхание, всякое согрешение, содеянное им словом, или делом, или помышлением, яко Благий Человеколюбец Бог, прости: яко несть человек, иже жив будет, и не согрешит. Ты бо Един кроме греха, правда Твоя, правда во веки, и слово Твое истина.

Яко Ты еси Воскресение и Живот, и Покой усопшей рабы Твоей... Христе Боже наш, и Тебе славу возсылаем, со Безначальным Твоим Отцем, и Пресвятым, и Благим, и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Я настолько погружён в себя, что не сразу понимаю, что священник о чём-то спрашивает меня. Он вполголоса повторяет вопрос:

— Здесь закрываем гроб или на кладбище?

И я непроизвольно отвечаю «здесь», тем самым лишив себя последней возможности увидеть тебя. И он обыкновенным молотком с надтреснутой рукояткой забивает в крышку гроба обыкновенные по нищете церковной полуржавые гвозди. И эта обыкновенность меня потрясает. Но потом на кладбище, к своему удивлению, у меня не будет желания открыть гроб и ещё раз увидеть твоё лицо, у меня будет чувство, что

тебя уже нет в гробу. Ты осталась там, в церкви, или уже была где–то далеко. А тут тебя уже нет.

Забив гроб, священник неожиданно для меня читает псалом 90: «Живой в помощи», который относится к живым и, знаю, обычно читается в опасности:

«Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси, и Прибежище моё, Бог мой, и уповаю на Него...»

Какая опасность ожидала меня в то время? Потеря веры со смертью самого близкого человека?..

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Два моих соседа по больничной палате отпросились на воскресенье домой. Включаю телевизор. Передача о поисках Атлантиды...

Рождается и умирает не только отдельный человек, рождаются и умирают, одни тоже в длительных муках, другие внезапно в природных катастрофах, целые государства и даже цивилизации.

Почему погибла — или была уничтожена? — Атлантида, может быть, самая совершенная человеческая цивилизация на Земле — примерно около 1450 года до новой эры — страшным взрывом вулкана Санторин в Средиземном море и вызванной им огромной многометровой волной цунами? Города Атлантиды были построены с учётом высокой сейсмичности, они были в состоянии выдержать самые сильные землетрясения, и, видимо, не раз переносили их, но неожиданно были разрушены катастрофическим взрывом считавшегося потухшим вулкана, после чего большая часть Атлантиды была поглощена океаном, а на оставшуюся обрушилась гигантская волна цунами. Но как бы и этого кому-то показалось мало, потому что следом всё, что осталось после взрыва вулкана и цунами, было засыпано многометровым слоем пепла. Немногие выжили, и, хотя были уничтожены сады, поля, пастбища, как-то стали приспособляться к новым условиям, но примерно через полвека на оставшийся от Атлантиды остров обрушилась новая волна цунами, а за ней новая туча пепла, словно кто-то старался спрятать даже следы от некогда существовавшей могущественной цивилизации. И потомки немногих оставшихся в живых, и переселенцы с материка на остаток Атлантиды, остров Крит, до начала археологических раскопок в конце XIX века не подозревали даже, что под их лачугами похоронены великолепные дворцы, сады, дороги... Почему Всевышний попустил это, если это произошло вопреки Его воле? Или сам наказал? Что, все, начиная с младенцев, в Атлантиде были грешниками? Может, Атлантида была уничтожена, а у остальных народов планеты была стёрта даже память о ней за то, что она нравственно пала и стала угрозой для остального человечества? Или что её жители пытались построить рай на Земле? И если не рай, то более или менее гармоничное человеческое общество, и во многом преуспели в этом, в результате чего перестали думать об иной жизни, о спасении души, о Боге? Что, Всевышний наказывает не только отдельного человека, а целые народы? Даже цивилизации? И даже стирает память о них у потомков и других народов. Он как бы возвращает человечество в первобытное детство, чтобы оно, не зная и даже не догадываясь о пагубном прошлом, всё начинало сначала? Впрочем, кажется, однажды Он так уже поступил со всем человечеством, обрушив на него всемирный потоп. А может, это сделал не Он? Может, это, как бы сегодня сказали, диверсия Дьявола на уничтожение богоизбранного народа? Но почему Всевышний не противостоял этому? Не мог противостоять? Или — не захотел?..

О существовании Атлантиды не сохранилось никаких письменных свидетельств, кроме упоминания у Платона, который опирался только на смутную легенду, и мало кто ему поверил. Ничего неизвестно: что за народ населял её, на каком языке он говорил, во что веровал? Неизвестно даже, где Атлантида находилась. Многие учёные вообще сомневаются, существовала ли она, верящие же в её существование сходятся на том, что остатки её — нынешний остров Крит.

Открыл Атлантиду выдающийся английский археолог Артур Эванс в начале XX века. При раскопках царского дворца-лабиринта древнего города Феста, потрясшего учёных своей красотой и совершенством, был найден диск из хорошо обожжённой глины диаметром примерно в 16 сантиметров. С обеих сторон его покрывала, подобно причудливому узору, спирально идущая надпись. Долгие годы эта надпись не поддавалась прочтению, пытались расшифровать её с помощью греческого, хетского, древнееврейского, ликийского, харийского и других семитских языков. Правда, английский учёный Майкл Вентрис в 1952 году предположил, что языком Фестского диска и табличек мог быть язык этрусков, древних таинственных жителей Италии, возможно переселившихся с одного из островов Средиземного моря, а потом также таинственно исчезнувших. Римляне, видимо, знали или догадывались об этом, но это противоречило их историческим амбициям, и они за много веков до Майкла Вентриса своеобразно решили эту проблему, заявив: «Этрускан нон легатур — этрусское не читается», — что дало им возможность провозгласить, что с них, римлян, начинается если не всемирная, то уж точно западноевропейская цивилизация и, разумеется, письменность. «Дешифровка этой надписи остаётся за пределами наших возможностей», — расписались в своей беспомощности и современные западноевропейские учёные. Никому даже не пришло в голову попытаться расшифровать этрусские письмена, к тому времени найденные кроме Крита на Апеннинском полуострове и во многих других районах нынешней Западной Европы, с помощью одного из славянских языков, потому как западная наука определила славян варварами, полудикими племенами, не имеющими сколько-нибудь глубокой истории и тем более уж древней письменности, а сами славяне почему-то не помнили своего прошлого, словно кто зомбировал их. Лукавые западные историки, потомки истинных варваров, хитро переадресовали своё ставшее нарицательным имя славянам. И тем более никому в голову не пришла мысль, более того, она показалась бы кощунственной, что эта надпись сделана именно на праславянском языке и что этруски по своему происхождению были славянами. И даже когда в середине XX века российский учёный Геннадий Гриневич убедительно доказал, что надпись на Фестском диске и другие этрусские письмена, найденные в разных местах Европы, сделаны на праславянском языке и, отталкиваясь от этого, успешно расшифровал их, это было предано умолчанию и даже осмеянию и до сих пор остаётся известным только узкому кругу учёных.

И поразительно, этрусские письмена Крита, Апеннинского полуострова после расшифровки (потому что алфавит и слоговое письмо этрусков как бы специально стёрты были из памяти человечества, в том числе из памяти самих славян, и через много веков равноапостольным Кириллу и Мефодию пришлось заново создавать славянскую письменность для ознакомления славян с Евангелием) легко читаются и понимаются мной, современным русским, знакомым со старославянским лишь по краткому университетскому курсу, так мало изменился язык за тысячелетия. Изменились мы за эти тысячелетия? И если изменились — то в какую сторону?

Теперь уже с определённой достоверностью можно утверждать, что таинственные этруски были славянами — ответвлением так называемых эгейских пеласгов, догреческого населения Греции, Энеиды, а также и Крита. О них известно столь мало,

что складывается убеждение, что кто-то старался стереть саму память об этрусках в истории человечества. Римский император Клавдий в I веке н.э. написал двадцатитомную историю этрусков, но его труд погиб при пожаре Александрийской библиотеки. Почему-то время уничтожило и другие труды античных учёных, посвящённые этрускам. «Отец истории», великий Геродот, писал, что Эллада раньше называлась Пеласгией. О пеласгах сообщается в гомеровской «Илиаде» и «Одиссее». Этрусками назвали пеласгов римляне, греки называли их «тирренами» — по местности, где они, изгнанные греками, поселились, сами же этруски, как свидетельствует древнегреческий историк и ритор второй половины I века до н.э., автор «Римских древностей» Дионисий Галикарнасский, называли себя «рассена» или «русы».

До сих пор считается общепризнанным, что древние римляне являются учителями Европы. Хотя у древних историков можно найти свидетельства, что учителями этих учителей были как раз этруски. Оказывается, римляне унаследовали от этрусков музыкальные инструменты, театр, мореходство, горное дело, производство керамики и обработку металлов, траволечение, мелиорацию... Более того, первые цари Рима были этрусками: Тарквий Приск. Сервий (Сербий), Туллий, Тарквиний Гордый. И Рим в действительности основан тоже этрусками, а этрусская система подземных каналов и сегодня является частью городского хозяйства «вечного города». Но откуда появились в Средиземноморье пеласги-этруски-рассена-русичи-русы?

Время их появления на Балканах, в догреческой Греции, на островах Эгейского моря, в том числе на Крите, совпадает с исходом из Среднего Поднепровья и Дуная в начале 2-го тысячелетия до н.э. славянских племён, названных археологами «трипольцами» по местности, в которой впервые были раскопаны их поселения. Археологические раскопки красноречиво свидетельствуют, что исход имел катастрофический характер, «трипольцы» покидали свои поселения на берегах Днепра с такой поспешностью, что бросали в своих домах всё, вплоть до домашних святынь...

Почему и куда они вдруг ушли? В неизвестность, словно вообще исчезли с планеты, пока историки не обнаружили их на побережье Эгейского моря и на Крите уже под именем пеласгов или этрусков. Но, по смутному преданию, здесь они оказались после гибели мощного государства, которое они основали на огромном острове или целом архипелаге среди океана (легендарная Атлантида?), катастрофа настигает их и здесь, вызванная страшным взрывом вулкана. Оставшиеся в живых также поспешно, как тысячи лет назад в Приднепровье, бросают свои пепелища, уплывают на материк и, неспособные противостоять местным племенам, уходят на север, чтобы на рубеже 4–3 века до н.э., почти через 2,5 тысячи лет снова вернуться в Приднепровье, где возникнет государство восточных славян — Киевская Русь. И вспомнили своё прежнее имя, и приняли Иисуса Христа с таким чувством, что давно ждали Его. Более того, с чувством, что давно, даже изначально жили с Ним, по Его заветам, только по какой-то причине забыли Его имя или называли Его иначе. Или кто-то заставил забыть Его, и может, как и заставил забыть своих предков пеласгов-русов и стереть память о них у других народов? Сейчас вон столкнулись с загадочным и жутковатым явлением: человек вдруг обнаруживает себя где-нибудь далеко от дома, чаще всего на каком-нибудь вокзале или на железнодорожных путях, и не может вспомнить ни своего имени, ни родителей, ни сколько ему лет.

Может, кто-то так поступил с целым народом, с целой цивилизацией?

Кто нас, славян-русов, гонит по свету, время от времени меняя нам имя, стирая в нас память о своём прошлом? Или в этом кроме нас самих никто не виноват? Может, это от нашей генетической беспамятности, от генетического чувства, что мы временные на Земле?

Или нами в бесконечном переселении по планете двигало что-то другое? Может, тяга к перемене мест? Может, неслучайно греки назвали наших предков пеласгами — аистами? Может быть, за особливый склад характера? Вернувшись в Приднепровье, мы не остановились, а часть из нас пошла дальше на север, вплоть до Ледовитого океана. Север властно тянул нас, словно там, до Приднепровья и Крита, была наша прародина, легендарная Арктида, где мы, пока на планете не сместились или даже не поменялись местами магнитные полюса, жили на горах и в долинах, которые потом уйдут под воду и ныне зовутся подводным хребтом Ломоносова, пересекающим современный Северный полюс. Но и Ледовитый океан не остановил нас, вдоль его побережья мы Дежнёвыми, Челюскиными, Шелиховыми, подобными им пошли дальше на северо-восток, в огромную студёную страну, которые ныне зовут Сибирью, и, пройдя её, перешли через пролив на Аляску, на том, может, окончательно истощив свои силы. В чём смысл загадочной славянской души? Может, Бог ведёт или гонит нас по планете, в то же время испытуя нас, для просвещения, для смягчения нравов других народов? Потому что мы, в отличие от евреев, не создаём народа в народе, не пытаемся подменять народы собой или стать тайными вождями, а растворяемся в них, становясь для них питательным навозом. Может, у Бога таков замысел о славянах-русах, а ныне — о русском народе?.. Может, в этом смысл и страшного русского исхода в гражданскую войну?

На первой стороне Фестского диска было начертано:

«Горести прошлые не сочтёшь.
Однако горести нынешние горше.
На новом месте вы почувствуете их.
Вам послал ещё место в мире Божьем.
Распри прошлые не считайте.
Что вам послал Бог, обступите тесными рядами.
Защищайте его днём и ночью.
Не место — волю.
За мощь его радейте.
Живы ещё чада её, ведая, чьи они в этом мире Божьем».

Это что — об исходе из Приднепровья, откуда они ушли после неведомой нам страшной катастрофы, скорее всего, не природной — точно можно сказать, что не извержение вулкана, не наводнение были тому причиной? Под новым местом подразумевается Крит, на который они только что пришли, где пытаются осмыслить свои прежние ошибки? Что же стало причиной столь поспешного катастрофического ухода целого народа из Приднепровья? Чума? Соседние племена-народы, не просто приручившие лошадь, а превратившие её в средство войны? Славяне оказались бессильны перед ними в силу нравственных запретов? Они оказались беспомощны перед захватчиками, логика ведения войны которых, как и вообще логика поведения была совершенно непонятна, как непонятна была бы логика инопланетян?

На второй стороне диска прочитывается:

«Не единожды будет, услышим мы:
Вы чьи будете, ры (у) сичи, что для вас почести;
В кудрях шлемы; разговоры о вас.
Но есть ещё, будем ещё мы, в этом мире Божьем».

Или, наоборот, это своего рода напутствие оставшимся в живых после очередной катастрофы, на сей раз природной: извержения вулкана Санторин и вызванной им волной цунами,— и уходящим на север в неизвестность в сторону прародины? Щемящая, несмотря ни на что, вера в будущее: «Но есть ещё, будем ещё мы, в этом мире Божьем!»

Но зачем же мы тянем в земной истории века и тысячелетия свою судьбу, несмотря ни на что, теряя, меняя и обретая вновь своё имя, раз мы временные на Земле? Изгоняемые с одного места на другое не только греховными человеческими страстями, что было бы как-то понятно, но и как бы специально устроенными природными катаклизмами. Невольно снова и снова всплывает прежний вопрос: значит всё-таки мы не временные на Земле, иначе тогда какой смысл во всемирной истории?

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Сосед по больничной палате, актёр театра, с язвой желудка, увидев на моей тумбочке Евангелие, сказал:

— Мне упорно твердят: «Бог познаётся не разумом, но сердцем. В Бога можно только безоглядно, безрассудно верить, его нельзя познать опытным путём». Но ведь также безоглядно можно верить и в Сатану, искренне веря, что ты веруешь в Бога.

Всевозможные секты тоже построены на бесконечной вере рядовых её членов, не объясняемой разумом. Как отличить Истину от Лжи, хитро замаскированной под Истину? Ведь находят же ключи к душам людей, вроде бы умных, образованных, как правило, искренних, зомбируют их адепты всевозможных сект-химер.

Чем секта отличается от истины? Количеством людей, верующих в её постулаты? Но количество не всегда свидетельство Истины. Не потерялась ли Истина где-нибудь между сектами? Может, Иисус Христос нам хотел сказать совсем не то или не совсем то, что ему приписывают? Ведь его учение мы знаем лишь в пересказе его учеников. Может быть, они донесли Его до нас исказив, если не сказать переврав? Может, совсем не по злому умыслу, а по неготовности понять всей глубины Его мысли...

Может, кто-то за Иисуса Христа придумал его земную и небесную историю, нашёл ключ к тайным пружинам в психике человека и вложил в его душу, а на самом деле за гранью жизни ничего нет? Или Иисус Христос был просто наивным инопланетянином, своего рода прилетевшим из другой галактики миссионером, ужаснувшимся нравственным состоянием землян и попытавшимся каким-то образом воздействовать на них? Может, он оказался в роли европейца-миссионера, пришедшего, по его мнению, просвещать или по какой-то другой причине оказавшегося среди племени пигмеев? Их вожди жестоко обошлись с ним, по-своему справедливо решив, что его проповеди ни к чему хорошему не приведут, так как в корне нарушают их образ жизни. И он после казни, чудом оставшись в живых, был забран своими соотечественниками-инопланетянами, а люди восприняли это как воскресение. Ему тяжело было с ними прощаться, он улетал и оставлял их, словно детей малых, понимая свою беспомощность что-нибудь для них дальше сделать. И он оставил им нечто вроде наставления, как жить дальше. Всё, что он мог сделать для них,— дать надежду, и он придумал красивую сказку об иной прекрасной жизни за пределами смерти, если будешь прилично себя вести на Земле в этой жизни. Я даже явственно вижу эту картину. И потрясённые его ученики в силу своего земного сознания оформили эту сказку в учение. Может быть, действительно, он был всего лишь инопланетянином-миссионером, или простым пилотом, оказавшимся на Земле в результате катастрофы космического корабля, или разведчиком, ищущим планету для переселения, потому как их планете грозит космическая катастрофа?

Я молчал. Актёр приподнялся на локтях, видимо, его насторожило его молчание.

— Вы не согласны со мной?

— Я внимательно слушаю,— ушёл я от прямого ответа.

— Тогда, с Вашего позволения, я продолжу свою мысль... Загадочная и притягивающая своим мерцающим светом звезда Сириус. Откуда у дикого африканского племени знание о ней, а ещё более о небольшой звезде в созвездии Сириуса, которая, по космическим меркам, сравнительно недавно взорвалась, погибла, и которую учёные только недавно обнаружили в мощные телескопы? Может, он оттуда? Или мы оттуда, заброшенные с той планеты накануне катастрофы, а взорвалась она в результате нашей падшей нравственности, в результате устроенной человеком техногенной катастрофы? Неужели мы, подобно пассажирам корабля Ноя, остатки погибшей цивилизации? И так и остались неразумными сиротами во Вселенной? Может, нас, набедокуривших на какой-другой планете, потеряв там надежду на наше исправление, завезли сюда, на Землю, ради эксперимента, и со стороны наблюдают за нами?.. Наверное, Вы лучше меня знаете, что во многих местах Земли известны наскальные рисунки, где люди, а может, инопланетяне летят в ракетах, в скафандрах...

Вошла медсестра, пригласила его на укол.

А я вспомнил, что сам видел летающих в космических кораблях и в скафандрах людей, но не на древних наскальных рисунках, а на церковных фресках.

Это было в бывшей Югославии, в Косовской Метохии, во время последней балканской войны — недалеко от города Печ в сербском монастыре Дечаны, основанном в XIV веке. Ныне сербы уже изгнаны из Косова, и я не знаю, цел ли монастырь и сохранились ли в нём фрески. Фрески в Дечанах, согласно канону, описывают события Старого и Нового Завета. «Чудо» в Дечанах было открыто в начале 1964 года. Студент Белградской академии живописи с помощью телеобъектива сделал фотоснимки фресок, в том числе и фресок «Распятие» и «Воскресение» Иисуса Христа. То, что раньше не удавалось рассмотреть в подробности, так как фрески находятся на высоте 15 метров, стало возможно обычному невооружённому глазу. Открылись детали, которые прежде никто не замечал. Оказывается, на этих фресках изображены люди, летящие в космических аппаратах. В первом «космонавт» держится за невидимый «рычаг управления» и оглядывается назад. Создаётся впечатление, что он следит за полётом следующего. Бывший со мной серб-войник утверждал, что это ангелы. Но сидящие в аппаратах явно были без ангельского ореола. А «настоящие» ангелы, с ореолом, наблюдают за полётом аппаратов, закрыв глаза и уши руками и в ужасе отшатнувшись. В центре композиции — фигура распятого Иисуса Христа. Таким образом, наряду с традиционными, каноническими деталями, фреска содержит ряд деталей явно не канонических, которые трудно объяснить.

Но меня ещё больше поразило, что оба странных аппарата, изображённых на фресках, по своей конструкции, вплоть до деталей, были похожи на летательные аппараты, изображённые на критских глиняных табличках, кто-то из учёных, пытаясь определить, что это такое, назвал их «боевыми колесницами без колёс»...

Бог, по моему тёмному разумению, постоянно должен давать человеку какие-то знаки, признаки своей истинности, чтобы человек не метался из стороны в сторону и не соблазнялся подсовываемыми ему ядовитыми пряниками.

Он их даёт упорно и настойчиво — тем же огнём от своего гроба в Иерусалиме, но даже это нас никак не убеждает...

ЧИТАЮ:

«Учёные пришли к выводу, что сознание во время клинической смерти «живёт» независимо от работы мозга. Мало того, было выявлено, что сознание существует

вообще независимо от мозга, и физическая оболочка людей — это не единственное место, где «обитает» наше сознание. Означает ли это, что человеческое сознание не умирает даже после смерти тела, гибели мозга? По выводам учёных, энергия и информация от умершего задерживается во Вселенной. Люди подобны звёздам: они постоянно испускают невидимые фотоны света, и эти фотоны устремляются в космос. То, что наша энергия, информация и наше сознание после смерти продолжают жить, так же вероятно, как и то, что свет от далёких, тысячи лет назад угасших звёзд продолжает распространяться по Вселенной, звёзд давно нет, а мы продолжаем их видеть и считать живыми».

Учёные-атеисты не хотят или даже боятся себе признаться, что своими выводами они пришли к подтверждению существования души. Они испуганно спрятали её за понятиями «энергия», «информация»...

Странное ощущение жизни, когда знаешь, что в любую минуту можешь умереть... Что, это и есть память смертная?..

Первоначально с этим ощущением жить было жутковато, но постепенно я свыкся с этим чувством, и меня уже почти не беспокоит, кому достанется моя квартира, загородный дом, машина, только вот разные бумаги, письма надо будет на всякий случай сжечь... В своё время я поразился или даже возмутился, когда старушка, у которой я квартировал, чувствуя приближение смерти, сожгла все свои фотографии, письма, среди которых были письма Шаляпина, который дружил с её мужем, а до того ухаживал за ней, а теперь я её прекрасно понимаю...

Чукчи, эвены, эвенки, другие кочующие северные народы — впрочем, не только северные — не знают Иисуса Христа. Если они даже крещены православными миссионерами, вера их поверхностна, на уровне языческого обряда, даже если это установка креста на могиле. Но в них глубже, чем в нас, христианах, вера в иной мир, который они называют Верхним. Мы приходим к этому осознанию, и то далеко не все, в результате мучительных исканий и даже страданий, чаще всего к концу жизни, а они знают о нём, чувствуют его с того времени, как только начинают осознавать себя, и потому, если, соприкоснувшись с так называемым цивилизованным миром, не успевают заразиться им, не только не боятся, а с радостью принимают смерть, не как итог, а как какую-то веху в вечной жизни.

У них нет понятия дома в нашем смысле. Из-за того, что мох-ягель, которым питаются олени, если долго пасти на одном месте, восстанавливается лишь через десятилетия, они вынуждены постоянно кочевать, потому для них всё их огромное кочевьё, порой многие сотни или даже тысячи квадратных километров — дом, а значит, и вся Земля — дом. И, в отличие от нас, они бережно относятся ко всей Земле, как и, в отличие от нас, не разделяют тот и этот мир, они знают, что их душа рано или поздно из того мира вернётся обратно, пусть в другом человеке, они даже считают, что по имени, на которое откликнулся новорождённый, они узнают, кто снова вернулся, они с самого детства живут с чувством, что временные на Земле и в то же время с чувством, что они вечные на Земле, потому что рано или поздно они снова возвращаются на неё, только не все помнят, что уже здесь были.

Они не боятся, а с радостью принимают смерть, они не торопятся жить, всё успеть. Они, в отличие от нас, не суетливы в поступках. Они могут день ловить упряжного оленя, и порой, поймав его лишь к вечеру, снова отпускают, потому что ехать сегодня уже поздно. Это может повториться и завтра. Нас это, мягко говоря, удивляет: чего проще привязать наконец-то пойманного оленя до утра, но в самом процессе ловли оленя особая прелесть жизни, и раз мы временные, но в то же время постоянные, вечные на Земле — куда и зачем торопиться?!

У них, как у травы, нет высоких целей, которые мы себе напридумывали и тем самым вывели себя из естественного, запрограммированного круговорота жизни. Святитель И. Брянчанинов говорил, что одним из основных признаков кончины мира и близости Второго пришествия Господа будет «необыкновенное вещественное развитие: люди забудут Бога, забудут небо, забудут вечность и, в обольщении своём, как бы вечные на земле, всё внимание устремят на Землю, на доставление на ней себе возвышенного и неизменного состояния».

А что касается нас, русичей-русских: как только мы в конце века XIX в очередной раз, подобно иудеям, начали толковать о своём особом предназначении на Земле, ничего не делая при этом, Всевышний в XX веке наказал нас: напустил или попустил на нас две мировые войны и революцию, судя по всему, до сих пор продолжается это наказание...

«Не столько раздражают Бога содеянные нами грехи, сколько наше нежелание перемениться», — говорит св. Иоанн Златоуст.

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Отпросился у лечащего врача на воскресенье «в отпуск». В церкви, куда я зашёл поставить тебе свечу, неожиданно столкнулся с Фёдором-звонарём из храма во имя великомученика Дмитрия Солунского, покровителя всех славян. Этот храм сорок лет назад мне удалось спасти от взрыва. Что тогда двигало мной, совсем не верующим? Фёдора я не видел больше двух лет.

— Вы всё один? Одному тяжело. Одному можно только как мне, монаху. В миру одному трудно. В миру одному нельзя. В миру надо найти такую же одинокую душу. Предназначение души на Земле — у нас, монахов, — служить Богу, а мирских — другой душе, созданной Богом...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Только сейчас я в полную меру понял (как долго это до меня доходило!), что полудикую собаку Динку старшая Динка родила не просто в своё продолжение, а в МОЁ СПАСЕНИЕ. Да-да, в МОЁ СПАСЕНИЕ! Чтобы мне было о ком заботиться! Чтобы кроме меня о ней некому было заботиться! Чтобы её дальнейшая жизнь напрямую зависела только от меня! Чтобы я от бессмысленности своей дальнейшей жизни не залез в петлю или не решил бы свой жизненный вопрос каким иным подобным образом! И потому полудикая собака Динка, в отличие от Дружка, который в моё продолжительное отсутствие, основательно проголодавшись, начинал рыскать по соседям, никуда не отходила от моего дома, хотя по рождению он чужой ей. Полудикой собакой Динкой ты или кто иной меня накрепко привязали не просто к нашему загородному дому, полудикой собакой Динкой меня накрепко привязали к жизни и отрешили от необдуманных поступков. Я раз и навсегда понял это, когда по вынужденным обстоятельствам однажды приехал в свой загородный дом через полмесяца, спокойный, что она если не кормится, то хотя бы подкармливается у соседей, и увидел её, с трудом вылезшую из под веранды, до предела истощённой: одни рёбра да высокие, как у тушканчика, уши, да огромные (даже не укоряющие, я не могу объяснить какие) глаза, словно ими на меня смотрела ты и ещё кто-то, кто сторожит мою судьбу и оберегает меня от безрассудных поступков. И с этого дня для меня стали едва ли не главным в жизни, несмотря на погоду, на здо-

ровье, на важные мероприятия вроде выборов «народных» депутатов и не менее «народных» президентов, поездки каждую субботу и воскресенье на дачу. И, может, сторож Игорь неслучайно неожиданно для нас бросил садовый посёлок поздней осенью, когда уже невозможно найти другого, а кто-то специально подвиг его на этот шаг, чтобы я не перевалил свои заботы о Динке на него, чтобы я каждую неделю вынужден был кормить собак и варить им еду на неделю, а раз приехал, то брался за топор, за пилу, за снеговую лопату, и хоть немного отходила душа. Всё здесь напоминало о тебе, это был твой сад, я даже чувствовал твоё незримое присутствие в посвисте синиц, которые, как мне казалось, укоризненно заглядывали и стучали в окна, и мне становилось стыдно видеть его неубранным, полузаброшенным, и я начинал прибирать в доме и около дома...

В иудаизме, в христианстве, в исламе, несмотря на все их противоречия, рай — это благоухающий сад. В буддизме, кажется, тоже. Как ты любила сад! Может быть, земной сад — прообраз рая? Может, если мы сумели бы превратить Землю в цветущий и мирный сад, Господь устроил бы рай на земле?

Снова и снова точит мысль: если душа из того — горнего мира, почему же ей так не хочется туда?

МЫСЛИ ВСЛУХ...

В однообразной обыденной жизни, может, для укрепления непрочной веры нам так хочется проявления ясной божеской воли, иначе говоря, чуда.

А всё вокруг — разве не чудо?!

Ведь чудо — во всём!

Вода — уже сама по себе — разве не чудо? А вода, превращающаяся в снег? А узоры на оконном стекле? И снег, снова превращающийся в воду?! А текущая миллионы лет из вечности в вечность река?! Зачем она течёт?! Чтобы мы любовались, кормились ей? А сам земной шар, заботливо укутанный атмосферой, спасающей нас от губительного космического излучения, разве не чудо?! А Вселенная, у которой нет границ? У всего есть пределы, а у неё нет — разве это не чудо? А закон земного притяжения, не дающий нам упасть с земного шара, как и не дающий сорваться с орбиты самому земному шару?! Этот ряд можно перечислять бесконечно...

А сам факт нашего рождения из ничего — разве не чудо?

И разве не чудо: рождаются независимо друг от друга, порой далеко друг от друга, даже в разных странах и на разных континентах, мальчик и девочка, из тысяч, миллионов встречающихся людей почему-то влюбляются именно друг в друга, женятся, становятся ближе друг другу, чем родители, которые постепенно как бы уходят на второй план, и нет ничего страшнее одному потерять другого, даже когда знаешь, что мы всё равно умрём, что мы временные на Земле и что на том свете, может быть, встретимся?

Разве не чудо, чтобы в сложении любви двоих родился новый человек, тоже временный на Земле, который, в свою очередь, тоже встретит другого человека, который будет ему дороже всех остальных — и так будет продолжаться без конца. В этом какой-то высший неведомый смысл, который я нарушил, оборвал...

МЫСЛИ ВСЛУХ...

Почему за приятным в жизни обязательно грядёт неприятное, если не хуже? Это мы, как правило, начинаем замечать с возрастом. Со временем начинает казаться,

что неприятное наваливается, обрушивается на нас всё чаще и чаще, и не обязательно вслед за приятным. Это как первый неожиданный осенний постук синицы в окно, напоминающий о приближении зимы, а потом, с каждым днём, хоть и неназойливый, но всё более частый и настойчивый.

Таким образом, чуть мы начинаем обольщаться счастьем в этом мире, нам напоминают: не забывайтесь, вы временные здесь.

Что, это тоже своеобразная подготовка человека к переходу в мир иной?

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

По воле случая, а может, по воле Божьей, заканчиваю я свои печальные записки в Париже. В нём начинал, в нём и заканчиваю, как и в прошлый раз, в маленькой и неуютной, выбранной подешевле гостиничке. Ко мне на третий этаж нужно подниматься по крутой неосвещённой лестнице. Крошечное окно в моём номере упирается в глухую стену.

Большинство обитателей гостиницы — тихие русские женщины, ищущие работу, потерявшие её у себя в России. Русских женщин в Париже я без труда отличаю по особому свету глаз, у француженок в глазах уже давно нет не только этого смущённо-покорного света, но и вообще никакого света, о красоте я уже не говорю, у русских женщин словно на лбу написано, что они русские. Случайно ли Господом дана им такая красота? Чтобы они, горькой русской судьбой из века в век разбрасываемые по миру, смягчали нравы, приводили его хотя бы к относительной красоте?

Да, получив направление в кардиоцентр на обследование, я неожиданно сорвался в Париж.

А было это так. Несколько дней я тянул со звонком в кардиоцентр. Наконец внутренне собрался, позвонил, но телефон молчал, на другой день — тоже, и так несколько дней, потом выяснилось, что заведующий хирургическим отделением, к которому я должен был явиться, ушёл в отпуск (позже я узнаю, что ушёл он не в отпуск, а попал в онкоцентр с диагнозом рак). И тут подвернулась командировка в Париж.

Наверное, от неё нужно было отказаться. Но в то же время, почему бы не слетать. Мне неожиданно захотелось проверить своё прежнее впечатление о Париже. Ведь он стал мне своего рода родственником, которого по тем или иным причинам не любят, но родственников не выбирают, к тому же именно в Париже я начал писать эти тяжёлые, изматывающие душу записки, так, может, в Париже я, наконец, смогу их закончить, чтобы не мешали дальше жить.

Но было ещё одно обстоятельство, заставившее меня не отказаться от поездки. Бытует расхожая фраза: «Увидеть Париж — и умереть». Она подразумевает увидеть Елисейские поля, Сену, Лувр, ну и, прежде всего, конечно, Эйфелеву башню. Всякий, приехавший в Париж, в первую очередь непременно идёт или едет к ней: если не подняться, то хотя бы сфотографироваться на её фоне, без этого вроде в Париже и не побывал. Уродующая Париж Эйфелева башня — печальное свидетельство того, как символом древнего, по-своему прекрасного города можно избрать довольно нелепое сооружение, нечто вроде опоры высоковольтных электропередач или нефтяной вышки. Подобное всевозможные «христианские» секты делают с Иисусом Христом.

В двадцатые же годы прошлого века эта фраза для несчастных русских беженцев времён страшной Гражданской войны, которую мы развязали по чужой подсказке (но ведь как бы только и ждали этой подсказки!) имела другой, прямой смысл: чудом оставшись в живых на Родине, после долгих скитаний добраться до Парижа и уме-

реть здесь в тоске по России, на купленном кусочке Земли под Парижем около городка Сент-Женевьев-де-Буа, сделав этот кусочек Земли частью России.

В прошлый раз я привёз из Франции воспоминания Ирен де Юрша, в девичестве Ирины де Гас-Переяславльцевой, дочери бывшего владельца кумысолечебного санатория Шафраново на Транссибирской железнодорожной магистрали под Уфой, полуфранцуженки, полурусской, после большевистского Октябрьского переворота вынужденной бежать из России и добиравшейся до Парижа целых десять лет! Записки потрясли меня своей любовью к России, несмотря на то, что она, француженка по отцу и по гражданству, потеряла в ней мать, брата и жениха. На склоне лет она завещала своему двоюродному племяннику, чистому французу, католику, более того, профессору католического университета: после того как в России упадёт власть большевиков, узнать, сохранилась ли церковь в Шафранове, и, если не сохранилась, по возможности поучаствовать в её восстановлении. Церковь, разумеется, не сохранилась. И вместе с тоненькой, но полной горя и страданий книжицей воспоминаний я привёз из Франции тысячу евро, которую передал со мной её племянник и от которой по моему приезду отказался священник. И мы, чтобы сохранить память об этой удивительной семье, отказались от мысли купить несколько кубометров досок или несколько тысяч штук кирпича, а, добавив своих денег, заказали колокол, на котором отлили славянской вязью надпись, продиктованную племянником по телефону: «В память семьи де Гас, жившей в Шафранове с 1910 по 1917 год и беззаветно любившей Россию».

Племянник, никогда не бывавший в России, не знающий не единого русского слова, но беззаветно полюбивший Россию по рассказам своей тёти, два года назад умер — тоже от рака! Из его послесловия к воспоминаниям Ирен де Юрша я знал, что она была похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем рядом с мужем, отпрыском древнейшего литовского рода, капитаном Белой армии, так и не принявшим французского гражданства, который в своё время лёг рядом с её отцом, чистым французом, отпрыском древнейшего французского рода, потерявшим в России жену, сына, состояние, но принципиально пожелавшим — первым из семьи! — лечь как бы на клочке России, на кладбище русских изгнанников, то есть пожелавшим уйти в мир иной русским. И я почувствовал душевную необходимость найти их могилы: если мы временные на Земле, разве не всё равно, где и кем лечь в Землю?!

Командировочных дел в Париже у меня было немного, уже на следующий день я их успешно решил и вечером в гостинице соображал, как мне завтра попасть на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Не зная языка, добираться до него на электрич-

ке, а потом на автобусе — не так-то просто, я решил посоветоваться с Владимиром Николаевичем Сергеевым, который опекал меня в прошлый приезд во Францию. Позвонив ему, я искал удобный момент, как деликатно перевести разговор на нужную мне тему, но он вдруг, словно читая мои мысли, сам предложил утром поехать в Сент-Женевьев-де-Буа. Мало того, он попросил подъехать туда Татьяну Борисовну Маретте, жившую недалеко от кладбища и хорошо знавшую: здесь лежали её родители, родственники и друзья. Она даже время от времени подрабатывала тем, что проводила экскурсии по кладбищу для приезжающих из России. Но, увы, Татьяна Борисовна никогда не слышала имени Ирен де Юрша: «Нас же, русских беженцев, было в Париже десятки тысяч...» — словно оправдывалась она.

Могилы Ирен де Юрша, как и могил её отца, мужа, к моей полной растерянности, мы не нашли. Была суббота, и контора кладбища была закрыта.

— Давайте так,— успокаивала меня Татьяна Борисовна, тяжело передвигающаяся из-за недавнего перелома.— Я всё равно завтра приеду в кладбищенскую церковь на службу и ещё поищу. И священника, прихожан расспрошу. А в понедельник пойду в контору, там же есть списки. И сразу вам позвоню...

Я долго ещё бродил меж могильных рядов... «Увидеть Париж — и умереть!» Умирали в тоске по России... Умирали в тоске по России, многие даже уже в третьем поколении.

Если мы временные на Земле, почему такая тоска по России?

И опять перед глазами вставала фотография Ирен де Юрша. Какая вроде бы разница — а вот они, изгнанные из России, принципиально легли все вместе, на русском православном кладбище, и первым лёг отец, чистый француз, католик, за годы жизни в России так толком и не выучивший русского языка, потерявший в России всё: жену, сына, состояние, чуть не погибший сам и вдруг почувствовавший себя русским.

На кладбищах обычно трудно долго находиться, кладбища угнетают, стараешься поскорее с них уйти, если даже на них похоронены твои близкие родственники. А это удивительно светло в любую погоду. Если была бы возможность, я спокойно остался бы здесь на ночь среди русских сосен и берёз, но непременно под открытым небом. И опять не даёт покоя мысль: если мы временные на Земле, почему они умирали, даже уже в третьем поколении, с такой тоской по России? Почему постарались в изгнании по возможности лечь все вместе?..

На следующий день, в воскресенье, на 3-й неделе Великого поста, Крестопоклонной, я пошёл на службу на рю (улицу) Дарю, в русскую церковь Александра Невского, построенную печальными русскими беженцами. Это, может, единственное место в Париже, что грело мою душу в прошлый приезд. Здесь молилась по погибшим в России матери и брату и венчалась Ирен де Юрша, в девичества Ирина Альбертовна Переяславльцева–де Гас. Собираясь в церковь, я снова перечитал её воспоминания:

«Именно на вечеринке бывших офицеров случилось то, что определило мою судьбу: мой кузен Ипполит Комаров рассказывал однажды своим друзьям, что одна из его кузин только что вернулась из России. Он назвал моё имя, и другой молодой офицер, который до этого слушал довольно рассеянно, подошёл к нему: «Прошу прощения, но нет ли у неё брата по имени Димитрий, который был вместе со мной в Добровольческой Армии?» Мой кузен подтвердил, что я действительно сестра Димитрия... Мишель Юрша, с которым я подружилась в Киеве, когда навещала брата, отправился к моему отцу, и вообразите, каково же было моё удивление, когда несколько дней спустя я получила письмо от него! И вот каким образом, несколько месяцев спустя в соборе на улице Дарю я стала супругой Мишеля де Юрша, капитана 2-го гвардейского артиллерийского полка.

Мишель был очень добрым человеком, очень простым, очень умным, и всегда находил забавное словцо, чтобы посмеяться над трудностями, которых, как вы догадываетесь, мы не сумели избежать. Демобилизовавшись в Галлиполи вместе со своими товарищами из несчастной Белой Армии, он получил нансеновский паспорт, который предоставлял русским беженцам, лишённым родины, защиту великих держав. Многие эмигранты просили гражданства в странах, где они нашли убежище; из верности России мой муж не хотел менять гражданства...

Радости и печали — всё было!– шли чередой. Мой любимый отец работал до самой своей смерти в 92 года; у моего мужа были приступы нервной депрессии после немецкой оккупации Франции, когда его преследовала мысль о том, что его могут насильно забрать в легион и заставить сражаться против СССР, который всё же оставался Россией...»

Перед службой ещё в пустом тихом храме я подошёл к церковному служке, продающему свечи. Я познакомился с ним в прошлый приезд: Игорь Александрович Марков, сын полковника Белой армии, командира 3-го драгунского полка Александра Михайловича Маркова, в изгнании тоже прошедшего через печальное стояние на турецком полуострове Галлиполи, где многие нашли свой конец. Но почему Господь позднее землетрясением разрушил или дал разрушить памятник умершим на Галлиполи русским беженцам?

— Я рад вас снова видеть...— к моей радости узнал он меня.— Случаем, не привелось побывать в Новочеркасске? Как там, на Родине? Вроде что-то стало образовываться... Нет, мне туда уже не собраться, даже в гости, только душу травить. Я перестал даже мечтать об этом. Моя Россия здесь. Я кусочек её.

Церковь к началу службы постепенно заполнилась. Странное чувство: словно я был где-то в России. Может быть, эта светло-печальная церковь, намоленная изгнанниками, тоже была частью России?

После службы ко мне подошёл небрежно одетый человек, протянул руку:

— Пошли обедать.

— Куда? — не понял я.

— Ко мне домой, я здесь рядом живу. Пошли, пошли, там и познакомимся...

— И совершенно незнакомый человек ни с того, ни с сего, мне, совершенно незнакомому человеку, стал рассказывать свою жизнь.

Уже минут через пятнадцать, пока мы дошли, было ощущение, что мы знакомы с ним очень давно.

— Ну, а почему всё-таки ты подошёл именно ко мне? — спросил я Сергея уже на его кухне, рассматривая альбом с репродукциями картин.

— Ну, здешних прихожан я преимущественно знаю. Ну и, кого в Париже можно встретить во фланелевой рубашке?!

— В гостинице не топят, немного подмёрз.

Сергей поразил меня своей открытостью. Через час я знал о нём буквально всё, даже то, во что стараются не посвящать не только посторонних. А тут: совершенно чужому человеку, с которым познакомился буквально час назад случайно около церкви, он рассказал о своих, в том числе семейных, бедах и несчастьях. Я, в свою очередь, к своему удивлению, как на исповеди, по каким-то причинам, скорее всего, из-за неизжитой гордыни избегающий церковной исповеди, рассказал ему о своих бедах, о тебе, о своей вине перед тобой.

— Не убивайся! — Сергей положил мне руку на плечо.— Нам с тобой осталось на этой Земле совсем немного,— как-то очень легко, без грусти сказал он.— Здесь мы временно. Там все встретимся. Там мы всё простим друг другу...

Я сначала даже насторожился, всерьёз ли он всё это говорит? Но он говорил так естественно, с такой уверенностью, без тени печали или даже грусти, а даже с какой-то торжественной радостью, что я не то чтобы растерялся, но, может быть, окончательно поверил в существование того мира, где мы все непременно встретимся и простим друг друга и, может, нас простят. Он верил в загробный мир так же безоговорочно как Ирен де Юрша, могилу которой я искал и пока не нашёл, а почему-то мне это было очень нужно. Я испытывал неловкость или даже вину перед своими родственниками, на могилах которых бываю нечасто. Я снова и снова прокручивал в голове несколько строчек из её воспоминаний: «Пасхальной ночью племянник отвозит меня на обедню в Сент-Женевьев-де-Буа в красивую часовню, творение великого русского художника Бенуа, потом мы идём чередой среди могил со свечами в руках, мы устанавливаем эти маленькие огоньки на могилах моего отца и мужа. Я говорю им: «Христос воскресе, и мы тоже однажды воскреснем, и мы найдём друг друга там, где нет больше ни боли, ни печали, ни стона, но только поклонение и радость».

Я поверил ему больше, чем многочисленным толкователям Св. Писания и, может, даже больше, чем самому Св. Писанию. Он был бы как живым свидетелем одновременно этого и того мира, для него между ними как бы не было границы. Почему-то я ему безоговорочно верил. Мне стало даже неловко перед ним и перед собой, что я не обладаю такой верой. Я что-то начинаю понимать, самые простые истины, и то, постоянно сомневаясь, только к концу жизни,— кто виноват в этом: сатанинская власть, отторгнувшая моих родителей от Бога, а я даже не знал о существовании Его? Но Сергей ведь тоже родился при той власти, из России уехал уже взрослым — но с раннего детства живёт с верой в Бога, не мучаясь никакими сомнениями. Или он познал Бога только в результате долгих и мучительных страданий после смерти своих детей, сгоревших ещё в России в пожаре?

Я не решился его об этом спросить.

— Может, останешься хотя бы ещё на неделю? Я отвёз бы тебя в православный монастырь, тут недалеко, под Парижем, у меня там дом. Хочешь, поживи в монастыре, хочешь, у меня рядом с монастырём. Поживи хоть немного, успокойся. Вижу, тебе надо успокоиться перед операцией. И вообще успокоиться. Вижу, мечешься. Я тебе дам телефон брата в Москве, он как раз кардиохирург, я его предупрежу, что ты позвонишь, он не только проконсультирует тебя, а сделает всё, что нужно. А болезнь порой Господь посылает, чтобы человек приостановил свой обычный жизненный бег, задумался, к какой пропасти его этот бег ведёт, изменился, покаялся. А насчёт, когда уходить... Господь сам решает, когда кого забрать. Не зря говорят: пути Господни неисповедимы. У Бога свой замысел как о человечестве в целом, так и об отдельном человеке. В тебе ещё много от мира сего, резкости, категоричности. Надо прощать людям слабости. И даже зло, ибо Господь не случайно его попускает, может, злом Он испытывает нас. И иудеев Он терпит не зря и, может, специально на нас напустил, может, так нас проверяет... Мы по привычке судим по своим земным меркам обо всём и о Его поступках, порой они нам непонятны, порой мы готовы возмущаться, забывая, что у Него свои планы: Он строит Царство не земное, а небесное... Когда у меня на глазах сгорели дети, мне вдруг было откровение, я вдруг увидел вечность: и рай, и ад. Потому живу как бы наполовину тут, а наполовину там... Надо жить, соизмеряясь с Его заповедями, а когда Он нас возьмёт и куда, не нам решать.

Мне хотелось спросить, какой он увидел вечность, но не решился, наверное, он имел на это какой-то внутренний запрет. Если мог бы сказать, то сказал бы без просьбы, догадываясь, что я мучаюсь этим вопросом.

Мне хотелось задать ему много вопросов, но я боялся, что они покажутся ему детскими, наивными. Будучи старше его на 15 лет, я чувствовал, что в вопросах истины,

в вопросах жизни и смерти я был перед ним ребёнком. И самое главное: в отличие от ребёнка, моё отравленное атеизмом сердце было закрыто истине, если я и воспринимал её, то только рассудком.

Я понял, что встретил Сергея не случайно. Многие встречи в моей жизни, особенно в последнее время, не случайны. Может быть, именно для этой встречи меня кто-то толкнул прилететь в Париж, а командировка лишь повод. Я ещё раз убедился, что в последнее время кто-то по жизни ведёт меня, кто-то если не прямо, то косвенно если не руководит моими поступками, то подсказывает их или устраивает мне нужные встречи, подкладывает нужные книги. Вроде бы случайно я беру в руки лежащий на столе журнал и открываю его именно на той странице, где оказывается напечатанной статья с нужными мне сведениями, о существовании которых я не подозревал. Сергей говорил и не догадывался, что каждая его фраза была для меня не случайна, и я безоговорочно верил в неё, как не верил ни одному священнику, потому как у священников это было профессией, за которую получают зарплату. Я боялся, что не запомню всего того, что он говорил, мне хотелось взять ручку и записывать за ним, но это было бы нелепо, и только это меня удерживало. И, как я предполагал, приехав в гостиницу и схватившись за карандаш, я уже не смог толком что-то ясно выразить на бумаге, память моя с некоторых пор была словно решето, а может, память тут была ни при чём, может, кто-то специально затуманил сказанное Сергеем, как знание, которое мне рано знать: только смутные отблески его простых и ясных мыслей блуждали в голове, и я бросил карандаш. Но я уже не жалел, что прилетел в Париж...

В понедельник вечером позвонила Татьяна Борисовна: могилы Ирен де Юрша в списках кладбища она не нашла. Мало сказать, что я был удручён. Неужели могила за отсутствием ухаживающих за ней родственников не сохранилась? Положили же умершего — от рака! — Андрея Тарковского первоначально в неухаживаемую могилу некоего есаула Григорьева.

Через день мне нужно было улетать, и на душе было неладно от того, что я не нашёл могилу Ирен де Юрша, её отца и мужа, француза и литовца, принципиально пожелавших быть похороненными на русском кладбище. Почему-то это было для меня чрезвычайно важно, хотя они мне никем не приходились, а я знал, что в Париж больше никогда не попаду, и буду жить оставшуюся жизнь с чувством невыполненного долга перед собой, перед этой удивительной русско-французской семьёй. В оставшееся время я так и не пошёл в Лувр, ни в другие музеи, чем, вернувшись в Россию, многих удивлю, хотя туда всё тот же любезнейший Владимир Николаевич устроил мне не просто бесплатный пропуск, а который давал возможность проходить без очереди, я не пошёл и в другие музеи. Я бесцельно до изнеможения, несмотря на холодный пронизывающий ветер, бродил по Парижу, а к вечеру снова пошёл в русскую церковь на рю Дарю, может, Игорю Александровичу Маркову удалось что-нибудь выяснить у прихожан. Увы! Что меня поразило: на службе, кроме священника и Игоря Александровича, я был, кажется, один. Всё, как в России...

По дороге в гостиницу решил, что если сегодня Татьяна Борисовна ничего не прояснит, то завтра поеду в Сент-Женевьев-де-Буа рано утром на поезде, чтобы до отлёта ещё раз внимательно пройти по кладбищу. Но поздно вечером Татьяна Борисовна обрадовала:

— Я нашла... Уж очень неприметная табличка на французском, касающаяся её отца и мужа. А её — всего лишь временная, когда её похоронили, так и осталась. Она заржавела и совсем почти не читается. И вот что я выяснила в муниципалитете: место на кладбище в день её похорон было оплачено на тридцать лет, срок оплаты истёк, обычно, год-два ещё ждут, а потом, если не объявляются родственники, в любое вре-

мя в эту могилу могут похоронить другого человека. Потому-то её и нет в списках конторы кладбища, но какое-то время, видимо, они ещё выжидают...

Я позвонил ещё одной знакомой, обретённой в Париже, врачу Ольге Назаровой, занесённой во Францию третьей волной эмиграции и начинавшую жизнь в ней певицей кабаре. У неё завтра был напряжённый день, но она сумела перепланировать его. Утром, по пути забрав Татьяну Борисовну, мы заехали в муниципалитет г. Сент-Женевьев-де-Буа, где я написал заявление, что я приехавший из России родственник Ирен де Юрша и что я гарантирую в течение месяца оплатить просроченную оплату могилы, хотя я ещё не представлял, как это сделаю.

С волнением я шёл меж могильных рядов. Оказалось, что я не раз проходил мимо этой могилы, но, во-первых, надпись на кресте была на французском, мелким шрифтом и её имени на табличке не было, оно было на другой, ниже, проржавшей, и почти не читалось, а во-вторых, я представлял могилу более богатой, что ли, меня отвлекали окружающие её пышные и яркие надгробья. И уж точно — более ухоженной. А оказалось — простой деревянный крест с жестяной крышечкой, как на каком-нибудь деревенском кладбище в России, скромная, мелким шрифтом, металлическая табличка, которую с моим зрением можно прочесть, лишь подойдя вплотную, чему мешали соседние могилы.

Я долго стоял над могилой, словно здесь были похоронены мои родственники. У меня в кармане был плоский флакон с коньяком, на всякий случай, вместо сердечных таблеток, у Ольги в багажнике оказалась варёная курица и, несмотря на Великий Пост, мы пошли в кладбищенскую сторожку к мусульманке, марроканке Фариде, и по-русски помянули усопших. И стало легко и светло на душе.

Вечером позвонил Сергей:

— Я договорился с Юрой-десантником, он заберёт тебя завтра утром хоть на пару дней в монастырь.

— Серёжа, я внимательно посмотрел билет: оказывается, улетаю не в воскресенье, а уже завтра.

— Жалко!.. А завтра я не смогу тебя проводить. Буду далеко за городом. Прилетай обязательно ещё.

— Ты думаешь так просто: взял — и полетел.

— А я тебе оплачу билет туда и обратно.

— Серёжа, я обязательно приеду, но я ещё в состоянии сам заработать на билет. Но если ты серьёзно, не можешь ли оплатить просроченную аренду могилы на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа?

Он задумался всего на несколько секунд:

— Да, конечно. Есть кому тут без тебя выписать счёт?

— Есть... Спасибо, Серёжа! Я обязательно приеду...

Я улетал из Парижа почти счастливым. Я уже совсем не жалел, что поменял кардиоцентр на Париж, чем бы для меня это ни закончилось. Я знал, что не случайно и не зря в него прилетал.

Нет, моё отношение к Парижу мало изменилось. Да, конечно, это был совсем другой город, чем в прошлый мой приезд, более светлый, более, может, тёплый. Значит, всё-таки что-то изменилось в моей душе. Но родным он мне всё равно не стал. Меня по-прежнему тяготили его величественные католические храмы, они не поднимали мою душу, а наоборот, придавливали к земле, меня почему-то угнетала их утончённо-прекрасная холодная каменная вязь, она тоже свидетельствовала об ином мире, который пугал своей жестокостью наказания. Сколько-нибудь родным Париж для меня делало кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, на котором лежали тысячи и тысячи рус-

ских беженцев и их потомков, и потому оно стало частью России, на нём была могила Ивана Алексеевича Бунина, на нём была могила Ирен де Юрша, её отца и мужа, которых неожиданно для себя я почувствовал родственниками, особенно после того, как оказалось, что кроме меня об этой могиле больше некому позаботиться... Я уже говорил, что кладбище Сент-Женевьев-де-Буа не ощущается мной как кладбище. На нём нет ощущения смерти, торжественно и светло, словно оно часть того, горнего мира, встреча с которым нас так тревожит, встречи с которым мы так боимся. Оно примиряло меня со смертью.

Родным Париж делала русская церковь на рю Дарю.

Родным мне его сделал Сергей, который неслучайно встретился на моём пути.

Когда я пришёл к Сергею во второй раз, то застал у него почти уже в дверях глубокого сухонького старичка.

— Раздевайся, книги вон посмотри, пока я его провожу,— сказал Сергей.— Это мой тесть,— вернувшись, пояснил он.— По матери я из Голицыных, а жена — в девичестве Осоргина.

Сергей стал рытья в книжном стеллаже. Нашёл «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, стал листать:

— Ты, конечно, это читал, но прочти, вспомни вот этот отрывок, а я пока чайник поставлю.

«Кроме духовенства никому не разрешалось ходить в монастырскую последнюю церковь — Осоргин, пользуясь тем, что работал в санчасти, тайком пошёл на пасхальную заутреню. С пятнистым тифом отвезённому на Анзер епископу Петру Воронежскому отвёз мантию и Св. Дары. По доносу посажен в карцер и приговорён к расстрелу. И в этот самый день сошла на соловецкую пристань его молодая (и сам моложе сорока) жена! И Осоргин просит тюремщиков не омрачать жене свидания. Он обещает, что не даст ей задержаться более трёх дней, как только она уедет — пусть его расстреляют. И вот что значит это самообладание,— не дать ей догадаться! Ни в одной фразе не намекнуть! не дать тону упасть! не дать омрачиться глазам! Лишь один раз (жена жива и вспоминает теперь), когда гуляли вдоль Святого озера, она обернулась и увидела, что муж взялся за голову с мукой. «Что с тобой?» — «Ничего»,— прояснился он тут же. Она могла ещё остаться — он упросил её уехать. Черта времени: убедил её взять тёплые вещи, он в следующую зиму получит в санчасти — ведь это драгоценность была, он отдал их семье. Когда пароход отходил от пристани — Осоргин опустил голову. Через десять минут он уже раздевался к расстрелу...»

— Ну, прочёл? — вернувшись, спросил Сергей.— Мой тесть — ребёнок, зачатый во время этого свидания.

Я долго сидел молча, не в силах что-нибудь сказать...

— Пошли пить чай,— нарушил моё оцепенение Сергей.

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Я возвращался домой с очередной годовщины кончины сестры, которая неожиданно опередила тебя: умерла на полгода раньше. Автомагистраль А-5, известная между водителями больше как «дорога смерти», пересекала Уральские горы, на ней раньше времени без покаяния можно попасть в мир иной.

Перед этим, в июне, после моего возвращения из Парижа были совсем не летние холода, и так хотелось тепла, а теперь вот вторую неделю стояла изматывающая, казалось, разжижающая мозг в кисель, давящая сердце жара. Потому я выехал позд-

ним вечером, надеясь, что к ночи жара немного спадёт. Но жара перешла в не менее давящую духоту, и я свернул к блеснувшему справа от дороги озеру.

Была прекрасная ночь, раствориться бы в ней, но жутковатое чувство бесприютности в этом мире вновь скрутило меня. Разумеется, каждый из нас задумывается о смысле жизни и о том, что нас ждёт за рубежом жизни, если вообще что-то ждёт. Хотя легче жить, до поры до времени не утруждая себя мыслями об этом. Как я уже писал, после твоей смерти я стал почитывать умные книжки на эту тему, которые в изобилии продаются в церковных лавках. Как правило, они начинаются главой с названием «Смысл жизни», а заканчиваются главой «Жизнь после смерти». И, оказывается, что в этой жизни нет никакого смысла, кроме познания Бога и подготовки к иной жизни. То есть подтверждение, что мы на Земле всего лишь как в детском саду или исправительном лагере.

Я уже писал, что ничего для себя я в этих книжках не вычитал. Более того, они оставляли в душе странный, если не сказать тяжёлый осадок. То ли не пришёл ещё мой час безоговорочной веры, то ли... Прежде всего, труды так называемых старцев, подвижников веры или их толкователей меня отталкивали тем, что они как бы тяготятся этим миром, и меня призывают им тяготиться. По сути дела, они призывают меня чувствовать себя на Земле инопланетянином. И ещё меня смущала, говоря земным языком, социальная несправедливость того мира: оказывается и там, как и на Земле, если ещё не в большей степени, не все равны. А когда не все равны, то везде, на этом или на том свете, рано или поздно у неравных вызывает зависть, а к чему это приводит, мы хорошо знаем и на этом свете. Коммунисты, обещая рай на Земле, соблазняли равенством и общим счастливым трудом на Земле, другое дело, что это по какой-то причине, может быть, даже как раз по неземной, по воле Бога, по заложенной Им в человека сути, оказалось невозможным. Отрицатели же коммунизма, оправдывая тем самым волчью несправедливость капитализма, ссылаются на то, что несправедливость установлена самим Богом, что все равными не могут быть даже на том свете, а об этом уж и говорить нечего. Может, по этой вселенской причине в своё время и появились падшие ангелы?

И я бросил читать подобные книжки, они нечто вроде наркотиков, и опасны, как наркотики, я чувствую в них скрытый обман или благостный самообман, нельзя придумывать и выдавать за истину то, что для человека по какой-то причине скрыто. Они внесли в мою душу только ещё больше смятения.

Все эти умные (или хитрые?) книги про тот прекрасный мир были написаны, чтобы вселить в меня надежду, спасти от отчаяния, от чувства конечности жизни, а я им не то чтобы не верю — не принимаю душой. Новое знание о жизни и смерти, иначе говоря, память смертная, почему-то не подняли меня над Землёй, а наоборот, придавили к ней, если не сказать вдавили в неё, я давно смирился с тем, что я на Земле временный, но я никак не мог смириться с тем, что все мы на Земле навсегда временные, что мы никогда не вернёмся на неё. Пока мы будем жить с этим чувством, никогда на ней не будет порядка, мы постепенно превратим её в ядовитую, непригодную для жизни свалку. Может, в своё время подобное случилось с Марсом? Если мы на неё никогда не вернёмся, даже в другом состоянии, то почему Бог создал её такой прекрасной? Рай после Страшного суда и всеобщего Воскрешения я почему-то представляю только на Земле. Может быть, мы всё-таки предназначены готовить её к Всеобщему Воскресению, к своему возвращению, превратить её в цветущий сад, а кто-то от имени Бога стремится увести нас с неё?

С этими гнетущими мыслями я снова сел за руль. Через сотню километров в лучах фар справа высветился дорожный указатель в сторону деревни моего детства. В по-

следнее время я никак не могу найти времени, чтобы не спеша пройти просёлками, тропами детства, напиться воды из его родников. Всё наскоком, всё некогда. Странное свойство времени. Оно разное в зависимости от возраста. Чем взрослее становишься, тем оно стремительнее несётся. Какой долгий день в детстве: сходил в школу, поиграл на улице, сделал уроки, вздремнул, снова поиграл, а дню все нет конца. А чем взрослее, тем день короче, а к старости — встал — не заметил, как наступил вечер.

Страна детства спала сладким предутренним сном. Серпантином я заехал на гору детства, которая отвесной скалой нависала над притихшей ночной рекой, хотя, наверное, её перекаты переговаривались с вечностью ночью не тише, чем днём. Но, может, действительно, река на ночь тоже притихает?

Внизу под скалой на противоположном берегу стояли палатки, кто-то сплавлялся по реке, любуясь её красотами. Думают ли эти люди о том, что они временные на Земле, или спокойно, в отличие от меня, знают это и стараются унести реку в своей памяти в тот неведомый мир, для того и сплавляются?

Постояв на скале, я заехал на самую вершину горы. Здесь много лет назад, вернувшись из истекающей кровью Югославии, показал друзьям детства, где хотел бы быть похороненным. Там, в Югославии, мне было не столь страшно умереть, сколько страшно было умереть и быть похороненным вдали от Родины, хотя вроде должно быть всё равно, раз мы временные на Земле и она лишь условно поделена нами на государства и границы. Почему я хочу быть похороненным именно здесь, если я после своей смерти никогда сюда не вернусь? Может, я подспудно знаю, что моя душа, живя в лучшем мире или скитаясь по неведомым мирам, будет время от времени или постоянно возвращаться сюда, иначе — почему мне, моей душе так хочется, чтобы я лёг именно тут, чтобы была видна деревня, в которой я родился, изгиб реки, слышен клёкот коршунов, шелест ветвей одинокой сосны? Разве это нужно моему телу, которое через несколько лет превратится в прах? Значит, это нужно моей душе, которая будет время от времени посещать мою могилу? Зачем? Чтобы я когда-то после Страшного Суда встал из неё?

Я долго смотрел на редкие огни родной деревни далеко внизу. Они меня не грели, потому что ночные огни, как правило,— свидетельство беды: кто-то там тяжело болел, может, даже умирал...

Повернулся, чтобы идти к оставленной машине, — и вздрогнул: прямо передо мной, почти надо мной, другим своим краем спускаясь к юго-восточному горизонту, висели серебристые облака. Ещё полчаса назад, точно, их не было, я не мог их не заметить, со скалы я смотрел как раз в ту сторону, а сейчас они висели и чуть заметно мерцали в треть горизонта.

От неожиданности я растерялся, было такое чувство, когда к тебе тайком подкрадываются со спины. Неприятный холодок пробежал по спине, но скоро я почувствовал, что от облаков идёт мягкий доверительный свет, и мне стало неловко за своё прежнее чувство подозрительности или даже страха.

К этому времени я перечитал всё, что касалось серебристых облаков, учёные вроде бы меня убедили в их чисто физической природе. И в то же время, вопреки всему, во мне всё больше росло убеждение, что они — живые. Как живые — родники, реки, моря... Что они неслучайно время от времени появляются на ночном небосводе и в трудную минуту разговаривают не только со мной, Мне кажется, что они тоже имеют душу, или что это чьи-то уже оторвавшиеся от Земли души, но не улетевшие в иные миры. Иначе, почему они таким странным образом волнуют мою душу? И не просто волнуют. Меня при появлении их сразу покидает чувство безысходного одиночества, но в то же время душа начинает томиться по чему-то неведомому и высо-

кому, она ещё больше начинает страдать от одиночества, но совсем в другом, не безысходном смысле, который я только смутно чувствую, но не могу объяснить. Словно они мне что-то говорят о том главном, что я всю свою жизнь пытаюсь понять, а я, как ни стараюсь, не могу понять смысл того, что они мне говорят, только смутно догадываюсь, и от этого ещё больше томится душа. Но главное: каждый раз при встрече с ними вслед за растерянностью, тревогой, что за тобой тайком подсматривают, обязательно проходит чувство безысходности.

И сейчас: я по-прежнему был один в ночи, и в то же время уже не один. И, затаив дыхание, смотрел в перламутровый ласково-тревожный свет, ниспадающий на меня сверху, и не знал, то ли мне принадлежат вдруг пришедшие мысли, то ли я считываю их с таинственных облаков.

И я решил, может, с великим опозданием для себя, что высший смысл, материалистический ли, религиозно-христианский, мистический ли по так называемой Живой Этике — надо радоваться, насколько это возможно, самому дару жизни, она дана тебе неслучайно, надо радоваться каждому данному тебе дню, а жить нужно, прежде всего, для ближнего, а потом только для себя, а потом окажется, что жил как раз для себя. И раз мне по каким-то причинам запрещено знать раньше времени, что будет со мной после смерти, значит, не надо гадать, на халявных перинах или ржавых гвоздях я там буду возлежать, ибо, в конце концов, не в этом дело. Я уверен, что про халявные перины придумано нищими телом и духом людьми, какими бы святыми словами и даже делами они не прикрывались, они в этом мире мечтали о халяве, и раз тут не получается, они мечтают о ней в мире ином, но это не имеет ничего общего ни христианством, ни с Иисусом Христом. Я не приемлю рая, в каком виде они его описывают, я не хочу туда, хотя туда меня и не пустят, а если вдруг пустили бы, то уже на третий день, наверное, я полез бы на стены, ибо мучиться от безделья для меня страшнее самого страшного ада.

Просто надо жить, не лукавя, прежде всего, с самим собой. И ты не умерла и не покинула Землю, пока я жив на Земле. Пока я молюсь за тебя, моя молитва оставляет тебя, по крайней мере, для меня, на Земле.

Я почему-то знаю, что тебе легче там, когда захожу в церковь и ставлю свечу тебе. Есть ты там или нет, я тебя чувствую по ту сторону свечи. Потом как бы в подтверждение этому я прочту у Иоанна Дамаскина: «Несчастны те из умерших, о которых не молятся на Земле живые!» Во спасение своей души надо сделать хоть что-то, чтобы и за меня потом кто-то молился на Земле. Может быть, в этом главный смысл этой жизни и связь этого мира с тем.

Я только сейчас понял, как крепко мы связаны с тобой невидимыми узами, наверное, даже больше, чем при жизни. И если раньше даже сама мысль — жить с привкусом постоянного ожидания своей смерти— была страшна, то теперь я не только свыкся с ней, но заметил, что, живя с ней, стал, несмотря на болезнь, несмотря на годы, каждый день успевать больше. В своё время я у кого-то из подвижников веры прочитал: «Живи так, чтобы всегда быть готовым к смерти!» Меня покоробила эта мысль. Теперь же я поймал себя на том, что не заметил в себе той грани, когда произошёл перелом, после чего мне уже казалось, что я сам пришёл к этой простой и ясной мысли, что это ранее покоробившее меня утверждение принадлежит мне.

Память смертная — это не значит постоянно помнить, что ты умрёшь, и пребывать от этого в ужасе. Память смертная — это ясное и спокойное осознание, что ты рано или поздно всё равно умрёшь, но это может случиться уже завтра или даже через час, а потому надо как можно больше в жизни успеть сделать, хотя, вроде бы, зачем всё это, когда ты всё равно умрёшь, и все умрут, и, возможно, что уже через несколь-

ко десятилетий планетные магнитные полюса поменяются местами, и всех нас ждёт всемирная катастрофа, подобная библейскому потопу. И нужно стараться как можно меньше причинить боли и тем более зла людям, прежде всего своим ближним, животным, природе. И тем самым, может, предотвратим убийственную смену полюсов. Я только никак не могу смириться с тем, что, в отличие от души человеческой, души животных, потому как животные якобы неразумны, неотделимы от тела и распадаются вместе с ним, и что я не встречу там ни Динку, ни души загубленных людьми в своих кровавых разборках коней. Если судить по неразумности некоторых человеческих поступков, невольно приходишь к мысли: может, и наши души, по крайней мере, у многих, умирают вместе с телом?

Память смертная — это ясное осознание того, что за рубежом смерти придётся давать ответ за прожитую на Земле жизнь, если даже этого отчёта и не будет, даже если там вообще ничего не будет. Это самоконтроль за своими поступками и даже мыслями. Память смертная — это не страх умереть, а страх совершить грех, а если совершил, то успеть раскаяться в нём на Земле, ведь одному Господу или случаю известно, когда наступит наш смертный час. Но память смертную в то же время нужно соединить с чувством, что ты живёшь на Земле вечно, что ты бессмертен, иначе она придавит тебя.

Было такое чувство, что всё это я считывал с серебристых облаков или мне они это говорили. Стоило мне снова подумать о тебе, я как бы услышал ответ: «Если ты всем сердцем желаешь помочь ей, не допускай сомнений в спасении её души. Своей оставшейся жизнью, памятью и молитвой ты способен изменять её загробное состояние. До Страшного суда ныне живущие на Земле должны помогать друг другу и в состоянии изменять загробное состояние ближних и всех, кто тебе был дорог на Земле...»

«А что такое Страшный суд?.. И что такое Конец света?» — осмелился я спросить.

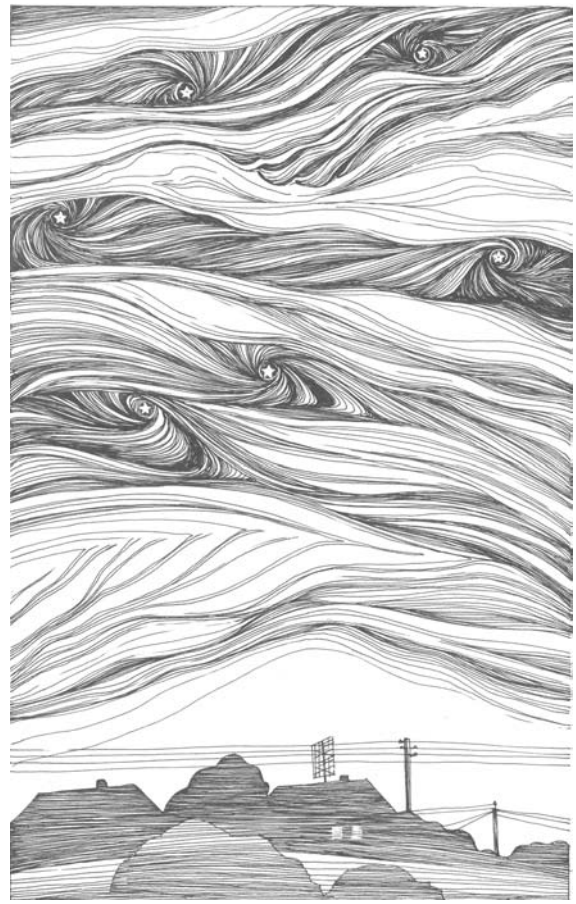
«Не мучай себя этими вопросами. Главное, как в случае с памятью смертной,— всегда помнить об этом, что то и другое у тебя впереди, как и у всех, никто не минет Страшного суда. А может, ответ со временем сам придёт к тебе. А может, это понятие иносказательное. Главное: у каждого человека должен быть свой страшный суд над самим собой, который страшнее всех других судов. Тогда ему будет не страшен тот, Вселенский суд. До всеобщего Страшного суда есть время помогать другу: как здесь, на Земле, так и находясь в разных мирах. Всем усопшим, за которых на Земле приносится Бескровная Жертва, пусть даже это скромная милостыня нищему на паперти, пусть даже если ты видишь, что он прикидывается нищим, этим самым приношением прощаются некоторые грехи. Ты же читал у Святителя Иоанна Златоуста: «Почти умершего милостыней и благотворениями, ибо это послужит к избавлению от вечных мук». И ещё ты у кого-то читал: «Если ты идёшь в церковь, и денег у тебя мало, и берёт тебя раздумье, дать ли нищему или свечу поставить,— то лучше дай нищему, а сам стань свечой Богу: гори верой и свети любовью ко всему Божиему миру».

Ты, словно ребёнок. Мучаешься, сжигаешь себя пустым вопросом о смысле жизни. Смысл один — стать свечой Богу, рабом Божиим, даже если ты допускаешь мысль, что Он просто придуман для того, чтобы было легче умирать. Пусть тебя не пугает понятие раб Божий. Человек из-за гордыни извратил это понятие из боязни, что Бог превратит его в низменного раба, подобного рабочему скоту, а раб Божий — это работник, соратник Божий, потому как человек задуман Богом не просто как свободноразумное творение, а как образ Свой, хотя и неизмеримо низший своего бесконечного Первообраза, но отражающий в своей духовной природе Его Божественные свойства и способный к их развитию в себе до степени нравственного богоподобия и бессмертный по своему назначению.

Уверуй, что душа человека не умирает вместе с телом, а остаётся бессмертной. Иначе, почему она с самого детства так томится, словно ей тесно в теле? А потому всю жизнь и томится твоя душа по чему-то неведомому, и никогда не успокаивается, никогда не ощущает полноты счастья — она, в отличие от тебя, знает, что неведомое, с которым она, наконец, обретёт всю полноту счастья — за пределами земной жизни..

Но в то же время живи с верой, что рано или поздно, может, после Страшного суда, если ты не сам, то хотя бы кто-то, снова вернётся на Землю, потому благоустраивай её, сколько в твоих силах, для других, которые будут жить после тебя, как для себя. Надо жить на Земле так, словно ты на неё рано или поздно вернёшься. И, может, на самом деле вернёшься. Может, просто нужно заслужить право снова видеть закаты и рассветы...

Наступал рассвет. Серебристые облака стали не то чтобы меркнуть, а уходить за горизонт. Но, как бы на прощанье, я услышал: «Остановись, задумайся, наконец, почему Бог уже много раз в самый последний момент спасает тебя на краю гибели? Он тебя предупреждает, напоминает, чтобы ты, наконец, задумался, зачем Он тебя держит на этом свете, а ты уже на следующий день забываешь об этом. Вспомни, сколько раз ты оказывался на краю смерти, и кто-то словно в последний момент отводил руку. Остановись, переосмысли всю свою прежнюю и оставшуюся жизнь.



И ещё: ты ужасался подвига монашества, тебя по-прежнему приводит в ужас сама мысль об этом. И в то же время страшит ужас одинокой старости. Ты прав: спасаясь от одиночества, не идут в монахи, в монахи идут от безграничной веры в Бога...»

Серебристые облака уплывали, растворяясь в рассвете. Я оставался один.

И вдруг неожиданно для себя я стал читать псалом 90, который читается человеком в крайней опасности:

«Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси, и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него...»

2009 г., октябрь

P.S. 8 ноября рано утром я за двести вёрст торопился на утреннюю службу на престольный праздник в церковь во имя покровителя всех славян Дм. Солунского, которую

более сорока лет назад, тогда уже полуразрушенную, мне, случайно, а может, неслучайно, оказавшемуся рядом, удалось спасти от взрыва. На одном из скользких поворотов машину занесло, видимо, задремал водитель, она сорвалась с крутой дорожной насыпи и, несколько раз перевернувшись, снова встала на колёса, меня смятой крышей так придавило, что голова оказалась между ног. Выброшенный или выпрыгнувший во время смертельного кульбита водитель с трудом ломиком сумел выковырять то, что осталось от двери, и с таким же трудом вытащить меня. Какое-то время, в полузабытьи полежав на припорошенной снегом земле, боясь пошевелиться в ожидании боли от переломанных рук и ног, а то и позвоночника, я осторожно встал. В голове стоял тонкий гул, переходящий в свист, похожий на звук взлетающего истребителя, который по сей день так и не прошёл, но, кроме нескольких мелких порезов на голове от осколков лобового стекла, других ран я на себе не обнаружил. В результате мы успели только к концу службы. Отец Алексей, бежавший с Западной Украины от братьев во Христе, униатов, годный мне в сыновья, вместо сочувствия строго сказал мне: «Бог не убивает, но наказует. Это знак тебе. Задумайся, так ли живёшь...»

А через два с половиной месяца, 21 января кардиохирурги буквально вытащили меня с того света. И как тогда, когда незадолго до твоей смерти я увидел во сне или придумал в полузабытьи таинственную женщину в светлом ореоле, по-матерински успокаивающую меня, которая, как я потом гадал, могла быть Матерью Божьей, теряя на операционном столе сознание и последнее, что слыша: «Давление ноль, сердце остановилось, мы его потеряли, может, нет смысла начинать...», я явственно увидел над собой ушедшую в изгнание с частью русского народа и мечтающую вернуться назад, в Россию, на место первого явления Ея Табынскую икону Божией Матери, и услышал тот же голос, как тогда, мягкий и ласковый, как голос матери над колыбелью младенца: «Не беспокойся, у тебя всё будет хорошо...»

И живу я теперь с вопросом: что за грозные предупреждения мне одно за другим были, суть которых я так и не могу осмыслить? Зачем Всевышний всё ещё держит меня на этом свете?

НИКОЛАЙ КРАСИЛЬНИКОВ

ПЕВУЧИЕ ДЕРЕВЬЯ

ТЕЛЕЦ

Смотрит грустно с неба Телец
На просторы туманно-синие.
В Средней Азии умер отец,
Похоронена мама в России.

Полосуют даль поезда,
Поделённую на границы.
Но, как прежде, одна звезда,
Где б я ни был, — мерцает всегда,
Как слеза на сыновней реснице.

ОСКОЛОК

Театр старинный — битв, измен, страстей —
Ты был всегда людских сердец опорой.
А нынче по велению властей
Ты превратился в груды кирпичей,
В обломки арматуры, щебня, сора…

А осень ранняя в Ташкенте хороша!
С каштана лист слетает, словно птица…
Но почему волнуется душа,
Над прошлым и над будущим кружа,
Чего она, бессмертная, боится?..

Попробуй, удержи — «Девятый вал»
Нахлынувших моих воспоминаний!
Здесь я любил, страдал, переживал,
Не раз был бит, не раз торжествовал…
Неужто всё, чем жил я, пылью станет?
Першит в гортани… Что мне красота
Азийской осени на золото богатой?..
Лежит в кустах разбитая плита —
«Комиссаржевская,— прочли мои уста,—
Здесь выступала…» — и осколок даты.

* * *

Таинственны от века
Открытия и драмы:
Небо — Улугбека,
Погребок — Хайяма.

В отдельности и вместе
Открывшие «ларец»:
И высоту — созвездий,
И глубину — сердец.

ИЗ ХРОНИКИ ВРЕМЁН ТИМУРА

На рассвете из летнего сада
Терпко пахнет корою туи.
Богомол на лозе винограда
Бьёт Аллаху поклоны свои.

И тоской вяжет девичьи губы
Ветер Индии с горних высот.
Но зовут Тамерлановы трубы
Не к молитве, а в дальний поход.

ХАЛИФ

Моё имя на семи ветрах.
Мне Аллах вручил святой Коран.
Нелегко, храни меня Аллах,
Одному на двадцать восемь стран.

Под копыта моего коня
Падает презренная толпа.
Недруг, ненавидя и кляня,
Всё ж несёт дары к моим стопам.

От темна и до темна — в делах,
Оттого дела мои темны.
Но нежны, хвала тебе, Аллах,
Мои двести двадцать две жены.

Но я знаю: свечкой озарён,
Ветхий домик есть в моей стране.
Человек, что обитает в нём,
Злую правду пишет обо мне.

И, не зная, что такое страх,
Он предскажет, что настанет срок —
На семи развеется ветрах
Моё имя, как простой песок.

И за то, что попирал Коран,
Не щадя на пышный двор казны.
Что ограбил двадцать восемь стран,
Ничего не сделав для страны.

И за то, что другу был не рад,
Мучась подозреньем до утра:
То ли глотку перережет брат,
То ли яд в шербет нальёт сестра…

Он расскажет, что от злобы пьян,
До конца ничем не утолён,
Я умру, не докурив кальян,
К радости и стран своих, и жён.

Я его не стану убивать,
Пусть он пишет, правды не тая, —
Будет мир спустя столетья знать,
Что на свете ЖИЛ когда-то я.

Покоривший много стран халиф,
Жадный и развратный человек…
Помнят ли писаку? Но, как миф,
Я ступаю в двадцать первый век.

УСТЮРТ

Вряд ли знает молодой историк,
Что на этом выжженном плато
Некогда плескалось буйно море,
Синее, как летний твой платок.

Зной июльский не казался адским,
Птиц струилось вдаль веретено.
В старой книге прочитал — Сарматским
Называлось в древности оно.

Наползала на пологий берег,
То шурша, а то звеня, волна.
Что за птицы жили здесь и звери,
И какие люди-племена?

На каком наречье говорили,
Каково их было ремесло?
Жаль, века следов не сохранили,
Всё в пучину Леты унесло.

Только чинки древнего Устюрта
Эту тайну до поры хранят.
Да полынь, что светозарней утра
Расстилает горький аромат.

ШАКАЛЫ

За рекою плакали шакалы,
Плакали шакалы за рекой.
Я впервые ранен был, пожалуй,
Первобытным плачем и тоской.

И такой казалась одинокой
Трудная дорога бытия,
Если б не мерцающий, далёкий
Огонёк случайного жилья…

ФИРЮЗА

Не забыть тебя мне, Фирюза!
Без тебя бы мир вокруг был пресен…
Горных речек быстрые глаза,
Солнечные ливни птичьих песен

Ослепят на миг и оглушат
В куще листьев, непролазных веток…
Камушки браслетами звенят,
Словно на запястьях у кокеток.

Воины Эллады здесь в былом,
Проходя, таинственно терялись.
Нет, не зря горяночки потом
С синими очами мне встречались.

С гор несли прохладу облака,
Грела спину ящерка на камне.
И брала в полон меня тоска
По своей далёкой Ярославне.

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ

Наверное, бывший афганец,
Иль парень с чеченской войны…
И шрам на виске, как багрянец,
И сбоку протезы видны.

Окурки на чёрном асфальте,
Пытливо-рассеянный взгляд.
И хоть не канючит: «Подайте!» —
Монеты с орлами летят.

Мелькают сапожки и лица,
Сочувственный вздох у толпы,
Как будто хотят откупиться
От злой миновавшей судьбы!

И горше навряд ли обиду
Придётся потом испытать:
Хотел я подать инвалиду,
Да нечего, братцы, подать…

ПОЗДНЕЕ ПРОЗРЕНИЕ

Красноречиво, как на табло,
Вывел он формулу: «Помни, сынок,
Выше правительства только бабло!»
… А я-то, грешный, думал, что — Бог.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОЭТЫ

В дни горьких потрясений,
Тревог и смутных снов
Лечил меня Есенин,
Лечил меня Клычков —

Рассветной флейтой-песней
Былинных родников,
В которых свет небесный
И глубина веков.

Вновь прояснялись дали
Сквозь толщу слёз и бед,
И силы придавали
На много-много лет.

МУЗЫКА

Не понимаю, нет, не понимаю,
Ну почему в рассветной тишине
Она — подобно солнцу, листьям, маю —
Волнует, опьяняя сердце мне?

Как яркие полотна Пиросмани,
Как панцирь льда, пробивший ручеёк,
В которых есть расплывчатые грани,
И свет, и тени, и полунамёк…

НА ПУСТЫРЕ

Каждый раз на пустыре весной
Звёздными ночами кто-то плачет.
Это не посаженные мной
Тополя, берёзы — не иначе…

До утра над строчкой просижу,
Но не будет ей и мне доверья,
Если нынче я не посажу
Самые певучие деревья!

* * *

В глубине смоляной листвы
Копошится тихоня-ветер.
И не глаз это круглый совы,
А цыганское солнце светит.

Наливается спелостью сад
Високосным азийским летом.
Звёзды в росные травы летят,
Не тускнея перед рассветом.

Спишь и спишь, улыбаясь, ты,
Простынёй укрывая плечи.
Сны твои первозданно чисты,
Словно ключики Семиречья.

Чу! Последний сверчок затих
В камельке за соседней стенкой.
Веет, веет от губ твоих
Созревающей семиренкой.

* * *

Весёлая, словно птица,
В каких ты мелькаешь столицах,
Какие песни поёшь?
А у меня селится
На старом балконе синица,
И голос её игривый
На твой — родниковый —
Похож...

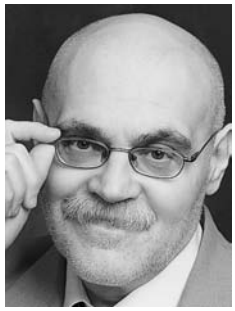
ХОЗЯИН

Цветёт подсолнух мой на грядке —
Ну, впрямь, июльская заря!
Построен дом. Бычок в оградке.
Сын вырос. Вроде, всё в порядке...
А может быть, я жил не зря?

* * *

О чём скрипела яблоня в саду
Холодной и сырой апрельской ночью?
О чём скулил, уставясь на звезду,
Щенок — потомок отдалённый волчий?

О чём душа, отвыкнув от тепла,
Грустила над горячей чашкой чайной?
О том, что жизнь проходит (иль прошла?),
Но остаётся многое в ней тайной...



ГЕННАДИЙ НОРД

ПОТОМУ ЧТО ЛЮБЛЮ

МОСКВА

Этот город меняет лица
ежедневно и ежечасно,
и готов я до крови биться
за его непростое счастье.

Я готов за него на плаху,
по Вселенной готов слоняться,
я готов за него заплакать
и до коликов посмеяться.

Я люблю городское слово,
парки, скверы, пруды, бульвары.
Я люблю его утром — новым,
я люблю его ночью — старым.

И ложатся Москвы проспекты
стихотворной тоской на душу,
я его неизбывный вектор
безразличием не нарушу.

Он летит в напряженье спора
между «поздно», «сейчас» и «рано».
Я люблю этот громкий город –
непонятный, живой и странный.

Пусть мелькают его страницы,
пусть гуляет его беспечность!
Этот город меняет лица
не года, не века, а вечность.

Даже псов его грязных свора
для стихов моих знак и строчка.
Я люблю этот сильный город.
Потому, что люблю. И точка!

ЛЮБИМЫХ МНОГО НЕ БЫВАЕТ

О женщинах не судят строго,
Узнаешь, коль судьба дала:
Красивых не бывает много,
А некрасивых несть числа.

В любви интимно всё и лично:
Увидел — и дрожит в груди.
На свете столько симпатичных,
А милых просто пруд пруди.

Но в городах, дождём умытых,
Они ревут, платки соля.
На свете столько позабытых,
Что переполнена земля.

Зовут, устав от зимней стужи,
И подают заветный знак.
На свете столько слёз ненужных,
А вот улыбок на пятак.

Как часто мы бываем грубы
В расколах фраз, в обрывках встреч.
На свете очень много глупых,
А умных надо бы беречь.

Ты в светлой россыпи веснушек
Слова заветные прочти.

На свете множество дурнушек,
А вот счастливых нет почти.

И вспоминая век, что прожил,
Ты внукам сможешь подсказать:
На свете столько баб хороших,
Что разбегаются глаза.

Но даже в перезрелом мае,
Когда бесчинствует весна,
Любимых много не бывает.
Любимой может быть одна!

НОСТАЛЬГИЯ

Сегодня страну поменять не проблема,
И паспорт за месяц оформит ОВиР.
А туроператор разложит по темам
Пяти континентов рекламный клавир.

И плюсы, и минусы дальней дороги
В обмен на истёртый мозолями рубль
В поход уведут из обжитой берлоги
Под глянец манящих октавами труб.

И в знойное утро, и в сумрачный вечер
Готов на рулёжку уйти самолёт.
А блеск впечатлений надолго излечит
Уставшую душу, сглотнувшую лёд.

Как в калейдоскопе завертятся страны,
Весельем и грустью дыхнёт чья-то жизнь.
Соборы, проспекты, музеи, фонтаны
Улягутся битым стеклом в витражи.

А ночью кусаться начнёт ностальгия,
И без сожалений потянут назад
Умытая майской грозою Россия
И мамины в сетке морщинок глаза.

Быть может, в Европах живётся получше,
Быть может, в Америках класс — спору нет,
А в наших пенатах — морозы и тучи,
И спрятаться негде от грязи и бед,

Но рельсы ложатся к родному порогу.
И осенью, летом, весной и зимой
Бессонная память грызёт понемногу
И тянет домой. Ох, как тянет домой!

ВЗДОХ

Зима вот-вот ворвётся в город,
Готовит осень свой исход.
А у меня с собою споры
Про каждый год.

Деревья оголяют кроны
И солнце убегает в тень.
Молюсь у старенькой иконы
За каждый день.

Сбивают ветры птичью стаю
Под жёлтых листьев перифраз.
И я судьбу свою листаю
За часом час.

Застыли у подъезда лужи,
И за дворами лай собак.
Скрипит, хронически простужен,
Мой каждый шаг.

К юдоли тёплой жмутся птицы,
Устав от дождевых вериг.
И мне уже не повиниться
За каждый миг,

За то, что тишиною ватной
Залитый город вдруг оглох,
За то, что не вернуть обратно
Мой каждый вздох.

А память резко будит ночью,
Когда весь мир безлик и тих.
Нет запятых. Лишь многоточья
Без разрешенья лезут в стих...

ПРОЩЕНИЕ

Есть в прощенье такая мука,
Нам его не купить за грош.
А обид болтовня и скука
В нём — повёрнутый в ране нож.

В нём — события, мысли, люди
Переполнили ночь и стих.

И что было, и то, что будет,
В нём поделено на двоих.

Я виновен, и ты с виною.
Так случилось. И верь — не верь:
Если ты не простишь, закрою
Навсегда за собою дверь.

Ты виновна. Свою вину я
На душе через дни тащу,
И, обжёгшись, на воду дую.
И прощу я тебя. Прощу!

Может, вновь осенит везенье:
Преклонив пред тобой главу,
Попрошу у тебя прощенья
И на выдохе заживу.

Кто-то каяться первым должен,
Кто-то первым вину постиг.
И, гоняя мороз по коже,
Разорвёт расстоянье крик.

И слова долететь готовы
До тебя сквозь ночную тишь.
Ну, давай, в жизнь сыграем снова:
Я прощу или ты простишь.

ПРИКИПАЮ

Я к тебе прикипаю телом,
Каждой клеточкой и ресничкой,
Поцелуем своим несмелым
Неосознанным без привычки.

Я к тебе прикипаю вздохом,
Прерывающимся дыханьем,
Собирая его по крохам
Перед нашим первым свиданьем.

Я к тебе прикипаю взглядом,
Заворожённым и застылым.
Даже если тебя нет рядом,
Оторвать его нету силы.

Я душой к тебе прикипаю.
Всеми стонами и стихами
Связь незримая и немая
Заплетается между нами.

От вечерних невзгод до рани,
От июньской тоски до мая
Навсегда я тобою ранен
И навек к тебе прикипаю.

Я ГОНЮ ЛОШАДЕЙ

Я гоню лошадей по замёрзшему тракту.
Скрип полозьев и сиплый прозвон у дуги…
Та-та-та-та… Упавшему щедрому такту
Подпевает фагот баритоном пурги.
А за белой стеной, огоньками охвачен,
Вскользь мелькнёт иногда
тёплый лик деревень
И кидаются звуки в возок на удачу:
Тавда, Таборы, Тара, Тобольск и Тюмень.

Пробивают копыта настилы сугробу
И, размытые ноты в полёте схватив,
Ветер пьёт их, смакуя, и тянет на пробу,
И пытается втиснуть в щемящий мотив.
И, слегка осовев от безумной дороги
И картуз передвинув рукой набекрень,
Я пытаюсь запомнить и выучить слоги
Тавда, Таборы, Тара, Тобольск и Тюмень.

Я гоню лошадей, от себя убегая,
От судьбы, от беды, от любви, от тоски.
А мотив, раздуваясь от края до края,
Мою странную жизнь зажимает в тиски.
По заснеженной зыби вдогон за мной мчится
Твоих звуков и запахов лёгкая тень.
Ретуширует снег незнакомые лица.
Тавда, Таборы, Тара, Тобольск и Тюмень.

И, гоняя метель по российской глубинке,
Унесут меня лошади в тёмную даль,
Высекая подковами искры и льдинки,
Разрывая мечтой и надеждой печаль.
И взъерошится утро усталой зарёю,
И, слепя, обожжёт возгорающий день.
А я в памяти новой надёжно укрою
Тавду, Таборы, Тару, Тобольск и Тюмень.

ПОЖИВЁМ

На разломе привычной жизни,
В буре страсти, во взрыве гроз

От рождения и до тризны
Поживём ещё? Вот вопрос?

Нас гоняли, пытали, били
И травили, и жгли огнём.
Нам такие достались были!
Поживём ещё? Поживём.

И сегодня надеждам новым
Сбить бы спесь и убавить прыть.
Нам же ноги суют в оковы...
Поживём ещё? Может быть...

Но мечты в дорогие дали
Буйным временем не сожгло.
Мы, поверьте, другими стали.
Поживём ещё! Всем назло!

Ведь, пройдя сквозь беду и смуту
Под пургою, жарой, дождём,
Мы себя закалили круто.
Поживём ещё! Поживём!

МОСКВА-ТОЛЬЯТТИ

За билет мне друзья заплатят.
Я без слов подчинюсь судьбе.
Скорый поезд «Москва-Тольятти»
через время летит к тебе.

И вздохнёт в полусне плацкарта,
и проспит перегон молву.
Мимо смятых сугробов марта
скорый поезд летит в Москву.

Барабанят часы на стыках,
учащая сердечный стук.
Я спешу от любви до крика,
от улыбок спешу до мук.

Утром воздух гудок разрежет,
расчищая туманный путь.
Остановки всё реже, реже,
и осталось совсем чуть-чуть:

обгоняющей электричке
помахать пятернёй во след
и собрать не спеша вещички,
и сойти, и сказать: «Привет!»

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Год сорок первый, июнь, воскресенье,
двадцать второе число.
У Мавзолея моё поколенье.
Тихо, уютно, тепло.

Школьную полночь отбили куранты,
но не уснула Москва –
белые платья, косички и банты,
песни, улыбки, слова.

Юность закончилась, завтра с рассветом
выйдем на сотни дорог.
Ну, а сегодня — девчата и лето,
и не до взрослых тревог.

Я бы не стал вспоминать этой ночи,
но среди звёздных огней
не было ночи на свете короче,
не было ночи длинней.

Там собирала гармонь переливы,
мылись травинки в росе...
Двадцать второе, и все ещё живы,
все, все, все, все, все, все, все...

ВАЛЕНТИН ЯРЮХИН

БЛИЖЕ К ВЕЧЕРУ

ЖАРА

В полдень на этой улице нет теневой стороны.
Тем самым она похожа на стол операционный,
где перед палящим солнцем булыжник и плешь равны,
и меньше всего, пожалуй, пригодна для моциона…

Двадцать шестые сутки ни облака, ни ветерка!
В душной утробе города немногим больше прохлады,
чем в преисподней. Асфальта расплавленная река.
Зной — как завоеватель, не ведающий пощады.

Вон за стеклом витрины с макушек до пят в меху,
два манекена скалятся (чёрный — цвет интеллекта!),
влага щекочет, видимо, под мышками и в паху…
Мозг ни на что не годен, кроме: о, чёртово лето!

Флора сгорает заживо. Глянец и лиц, и плеч.
Ужас прикосновения. Визг тормозов назойлив.
Вера спасла трёх отроков, брошенных подло в печь,
так как бровей излучина спасает зрачок от соли.

В парке, людьми захваченном, лежат на манер пейзан.
Сон о зиме, о леднике лоб холодит немножко…
Пейте воду, сограждане! Как Чехов где-то писал,
в такую погоду в погребе сидеть бы и есть окрошку!

Город лишь ближе к вечеру слегка переводит дух,
когда встают, напомажены, «часовые любви» вдоль дороги –
их крепенький хам на «Хаммере» снимает не меньше двух…

В полночь на этой улице сильно пахнет пороком.

* * *

С женой любовника моей жены
чаёвничаем в сумерках на кухне
в сопровождении «Дубинушки» — эй, ухнем! —
из радио неслось...
Со стороны
могло казаться, мы едва знакомы,
а, между тем, я только что познал
её упругих ягодиц обвал,
грудь в пригоршне и многое что кроме.

Заметь, мне было двадцать с небольшим,
и тешило весьма сравненье с тигром.
Когда бы грек увидел наши игры,
вообразил бы, что непогрешим!
Ещё не отдышавшись, не придя
в себя, она сугубо деловито
произнесла: «Теперь мы с ними квиты».
И рассмеялась звонко. Как дитя.

Меня как будто по лицу кнутом
наотмашь полоснула эта шутка —
тем, вероятно, что без промежутка
и с видом сытой хищницы притом.
Я вдруг увидел некий лабиринт,
где мы на ощупь пользуем друг друга –
старательно,
с ленцой,
или же грубо,
как утоляют волчий аппетит...

Нам, судя по всему, и невдомёк,
что мы творим метафору убийства,
когда по многу раз вонзаем быстро
в одну и ту же рану свой клинок!
И стоны жертвы музыке подстать,
которая ещё во время оно
так воодушевляла легионы,
засим стопою лёгкой, яко тать,
мы покидаем место преступленья,
не оставляя никаких улик
на теле жертвы... В этот самый миг
мы оба вздрогнули от телефонной трели
междугородней. Это был супруг.
Её, представь, ужасно веселило
в моём присутствии произносить «да, милый!»,
подмигивая, или же испуг
смешно изображая...

За окном
шёл снегопад. Змеился чёрный провод
меж маленьких грудей, подав мне повод
подумать вдруг: почти Лаокоон!

Закончилась в тот день моя женитьба.

* * *

Всё чаще и чаще произносишь «спасибо, нет»,
всё труднее с компромиссами иметь дело,
и при мысли о том,
чтобы молча Творцу возвратить билет,
содрогается только тело.

На вопрос о роде занятий ответь: живу,
ощущая огромный город как тесный ворот,
и, на каждом шагу спотыкаясь о дежавю,
обвиняю прошедшее время
в том, что был молод.

Долго-долго
лезешь в карман за словом «прости»,
адресованным небу и той, что давно в могиле.
Мама держит испуганную ладошку в тёплой горсти
и ничуть не догадывается
о грядущей реальности слогана «жили-были»...

Если что-то ещё и волнует, то — глубина.
Миролюбие старости платит за юную прихоть
той же монетой фальшивой, что и она.
В самолёте есть чудная надпись — «запасный выход»,
особенно если читать её на высоте
облаков, где, согласно любой из религий,
души витают.

В столь осеннюю пору перспектива ясна как нигде —
снег на лужах остекленевших, смотри-ка,
уже не тает...

ПУТЁМ БЕЖЕНЦА

1

Тот же пообочь несущийся лес — уже целые сутки...
Сны ни о чём. Занесённая снегом страна.
Дятел старательный слышен на стыках,
да плоские шутки
командировочного подшофе ради той, у окна,
что инстинктивно плотнее сдвигает колени,

бровь изогнув с выражением «экий прохвост!»
Чай ли, кроссворд или чтиво
с таким же успехом заменит
флирт как досуг протяжённостью в тысячу вёрст.

Времени мёртвая зыбь, и как-то острее сиротство,
как-то помимо тебя твой непристальный взгляд
прыгает с ветки на ветку и, в общем-то, родствен
жвачке пространства, уже поутратившей вкус, аромат…
Как-то помимо тебя эта даль с поволокой,
снег, мельтешащий на фоне церквушки в пять глав.
Знать, одному подорожнику только с тобой по дороге!
Всё остальное навстречу и мимо стремглав.

Миф бесконечного возвращения? Нет-нет, напротив,
цель потерявши из виду, Бог знает куда…
Дух переводят колёса на станции «Бродень».
Взгляд мальчугана с перрона блестит, как слюда,
зависти полный…
И, может быть, в эту минуту
ты обретаешь куда как надёжный приют,
став обитателем памяти детской сего шелапута!

Если его через дюжину лет на войне не убьют…

2

Здесь кончаются рельсы и небо лежит на плечах.
Остриё журавлиного клина точнее, чем компас,
указует на юг, в направлении озера Чад,
«где изысканный бродит жираф»,
как простреленный голос
пел когда-то. Навстречу тому острию
от пожарищ войны
с азиатских окраин империи беженцев толпы
с целым выводком чад, виноватые без вины,
добегают почти что до круга полярного, чтобы
на краю тротуара с ладонью протянутой сесть,
подоткнув под себя грязноватые полы халата.
На их тронутых сепией лицах попробуй прочесть –
коль сумеешь! — следы пережитого ада…

Город чёрных шинелей, ветров и стальных субмарин
слишком занят собою.
Пришельцы почувствуют вскоре,
что им следует двигаться дальше и дальше, но, блин,
дальше — Белое море…

ВЕЧЕРНИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1

Абсурд, вездесущий как пыль или Бог,
спокойно взирает на то, как всеядное время
нас делает лёгкой добычей, настигнув врасплох...
И слово «добро» близко-близко стоит к «удобренью».

2

Дни исчезают почти без следа.
Жизнь, как река, замедляет теченье.
Падает резко в цене — навсегда! —
то, что когда-то имело значенье...
Что же останется? Наверняка
малость, помимо креста за оградой, —
либо корректная ложь дневника,
либо молчания чистая правда.

СЛОВА НА ВЕТРУ

Перед пятницей вслед за средой неминуем четверг.
Вряд ли можно сказать то же самое про воскресенье,
чтобы обух какой-нибудь тотчас же не опроверг,
будто смысла иного, бедняга, не слышал доселе!

Наблюдающий ветер не пашет, не сеет, не жнёт,
с ремеслом своим птичьим таскаясь как с писаной торбой,
одержимый желаньем поведать о том, как живёт –
и не кругу друзей, но как минимум — urbi et orbi!
Уже сказано всё и описано до мелочей,
и составлены гениев списки, и розданы лавры,
и растерянность некая, в общем, в порядке вещей
перед чистым листом. Если ты не юродивый, право...

Нам неведомы правила или же цель бытия –
лишь стрекало тщеславия жалит и гонит из тени.
Что есть мочи стучи себя в грудь с диким воплем: я! я! —
а иначе рискуешь пройти мимо славы и денег.

Век рекламы плодит легионы навязчивых слуг.
Мимоходом заметим себе: безо всяких соитий...
Потому-то царит болтовня там, где должен быть слух,
и — увы! — комментарии заняли место событий!

И язык без костей — близкий родственник слов на ветру –
тишину ощущает как пытку, болезнь иль обузу.
С этой мыслью ложишься, и с ней же встаёшь поутру:
о, склонить бы к сожительству вечно капризную Музу!

* * *

Среди сутолки плеч вдоль юдоли земной
снег пытается лечь, жертвуя белизной.

С молчаливых высот мельтеша и кружась,
завершая полёт, превращается в грязь...

Стоит ли этот путь столь худого конца?
Если бы как-нибудь без потери лица

встретить данный конец!.. Просто больно смотреть.
Снег — всего лишь гонец, обречённый на смерть.

Это схоже с войной, где безумна цена,
где один перегной заплатившим сполна.

Это крах единиц ради жизни толпы.
Парадокс без границ? Слепота ли судьбы?

Так же выглядел — в лоб! — наш родимый террор...
В наших генах озноб не исчез до сих пор.

В торжестве большинства убедись поутру.
О, природа права, затевая игру —

риска, в общем-то, нет. Город, сер и суров,
словно переодет в белый-белый покров.

Солнце, свежесть и снег, и звенит детский смех.
И некстати совсем жаль растаявших — тех,
самых первых...

ЛИЛИЯ ЮСУПОВА

ПОД СКРИПКУ БОГА

Я рисовала всегда — с самого раннего детства, ещё до того, как научилась хорошо ходить и говорить. Помню, что давала маме карандаши и просила нарисовать лошадку из книжки. А потом очень расстраивалась, потому что мама нарисовала не так красиво, как на картинке... В 9 классе я купила себе масляные краски и стала работать ими, осваивая технику по самоучителю. На художественную школу времени не было, так как я занималась ещё в музыкальной школе, а вечерами ходила на занятия в физико-математическую. Несмотря на занятость и увлечение другими занятиями, живопись присутствовала в моей жизни и позже. Наверное, сыграли роль гены (мои дяди были хорошими рисовальщиками) и воспитание: родители при случае водили меня в художественные музеи и на художественные выставки, а на дни рождения мне обычно дарили альбомы с фоторепродукциями картин.

Большое впечатление на меня произвели работы Рене Магритта и Сальвадора Дали. Первый покорил философским подходом к живописи, второй — современными приёмами и техникой письма. Творения Магритта натолкнули меня на мысль создать серию работ под названием «Парадоксы», где обыденные вещи представали в необычном ракурсе: из разбитых часов вытекало время («Мои часы»), разрезалось яблоко, запертое в колбе («Запретный плод»), в бюсте пряталось живое лицо («Двойной портрет»), летали бабочки, связанные нитью («Влюблённые»), в морской раковине рождалось жемчужное ожерелье («Раковина») и т.д. Можно сказать, что этой серией я занимаюсь и сейчас, считая, что картины должны заставлять человека думать и навсегда оставаться в его памяти.

Одна из любимых тем — свечи. «Это — не свечи, это — люди!» — воскликнула однажды моя знакомая, увидев эту серию работ. Действительно, с помощью свечей я обыгрываю человеческие отношения, о чём говорят названия картин — «Любовь», «Объяснение», «Материнство», «Творчество». Иногда к картинам пишутся стихи. Работу «Творчество» (на которой изображена свеча, горящая с двух сторон) комментируют такие строки:

Один сценарий жизни у творцов:
Гореть свечой, зажжённой с двух концов,
Носить клеймо фигляра и изгоя,
Ни дня не знать в душе своей покоя
И видеть суть, сокрытую от глаз,
И погибать за истину не раз,

Чтоб в мире, где слова уже не нóвы,
Сказать своё — немеркнущее — слово.

Кстати, о творчестве. Я не понимаю выражения «муки творчества», для меня живопись — радость и восторг, особое — возвышенное — состояние души. Обычно я приступаю к вещи, когда она уже полностью созрела в голове, — остаётся только перенести её на холст. Да и сами идеи приходят легко. К примеру, серия «Свечи» (29 сюжетов) родилась в один вечер — когда из-за грозы погас свет, и вся семья сидела при свечах. И такое бывает часто — придумываются композиции сразу для целой серии работ. Такое же восторженное состояние лёгкости бывает и при написании стихов — строки приходят сами, остаётся только их записать:

Ах, выдумки всё это
Для красного словца –
Про «тяжкий крест» поэта,
Про «горький путь» певца:

Легка моя дорога
И сладостен полёт,
Когда под скрипку Бога
Душа моя поёт...

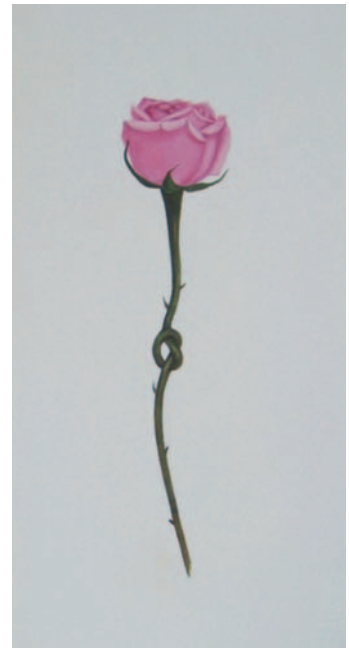
Надо сказать, что художником быть «выгоднее», чем писателем. Изобразительное искусство интернационально: картинам переводчик не нужен. Помню, с каким любопытством и даже почтением воспринимали мою живопись американцы и поляки. Так же, как в России. Хотя выставок было немного — 5 персональных и 22 коллективных.

Живопись открывает многие двери. 10 лет назад мне позвонили из администрации Президента Татарстана — и предложили показ картин в Казанском Кремле. А потом состоялся визит к М. Ш. Шаймиеву и очень душевный разговор с ним о живописи и о жизни. Меня поразили при общении с Минтимером Шариповичем его мудрость, тонкое понимание искусства и человеческая чуткость.

Вообще, жизнь была богата интересными событиями и встречами. Во многом благодаря творчеству. Правда, в детстве рисование и стихи воспринимались как должное, как естественное состояние души. Только со временем я поняла, что способности — это подарок судьбы, который обязывает максимально достойно им распорядиться и при этом сохранить своё лицо, свой стиль, не оглядываясь на моду и критические замечания.

Лиственницы

А.Д. — Ранний снег



Узелок на память

Натюрморт с часами

Небесный фонарь

Сон

Разбитая чашка

Маска

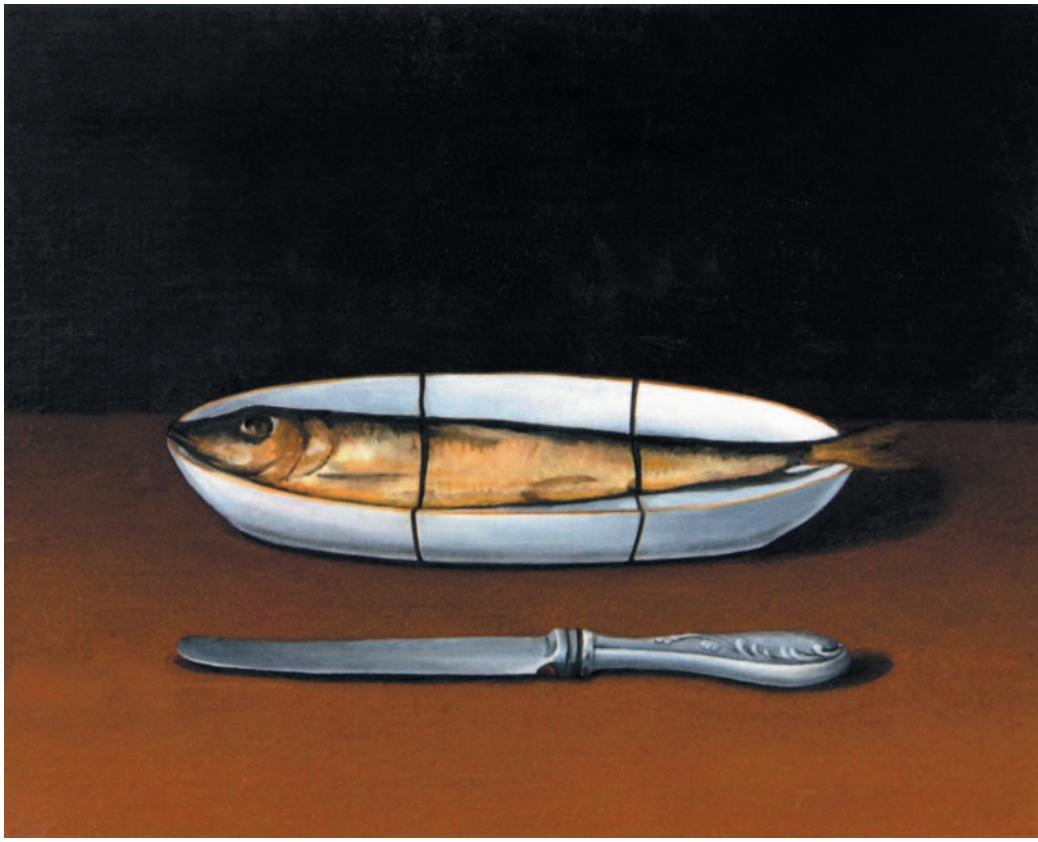
Ростки

Натюрморт с яичницей

Двойной портрет

Любовь для фото

Экологический этюд



Разделение

Символический автопортрет

Непостижимость времени

Сухой закон

Влюблённые

Питиё поэтов

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

ЗЕЛЁНАЯ НИТКА

Стихотворение «Узоры» как дальний пролог к поэмам Юрия Кузнецова о Христе

УЗОРЫ

Светлый ангел пролетал по небу.
Девка выходила на крылечко,
На ступеньку низкую садилась
И брала иголку с тёмной ниткой,
На холстине белой вышивала
Тайные девические грёзы
И узоры жизни осторожной.
Только ничего не получалось.
Заливалась бедная слезами,
Не могла увидеть даже нитки,
А не то чтоб ангела на небе.
Светлый ангел порадел о девке
За её девические грёзы
И узоры жизни осторожной,
Постучал по голубиной книге —
Выпали три волоса на землю,
Три закладки меж страниц священных.
Первый волос золотой, как нива,
А второй серебряный, как месяц,
Третий волос синий и зелёный,
Словно море в разную погоду.
А меж ними облака стояли,
Полыхали тихие зарницы.
Поглядела девка в поднебесье,
А оттуда молния летела,
А вернее молвить, паутинка,
В паутинке нива золотилась.
Сотворила девка свят-молитву,
Отпустила душу и сказала:
— Это волос ангела блистает,

Мне о нём рассказывала бабка
И шептали во поле колосья...
Поглядела снова в поднебесье,
А оттуда молния летела,
А вернее молвить, паутинка,
В паутинке месяц серебрился.
На неё перекрестилась девка,
Облегчила душу и сказала:
— Это волос ангела сияет!
Мне о нём напоминает месяц,
Зимний снег и седина разумных...
Поглядела снова в поднебесье,
А оттуда молния летела,
А вернее молвить, паутинка,
В ней менялось синее с зелёным.
Перед нею задрожала девка
И глаза, как спящая, закрыла,
Затворила душу и сказала:
— Это волос ангела играет,
Словно море в разную погоду!
Он сегодня мне приснился ночью,
Ничего я про него не знаю
И дрожу с закрытыми глазами...
А когда она глаза открыла,
Волосы в ногах её дремали.
Осторожно их брала руками
И свивала радужную нитку.
И три дня не грёзы вышивала,
А узоры жизни терпеливой,
Мудрые священные узоры.
О трёх днях над вышивкой сидела,
И мелькала быстрая иголка,
И струилась радужная нитка.
На четвёртый день вставала девка:
— Всё готово! Где хвала и слава?..
Распахнула душу и ворота
И сказала: — Вот мои узоры!
Приходил народ на погляденье,
Глубоко ему запали в душу
Мудрые священные узоры.
А они, как нива, золотились,
А они, как месяц, серебрились,
И играли синим и зелёным,
Словно море в разную погоду.
А меж ними облака стояли,
Полыхали тихие зарницы.
— Это счастье! — говорили люди.
— Это радость! — восклицали дети.

— Божья тайна! — молвил самый старый.
— И моя! — проскрежетал зубами
Повелитель мировой изнанки.
Потемнело небо голубое.
Выскочил откуда-то чертёнок,
Прошмыгнул между хвалой и славой
И царапнул по зелёной нитке.
Где царапнул, там и след оставил,
Где царапнул, там и потемнело,
Хоть слегка, но всё-таки навечно.
Явно для того, кто может видеть,
А для глаз счастливых незаметно.

В последнее время мою дремоту тянет
к строгой русской классике... Однако
все её корни остаются в народном эпосе.
Юрий Кузнецов

Кузнецовские «дремоты», или назовём их более широко и привычно — видения, отличаются от почти всего поэтического массива, наработанного русской литературой за минувший век.

Можно отражать реальность в узнаваемых формах, рефлексировать по поводу и без повода — но при этом поэт будет неизбежно идти рука об руку со своим временем и обществом, в котором он живёт.

Напротив, Кузнецов отделён от реальности той прослойкой мифа, о которой так много говорят в связи с его поэзией, и о чём писал он сам. Этот способ связи поэта с действительностью будто проходит через некий волшебный ящик, в котором непрерывно рождаются сюжеты, соединяющие в себе художественную волю певца, его человеческую повадку и отжатые до штучности приметы мира социального.

Если вспомнить больших поэтов, то практически у каждого есть произведения, о которых можно говорить как о небывалых прежде литературных сюжетах. У Кузнецова, особенно позднего, почти все стихотворения — *такого* качества. Он непревзойдённый сказитель XX века, соединивший христианское предание с народным эпосом.

Сколько было с упрёком говорено о «двоеверности» русского народа церковными публицистами, однако никто как будто не отметил это свойство как особенную черту художественного сознания наших великих поэтов. Именно они брали образ русского человека как некий идеал, в котором живёт волшебная архаика древнего славянства и православная этика нового русского времени.

Более того, в поэзии трудно найти положительного героя, который не соединял бы в себе черты народности во всём её неканоническом многообразии и черты души христианской — в той её ипостаси, которую принято обозначать словом «простец». Именно простец с мудрой рассудительностью и сердечной мягкостью воспримет как народную мистику, так и поэмы Юрия Кузнецова о Христе, в которых светятся образы народной духовной поэзии. А также — удивительные кузнецовские стихи-сказки, напоминающие пушкинские по свободе развёртывания небывалой истории.

Вместе с тем, сказочные кузнецовские сюжеты обладают редкой словесной компактностью. Это связано с тем, что у Кузнецова в таких сюжетах важен не столько

сам герой, его характеристики и развёрнутая картина происходящего, а глубинный смысл того, что возникает перед читательскими глазами. И потому авторский слог лаконичен, но не в ущерб пристальной точности описания предметов и событий.

Каждое слово у Кузнецова значимо в каком-то объёмном, надмирном значении. Нет ни одного определения, которое выполняло бы только функцию внешнего ряда. Это говорит даже не об огромности кузнецовской мысли о мире, а о невероятной интуиции поэта, которая улавливала взаимосвязь вещей и действий. И в результате появлялось стихотворение, которое, по существу, затрагивало мистические мировые струны, пронизывающие наше бытие и нашу очевидную жизнь.

Стихотворение «Узоры», написанное в 1998 году, есть отголосок библейского сюжета о первом грехе. Его можно назвать дальним прологом к кузнецовским поэмам о Христе. Примерно таким же, как стихотворение «Красный сад» — интонационный пролог к незавершённой поэме «Рай», о чём вскользь упоминал и сам автор.

В «Узорах» показано, что ветхозаветное падение происходит постоянно, будто эхо, повторяющееся в веках. Хотя смысловое зерно сказочной истории отодвинуто на второй план и, по видимости, теряется в необычных коллизиях происходящего.

Сидя на крылечке, девка вышивала тёмной ниткой на белой холстине «тайные девические грёзы и узоры жизни осторожной». Ничего не получалось, и светлый Ангел бросил ей три волоса из голубиной книги. Девка сплела их в «радужную нитку» и три дня вышивала «узоры жизни терпеливой, мудрые священные узоры». А потом призвала «на погляденье» народ. Люди назвали увиденное счастьем, дети — радостью, самый старый — Божьей тайной. Сатана покусился на чудо и зачернил зелёную нитку. И в «узорах» это повреждение осталось навсегда. Духовно зоркий человек его видит — глаза счастливых тёмного следа не замечают.

Перед нами не совсем понятная по смысловой отсылке история, и потому для её верного истолкования так важны мельчайшие детали.

Прежде героиня стихотворения была кроткой и простодушной, жила бедно («крылечко», «низкая ступенька»), вышивала при свете дня на пороге родного дома. Мечтала об удачном замужестве, о робком вхождении в мужний дом, тревожилась о будущей доле — трудной и уступчивой. Но терпения у вышивальщицы не хватало, и она заливалась слезами. Примерно так можно пересказать «тайные девические грёзы и узоры жизни осторожной».

Но вот окончена чудесная вышивка («мудрые священные узоры»):

На четвёртый день вставала девка:*
— Всё готово! Где хвала и слава?..
Распахнула душу и ворота
И сказала: — Вот мои узоры!..

Как меняется поведение героини: теперь ей требуется «хвала и слава», она говорит гордо, громко и призывно. В горести ей помог Ангел, осенил её труд, но в торжестве эта божественная помощь забыта: «Вот *мои* узоры!..» Тут определённо слышится ветхозаветное эхо: «... откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3, 5). А ведь вышивала девка «узоры жизни терпеливой, мудрые священные узоры».

* Примечательно, что, по Преданию, **на Четвёртый День** создал Бог светила и поставил их на тверди небесной, чтобы управлять днём и ночью и отделять свет от тьмы.

Прежде она «не могла увидеть даже нитки, а не то чтоб ангела на небе», у неё даже не было мольбы и надежды на помощь, лишь одна кручина. И этого оказалось достаточно для того, чтобы «светлый ангел порадел о девке»:

Постучал по голубиной книге –
Выпали три волоса на землю,
Три закладки меж страниц священных.
Первый волос золотой, как нива,
А второй серебряный, как месяц,
Третий волос синий и зелёный,
Словно море в разную погоду.
А меж ними облака стояли,
Полыхали тихие зарницы.

Лишь когда смотрела на золотой волос, напоминающий о колосьях в поле, сотворила героиня «свят-молитву» и «отпустила душу» — т.е. освободилась от забот, предав себя воле Божьей. Когда же смотрела на серебряный волос, о котором напоминали ей «месяц, зимний снег и седина разумных», перекрестилась и «облегчила душу» — т.е. попросила прощения за прошлое. Перед странным волосом, в котором играло синее с зелёным, закрыла глаза и затворила душу — будто иконописец, сосредоточенный на своей задаче.

К слову, в стихотворении заключён и образ художника-творца, крайне опрощённый и сниженный автором совершенно сознательно, дабы патетика земного творчества не заслоняла размышления о человеке как таковом.

Третий волос — самый загадочный, его цвет меняется, видимо, в зависимости от внешних действий и слов. Чертёнок, что «прошмыгнул между хвалой и славой», царапает зелёную нить, и она темнеет. Однако, по существу, именно «заблудшая воля» героини «чернит» ангельский подарок.

Таинственный волос игрой своих оттенков похож на описание Древа познания добра и зла в поэме Кузнецова «Рай»:

Крона играла цветами. Они волновали
Красным, оранжевым, жёлтым отливом в начале,
А фиолетовым, синим, зелёным — потом.
Каждый узор выступал то цветком, то плодом.
.....
Рядом стояло, мерцая плодами познанья,
Вечное древо — таинственный знак мирозданья.

Обратим внимание на изменение цвета волшебного волоса: зелёное становится более тёмным, попутно и голубизна неба теряет свою просветлённость. Таким образом, богатство красок в результате духовного падения героини сужается, а в пределе — стремится к черноте. Она уже была показана вначале в образе тёмной нитки на фоне белой холстины — как символ нелёгкой и скудной жизни. Девичьи очи в слезах не видели этой *земной* нити. «Глаза счастливые» в упоении «хвалы и славы» и в отречении от ангельской помощи не различают уже нить *небесную*, в которой частично погашен цвет: «... и царапнул по зелёной нитке. / Где царапнул, там и след оставил, / Где царапнул, там и потемнело...»

В стихотворении скрыто присутствует постоянно возобновляющийся роковой цикл: человеческая кручина; божественный дар; ангельская помощь; просветление жизни; человеческая гордыня; потемнение жизни; почти неизбежная будущая кручина.

Словесно волшебный сюжет выписан Кузнецовым филигранно, смысловые переклички пронизывают стихотворение повсеместно.

Вместе с тем, необходимо сделать некоторые оговорки.

В традиционном народном костюме чёрный цвет не несёт однозначно негативного оттенка, напротив — это краски земли-кормилицы. Помимо отсылки к тьме, печали, отрешению и даже трауру, в нём содержится символ покоя, постоянства, плодородия. У Кузнецова в определении нитки, которой вышивает девка белую холстину-рубаху, определение «чёрная» заменено характеристикой «тёмная». При этом не подвергается сомнению народная символика цвета, прикреплённая к земному распорядку и к одушевлению природных сил. Поэт поднимает взгляд вверх и в сопоставлении небесного начала с земным показывает «тёмное» как опрощённое до смертного предела «светлое». Как одну из примет отпадения человека от Бога, и земли — от неба, как знак слепоты земного счастья.

Это почти впрямую подчёркнуто совпадением первой строки «Узоров» с началом лермонтовского «Ангела» («Светлый ангел пролетал по небу...» — «По небу полуночи ангел летел...») и совпадением духовного акцента стихотворения Кузнецова с заключительными строками шедевра Лермонтова: «И звуков небес заменить не могли / Ей скучные песни земли».

Говоря о печальной цикличности событий, показанных у Кузнецова, стоит иметь в виду их некую временную привязку: это случилось однажды, и с тех пор в мире что-то безвозвратно изменилось? Но тогда можно сказать, что до описанных событий человеческая жизнь была более высока, чем в дальнейшем, после того, как «зелёная нитка» «потемнела». В этом случае земная история предстаёт как неудержимое стремление к апокалипсическому финалу.

Однако мы знаем, что есть на свете необъяснимая удерживающая сила. Её олицетворением является и кузнецовский Ангел, который, откликаясь на кручину человека, вносит в мир *светлую* поправку и, образно говоря, тормозит его сползание во тьму.

Прежде и потом в духовном отношении происходило нечто подобное кузнецовской истории. Она множится в слоях времени и присутствует в нём всегда — как развёрнутый образ человека, беспомощного в отсутствии Бога, самонадеянного в чудесном успехе и слепого в конечном и эгоистичном земном счастье.

НУРИЯ БЕЛОМОИНА

ДЕНЬ КОЛЬЦО

Я в марте всегда грущу. В марте ушёл папа...

Десять последних дней мы провели вместе. Этот срок назвал он:

— Приезжай, мне оставаться после 19-го — ни-ни...

Мама потом заметила: «Как будто у него был билет на этот день!»

* * *

Сколько себя знаю, папа всегда был рядом. Кроме последних двадцати лет, когда сбежала из-под его опеки — хотелось пожить собственным умом. Иначе он подстилал «соломку» везде, где я могла упасть. Дочь, урождённая им в 44 года, неизменно казалась маленькой...

Помню себя совсем крохой — может быть, года полтора— папа надевал на меня носочки в сиреневую полоску, платье с переливающимся узором и хлопал в ладоши: пляши! Ты голубка теперь... А я верю и рада стараться!

Он носил меня то на плечах, то на голове. Или согнёт ноги в коленях, посадит меня на носочки и подбрасывает, и подбрасывает. Я хохочу! А уж на руках подбрасывал — до самого потолка!

Спала я тоже с папой — до пяти лет. Укладывая, руки мои возьмёт в свои и начнёт рассказывать. День — сказку, день — историю.

В детском сознании всё переплелось: пушкинский петушок, предсказатель будущего, возвышался, конечно же, над древней Казанью. Будущее хану предвещала дочь-умница Сююмбике. Её образ, в свою очередь, сливался с Иосифом Прекрасным из Библии, любимым сыном Иакова. Это он разгадал злому фараону сны...

И все персонажи отцовских рассказов — это была я... ведь папа часто повторял: — Будь умницей, если хочешь, чтобы я тебя любил.

Ум был лучшим достоинством в глазах отца. И потому он хотел дать мне имя той самой казанской княжны. Сверстниц звали новомодно Эльмирами, Регинами, Альбинами... А у меня традиционное имя с фарси — Нурия. Обижалась на маму: за что я-то страдаю?!

— А если бы Сююмбике? — возражала мама.— Или Нури-Эсма? Это я ещё как-то отстояла первое имя бабушки, иначе отца было не переубедить...

Бабушку-тёзку я не застала — она умерла за три года до моего рождения. О ней рассказывает мама — со смешанным удивлением, восхищением и непониманием. Как-то она застала свекровь, семидесятилетнюю старуху,— так полагала мама в свои двадцать лет — танцующей перед зеркалом!

А поводом было новое платье. И духи! — папа часто дарил ей подарки, торопился воздать сыновний долг. Когда деда, потомственного священника, сослали в Туркестан, детей хотели забрать на перевоспитание в коммунистическом духе. Старшие — тётя, дядя и папа — разбежались по разным городам, лишь бы не в приют, а бабушку с двумя малютками выселили из дома. До возвращения папы на родину — через четверть века! — она так и скиталась по чужим углам.

Несколько рассказов отца о том времени прочно врезались в мою детскую память. Сразу после побега он торговал питьевой водой на железнодорожной станции в Бугульме. Бежал осенью, без вещей, да и то, что было на нём, со временем обменял на еду. Когда подморозило, босоногого мальчика в одной рубахе колотило не на шутку.

Одна сердобольная русская женщина, наблюдая страдания двенадцатилетнего сироты, предложила стать её сыном. Детей у неё не было, а, видимо, хотелось.

— Я кричал: нельзя! Мне нельзя! — рассказывал папа.— Был соблазн обрести дом, но воспитание не позволяло. «Ты же кяфер, это грех!» — отвечал я ей, а сам просто ревел...

Женщина, вероятно, привязалась к нему сердцем — из дома принесла сапоги, тёплую одежду, еду. Тем и спасла отцу жизнь.

В детстве очень хотелось поделиться всем, что у меня есть, с этим мальчиком. Трудно было отождествлять его с папой, но он был близкий и родной...

А ещё хотелось сказать «спасибо» той доброй женщине...

* * *

Моё же детство было вполне благополучным. Мы жили в просторном доме с большим яблоневым садом. У папы была машина «Победа» и мотоцикл «Урал». Дома из мебели стояли дубовые шкаф и стол, кожаный диван, венские стулья, на окнах висели бархатные портьеры — всё основательно. В чулане не переводились туши мяса, мешки с рисом, мукой. И непременно бочки с квашеной капустой, солёными огурцами, мёдом. Папа даже хлеба покупал по пять булок за раз, чтобы всего было вдоволь!

По специальности отец был военным лётчиком. Учился авиации по поддельному паспорту. Как и его брат — в финансово-экономическом институте. До начала финской войны они скитались по всей Казани — от пожара до пожара,— получая, как погорельцы, новые документы. Но вскоре обнаруживались настоящие жильцы и приходилось скрываться дальше.

Тётя вышла замуж, сменила фамилию, тем самым избежала участи братьев. Её брак вряд ли был по любви...

Эта самая тётя хотела, чтобы я пошла в музыкальную школу — слух есть, и голос тоже... вдруг сценическое будущее?

А папа возмущался: — Мой ребёнок?! Развлекать публику?! Ни-ког-да!

Хотя домашние концерты, когда я выступала на стуле, слушал с удовольствием. Он и сам играл на баяне, и пел замечательным баритоном. В основном, грустные татарские песни. И если только выпьет, запевал «Калинку» или «По диким степям Забайкалья».

Со временем папа отказался от курения и спиртного, стал вести праведный образ жизни. Молился пять раз в день, постился. Редко-редко, и то укрывшись одеялом,— чтобы Бог не видел? — сбивался на русские частушки или какую-нибудь весёлую моряцкую песню. Мама в такие минуты озадаченно округляла глаза и тихо вопрошала: «Ещё чего?» А папа прервётся тут же и говорит:

— Душа тоскует... понимаешь? Душа...— было странно слышать подобное из уст скитальца, наконец вернувшегося на родину. Его душа, вероятно, тосковала по молодости...

О том, кем мне быть, родственники спорили часто. Сама, конечно же, мечтала стать артисткой — как и многие девочки моего детства. Или певицей. Или и то, и другое вместе. Моей главной фантазией было прямо в кинозале подняться с места, побежать по спинкам сидений и с ходу влететь в кадр! И повернуть сюжет в нужное русло! Зрителей потрясти своими талантами так, чтобы говорили: надо же, ведь она только что сидела здесь! А мы и не догадывались...

* * *

Однако папа был против каких бы то ни было иллюзий относительно будущего.

— Ты пойми,— говорил он доверительным полушёпотом,— нам не дадут! Не позволят! Это не наше время и не наша страна... Правительство — сволочь! Грабит собственный народ...

Но я же хочу стать артисткой-певицей-учёным-писательницей-журналистом!

— И я хотел,— продолжал папа.— На небо спокойно смотреть не мог — так хотелось летать... Не дали же! Фашисты... Выбери что-нибудь для жизни. Женщине хорошо быть бухгалтером, например.

Бухгалтером! Скажет тоже... Это как у него в конторе тётки что ли? Толстые, с накрашенными губами и в синих нарукавниках. Кудрявые все, как близнецы... Не-е-ет, я такой не буду!

Если для жизни, то... тогда уж геологом. Или... архитектором. Ну, на крайний случай учительницей литературы!

* * *

На вопрос о будущей профессии маминым подружкам отвечала совершенно иначе.

— Я буду работать на кондитерской фабрике. И есть всё время шоколад! — выдавала бойко. И, самое главное, искренне.

— Тебя что же, любимый папочка не кормит шоколадом? — тётки явно дразнили.

После некоторого замешательства — ведь кормит же — добавляла:

— А я хочу коробку шоколада! Чтобы не кончался.

— Ооо, столько на работе есть нельзя,— подзадоривали меня дальше,— уволят!

— Тогда... куплю коробку с первой же зарплаты,— не терялась я.

Много лет подряд — и когда училась в институте, и когда уже работала,— встречая меня, мамины подруги регулярно спрашивали: купила я всё-таки коробку шоколада или нет?

Я — не купила. Купил папа. Когда сдала первую сессию и приехала на каникулы. Коробка оказалась более скромных размеров, чем я представляла. В ней было плиток двадцать или тридцать, уже не помню. Он преподнёс её скромно, не подчёркивая, что осуществляет мою подзабытую детскую мечту:

— Кушай после обеда, полезно для мозговой деятельности.

Я послушно отламывала понемногу, заучивая интегралы и дифференциалы. Последние плитки даже подёрнулись серым налётом несвежести — так надолго хватило этого шоколада...

* * *

Телевизор купили тоже в марте. Год какой был, не помню, кажется, я уже училась в школе.

Спорная была покупка: папа сопротивлялся. Он утверждал, что это дополнительный источник скверны. А мама переживала: дети растут обделённые... Говорят, хорошие фильмы показывают.

В кино, конечно, мы ходили часто. Но тогда трудно было представить, что это чудо может быть домашним. И рукотворным! — Нажал кнопочку и — вот оно!

Мама, видимо, не очень верила, что уговорит отца. Потому никоим образом не дала нам, детям, понять о важной покупке — мало ли... сорвётся.

Помню своё настроение в этот день — надоел посеревший снег, колючий ветер. Возвращаясь с уроков, пришлось по заборам обходить жутко большого быка — на нашей улице не редкость,— и набрала в валенки снега.

Дома же родители копошились вокруг серого ящика с надписью «Рекорд». На все вопросы в один голос отвечали: — Сабр! (Терпение).

Легко сказать... тем более, я смутно догадалась, что... из него, может быть, вылетит птичка!

* * *

Нет, не птичка. В одну секунду в наш дом ворвалась другая жизнь! На экране девушки с розами в волосах собирали яблоки! И пели удивительными голосами незнакомые песни!

— Это кто?! Это где?! — закричала я от неожиданности.

— Украинки... Украина,— ответил папа сдержанно. Было очевидно, что в споре с мамой он проиграл.

Боже мой... живут же люди! У нас зима, у них — лето! Яблоки, конечно, и у нас растут, но мы же не собираем их в красивых платьях! Зацепишься за сучок, порвёшь...

Невыносимо было смотреть на чужое лето на исходе надоевшей зимы. Телевизор я поняла как окошко, которое открывается каким-то волшебным образом, и показывает жизнь других. Сию минуту.

Это тогда у меня возникла мысль: раз на свете есть Украина, где круглый год райская жизнь, её надо найти!

В те дни на вопрос «кем хочу стать» я отвечала:

— Украинкой!

И потом — до конца детства — лишь стеснялась этого, но в душе продолжала хотеть...

* * *

Не скажу, что испытывала неудобства от того, что татарка. Папа постарался в пользу культуры и истории — с национальным достоинством всё было в порядке.

Да я и сама была круглой отличницей. Ещё бы, мне школа дорого досталась! Для зачисления в первый класс двух месяцев не хватило — я же родилась в ноябре. Так верила, что примут! Ведь читать и писать умела, и была акселератка, как тогда начали говорить о долговязых детях. Увы...

Это был тяжёлый год. Дома оставаться одна я боялась, в детский сад отпрысков неколхозников (и так живут, как буржуи: паспорта и зарплату имеют!) не брали. До обеда, пока брат с сестрой в школе, мама просила присмотреть за мной соседку. Ино-

гда отвозила к своему брату в деревню. Жизнь у дяди — отдельная история. Хоть и обходились там со мной как с хрустальной вазой, я очень скучала по дому. Но время пребывания в деревне зависело не от моих капризов, а от того, насколько хватит отцу жить без меня...

И когда, наконец, пошла в школу, была готова принять все её условия. Учёба давалась легко, сложнее было подчинить порядку вольную душу. Но я очень старалась жить правильно. По двадцать минут жевала утренний бутерброд, потому что столько длился завтрак маленького Володи Ульянова. Хлеб уже совсем размякнет во рту, а я смотрю на часы, прежде чем проглотить — надо растянуть время.

Помню, как после очередного чтения о жизни Ульяновых я «отделилась» от семьи. В тот раз учительница процитировала, что «... Володя ел из отдельной чашки», что «... у него была отдельная посуда».

Дома достала из шкафа тарелку, чашку, ложку и водрузила эту композицию на самую верхнюю полку в гостиной, где раньше стоял портрет бабушки — не перепутали бы! Родители долго не могли убедить меня «вернуться» в семью. Потом папу осенило, что книга эта была написана после революции для просвещения неотёсанных мужиков! Которые ели из общего котла.

— Эх, засоряют ангелу мозги,— вздыхал он...

В дедушкиной мечети — уже без минарета — располагалась теперь сельская библиотека. Там работала приятная на вид, но суровая по нраву женщина. Я прибегу с прочитанной книгой — скорее дайте новую! — она не верит: что-то быстро читаю. Заставляла пересказывать содержание... Лишь после этого подбирала мне очередную книгу и просила не спешить.

Жажду впечатлений трудно было утолить: успевала прочитывать книги и брата, и сестры. Как же иначе — где-то большая жизнь, Украина (!), а я буду в час по чайной ложке к ней подбираться?!

* * *

Но... всё прогрессивное было связано с телевидением. В девять вечера смотрели программу «Время». Папа громко объявлял момент тишины. Сам почему-то садился подальше от телевизора. Если кто помнит времена Брежнева, в начале всегда — сводки с полей, заводов, буровых скважин. Цифры-цифры... Мы, дети, лишь пережидаем — потом будет художественный фильм! А папа сильно волновался...

Сначала смотрел и качал головой, потом начинал вздыхать. На пятой минуте перечисления успехов не выдерживал: — Нет правды на свете! — то встанет, то сядет и, обращаясь к маме, говорит: — Ложь! Ну ведь ложь всё это! Неужели никто не видит?!

Заберётся с ногами на стул, сядет на спинку и уже оттуда вскидывает руки: совести у них нет!

— Всё! — кричал в конце,— выключайте телевизор! Всем спать! Такое телевидение вас только развращает!

Мы, без сил против воли отца, ложились в постель — с фонариком — и читали книги под одеялом...

* * *

Одно время я увлеклась Максимом Горьким. Не потому, что нравился или посоветовал кто-то, нет... На книги в библиотеке была очередь. Пока ждёшь, надо было что-то читать.

А Горький был без ударений, потому не очень востребован. Вся школьная литература на русском языке была испещрена ударениями — без них татарам трудно правильно произносить. Папа же говорил: учи русский так, чтобы знать лучше самих русских! Через знание языка у тебя будет шанс показать и ум, и другие способности.

Вот я и читала Горького. Вслух. Когда дома одна. Смотришь в книгу и аж земля уходит из-под ног — ориентиров-то нет! Но я была решительна, как будто наверняка знала, что произносить надо так, а не иначе... Пока читала, видимо, не только язык выучила — успела заразиться революционными идеями. Папа откровенно горевал: что из меня будет? Дома — одна мораль, в школе — другая...

Вот с таким бардаком в голове я вступила в свою юность...

* * *

С двенадцати лет началось моё диалектическое «отрицание отрицания».

Папа, как пережиток капитализма (привет Горькому!), на продажу выращивал зелёный лук. На православную Пасху, а потом и на майские праздники, лук пользовался огромным спросом. На базе в Бугульме он весь распродавался! На пирожки.

Весна в Поволжье капризная. Чтобы лук вырос к Пасхе, надо поколдовать над ним. Это было по отцовской части, а мы включались на последнем этапе предпродажной подготовки.

Папа подкапывал лук, отряхивал корни от земли и в больших тазах подтаскивал его в баню. А мы — мама, сестра и я (брат обычно прогуливал это мероприятие) — убирали пожелтевшие пёрышки, подрезали корни. И непременно в прохладном помещении, чтобы не завял, и осторожно, чтобы не полопались нежные перья. И так, пучок за пучком, килограммов двести за раз! Тяжёлый труд...

Но игра стоила свеч. За удачный базарный день можно было заработать сто рублей! Среднемесячный заработок по тем временам. Отец обещал нам всем по желанной покупке и слово своё держал.

Но мы всё равно неохотно поддерживали его рыночные затеи. А их было достаточно. После лука начинались ранние огурцы. Потом морковь. К осени другая забота — куда деть яблоки. А весной — картошку...

Сельский образ жизни нам казался обременительным, тем более, что у нас была квартира в центре Альметьевска! Папа там ночевал лишь один день, прежде чем решить, где жить:

— Чтобы я согласился на общежитие! — так он называл многоквартирные дома. — Один сосед орёт пьяные песни, другой храпит! Нет уж. Я — в своём доме! На своей земле! И добровольно её не покину!

Так мы остались жить в деревне. Двадцать километров, которые отделяли от заветного города, так и не были преодолены нашей семьёй. Квартиру сдали государству...

* * *

Но посещение самого рынка — это было интересно, хотя папа брал нас неохотно. Во-первых, нужно было вставать в четыре утра. Пока нас поднимут, пока погрузка — уже полпятого. Надо торопиться, чтобы занять хорошее место...

Папа мог в одну минуту передумать ехать на ближайший рынок в Альметьевске и отправиться за пятьдесят километров в Бугульму — «Бугульма наша!» Он её всегда предпочитал, несмотря на отдалённость — наши корни оттуда. И к началу базарного дня в шесть утра успевал доехать и разложить товар на витрине.

Рядов лука, помню, бывало видимо-невидимо. Покупатели ходили от продавца к продавцу, пробовали пёрышки, качали головой, рассуждали. Папа не ждал, когда к нему подойдут, а зазывал по всем канонам рынка:

— Подходи народ, свой огород, половина сахар, половина мёд!

Я в такие минуты пряталась под стойкой — стыдно. Ну какой мёд в луке? Враньё же... И что мы за барыги такие?!

Улыбку на лицах покупателей папа всё же вызывал. Его хороший русский тоже играл немаловажную роль.

Уж не знаю, отчего зависит удача, но на базаре она сразу даёт о себе знать. С лёгкой руки первых покупателей распродавался или пропадал наш труд. При любом исходе часам к восьми папа давал денег и отпускал гулять — купить воды, булочек, ирисок.

Мой первый самостоятельный поход по базару закончился в цветочном ряду. Продавали удивительной красоты тюльпаны! С ними нельзя было расстаться... Я ничего лучше после украинских яблок ещё не видела... Забыв про жажду и несостоявшийся завтрак, скупила у бабушек всё, на что хватило денег. И вернулась к папе с видом, как будто жар-птицу поймала. Его лицо сначала вытянулось от неожиданности, а потом он изрёк огорчённо:

— Эй, балакай*, как ты будешь жить в этом мире? Сначала — хлеб, потом — музыка...

* * *

На самом деле, красоты в моём детстве хватало.

Взять хотя бы восход солнца в холмах. Это незабываемое впечатление, когда день уже наступил, а солнце всё ещё интригует...

Только в первую секунду появления из-за вершины можно увидеть его огромный оранжевый диск. Потом оно становится огненным шаром с трудно различимыми границами.

Вечером так же внезапно садится за холмы и наступает бархатная темнота. Когда луна кажется больше и звёзды ярче...

И этот бенефис солнца я наблюдала в окно каждый день.

Из дома выйду на крылечко — рядом моя собственная клумба. Папа отвёл мне землю — метр на полтора — для экспериментов. Одноклассница Дания (ударение — на последний слог!) поделилась семенами цветов — родственники прислали из Ташкента. Я не очень верила, что из них что-то вырастет. Но семена проклюнулись, быстро пошли в рост, и даже вытянулись до метра. И дружно зацвели! Это оказались шафраны и цинии, как я узнала через много лет. А тогда были просто разноцветным чудом, к рождению которого я была причастна.

Отец возле них останавливался надолго и перебирал свои чётки:

— Хвала Аллаху... из одной и той же земли, из крошечных семян рождаются такие несхожие растения... такой невиданной красоты...

Дальше на пятнадцать соток начинались папины эксперименты: яблони, скрещённые с грушей, сливы, привитые к вишням...

Сад родился благодаря или наперекор обстоятельствам. Родители работали в городе, на нефтяных предприятиях, а жили в пригородной деревне. Раз они имели неплохой заработок, землёй пользоваться для пропитания не имели права! Так, во всяком случае, решил сельсовет.

* Балакай — деточка (татарск.)

Ну и отрезали нас от земли! Неважно, что ей никто другой не мог пользоваться — участок-то на нашей территории! — главное, чтобы мы пользу не извлекали. И так живём, как буржуи... недобитые.

Под пользой подразумевалась, вероятно, картошка. Второй хлеб страны. И когда папа засадил участок фруктовыми деревьями, власти ничего против не имели — баловство.

Апорт, полосатый анис, башкирская красавица, антоновка... И ещё много других забытых названий... Они звучат как язык детства. Яблони — на удачу, яблони именные — каких только у нас не было...

Ранетка цвела первой розоватым цветом. Ещё без листьев, покрывалась роем пчёл и гудела, как живая. Папа подводил меня, трусиху, к ней и стоял рядом как гарант безопасности. И, к моему ужасу, подсаживал пчёл на свои руки и ноги. Так он лечил непроходимость сосудов, заработанную в лагерях. Положительный эффект, очевидно, был — со временем врачи сняли страшный диагноз.

Плоды сначала краснели — кислые ещё! — потом начинали сизеть... И лишь когда станут цвета фуксии, они наливались медовой сладостью. Уже глубокой осенью такая благодать всё ещё радовала глаз...

Ох, не только русский мужик ленив и нелюбопытен, татарин тоже... Папа предлагал и соседям саженцы яблонь, груш, вишни... Но многие ограничивались привычными рябиной, черёмухой, акацией... А их дети лазили потом к нам в сад, ломали яблони — к глубочайшему возмущению отца.

* * *

Когда мы, дети, разъехались, сад стал обременителен родителям. Много паданки, мух... Деревья спилили собственноручно.

Но по одной яблоне каждого сорта, а так же вишню, иргу, крыжовник восьмидесятилетний папа потихоньку пересадил ближе к дому, для мамы:

— Ты молодая, ты останешься, когда я уйду. Но и ты состаришься, будет трудно ходить... А так выйдешь, и хоть по ягодке сорвёшь — для души...

* * *

Папа ходил каждый день три километра пешком размять пожилые ноги и полюбоваться природой. Как раз до ближайшего холма. С него всё было видно как на ладони: «... вот это пасека твоего деда, — показывал на лес, — ... а это — дедово поле пшена — кивал на склон...»

Это ощущение, что вокруг — моя отчизна, моя земля, мои горы и лес — осталось во мне навсегда...

* * *

Позднее, когда в Сибири я вышла замуж и у нас появилась машина, мы с мужем и дочерью стали ездить в Альметьевск на авто... Путь неблизкий — тысяча двести километров. Преодолев легко его первую треть, муж просил меня о чём-нибудь рассказывать, чтобы не уснуть за рулём.

Я подкармливала его кислыми апельсинами для бодрости и рассказывала...

Начиная с Челябинска: — Это наша ногайская прародина... отсюда Пугачёвым был вывезен мой прапрадед...

После Уфы перед Октябрьским: — ... О, это уже наша историческая земля, Волжско-Камская Булгария...

От Бугульмы до Альметьевска: — ... Ну, Бугульма вообще наша!

Однажды муж, возмущённый до глубины души, выдал:

— Блин... пол-России своим татарам оттяпала... А поле-то русское!

Я ему:

— Какой абсурд... Один дурак ляпнул, другие повторяют. Ты можешь представить себе итальянское поле? Или французское? Ты ещё скажи «русское небо»... Где, интересно, тогда татарское?

Он захлебнулся от нехватки аргументов. Оглянулся вокруг в поиске подсказки и внушительно произнёс свою историческую фразу:

— Берёзы не трожь! Берёзы — наши!

* * *

Ещё один год прошёл — сегодня снова 19 марта. День, когда ушёл папа. Включаю телик, про лунные сутки говорят. Символическое название дня — Кольцо. Не может быть! Я тоже родилась 19-го, только не марта, а ноября. Когда рождается Скорпион, якобы кто-то из родни умирает — нужны силы для новой жизни. Но отца хватило ещё на 39 лет. Может, появился стимул, чтобы эту самую жизнь поддержать?

Рассказала приятелю-космофизику — о магическом кружении цифр. Если, говорит, зацикливаться на совпадениях в этой области, можно сойти с ума. Если увидеть совпадения и в соседних областях, то точно сойдёшь с ума. Вывод: чуда нет! Есть совпадения.

... А по-моему, у чуда и совпадения — равные вероятности. Я, похоже, космолирик. И ничего, живу. Сначала музыка, потом хлеб — так тоже бывает, папа...

* * *

На родине бываю редко и недолго, так уж получается. В день России предстояло отгулять целых пять дней. Решение приняла мгновенно, как только почувствовала в голосе мамы робкую надежду.

— У нас сабантуй...— пыталась она заинтересовать, как будто других мотивов приезда не может быть.

А я соскучилась по близким. И по родине. Хотелось попасть на цветение черёмухи, яблонь, сирени... Но весной в жизнь круто вмешалась сакура и отодвинула другие мечты — я поехала в заветную Японию. Была и заранее продуманная альтернатива: застать на родине начало лета, раннюю землянику и липовый цвет; тоже чудное время года.

Ей и суждено было случиться.

* * *

Первую ночь по приезду обычно ночую у сестры — от аэропорта к ней ближе. Утром сначала обхожу немалые владения, в очередной раз отмечаю её хозяйскую дальновидность и рачительность — уютный дом, красивый палисадник, ухоженный огород. В этом году меня ждал сюрприз. Врачи прописали сестре козье молоко и им пришлось купить козу. Случилось это ещё зимой, сестра мне звонила. Она уже разводила гусей, кур, покупала корову, овец... Потом благополучно свернула все затеи — да ну их в баню... Позже сообщила, что коза родила трёх козлят:

— Один чёрный, как ночь! Другой белый. А самый младший — цвета баклажана! — не скрывала она радости. Надо ли говорить, что я сразу запала на баклажанового, ещё не видя. Чудо, надо полагать...

На вопрос — как складываются отношения с козьим семейством — сестра лишь нахмурила брови и сказала, что... дай им волю, так на голову сядут! Я сразу поняла глубину симпатии к новой пассии... Однако решила взглянуть на неё лично.

Коза оказалась настоящей арийкой: белая шерсть, голубые глаза. Ими она и щурилась на меня. Прождав пару секунд и не дождавшись инициативы, стала принюхиваться к рукам, карманам. Пусто! Тогда её взгляд стал просто наглым. Она как бы вопрошала: «Где печенье? Или хотя бы яблоко? Гони угощение!» Коза вытесняла меня рогами из загона. Да это абсолютная стерва! Совершенно точно знает, чего хочет. Вот у кого надо бы поучиться... Сестра уточнила:

— Детей своих и то не любит.

И точно: белый козлёнок и баклажан пытались пристроиться к маминым соскам, а она отбрасывала их рогами! Как будто пасынки... А где же чёрненький?

— Того облизывает постоянно, готова с ложки кормить! — с осуждением комментирует сестра.— Он и вымахал... Приходится его закрывать, чтобы и этим дохлякам молока хватало.

У нас в детстве тоже были козы — папа был их большой сторонник. Пьют только чистую воду, едят самое качественное, с чего бы молоку не быть целебным? Только плодятся потом и становятся козлиной бандой.

Однажды годовалая коза — ещё летом козлёнок — принесла потомство. Не поняла, что с ней произошло, и не стала вылизывать ребёнка. Мама случайно заметила малыша, мокрого, холодного, вроде живого. Принесла в дом — тайком от нас — помыла в тазу и на авось положила в тепло. Часа через два козлёнок ожил и подал тоненький голосок. Для нас, детей, полная неожиданность! Мы же не ждали прибавления! Козлёнок был размером с котёнка, иссиня-чёрный, с лиловыми глазами. Мама его сразу положила в коробку из-под трансформатора телевизора, чтобы мы не затискали. И определила очерёдность на руках подержать. Иначе мы бы передрались — уж такая сладкая живая игрушка! От него пахло натуральной шерстью, цветами и молоком. Мы зацеловывали его в самую мордочку. Рос он медленно — на нашу общую радость. Кормили его из соски, а были ли лужи — не помню, он месяц вообще не вставал из коробки. Позже начал показывать свою козлиную сущность: то на стул запрыгнет, то на диван. У него появились маленькие рожки, глаза засверкали игриво — настоящий чертёнок! Только симпатичный очень. Когда, наконец, однажды совершил тройное сальто — прыгнул на стол, со стола на сервант, оттуда на пол, его участь была однозначно решена — в сарай! На дворе была уже весна и то, что он выживет, не вызывало сомнений. Мы и потом его выделяли, вернее, её — это оказалась козочка — настолько она была милой... Родители продали кому-то — на молоко надежд своими изящными размерами не подавала, а на мясо пустить рука бы не поднялась...

* * *

После осмотра козы едем к маме. По пути заглядываем на рынок — за фруктами. Конфет маме уже не купишь: год как у неё обнаружили диабет. Вот она и постройнела, моя радость, как будто даже ростом меньше стала... Но улыбка по-прежнему открытая и добрая. За чаем намечаем план моего пребывания: поедем обязательно в мамину деревню, навестим бабушку на кладбище. К папе сходим на следующий день. Повидаемся со всеми, с кем только можно... Так-то вот. Заодно провожу реви-

зию родственников: мама, сестра, брат, двоюродных с маминой стороны — две сестры и три брата, с папиной — единственный брат. Есть родной дядя в деревне и двоюродная тётя в городе. Молодое племя двоюродных племянников мне не знакомо, а родных — четверо. И всё!

Позже вспомнили, что оборвалась связь с двумя сёстрами: одна живёт в Красноярске, другая в Набережных Челнах. Ещё один двоюродный брат может жить в Уфе, но его никто не видел. Это сын старшего брата отца, которого также никто не застал — он умер на Колыме в конце сороковых.

* * *

Зиннур абый, мамин брат, встречает нас в деревне среди цветов. Красота, да и только!

— Это Рахима апа выращивает? — спрашиваем в один голос с сестрой.— Вот молодчина!

— Рахима апа ваша занята,— улыбается дядя,— она горб свой отращивает! А цветы приходится мне,— шутит он как всегда над своей женой.

Они прожили вместе шестьдесят лет. Дядя всегда подтрунивает над женой, а она так и не научилась распознавать его шутки. В детстве я у них часто гостила, иногда по два месяца. Бабушка поднимала меня утром раньше всех и кормила завтраком отдельно, пока армия внуков не проснулась. Я была очень щуплой, за что дядя прозвал щурагайкой. Что это означает, я не знала, но верила — что-то хорошее.

Бабуля уже тридцать лет покоится под клёном... Рядом с ней — неизвестный мне дедушка. Это мамины родители. Здесь у нас потерь больше нет.

Зато на фамильном кладбище — целый закуток. Туда поедем завтра...

* * *

Домой возвращаемся через земляничную поляну. Ягод ещё нет, а ландыши уже засохли. И зелень — изумрудная! Вокруг волнуются мои любимые холмы, я за рулём машины зятя и мы никуда не торопимся. Мама говорит, что, была бы чуть моложе, тоже выучилась бы вождению. Это, мол, такая свобода...

А ведь была у них машина, и не одна. Конечно, папа рулил до последнего — что скажешь, мужчина... Потом автомобиль просто ржавел без надобности. Но пока был жив папа, мама никогда об этом не говорила.

Это они отношения свои выясняли... Куда бы он её, молодую и красивую, на автомобиле отпустил, интересно?! Уже перед кончиной папа сказал мне:

— Мы с твоей матерью первые тридцать лет очень трудно притирались. Зато последние шестнадцать прожили душа в душу...

Я не сдержала тогда смеха у постели умирающего отца. Тридцать лет притираться! Чтобы шестнадцать лет жить в согласии!

Это рецепт счастья не для каждого...

* * *

Наутро едем к папе. Там же знакомая лишь понаслышке бабушка, три тётушки, два двоюродных брата. Дедушка умер в городе Чарджоу, где отбывал ссылку; его могила неизвестна.

Слава Богу — ТАМ меньше родственников, чем ЗДЕСЬ.

Надгробия напоминают о днях потерь... Младшая тётя, Насиба апа, как и папа, ушла из жизни 19-го числа, оказывается. Мама, глядя на ёлочку возле её могилы, вспомнила, как тётя просила молиться за неё персонально. «В общей молитве — оно и есть в общей... Когда просишь отдельно, тогда и милости Божьей достанется больше», — рассуждала она по-детски в свои совсем не юные годы...

Она боялась носить приличную одежду — на моей памяти прожила в синем форменном халате. Так в ней сказывались лишения. Арест отца, голод и попрошайничество отпечатали в детском сознании навсегда: благополучие — предвестник беды. К ней домой мудрено было попасть: папа сначала звонил, потом стучал, ругался, что долго не отзывалась, и уже уходил, отчаявшись застать. Всё же оборачивался на лестничной площадке и не зря — раздавался тихий щелчок замка, и открывалась-таки заветная дверь. Потом они долго разбирались: папа упрекал её в излишней осторожности, тётя оправдывалась, что его не было видно в глазок. Папа махнёт рукой в её сторону — ерунда! — а она тихим шёпотом приведёт последний аргумент: в доме золото! Как же иначе...

Это она — про серьги с рубином и такое же кольцо. Не старинные, нет — от бабушки ничего не уцелело — тётя их с рук ли купила, привезла ли откуда-то... словом, дорого достались. Понятия у неё были таковы, что женщине нельзя без золота, положено иметь. А носить — извините, дураков нет, несчастья на себя навлекать. Серьги и кольцо хранились в узелке из носового платочка, который тётя прятала внутри подушки. Мне эту тайну она раскрыла уже после окончания школы: появилось доверие, ведь я училась в институте, а в нашей семье образование всегда ценилось.

Помню эту встречу хорошо: обычно суровая, Насиба апа была непривычно добра — сначала угостила витаминным чаем, потом сварила бульон с домашней лапшой и подала его со свежим репчатым луком. Говорили о здоровье, пользе трав. Это было первое и последнее в наших с ней отношениях долгое общение, неожиданная теплота. Мне даже лук понравился...

Вскоре тётя умерла от инсульта. Детей у неё не было, мужа тоже. Золото, единственную драгоценность, нажитую за 57 лет горемычной жизни, она завещала Зайнаб апа, своей средней сестре...

* * *

Заполошная, вечно спешащая Зайнаб апа вызывала у родственников массу эмоций. Ей трудно было помочь, нельзя! На кухне под каждый продукт — свой нож, своя разделочная доска, свои приборы. И отдельное полотенце — после каждой процедуры. Что и чем резать — знала только она; и запомнить эту загадочную цепочку действий без опознавательных знаков было просто невозможно. Самодеятельности она не допускала. Вот и получалось: и гостеприимная, и добродушная, а чаю в гостях у неё мудрено было дождаться. А ещё же отвлекалась!

— Это Нурия, да? И в каком классе учится этот ребёнок?... В пятом... Да... Субханалла... На улице бы не узнала...

И в таком созерцании могла застыть минут на пять. Разве что засвистит чайник, убежит молоко, подгорит каша. Тогда она живо возвращалась в действительность и хлопоты набирали обороты.

Вывести тётю из этой высокоскоростной системы могла разве что её старшая сестра:

— Эх, суета! А толку мало! — в сердцах, но негромко отрезала она и, не прощаясь, уходила, хлопнув дверью.

— Ну, конечно...— затихала после этого Зайнаб апа,— мы ведь люди тёмные... А Рамиля у нас грамотная, мир повидала. Мы что? С матушкой ходили по домам, подаяние просили... Рамиля апа таких унижений не застала — они с братьями живо сбежали. И манер нам никто не прививал — матушка была в печали, а в колхозе этом — одно сплошное скотство! Я и на трактор села, лишь бы от народа подальше. Вот, на одно ухо до сих пор плохо слышу! От грохота этой адской машины... И сердце у меня слабое — от неё же... Ох, чего там... Говорил нам папа, когда его увозили: плывите, дети, по течению. Да мутное оказалось течение-то... Да вы присаживайтесь к чаю! Тебе с молоком? — и начинались новые хлопоты.

Зайнаб апа, не снимая, носила янтарные бусы. Крупная нитка состояла из продолговатых цилиндриков чайного цвета. Камень выглядел как загустевший мёд — не очень прозрачный. Тётя верила, что он полезен от зоба. А две бусинки у неё выпросили для лечения глаукомы ещё до войны. Бусы дедушка привёз из Саудовской Аравии, в двадцатые годы прошлого столетия. Всем достались разные подарки, а Зайнаб апа — эти самые бусы. Тогда у крошечной девочки здоровья хватало, применение подарку она придумала позже.

Бусы просила поносить и моя мама. У неё действительно были сложности со щитовидкой, но Зайнаб апа ни за что не хотела с ними расставаться:

— Вот умру, тогда и забирай,— был ответ.— Пока жива, с памятью об отце не расстанусь...

Так и случилось: Зайнаб апа ушла из жизни внезапно, а бусы перешли к маме.

* * *

Был ещё дедушкин карманный молитвенник в кожаном футляре — у старшей тёти Рамили, теперь он хранится у меня. При её жизни не помню его что-то... Сказывалась, пожалуй, привычка прятать священные книги. Да и набожность свою Рамиля апа никогда не демонстрировала. Исключительно светская, начитанная, она, скорее, любила поговорить о приятном. О годах, проведённых на Колыме, старалась не вспоминать. Вот о Сочи и Сухуми, где отдыхала многократно, пожалуйста. А ведь туда не за деньги попадали, за заслуги. И вообще, она верила в Советский Союз, в правительство, во все его начинания. С папой они идейно не совпадали и часто спорили. И никогда к согласию не приходили. «Хороша страна Болгария...»— часто напевала тётя популярную в её молодости песню. И после первой же строчки замолкала. То ли вспоминала свои скитания по стране, то ли в мыслях встречалась с мечтой...

А ещё Рамиля апа рукодельничала. Была даже лауреатом каких-то всесоюзных конкурсов по вышиванию. Уже в годах, она подарила мне две изящные вещи: салфетку с ажурными краями и скатерть, вязанную крючком — осознанно, что жизнь подходит к концу, и надо оставлять о себе добрую память. Я бы её и так помнила — это была самая любимая тётя. Часто навещала нас, дружила с мамой, иногда нам с сестрой шила детские платья. Пекла вкусные миниатюрные перемячи, это такие расстегаи из пресного теста с рисом и с мясом. Была предельно аккуратной и экономной — жизнь научила. Тем не менее, у неё всегда можно было переночевать, погостить. Это во дворе её дома я познакомилась с симпатичным парнем и ходила к нему на первое свидание. Неважно, что просидела за кустом в парке — сначала не верила, что надо мной, малявкой, не подшутили. Потом уже стыдно было выходить, ведь он прождал два часа. Рамиля апа при этом не меньше меня расстроилась:

— Хороший парень Игорь, жаль,— качала она головой, удивляясь моей скромности.

Двое её сыновей, мои двоюродные братья, по возрасту были скорее ближе к моей маме и их я тоже стеснялась. А они меня любили. Старший, Фарит абый, наблюдал за мной с интересом и поговаривал:

— Мам, а что? Кажется, и из нашей семьи кто-то в люди выйдет.

Я-то в этом не сомневалась, хотя и не очень понимала тогда, что он имел в виду. Моя родня носила клеймо врагов народа, и лишний раз с претензиями к жизни не высовывалась. Лишь я, будучи самой младшей и несмышлёной во всей фамилии, с нетерпением ждала момента окончательного взросления, чтобы предъявить их целым списком...

* * *

В нашем доме было кое-что и от бабушки. И вещи все загадочные. Например, бронзовая ступа с медным пестиком. Мама говорит, что бабушка толкла в ней мак на пироги. А мы такие не пекли... Так что ступа стояла как память. Время от времени я всё же брала этот увесистый предмет и крутила его, не зная, как приспособить к нашей жизни — уж очень серьёзная и обстоятельная была вещь. Или кусачки для сахара. Может, они называются иначе, не знаю. Это такой инструмент, похожий на хирургический, для раскалывания большого куска сахара на мелкие. Сахар больше головками не выпускали, потому и кусачки простаивали. Но побренчать ими иногда было интересно. Ещё было настенное зеркало. Чем-то ценное, хотя на вид обыкновенное. Папа им особенно дорожил — в нём отражалось родное лицо...

Дом и в целом был очень дорог родителям. Маме — потому, что она беременная сестрой наравне с отцом складывала его по брёвнышку. А у отца это был собственный угол впервые за полвека! — после босячества, войны, лагерей... Помню его рассказ сиротской поры о том, как узбеки в складчину готовили плов по пятницам. Весь день народ подходил и сбрасывался по пятаку, копейке. А в казане в это время жарилось то, на что уже хватило денег — сначала морковь, потом лук. И, наконец-то, набиралось на мясо. На рис ещё надо ждать дольщиков. Лишь к вечеру дозревал долгожданный плов. Не перепревший, нет — дрова тоже денег стоили, потому огонь был медленный.

Этот ужин в детстве я представляла примерно так: на открытой террасе второго этажа в углу пыхтит самовар. Его сизый берёзовый дымок тонко стелется над публикой, расположившейся на разнообразных подушках... Посередине пола на пёстрой скатерти дымится поднос с золотистым пловом. Хорошо бы всем раздать по тарелочке...

— А ели руками?! — спрашивала я у папы.— Руки мыли?

— Мыли,— еле улыбался он,— ещё с утра. А потом-то нет, конечно. Сторожили казан! В большой толпе зевать нельзя...

Папа описывал ещё один процесс приготовления еды. Это происходило тоже в Узбекистане — бездомным в тёплых краях легче было выживать.

— Нет ничего вкуснее на свете,— начинал он, запрокинув голову назад и слегка сощурив глаза,— чем ягнёнок, приготовленный в земле,— и удалялся от меня взглядом.— Его готовили пастухи. Поздним вечером сначала разжигают костёр. Когда дрова прогорят, на кострище копают неглубокую яму. С ягнёнка даже шкуру не снимают, лишь потрошат, а брюхо набивают специями и укладывают на камень. Сверху прижимают таким же и заваливают яму раскалённой землёй вперемежку с углями.

— Моментом доходит ягнёнок! — всё ещё с восторгом вспоминал папа.— Хрустящая корочка, сам весь прозрачный! По камням течёт сок! А на вкус... тает во рту! Нам, мальчишкам, конечно, доставались объедки...

Если до этого момента мне жалко было ягнёнка, с этого я начинала жалеть папу. Он всю жизнь говорил, что худшей участи, чем у пастуха, не бы-ва-ет! И это даже после лагерей. Наверное, так горько было жить сразу после родительского дома.

* * *

Потом-то папа ко всему привык. «Шкура у меня как ремень,— любил он поговаривать,— не чувствует...»

Ерунда, конечно, он был очень ранимый. И сентиментальный: не переставал писать матери писем, где бы ни был. Однажды бабушка сообщила ему, что читала бы его письма сама — а значит, столько раз и когда захочет — если бы он писал арабскими буквами. С тех пор он брал заочные уроки у матери на протяжении двадцати лет — от алфавита до толкования Корана.

На деньги, что папа выслал со ссылки, в 53-м году бабушка, наконец-то, купила домик, больше похожий на сарайчик. Он-то и выручил бабушку с детьми. Папа ещё год после освобождения работал на Колыме — не смог попасть на единственный в году теплоход, так много было в 53-м году реабилитированных. Приехал, правда, состоятельным человеком. Только в магазинах было пусто.

Тётя Рамиля иногда язвила на правах старшей сестры, как папа из ссылки привёз матери чемодан репчатого лука. Купил ещё в Уфе, за триста километров от дома! Не чай, не сахар или другие послевоенные лакомства... Надо же было додуматься и тащить на перекладных такую «невидаль». А он привык на Колыме, что лук — это ценность, и где его застал, там и поспешил купить.

Зато потом и мать, и младших сестёр одел в пальто и платье, добыл сапожки. Мои будущие тёти, кроме телогрейки и валенок, ничего ещё в своей жизни не носили! А бабушка кружилась в нарядах, как будто в молодость вернулась. Она ведь выросла в семье известного мурзы, её в школу на тройке возили! Потом отдали замуж за образованного человека. Время только было жестокое: то одна революция, то другая...

Не суждено было бабушке жить в достатке. Свою внезапную смерть она предчувствовала. И завещала:

— Не просите никогда счастья на срок... Я молила Бога хоть три года пожить при заботе сына... Вот, Бог дал ровно, как просила...

ПЁТР МУРАТОВ

ЛЮДИ ИДУТ ПО СВЕТУ

Очерк

Памяти друзей: Ирины Мисюровой,
Сергея Пантюшина и Александра Брызгалова

Давно хотел написать что-нибудь про нас, туристов. Нет, не про тех, кто пялится в окно автобуса или крутит баранку авто, не тех, кому зычный экскурсовод бойко приказывает: «Посмотрите направо, посмотрите налево!» И даже не про тех, кого сплавляют по рекам или водят по горам нанятые профессиональные инструкторы, хотя счастливый владелец путёвки, надевший рюкзак, взявший в руки весло или оседлавший коня, уже вызывает уважение. Нет, не про них. А про беспокойное племя самодеятельных туристов, горников, водников, «пешеходов», лыжников, спелеологов... Про тех, кому не надо растолковывать смысл словосочетания «категорированный спортивный поход», кто всегда улыбнётся человеку, сходившему, например, в горную «пятёрку». Это как пароль: «свой» — «чужой». «Свой» примет и оценит, а «чужой» и не поймёт, в чём дело: «Что-что? Куда сходил? В какую-такую «пятёрку»? А зачем?» И сразу же чувствуешь внутреннее расположение к «своему» или, напротив, усталую скуку к «чужому». Действительно, «зачем»? Зачем ходить — не объяснишь, да и пытаться объяснить пустая трата времени.

Долго думал, как выстроить фабулу повествования, чтоб читалось с интересом и «своими», и «чужими». Просто рассказать про походы, красоты гор и рек, трудности преодоления маршрутов, туристский фольклор? Банально — подумалось мне, ведь информации на эту тему — море.

Разрешить проблему помог случай. В 2012 году в горах Северного Урала пропал «кукурузник» Ан-2 с девятью любителями-охотниками на борту. Самолёт исчез в тех же местах, где при загадочных обстоятельствах зимой 1959 года погибла группа из девяти туристов-лыжников, студентов и выпускников Уральского политехнического института под руководством Игоря Дятлова. Случай с пропавшим самолётом вновь всколыхнул интерес к и поныне необъяснимой истории гибели группы Дятлова, ставшей легендарной. Слишком много противоречивых фактов и даже мистики, разнотолков и споров. Оперативно подключились к теме дятловцев телевизионщики, журналисты, даже американцы художественный фильм сняли (по моему мнению, ерунда полная).

Последним поводом к написанию послужил небольшой очерк моего друга Рудаля Кадырова про группу Дятлова. И я решил: эта тема, явившись отправной точкой повествования, будет присутствовать в качестве сюжетной нити. Позволю себе даже немного мистики. С предпочитаемой версией гибели туристов я, честно говоря, сам

так и не определился, поэтому гадать, что да как, не стану. Существуют тематические сайты — факты и их интерпретации узнать не сложно, был бы интерес. Но в процессе развёрнутого ответа на очерк Рудаля я почувствовал, что меня стало «растаскивать» на нечто более глубокое, на попытку философского осмысления такого уникального явления, как самодеятельный спортивный туризм.

А может это просто ностальгия по прошедшей молодости?..

О ЛИЧНОМ И МИСТИЧЕСКОМ

В январе-феврале 1982 года я совершил свой первый поход сразу второй категории сложности — лыжную «двойку» по Северному Уралу. Маршрут соответствовал своей категории на все сто, кое-кто, узнав его пункты и протяжённость (более 150 километров), даже переспрашивал: «У вас «тройка»?»

Добрались поездом через Свердловск (ныне Екатеринбург) до Североуральска, оттуда автобусом до деревни Баяновка, далее на мощном КрАЗе-лесовозе по зимнику до небольшой охотничьей заимки на реке Тулайке. Оттуда начиналась активная часть маршрута на гору Ольминский камень, далее через перевал Буртым-общий к горе Конжаковский камень или просто Конжаку — высочайшей вершине Северного и Среднего Урала (1 569 м). Конечно же, по горной классификации ни Ольминский, ни даже Конжаковский камни никакой категории сложности не имели, но зимние восхождения в мороз с хорошим ветром запомнились. У самой вершины на Конжаке кто-то установил простенькую стелу с хрестоматийной цитатой «Здесь вам не равнина...» И, наконец, «финишная прямая» до посёлка Кытлым, оттуда автобусом в город Карпинск и на серовском поезде в Свердловск.

Всё было для меня внове, всё помнится в мельчайших подробностях до сих пор, хотя потом удалось сходить во множество других походов: и горных, и лыжных, и водных. С большой теплотой вспоминаю нашу весёлую команду с биофака Казанского университета, получившую шутливое самоназвание «Дюймовочка и шесть гномов», поскольку состояла она из девчонки и шестерых ребят. И руководителя тургруппы Андрея Ланских — душу любой компании, давшему каждому из нас ещё и шутливые прозвища героев сказки «Маугли». И как тропили по очереди таёжную снежную «топь» («Дюймовочку» Иринку Мисюрову, естественно, ставили в хвост), как обустраивали на ночёвку биваки, как холили и лелеяли своё походное «жилище» — большую брезентовую палатку. Да-да, ночевать приходилось в ней, родимой, там, где застанут вечерние сумерки, среди таёжной глухомани на снежку, малость утеплённом еловым лапником. Небольшой плюс внутри «помещения» поддерживался маленькой самодельной печуркой, топить которую приходилось всю ночь по очереди, иначе вымерзнешь, как мамонт.

М-да, товарищи дорогие, такого глубокого сна, как в том походе, я больше не припомню! Умаявшись в доску за ходовой день, даже не спишь, а буквально теряешь сознание — организм не желает тратить силы даже на храп. Минут за двадцать до окончания твоего дежурства у печки начиналось увлекательное действие под названием «оживление сменщика». Почему так задолго? Никогда не думал, что головной и спинной мозг настолько автономны друг от друга, что вегетативная нервная система может вполне сносно выполнять функции центральной. Ведь очередной «истопник», нагретое спальное место которого ты уже мечтательно занял, начинал осмысленно и членораздельно отвечать, что уже почти готов и вот-вот вылезет из спальника. Он даже мог поинтересоваться погодой, количеством дровишек, спросить, есть ли что пожевать. По его вполне связной речи казалось, что человек в полном созна-

нии, минута-другая — и тебя сменят. Фигушки! На самом деле, намаявшийся мытарь в процессе общения дрых без задних ног и потом искренне недоумевал, даже спорил: «Не ври, я ничего не мог тебе говорить!» Именно поэтому экспериментальным путём было определено оптимальное время, необходимое для смены караула. В особо трудных случаях в дело шла палка, она всегда была под рукой, лишь не ошибись в темноте со сменщиком. Мучительное пробуждение сопровождалось остервенелым мотанием головы и какими-то пугающе шумными выдохами. Зато... Передав «пост», ты оказывался на освободившемся тёпленьком спальном месте и, сладко выдохнув, мгновенно проваливался в чёрную дыру полного забытья... Остаётся добавить, что Иринку мы всегда заботливо освобождали от ночного дежурства: спи, лапушка.

Тот поход запомнился мне ещё и самым весёлым из всех, что были у меня. Почему? Возраст — самый завидный. Социальный статус — лучше не бывает: студенты! Да ещё на каникулах! Состав группы — оптимальный.

Что-что? «Женщина на корабле»? Но, во-первых, лыжи — не корабль, хотя порой создавалось впечатление, что ты не идёшь, а плывёшь по снегу. Во-вторых, девчонка в тургруппе — это такое благо, да ещё такая приветливая, старательная и улыбчивая, как наша Иринка — объект постоянной заботы и внимания, добрых шуток и комплиментов. Девчонки в группе мобилизуют, дисциплинируют, сплачивают одним своим присутствием. Без них зачастую начинается банальное мужское жлобство. А так... Никто из мужиков не чавкает, не рыгает, не матерится, не швыряется вонючими носками и прочее. Гармония! Словом, всё как в жизни.

Смеркается... Выбрано место для бивака, дежурные заняты рытьём ямы для костра (иначе он будет всё время проваливаться), двое готовят место ночёвки, ломают лапник, растягивают палатку, двое других идут валить сушину для дров, а Иринка собирает в кучу всё необходимое для обустройства жилья: подстилки, коврики, спальники. И вот уже тянет дымком, вжикает пила, стучит топор, а палатка, высясь тёмным парусом, обещает «неземной» комфорт и уют. Внутри хозяйничает наша «Дюймовочка», а кто-то из «гномов» колдует над печуркой (специально для неё мы кололи мелкие короткие полешки с запасом на ночь). Будем жить!

Всё время похода — ощущение непрекращающегося КВНа. Откуда брался такой запас веселья и шуток — ума не приложу! И гитара — шестиструнный катализатор радости и оптимизма! «Всю Сибирь прошёл в лаптях обутый,/ Слушал песни старых чабанов,/ Налетали сумерки густые,/ Ветер дул с каспийских берегов!» — старательно исполняли шлягер того похода запевалы группы Андрей Ширшов и Дима Кузьмин. После ужина и такой прелюдии к ночёвке никакое ночное дежурство не страшно.

После завтрака — «адмиральский час», как мы его называли: можно ещё чуток поваляться, потрепаться или покемарить, что-то подштопать, починить, ведь солнышко ещё не взошло. Впереди новый ходовой день, но силы восстановлены, тепло, сытно... Правда, в условиях утреннего «расслабона» процесс ленивого сбора всё время затягивался, кто-то никак не может найти очередную шмотку, кто-то полушёпотом озвучивает робкую мысль: «А может, днёвочку организуем, ведь запас ходового времени есть...» Но Ланских решительно пресекал процесс «разложения»: «Так, толпа! Всё! Ша!» И, выскочив на улицу, быстро срывал растяжки и сдёргивал с «толпы» палатку. Оказавшись на морозе, народ собирался за считаные минуты. Ещё мгновение — и группа готова к новым подвигам! Чувствуешь, как завёрнутые в бахилы, схваченные креплениями лыжи-«коняшки» буквально рвутся из-под тебя, несмотря на придавивший своей угрюмой тяжестью рюкзак. Вперёд!

И такого счастья целых восемь ходовых дней! Завидуете? Ещё бы! Природа? Всего два слова, больше не надо: «зимняя сказка». А днёвка в маленькой, утонувшей по

крышу в снегу охотничьей заимке с земляным полом и совсем небольшой, зато каменной печкой, которую не надо было подтапливать непрерывно! Блаженство! Как сейчас помню, та избушка стояла на месте слияния двух речек со смешными названиями Сосьва и Каква. Нам подфартило: от неё некоторое расстояние в нужном направлении шла лыжня, видимо, оставленная нашим братом-туристом, это существенно экономило силы и время. Тем не менее, группу туристов, студентов-харьковчан, мы встретили лишь в завершение похода, у Конжака. А до этого — сплошная таёжная «целина», глухомань и безлюдье, человеческого жилья не было на десятки километров вокруг.

Вот так вспоминается мой первый серьёзный поход.

Но запомнился он ещё одним не самым приятным эпизодом.

Прибыв в Свердловск, мы сразу купили билеты до Североуральска. Поезд поздним вечером, целый день свободен — есть возможность ознакомиться с городом! Гуляя в районе Пруда, наткнулись на кинотеатр. Сходим? Однако фильм показался мне неинтересным, и я, отбившись от коллектива, решил продолжить знакомство со столицей Урала, пообещав группе вернуться к концу сеанса. Путь мой продолжился по центральному проспекту. Вскоре проспект кончился, упёршись в огромное серое монументальное здание Политехнического института.

Я взял левее и пошёл по улице с трамвайным движением. Показался безликий глухой деревянный забор, в одном его месте зияла большая дыра, за ней — кладбище. Невдалеке от пролома, среди могил, высился какой-то обелиск. До сих пор не могу понять, ЧТО заставило меня подойти к нему. В общей ограде рядком могилы — туристы... Ребята и девчонки. Что же с вами случилось? Не самая удачная находка в преддверии собственного похода, однако я не был ни фаталистом, ни приверженцем каких-либо примет. Шевеля губами, прочёл их имена — надо же, какая у одного из несчастных интересная фамилия «Тибо-Бриньоль», наверное, псевдоним. О-хо-хо... Почти наши ровесники, год смерти у всех — 1959. Да, думаю, давняя трагедия, которую, скорее всего, мало кто помнит, ведь это произошло так давно, ещё до моего рождения — аж 23 года назад! Земля вам пухом, ребята...

Потоптавшись у могил, я, глубоко вздохнув, двинул на выход, к дыре в заборе, хватит с меня негатива. И прочь от кладбища, к кинотеатру: сеанс должен был вскоре завершиться. Через десять минут уже и не помнил ничем не примечательных фамилий бедных туристов, только навязчиво стучала в мозгу на мотив какой-то песенки странная музыкальная фамилия «Ти-бо-бринь-ёль, Ти-бо-бринь-ёль...» Фу-ты, отвяжись! Своим, естественно, ничего не рассказал.

* * *

Пронеслось тридцать лет — целая эпоха! Подросли и стали старше нас, тогдашних, уже собственные детишки, правда, туризмом они не увлеклись. «В грохоте новых событий» всё реже вспоминался мне тот далёкий первый поход на Северный Урал. Лишь изредка, под настроение глянешь на старые чёрно-белые фотки, вдохнёшь еле уловимый запах сувенирного полешка северо-уральской сосны с того похода (Андрей Ланских, подписав, вручил на память каждому). Да когда прижмёшь к животу шестиструнную радость — «люди идут по свету...» или «всю Сибирь прошёл в лаптях обутый...» Эх, были времена!

И вот как-то слышу по новостям: «... очередной день поисков исчезнувшего в северо-уральской тайге самолёта «Ан-2» серовского авиаотряда не принёс никаких результатов. Поиски самолёта и его пассажиров сосредоточились в районе, где

в 1959 году при невыясненных обстоятельствах погибла группа туристов из Уральского политехнического института...», и так далее.— Что-что-что? В каком году?

Кинулся в Интернет, гляжу — в тексте новостного сообщения ссылка на сайт про некую «группу Дятлова». Зашёл. Состав группы — одна фамилия, вторая, третья... Стоп! Читаю и чувствую, как из марианских глубин подсознания маленьким пузырьком всплывает та навязчивая мелодийка из четырёх нот, вновь материализуясь в совершенно конкретное имя — «Николай Тибо-Бриньоль»... Вот, значит, на чьи могилы совершенно непостижимым образом занесла меня судьба тридцать лет назад! Вот чью память я неожиданно для себя почтил накануне своего первого похода! Да уж...

И так далее — сайт за сайтом, ссылка за ссылкой. Сказать, что я, изучая эту историю, «ушёл из жизни» на несколько дней — значит не сказать ничего, благо, были выходные.

Несколько дней я ходил оглушённый этой леденящей душу, и, в то же время, завораживающей своей таинственностью и необъяснимостью историей. Одна версия произошедшего, вторая, третья... Так, это объяснено, истолковано, аргументировано, но, позвольте: тут и тут «торчит» — и очередное предположение трагического развития событий выглядит неубедительным. Есть, вроде бы, одна версия, которая объясняет и логически объединяет почти все противоречивые факты, но уж больно она неправдоподобна изначально. Масла в огонь подливала информация, что вскоре после ЧП партийное руководство свердловского обкома КПСС вообще наложило гриф секретности на материалы дела «дятловцев» на 25 лет и взяло подписки о неразглашении со всех причастных и посвящённых лиц на тот же срок. Что? Выходит, меня занесло на их могилы, когда бедные туристы ещё находились «под запретом»? Невероятно!

Чем больше я вникал в подробности, тем реальнее осознавал всю дьявольскую запутанность и нестыковку фактов. Скачал множество фотографий с кадров, которые успели «нащёлкать» в том роковом трагическом походе сами дятловцы — когда-то они были материалами уголовного дела. Всматриваюсь, прикидываю: вот это — за три дня «до», это — за два, это — уже «сегодня», ну а это — всего за несколько часов... Они всё ещё веселы и жизнерадостны, целеустремлённы и вполне уверены в себе. И совершенно не представляют, ЧТО их вскоре ожидает. Ужасно. Большое спасибо Алексею Коськину, одному из руководителей фонда «Памяти группы Дятлова», за то, что он разместил эти фотографии в Интернете.

Со временем жгучий интерес к деталям трагедии стал вытесняться чисто человеческим участием и вполне естественным состраданием. И для этого имелись личные мотивы.

Как всё похоже на наш поход! Горы, пейзажи, снаряжение, лыжи, крепления. Правда, мы уже не пользовались бамбуковыми лыжными палками. Оттопыренные тяжеленные и неудобные «абалаки» (тип рюкзаков, конструкция которых разработана советским альпинистом Абалаковым). Огромная брезентовая палатка, штормовки. Надеваемые поверх обуви бахилы до колен, торчащие из-под клапана рюкзаков валенки, круглая самодельная печурка, ВЦСПС-овский ледоруб с деревянной рукояткой...

Но, главное, лица ребят — по ним без труда угадывались мизансцены, почти слышались диалоги, шутки. Ведь мы, туристы 80-х, по общему типажу почти не отличались от них, туристов конца 50-х. Когда-то казавшийся мне бесконечным временной интервал в 23 года с высоты прожитых лет уже не выглядел таким внушительным. Даже туристы более близких нам, «восьмидесятникам», 90-х годов смотрятся уже как из другого «кино». Оно и понятно: и мы, и дятловцы были простыми советскими студентами, исторический разлом ещё не рассёк общую, как сейчас умно выража-

ются, «цивилизационную парадигму». Более того, хотя им сейчас было бы уже под 80, отношение к ним у меня как к детям, в силу их тогдашнего и моего нынешнего возрастов...

Портреты дятловцев — как портреты времени. Вот сам руководитель — серьёзный и основательный Игорь Дятлов, вот остроумный и озорной Рустик Слободин, вот забавный и лопоухий Юра Кривонищенко. А вот и юморист-весельчак, почти француз Коля Тибо-Бриньоль, музыкальная фамилия которого так врезалась мне в память. Красавица Зиночка Колмогорова, единственный возрастной участник похода, инструктор турбазы, фронтовик Александр Золотарёв, незаметный Юра Дорошенко, непроницаемый Саша Колеватов.

Но больше всех привлекла моё внимание Людочка Дубинина. Чем больше я всматривался в её фотографии, стараясь представить, какой она была в жизни, тем больше она казалась мне похожей на нашу Иринку. Судите сами: у обеих отчество «Александровна», обе были четверокурсницами, обе имели младших братьев, плюс небольшое внешнее сходство, приблизительно одинаковый рост. Но самое главное, обе погибли в походах, успев отметить в жизни только по два круглых юбилея, оказавшихся последними днями рождений. Да, летом того же 1982 года Ирина Мисюрова погибла в горной «двойке» на Кавказе, сорвавшись с ледника — обидная до слёз, нелепая и жестокая смерть. Правда, произошло это не в нашей команде (я подробно описал эту трагедию в своей книге «Встретимся на «Сковородке» (воспоминания о Казанском университете). И в этом состоит главная обескураживающе трагическая параллель судеб обеих ровесниц-туристок.

Но если секрета в причинах гибели Иринки Мисюровой нет, то причина смерти Людочки Дубининой, по всей видимости, так и останется загадкой. Мысли теснятся, шарахаясь от одной версии к другой: техногенной и криминальной, природной и паранормальной. И хотя каждый интересующийся со временем начинает тяготеть к «своей», кажущейся наиболее правдоподобной версии, в любом случае, всё это субъективно. Поэтому я не стану высказываться в пользу какого-либо предположения. Что бы мне ни говорили, причины гибели группы Дятлова на сегодняшний день необъяснимы.

Как необъяснимы причины ещё одной трагической истории, которая чувствительно коснулась меня спустя четыре года после первого похода на Северный Урал.

В 1984 году, в год окончания университета, я, как честный советский человек, получил государственное распределение в Сибирь на НПО «Вектор». Летом того же года на военных сборах познакомился с Серёгой Бурмистровым — выпускником химфака нашего университета, распределившимся туда же. Мы понравились друг другу и договорились поселиться в одной комнате общежития. Он приехал раньше (я всё никак не мог расстаться с друзьями, опоздав на полтора месяца — простили) и всё держал для меня в своей комнате койко-место, успев обзавестись кое-каким хозяйством, самым ценным из которого был холодильник. Всего нас, молодых специалистов, поначалу в комнате проживало трое. Я не ошибся в Серёге: внимательный, интересный, дружелюбный, хозяйственный, чистоплотный — с ним было очень комфортно, мало-помалу завязалась дружба. Но в следующем году я женился, вскоре обзаведясь первенцем — дочкой. Нам дали комнату, а Серёга переехал в другую общагу. Встречались, хоть и тепло, но редко, сами понимаете: разный семейный статус, маленький ребёнок.

В начале апреля 1986 года четверо друзей (Серёга, Андрей Шестаков (имя изменено), Миша Горбатенко и Саша Кривопалов) решили съездить отдохнуть и полазить по скалам Зубьев, недалеко от нас, в Горной Шории (Кузнецкий Алатау). Бурмистров,

вообще-то, ни туризмом, ни скалолазанием никогда не занимался и поехал просто так, за компанию. Остановились они в маленьком таёжном зимовье. Увлекавшийся туризмом Горбатенко, выпускник Томского мединститута, тоже был молодым специалистом нашего года распределения. Кривопалов занимался альпинизмом — суровый с виду, немногословный, он с семьёй жил в общаге на нашем этаже.

Проведя на природе несколько дней и налазившись всласть, друзья стали планировать возвращение домой, нужно лишь было сходить к скалам, снять страховочные верёвки. За ними ближе к полудню отправились Кривопалов и Горбатенко. До скал было недалеко, к ним вела набитая лыжня. Но ушедшие всё не возвращались. Начало смеркаться, Серёга и Андрей стали беспокоиться, однако им и в голову не приходило, что опытный турист Горбатенко и альпинист-разрядник Кривопалов способны заблудиться (он вообще постоянно ездил сюда отдыхать, тренироваться и прекрасно знал местность).

Навалилась темень. Оставшиеся поняли: что-то случилось. Но с неба посыпались обильные снежные хлопья, идти в ночь было небезопасно, и они остались. Снег валил всю ночь. Когда на следующее утро рассвело, Сергей с Андреем, наспех перекусив, встали на лыжи. Добравшись до скал, они увидели, что верёвки сняты, следов вокруг нет. Посмотрели округу — всё безрезультатно, а снегопад всё не прекращался. Сомнений не оставалось: произошло что-то непредвиденное, нужно срочно двигать в Междуреченск, обращаться к спасателям, и чем быстрее, тем лучше.

Спасотряд обнаружил Кривопалова и Горбатенко на второй день после начала поисков, в двух шагах от тропы, километрах в двух от избушки — вытаяла рука одного из несчастных. Миша лежал на наломанном и наспех кинутом на снег еловом лапнике, прикрыв локтем глаза, а Кривопалов полусидел-полулежал рядом с ним прямо на снегу. Рядом валялся его рюкзак с верёвками. Создалось впечатление, что он сорвал их в крайней спешке и тромбовал в рюкзаке вперемежку со снегом чуть ли не ногой. Хотя друзья-альпинисты вспоминали его большим аккуратистом: для него грамотно сбухтить и бережно уложить верёвки всегда было делом принципа, частью альпинистской этики. Присутствия следов посторонних людей или диких животных обнаружено не было. Как и следов насильственной смерти на телах: вскрытие констатировало классическую смерть от переохлаждения, хотя в ту злосчастную ночь температура опускалась всего-то до минус шести — апрель-месяц. Поэтому и «дело» заводить не стали.

Все мы терялись в догадках: что же произошло? Бурмистров с Шестаковым тоже ничего не могли объяснить: накануне, дескать, всё было в полном порядке, ничего и близко не предвещало трагедии. Некоторую ясность внёс друг Горбатенко Лёша Бирюков. Он рассказал историю, которая случилась с Мишей ещё в студенчестве. Горбатенко был родом из таёжного города Боготола, что в Красноярском крае, и обожал ходить в одиночку в тайгу. И вдруг однажды у него посреди тайги неожиданно отказали ноги — пришлось три дня поддерживать костёр, благо под рукой были кое-какие продукты, котелок с водой. Ноги «включились» так же внезапно, как и «выключились». Горбатенко обследовался и, будучи студентом-медиком, пытался получить грамотные консультации, однако ничего не выявилось, врачи только разводили руками: «вроде всё в норме, молодой человек». Миша запомнился мне длинным нескладным парнем. Я не сомневался, что тот случай с ногами был свидетельством какого-то скрытого серьёзного системного сбоя организма.

Поэтому мы предположили следующий ход событий. Ребята вышли, прошли пару километров, Горбатенко занедужилось. Прихватило так же внезапно, как тогда в тайге. «Ну, что, может быть, обратно вернёмся? Ты как?» — «Терпимо. Да чего возвращаться-то, время терять? Ты сходи, я тут подожду».— «Ну, ладно, давай,

я тебе лапничка подстелю, чтоб удобней было, я быстро...» Напомню, стоял погожий апрельский денёк — солнышко, капель, устойчивый плюс. И Миша остался.

А Кривопалов спешил. Он так торопился, срывая и сматывая верёвки, нервно впихивая их в рюкзак, что в нём оказалось полно снега. И скорее, скорее к Мишке. Вернулся, а тот спит. Просто спит, развалившись на лапнике и заслонившись от света рукой. «Вот и я! Пошли! Ты что, уснул? Миш! Э, слышишь?! Миша-а-а!..»

Так это было в действительности или нет — уже никто никогда не узнает. Но других вариантов просто не возникает. И если с Горбатенко можно хоть что-то более-менее правдоподобное предположить, то, что потом случилось с Кривопаловым, не укладывается в уме. Без сомнения, парень, поняв, что друг умер, находился в состоянии крайнего потрясения, колоссального шока. В общем-то, это понятно. Но вот что дальше? Дальше-то что? «Снесло крышу», сел в снег и замёрз «за компанию»? Или как? Ведь чтобы погибнуть, нужно постараться: на нём был горный пуховик, а ночью температура не опускалась даже до десяти мороза. И это днём, рядом с тропой, недалеко от избушки! Что-то другое просто не приходит в голову. Так и остались рядом на снегу два товарища — Кривопалов и Горбатенко.

Написал и опешил от открытия ещё одной мистической параллели: первыми из погибших дятловцев обнаружили двоих лежавших друг подле друга у кедра туристов со схожими фамилиями — Кривонищенко и Дорошенко. Они же, похоже, и погибли тогда первыми...

И заключительный аккорд в дьявольской череде мистических событий и совпадений. Всего через несколько месяцев после трагической истории на Зубьях, в августе, находясь в отпуске в Казани, мой друг Серёжа Бурмистров пропал... Просто пропал, как иногда пропадают люди «без вести». Вышел вечерком из ресторана со своим казанским другом и его подругой, пошёл прогуляться, пообещав другу вернуться к нему переночевать (тот хотел проводить свою девушку), и больше его никто никогда не видел... Но, всё равно, «погиб» и «пропал без вести» — не одно и то же. И я верю, что Серёга жив. Пусть он где-то далеко, пусть под другим именем, но жив. Жив!

Впрочем, достаточно эмоций и мистики.

ПРО УБИЙЦУ ПО ИМЕНИ СТРАШНЫЙ ХОЛОД

А теперь слово моему другу Рудалю, бывалому туристу, который сподвиг меня на написание этого очерка.

«Впервые я услышал о группе Дятлова несколько лет назад по телевизору. Журналисты туго знают своё дело. У меня осталось впечатление, что туристы ослепли в буквальном смысле. Что же их так напугало, а потом ещё и ослепило? Смотрел передачу и только качал головой. Бедные, бедные ребята. Ползают на морозе слепые... Мистика какая-то...

Больше к этой теме не возвращался.

Но как-то глянул материал про них в Википедии. Прочёл, но уже другими глазами. Где же вы нашли мистику?

Но не для полемики я это пишу. Хочу рассказать о небольшом приключении, которое произошло со мной и двумя моими друзьями несколько лет назад. Уж очень ситуация была похожа на ту, в которую попали ребята из группы Дятлова. Похожа не внешне, а по существу и по тем действиям, которые совершали мы и они.

Отправились мы тогда в небольшой однодневный поход на лыжах. Пройти предстояло около пятидесяти километров по самому началу Салаирского кряжа — не

слишком много, но всё же достаточно для троих «бывалых» молодящихся старых кренделей. Стоял февраль, температура не ниже минус пяти, но очень ветрено. На открытых местах мело безбожно, поэтому старались идти лесом. Там, правда, свои «прелести» — всё изрезано оврагами, по дну многих из них текли ручьи.

Вышли затемно. То, что заблудились, мы поняли рано, около трёх часов дня. Гораздо позже мы поняли, что днём до людей уже не доберёмся. Стемнело, мы смертельно устали. Шутка ли, не менее двенадцати часов на лыжах, да ещё, в основном, по лесу, через овраги... Вышли прогуляться, а предстоит совершенно неподготовленная ночёвка в зимнем лесу. С этого момента, собственно, и началась наша борьба за жизнь, очень напоминающая ситуацию у ребят из группы Дятлова, когда они были уже у кедра... Конечно, Салаирский кряж недалеко от Новосибирска — это не Северный Урал. Но и не Сочи, уверяю вас. Вся наша одежда и обувь были насквозь мокрыми (двое вообще были на пластиковых беговых лыжах, в обычных «советских» лыжных ботинках, один в вибрамах на лыжах «Турист»). Вот «чайники»!

Мы попали в такую ситуацию по своей глупости. Как же попали к кедру ребята из группы Дятлова?

Я не сторонник мистики, привык руководствоваться принципом «экономии мысли». Жизненный опыт учит меня, что причин никогда не бывает много. Обычно всё бывает очень просто. Если это лавина, то это лавина, если камнепад, то это камнепад, если это Чёрный Альпинист, то это Чёрный Альпинист. Кто бы ни напугал ребят, кто бы ни выгнал их из палатки почти раздетыми на улицу, тот их и убил. Он не отстал от них, он преследовал их до кедра. Их убил серийный убийца, его имя — Страшный Холод...

Сперва он заглянул в их палатку через разрыв ската. Ребята не растерялись и заткнули дыру меховой курткой. Но Страшный Холод очень терпеливый убийца. Он подождёт и заглянет к ним потом, когда они уснут. Почему я считаю, что ребята уже легли спать? У одного из них обнаружили стельки на груди, их всегда укладывают прямо перед сном. Страшный Холод не мог заглянуть к ним в тот момент, когда они, ещё разгорячённые, только переодевались. Он подождёт, пока некоторые из них уснут, подождёт, пока мозги в их головах немного остынут...

Всё как положено, всё по правилам. Все носки на ногах (много пар надевают только на ночь, но не на переходе), все свитера и штаны на телах, но валенки и ботинки сняты, в них не спят. Все одеяла и ватники сверху, всегда так делают.

Думаю, всякий, кому довелось ночевать в палатке в горах на ветру при минус 25, согласится, что Страшный Холод — это не просто образное выражение. Это вполне материальное тело. К нему можно прикоснуться, его можно пощупать, только после этого обычно отмерзают пальцы... Его можно увидеть. У Страшного Холода лицо не такое, как у молодого Алена Делона: глаза вытекли, язык откушен, рот запал, кожа чёрная... И взрослый испугается. А тут — такие ребятишки... Моему сыну сейчас двадцать пять. Сыну моего друга, тоже туриста (*прим. автора: речь идёт обо мне*), двадцать пять. Да разве согласился бы я отправить их одних ночевать на снежном склоне, на ветру, в палатке! Да лучше я в одиночку голышом на Северном полюсе ночевать буду! Эх, ребятишки, ребятишки... Такие молодые, такие сильные. И такие беззащитные... Трудностей захотелось? Да сколько ещё их будет на вашем веку, зачем самим себе их создавать? Кто же ночует на голом склоне, если всего в полутора километрах — лес, дрова.

Дрова! «Как много в этом звуке...»

Грешен, однажды на Тянь-Шане я шёл по леднику и собирал вешки гляциологов, такие деревянные палки, хотя понимал, что это, мягко говоря, нехорошо. Мои друзья

укоряли меня, пытаясь не выдать нотки восторга в голосе,— ведь будет костёр! Неделю уже в снегах... Я, как мог, защищался: «Так ведь это нерабочие вешки... скорее всего. Не видно же гляциологов нигде...» Железная логика?

Строить предположения — неблагодарное занятие. Дятловцы могли поссориться: кто-то предлагал ночевать в лесу, кто-то — на склоне. Только кажется мне, что сама близость леса могла сыграть злую шутку. Эдакая возможность спасения, отступления в последнюю минуту. Кажущаяся возможность. Не было бы такой возможности — никуда бы не бежали, теснее бы жались друг к другу. Отчаянно замёрзли бы, но выжили. А так терпели до последнего, дождались лёгкой гипотермии, когда слегка мутится разум. Кто-то увидел страшный лик или услышал страшный голос — и поднял панику. Кто-то побежал со страха, кто-то спросонья, кто-то побежал ловить бегущих, кто-то успокаивать. Кто-то надел валенок, кто-то полваленка, кто-то ничего не надел. Но всех манил к себе лес. И костёр.

Костёр! «Как много в этом звуке...»

Очнулись у кедра. Они забыли взять с собой валенки и ватники, но Панику взять не забыли. Почему я уверен, что они не забыли Панику? Да просто анализируя их дальнейшие поступки и решения...

А Страшный Холод никуда не побежал. Этот товарищ не из тех, кто спешит и суетится. Этот знает себе цену. Он подождал немного, и не спеша направился вслед за ними, вниз, к кедру...

Говорят, с момента оставления группой палатки и началась их борьба за выживание. Я бы с этим не согласился. Я бы сказал, что началась агония...

Когда мы, наконец, поняли, что придётся ночевать в лесу, некоторое время тягостно молчали. Один лежал на снегу, двое, хрипло дыша, стояли, обвиснув на палках. Иногда я бываю циником, особенно в отношении себя и «своих». Помню свой вопрос:

— Ну что, самцы! Выживем? Или на этот раз, наконец-то, сдохнем?!

— Выживем!..— это ответил Коля, тот, что лежал на снегу.

Два слова о «самцах». Мне было лет 45. Коля старше меня на 12 лет. Андрюха был самым молодым и сильным, на пару лет младше меня. Средний возраст около 50. В горах бывать приходилось, попадали и в переделки.

Если сравнивать нашу группу и группу Дятлова у кедра, у каждой были свои плюсы и свои минусы. Они были молоды и сильны, и их было много. Кто-то из них был экипирован намного хуже нас, но кто-то намного лучше. Они уже изрядно намёрзлись, но мы уже изрядно устали. К тому же, у нас началось сильное обезвоживание. Бесполезно даже пытаться есть снег в такой ситуации — всё равно, что муку в сухой рот кладёшь... Но всё это мелочи. Главное, с ними была Паника. С нами её пока не было.

Попробую в общих чертах передать, как мы советовались, точнее, просто высказывали мысли вслух.

— Надо развести костёр...

— Да, но надо найти тихое место. На таком ветру костёр не спасёт...

— Согласен, хорошо бы найти ручей. У меня уже обезвоживание. И руки, и колени трясутся...

— Можем и не найти, только время и силы потеряем... Лучше топить снег...

— Да в чём топить-то? У нас даже кружки ни одной, не то, что котелка...

— Придумаем что-нибудь... Хорошо бы найти упавшее дерево и развести костёр под ним. Получится почти «надья»... Долго и ровно гореть будет.

— Можем и не найти... Те, что видны, не подходят. Под ними снег глубокий, костёр вниз уйдёт...

— Согласен. Лучше не терять время... Если только случайно...
— Главное — найти тихое место. Лучше дрова носить...
— Согласен.

Мы потеряли некоторое время на принятие этого очень важного решения, и ещё минут двадцать искали подходящее место. Но оно того стоило, такие двадцать минут очень часто и отделяют жизнь от смерти.

Вот почему я уверен, что Паника не оставила ребят и принимала решение за них. Развести костёр у того кедра, на ветру — ужасная ошибка. Они бы никогда не приняли такого решения, будь они одни. Но поначалу ошибка не была столь очевидной. Дрова рядом, и снег копать не надо, земля — вот она. Да и адреналин, глоток которого они хватанули во время марш-броска, ещё не выветрился. Всё было хорошо, но вот спустился их старый знакомый и тихо сел в сторонке. Агония продолжилась. Страшный Холод вначале отобрал у них разум, а теперь начал потихоньку отнимать силы. Начались лазания по кедру с обрыванием ногтей и кожи, в костёр полезли не только дрова, но и руки, и ноги. Вроде попытались построить защитную стенку из срезанных ёлочек. Эх, ребятишки, ребятишки... Разве ж это спасёт? Уходить же надо, уходить... Они и сами это поняли, но, видимо, только тогда, когда понесли первые потери...

Надо строить берлогу...

Мы тоже развели костёр. Но под нами было много снега, около метра глубиной. Пришлось копать до земли. Зато получилась яма, и бруствер сверху. Дров рядом было мало. Пришлось их искать, пробивать тропки, на лыжах не находишься. Но это — мелочи. Главное, позарез была нужна вода.

У нас были рюкзаки, практически пустые. У меня был свитер, в который была вначале завёрнута пластиковая бутылка с чаем, типа термос. У ребят были обычные термоса, но, к сожалению, стеклянные. Если бы были с алюминиевой колбой, мы бы их разобрали, и в них топили снег. Понятно, что все ёмкости уже давно были пустыми. По закону подлости, пока были ручьи, у нас ещё был чай. Ведь мы и не думали, что заблудимся. Закончился чай, закончились и ручьи, воду набрать было негде. Коля — хозяйственный мужик, у него в рюкзаке нашёлся ремнабор! В нём — пассатижи и цепная пила. Пассатижи — в костёр, у пластиковой бутылки срезали горлышко, набили бутылку снегом и разогретыми пассатижами стали топить снег. Эффективно, но очень медленно. С той минуты Коля занимался только одним делом, но зато самым важным — добывал воду.

Вода! «Как много в этом звуке...»

Провели ревизию рюкзаков. Тёплых вещей оказалось немного. Холодных тоже. Пустые рюкзаки накинули на плечи, сели кружком у костра. Было почти тихо, был костёр, но вся одежда была насквозь мокрой — вот он, коварный оскал слишком тёплого дня и слишком быстрого хода. Повторюсь, было около минус пяти. Тихо подошёл и сел четвёртый — Страшный Холод. Этому товарищу всё равно, что минус пять, что минус тридцать пять. Если вы плохо одетые и смертельно уставшие, он придёт, не сомневайтесь. Совсем отмороженный...

Надо строить берлогу...

Берлога — великое дело. Это вам не палатка какая-нибудь. Знали ли об этом дятловцы? Конечно, знали. Почему не стали строить сразу? Не знаю. Возможно, надеялись у костра отсидеться. Мы же не знаем, как быстро они к кедру прибежали. Может, перед самым рассветом. Или хотели сначала хоть немного согреться, а потом уже строить берлогу. Постепенно поняли, что у костра отсидеться не удастся. К этому времени уже потеряли много времени и сил, и, возможно, кого-то из своих товарищей. Но шансы на спасение ещё не потеряли.

Как бы то ни было, они-таки решили строить берлогу, и Паника пошла выбирать место. Эх, ребятишки, ребятишки... Да разве можно такое ответственное дело доверять Панике?

Разве можно в овраге строить берлогу? Ну, хорошо, то, что может произойти обвал, сразу и не сообразишь. Но ведь ясно же было, что развести костёр у входа в берлогу в этом месте не удастся, там же до земли — как до Китая, костёр уйдёт вниз. Можно, конечно, попытаться устроить настил из бревён перед входом. Но это — время, силы, да и инструмента нет. Можно, конечно, предположить, что они и не собирались костёр перед входом разводить. Тоже глупо, ведь костёр у них уже был! Его можно было бы просто перенести. Конечно, берлога и без костра хороша, но с костром — это уже и не берлога даже. Это — курорт!!!

Можно предположить что угодно. Можно строить любые версии, и их невозможно будет ни подтвердить, ни опровергнуть. Что до меня, я почти не сомневаюсь, что в тот момент они уже ни о чём не думали. Страшный Холод, уже не таясь, ходил между ними, хохотал и шевелил трупы их товарищей. Этот друг из тех серийных убийц, что наслаждаются процессом и любят наблюдать агонию...

Если всё произошло так, то больше всего не повезло последним, троим, тем, что поползли назад, к палатке. Эти хлебанули сполна. Представляю их ужас, когда Страшный Холод на их глазах забирал одного за другим их друзей. А когда сход склона похоронил их последних товарищей, они поняли, что лавина похоронила и их последние надежды. Ужас обнимал их в последние минуты, Страшный Холод гладил и ласкал, заглядывая в их лица своими страшными пустыми глазницами...

Как, наверное, вы уже догадались, мы выжили.

Построили берлогу прямо у костра, слепым концом к ветру, открытым — к костру. Так же, как и те ребята, устроили настил из лапника. Только у нас ножа не было, мы не могли верхушки ёлочек срезать, поэтому просто ломали ветки. Верх перекрыли лыжами, сверху опять же набросали лапник и засыпали снегом.

Ребята наверняка тоже перекрыли верх, только его сдуло вместе с ними, когда произошёл обвал склона. Почему я уверен, что произошёл обвал? Я в этом не так уж и уверен. Но это не так уж и важно. Просто это самое простое объяснение того, что четверо туристов оказались очень близко друг от друга, недалеко от настила, под очень глубоким слоем снега. Да ещё трое оказались изрядно измятыми. Конечно, их могло давануть ещё в палатке, если там действительно была лавина. Могли и просто с кедра попадать. Могли и в овраг скатиться и при этом травмироваться. Могли быть комбинации всего этого. Повторяю, всё это не так уж и важно.

Важно другое: они всё-таки построили берлогу. Опять же, нет смысла гадать, выжили бы они или нет, если бы не было обвала. У них хватило сил и времени, чтобы соорудить все элементы, необходимые для спасения в данной ситуации. Были у них раненые или нет, когда они только оказались у кедра, замёрз кто-то по дороге к кедру или нет, всё это не так уж важно. Факт остаётся фактом. У них всё ещё оставались силы и время, чтобы спастись хотя бы частью группы.

Скажу больше: они проделали такой огромный объём работы, большей частью ненужной, и у них было столько времени, что они могли спастись несколько раз подряд, если бы всё делали так, как, не сомневаюсь, знали и умели.

Почему же они всё-таки погибли, если всё знали и умели, и у них были и силы, и время?

А почему иногда паникуют и тонут даже хорошие пловцы?

Почему иногда люди паникуют и заживо сгорают в домах во время пожара, не отыскав элементарного выхода?

Почему иногда другие, насмерть замёрзшие, совершали в последние минуты такие безумные, необъяснимые поступки?

Все ищут какое-то рациональное объяснение их первого неадекватного и необъяснимого поступка — убежали из палатки почти босиком и без одежды. И шары придумали, и военных приплели, и шатуна, и бедных манси, и йети, и лавину, и НЛО. Чего только не придумали. А я хочу задать очень простой вопрос: а что, около кедра они вели себя более адекватно? Несколько часов, пока не закончилась агония, они вели себя, как безумные.

Развели костёр на самом ветру. На кедр лазили на высоту до пяти метров. Это что, не безумие? Кто же в здравом уме лазает на кедр за дровами, это же не шишки. Что, рядом дров не было? Вроде пытались кедр подпалить. Это что, не безумие? Да разве можно зимой подпалить кедр? Ветер их морозил. Нашли самое простое решение: понатыкали веток в снег. Это что, не безумие?

Да, они всё делали вроде бы и правильно. Но всё немного неправильно.

Замёрзли в палатке. Решили рвануть к лесу и там выжить. Допустимое решение. Не скажу, что правильное, но допустимое. Но вот обувь, одежду и топоры — забыли.

Решили развести костёр. Правильное решение. Но вот развели не там.

Нужны дрова. Спору нет, нужны. Собирали дрова. Правильное решение. Но не там, где собирали бы в здравом уме.

Решили построить берлогу. Правильное решение. Но опять же построили не там, где нужно, где не построили бы, будь они в здравом уме.

Погибших раздели. Бесспорно правильное решение. Подтверждающее, что обезумели всё же не до конца.

Вот я и хочу спросить, если они вели себя как безумные возле кедра просто оттого, что сильно замёрзли, то не логично ли предположить, что они обезумели от холода уже в палатке?

И есть ли смысл искать какие-то супернаучные причины, выслеживать каких-то суперпродвинутых киллеров, не оставляющих следов, если одного лишь Страшного Холода достаточно, чтобы свести с ума и убить даже таких молодых и сильных ребят?

Говорят, снаряд дважды в одну воронку не падает. У меня чуть не упал.

Буквально на следующий год после нашей неплановой ночёвки в лесу я решил погулять недельку-другую по тайге с профессиональным охотником, молодым парнем Колей, возрастом чуть старше моего сына. Хотелось посмотреть, как выглядит зимняя тайга изнутри. Снаружи за каждым деревом, как минимум, медведь мерещится. А чаще леший. Неповторимая атмосфера охотничьих домиков с их особым специфическим кисловатым запахом, оставленные кем-то дрова, соль, спички... Если меня спросят, как выглядит тайга изнутри в январе-месяце, я отвечу — белое безмолвие. Ни людей, ни зверья, ни птицы. Только тишина и лютый холод. Но это днём. Ночью тайга оживает. За каждым деревом медведь, леший...

Так вот, в один из дней мы сбились с путика (так местные охотники свои промысловые маршруты называют) и никак не могли найти очередную избушку. К вчерашней возвращаться было поздно, да и стемнело. Я не особо переживал, ну, нет избушки — и ладно. На этот раз у меня всё было: и котелок, и спальник, и одежда. Палатки не было, но это, как говорит мой друг, «понт корявый»: ходить в тайгу с палаткой. Только вот Колёк, мой проводник, почему-то всё взвинчивался, всё матерился себе под нос.

Я невзначай спросил его:

— Колёк, а тебе часто приходилось ночевать зимой в тайге без избушки?

— Какая разница, часто — не часто? — на взводе так, на психе.

И вдруг я понял, что он ни разу вот так зимой в лесу не ночевал. Он был хоть и профессионал, но профессионал путика, своего участка. Всегда ночевал в своей избушке. Я увидел, что нас уже трое: рядом стояла Паника. Его Паника. Вихрем пронеслись в голове разные мысли, из них самая запоминающаяся, что мне, возможно, сегодня придётся убить человека, в своё спасение. Ибо запаниковавший утопающий топит и себя, и своего спасителя. В первый и, надеюсь, последний раз в жизни у меня мелькнула ТАКАЯ мысль. Постарался выглядеть спокойным, но голос предательски сел. Своё волнение попытался компенсировать тем, что неотрывно, не мигая, стал смотреть ему прямо в глаза.

— Слушай меня внимательно, Колёк. С этой минуты ты делаешь только то, что я скажу. И ничего другого. Это первое. Второе. Если в следующем же логу мы не находим избушку, сразу становимся на ночлег. Там, где я скажу. Так, как я скажу. Ты хорошо меня понял, Колёк?

Помогло. Паника убежала. В следующем логу нашлась избушка, больше ничего примечательного не происходило.

К чему я это рассказал? А вот к чему.

Мой незабвенный учитель математики часто повторял, что нужно всего три вещи, чтобы хорошо изучить математику: желудок — в голоде, голова — в холоде, ноги — в тепле.

Я подумал, а можно ли сформулировать такое же общее, самое важное правило, чтобы можно было выжить зимой на морозе. Всё важно. Важно иметь и хранить снаряжение, важно быстро развести костёр, важно работать одной командой. Но важнее всего, мне кажется, следующее правило: «Мозг — в тепле, рассудок — в холоде».

Именно этого, мне кажется, ребятишкам и не хватило...

Если сказать словами Владимира Семёныча, «мне представляется совсем простая штука...»

— Как погибли?

— Замёрзли...

— Но почему???

— Холодно было... Очень холодно.

— И всё???

— И всё...

— Но почему же тогда столько пытливых умов столько лет ищут разгадку этой страшной тайны???

— Потому что людям нужны страшные тайны. И легенды.

— И всё???

— И всё...»

* * *

Нормальный такой очерк. Честный, искренний. И хоть писал Рудаль «не для полемики», но ответить необходимо.

Не спорю, среди людей, интересующихся историей гибели группы Дятлова, любителей легенд, мистики, детективов и шпионских романов хватает. Но ведь ещё остались их родственники, друзья, тот же Юрий Ефимович Юдин — баловень судьбы, единственный сошедший с маршрута из-за болезни в самом начале похода. Их объединяет далеко не праздный интерес. Да и просто людей, искренне желающих разобраться.

Если б было всё так просто, как ты представляешь — запаниковали да замёрзли — эта история не будоражила бы самый широкий интерес уже больше полувека.

Да и секретить её не было бы никакого смысла — только слухи порождать, а коммунисты слухов и пересудов не любили. Кстати, старенький уже Юра Юдин, зная подоплёку «дела» и плотно общаясь и со следователями, и с прокурором (точнее, они его допрашивали), из нюансов задаваемых ему вопросов, логики, незначительных комментариев составил своё собственное видение произошедшей трагедии. И оно, мягко говоря, весьма отличается от твоего. Но и его предположение тоже всего лишь одна из версий, а я обещал, что поддерживать, даже косвенно, какую-либо из них не стану. Ничего не ясно.

Я опускаю, что тобой банально проигнорирована масса фактов. Но даже в твоих рассуждениях сплошные изъяны.

«Ребята заткнули разрыв ската палатки меховой курткой». А откуда он мог взяться? Сам собой возник? Палатка была буквально исполосована снизу доверху, причём изнутри — тут никаких меховых курток на «затыки» не хватит.

Сделать заключение, что они уже легли спать только по стелькам на груди у одного из туристов, неубедительно. Ни слова про большой кусок (килограмма на три) недоеденной корейки поверх спальников и разбросанные по палатке шкурки от неё. Так всё-таки они ели или спали? Если ели и вдруг, подмёрзнув, сиганули «нагишом» на улицу, изрезав палатку, то при чём тут «Страшный Холод — очень терпеливый убийца»? И вообще, почему, чтоб выйти из палатки, её нужно обязательно взрезать?

А если спали, то состояния «спросонья» в таких условиях, как и самого сна, не бывает — так, полузабытьё, в лучшем случае. Поэтому представить себе, что ты сладко спал и вдруг — хлоп! Перед глазами «страшный лик» или его голос, так что ты стремглав выскакиваешь, в чём был, необутый, лично я, знакомый с зимними холодными ночёвками, не могу. Ты и сам предполагаешь: «терпели до последнего», то есть всё-таки не спали, ворочались, что-то обдумывали и обсуждали.

Из твоих рассуждений непонятно также, почему одни одеты тепло, а другие практически раздеты. Одни замёрзли, запаниковали, но догадались одеться, а другие, тоже запаниковав, ломанулись в одних носках по снегу вниз, но при этом прихватили с собой фонарики и ножи. Как-то странно, избирательно паника действует. Опять же, кое-какая одежда была разбросана вокруг палатки и настила. Зачем же замерзающим людям надо было её разбрасывать? Паника? На трупе Золотарёва оказался фотоаппарат, причём с отсутствующей фотоплёнкой внутри него, но с фотоаппаратами на шее не спят. Или решил пофотографироваться перед смертью, по причине «помутнения разума»?

Ещё одна неувязка: у некоторых головы вообще не покрыты, на руках нет рукавиц. Почему? В нашей палатке на Северном Урале, даже когда топилась печурка, было холодно, поэтому на нас всегда были надеты вязаные шапочки и тонкие перчатки. Что заставило дятловцев выскочить на улицу, сняв шапочки и перчатки, которые, не сомневаюсь, на них были надеты в палатке постоянно? Паника?

И всё время по тексту рефрен: «ах, ребятишки, ах, ребятишки...» Среди них был один точно не «ребятишка»: 37-летний профессиональный инструктор по туризму, фронтовик-орденоносец Александр Золотарёв. И потом, в те времена взрослели намного раньше, учти безотцовщину, нужду и голод военных и послевоенных лет. Ещё трое из «ребятишек» уже и студентами-то не были, работали. К тому же, все без исключения, кто их лично знал, утверждали, что группа Игоря Дятлова была хорошо подготовлена и физически, и морально, и технически. Они не один год занимались туризмом, готовились к этому походу и прекрасно знали друг друга.

Почему ребята ночевали на голом склоне, если рядом лес, дрова? Отвечу. Как минимум, одну холодную ночёвку в походе планируют почти все лыжные тургруппы —

для проверки запаса прочности. А дятловцы, напомню, совершали поход высшей категории сложности.

Почему развели костёр в неудобном месте, на ветру? Есть версия, что костёр выполнял сигнальную функцию для ориентировки Дятлова и Колмогоровой, пошедших назад к палатке.

Почему лазили по кедру и ломали на нём ветки? В «Деле» есть предположение, что, цитирую: «Было похоже, что люди сделали нечто вроде окна, чтобы можно было с высоты смотреть в сторону, откуда они пришли и где находилась их палатка». А, может быть, пытались спастись на дереве? От кого? Неужели от Страшного Холода?

Ты так старательно описываешь это ужасное существо, отдавая ему главную роль в трагедии, и вдруг нелогично, похоже, неожиданно для себя самого, предполагаешь, что «их могло давануть ещё в палатке, если там действительно была лавина», объясняя наличие тяжелейших травм у четверых дятловцев. При этом совершенно странным выглядит заявление, что причины возникновения этих даже не травм, а увечий, для тебя неважны.

Вот! Вот она — «соль вопроса»! Вот место, где проходит водораздел между твоими рассуждениями и истиной. Лавина или что-то другое — НЕЧТО, что создало форс-мажор, хотя такого выражения в 50-х годах не существовало. Причём, скорее всего, даже не «нечто», а комбинация этих самых «нечто». И именно в выяснении этого состоит главная интрига трагедии. А Страшный Холод лишь довершил своё чёрное дело.

Ты всё время приводишь в качестве аргумента и примера для подражания свою ночёвку. Извини, но вы трое ОБЯЗАНЫ были выжить в ту ночь! Не имели права не выжить! Выжили вы, потому что минимум необходимого у вас с собой всё же имелся, ночь была относительно тёплой, и ничто (ничто!) вам не помешало выжить. К тому же, считаете себя опытными, бывалыми туристами. Поэтому, по большому счёту, причин для паники особо не было — просто возникла непредвиденная экстремальная ситуация. Вам повезло. И я не сомневаюсь, что те «ребятишки» тоже непременно выжили бы, причём все, если б им что-то не помешало.

А теперь представь, что на ваш незапланированный бивак напоролся бы какой-нибудь дебил с ружьём и шарахнул бы по вам с двух стволов — уж кому бы что «досталось». И всё! Форс-мажор! Экстремальная, но штатная ситуация превращается в нештатную, критическую. И кто из вас дожил бы до утра — большой вопрос. Но тут хотя бы вопросов не возникло: вот огнестрельные ранения, вот гильзы. Почему же ты отказываешь дятловцам в праве иметь пусть даже невыясненную до сих пор причину (причины) возникновения форс-мажора, приведшего к таким трагическим последствиям? Унижаешь их и снисходительными определениями, и примитивной доказательной базой, и крайне неубедительной трактовкой развития событий?

А если после гипотетического двуствольного залпа кто-то из вас начал бы холодеть, истекая кровью? Могла бы возникнуть если не паника, то панические настроения? Даже если бы воображаемый дебил шмальнул и ушёл? А ну, как перезарядит ружьё и вернётся? Тогда надо немедленно уходить, бросив раненого товарища («прости, друг!»). Но далеко уйти не удастся, ведь по следам вас, замёрзших и голодных, страдающих от жажды и смертельно уставших, да ещё и морально раздавленных, настичь проще простого? Слава Богу, обошлось, вы остались в живых, и сейчас ты имеешь возможность велеречиво порассуждать...

Возникновение паники — явление вторичное. И коль пошла такая «литературщина» с образами, я тоже малость поупражняюсь в изящной словесности.

Паника, сестрица Страшного Холода, представляется мне в виде молодой, отвязной, разбитной шалавы с вызывающе огненно-рыжими волосами до пояса. Со спины она выглядит шикарно: безупречная фигура, осиная талия, длинные стройные ноги. Так

и хочется положить ей руку на плечо и, чувствуя лёгкое возбуждение, игривым голосом окликнуть: «Красавица-а!» И вдруг она резко оборачивается, и ты, ещё находясь в предвкушении развития приятного знакомства, видишь её ужасающий лик: пустые глазницы, как у братца Страшного Холода, а вместо вишнёвых сочных губ, как пел упомянутый тобой Владимир Семёнович, «красивый широкий оскал и здоровые белые зубы». Но ты прав: Паника сама выбирает себе жертвы. Причём она, стерва, дьявольски великодушна: подготовленному, тренированному даст фору, пусть и временную: «Ну-с, смертный, дерзай, время пошло, погляжу: может, я от тебя вообще отвяжусь!» Но другого — слабого, истеричного — сразу берёт «за жабры». И вот «смертный» уже чувствует на своих губах её леденящий поцелуй и с ужасом ощущает, как на спине встают волосы и предательски поджимаются мышцы ягодиц, потому что из ротовой полости роковой обольстительницы исходит непереносимый запах разлагающейся плоти.

Почему я так точно её описал? А я с ней почти знаком! Более того, чуть было ей «не отдался». А дело было так. Стоял февраль то ли конца 80-х, то ли самого начала 90-х, не помню. Помню лишь, что в магазинах того времени можно было играть в боулинг. Из источника витаминов — только квашеная капуста, а к концу зимы потребность организма в витаминах сродни ломке наркомана. Это и сыграло со мной злую шутку.

На выходные пошёл, как всегда, пошарахаться в одиночку на лыжах с рюкзачком в лесах за Кольцовом. День уже стал достаточно длинным, не холодно, местность знаю, как свои пять пальцев. Спустился в долину ручья Мосиха — а там заросли калины! М-м-м... Ягода — калиброванная, красивая, провокационно красная, морозы отбили неприятную горечь, характерную для калины. Словом, я стал обжираться ею, как сумасшедший — один куст, второй, третий... Наелся от пуза, ну, пора до дому.

Стал выбираться из лога. Что такое? В глазах тёмные круги, одышка не отпускает, пульс еле прощупывается, ноги подкашиваются. Ситуация глупее не придумаешь: уже видны трубы котельной «Вектора», не холодно, до дома рукой подать, а я идти не могу — не получается. Всё как в тумане, в ушах стук, ноги и руки свинцовые. Ещё была свежа в памяти трагедия на Зубьях, а потому в голову полезли совсем тоскливые мысли: неужели у меня то же, что и у Миши Горбатенко? И ноги сейчас «отключатся»? Или сердчишко? Прилечь, что ли? Стоп! Стоять! Точнее, идти! Вперёд! Как можешь. Несколько шагов — отдых, несколько шагов — отдых. Я не сразу сообразил, что это — действие калины, ведь она понижает давление, а дозу я себе «зарядил» лошадиную.

И вдруг чувствую, как кто-то сзади обнимает меня за пояс, нежно так, с любовью. Тогда-то я и познакомился впервые с распутной Паникой: «Ложись, человече, отдохни, я тебе колыбельную спою...» А глаза уже сами собой закрываются... Нет!!! Пошла к чёрту! И замахнулся на неё лыжной палкой. Помогло, непрошеная попутчица отошла. Но ведь что, дрянь, придумала: стала наступать на задние концы лыж. И песенку свою всё-таки затянула. Пришлось заорать, заматериться, вновь отмахнувшись палкой. Опять помогло, она отступила. Так и шли.

Разок я почти что лёг, точнее, покрытая снегом земля почему-то сама стала подниматься к лицу. Меня сильно качнуло, и я, чтоб не упасть, резко выкинул перед собой палки. Устоял. Поднял глаза и понял, что спасён: передо мной красовался забор промзоны «Вектора».

Сняв лыжи, я еле-еле поковылял по дороге, что вела к Кольцову. Сзади показался автобус. Обычно не на остановках они не тормозят, но я наудачу слабо взмахнул рукой — авось повезёт. И, о, чудо! Автобус остановился, открыв переднюю дверь. Лыжи в салон автобуса я забросил, а войти не могу — ноги не поднимаются! Пришлось по-собачьи, на четвереньках залезть по ступенькам и сесть на полу — немногочисленные пассажиры и водила уставились на меня, как на идиота.

На том история знакомства с Паникой и завершилась. Знаки внимания с её стороны я принял, но перед неземными «чарами» всё же устоял, лишь холодок её дыхания запомнил на всю жизнь.

Какое ёмкое, точное имя — паникёр! Вот твой, Рудаль, молодой охотник — тоже паникёр, какой бы стаж мотанья по тайге и добытых трофеев он не имел. Не ходи больше с ним. Недаром в войну паникёров расстреливали, чем, кстати, «исцеляли» остальных. Жаль только, что общество потребления, язви его в печень, плодит их в геометрической прогрессии.

ЛЮДИ ИДУТ ПО СВЕТУ...

А теперь «коронная» фраза Рудаля из очерка про дятловцев, которая расстроила меня больше всех: «Эх, ребятишки, ребятишки... Такие молодые, такие сильные. И такие беззащитные... Трудностей захотелось? Да их сколько ещё будет на вашем веку, зачем самим себе их создавать?»

Не ожидал! Такие вопросы — «а зачем?» — обычно задают обыватели, «чужие», которым в принципе непонятно желание заниматься что туризмом, что альпинизмом, что любым другим экстремальным видом спорта. Списываю эту фразу Рудаля на его эмоциональные переживания в процессе сублимации при написании очерка. Но, тем не менее, тема затронута.

Трудности трудностям рознь, те, что «ещё будут на нашем веку», согласитесь, другого толка. Но мне приятно осознавать, что я тоже это проходил.

Обожал туристский дух, кураж, его особую субкультуру. Ещё не забыл, как подрагивали ноздри при одном только обсуждении грядущих маршрутов, как заходилось сердце, когда тут, «на берегу», я, закрывая глаза, видел белые вершины или заснеженную тайгу, как мерещились запахи костра, талого снега, смешанного с потом... Боже, как это всё манило, будоражило воображение, горячило кровь, вызывало приливы необъяснимой, на первый взгляд, беспричинной радости.

«Люди идут по свету...» Помню, как, встав на маршрут, мы радовались, ржали, как лошади, подтрунивали и бесконечно шутили друг над другом — позитив, один огромный, размером с целый мир, позитив! А если ещё была гитара...

Туризм для нас был чем-то, что наполняло нашу жизнь, мы, конечно, прожили бы и без него, но это были бы уже не мы. Но в этом не было позы, не было «понтов» — просто мы так жили, это было, как дышать — естественно, не задумываясь.

Общеизвестно: армия — хорошая школа жизни. Туризм — тоже. Но в походе нет ни тёплых казарм, ни ватер-клозетов, ни заботливых командиров, ни медсанчасти, ни организованного кем-то «приёма пищи», помывки, выдачи одежды и белья. Всё на себе, всё зависит только от тебя самого, других участников похода и от поклажи в рюкзаках. Палатка, снаряж, необходимая амуниция, сменная одежда, запас продуктов, ремонтный набор, медицинская аптечка.

Меню каждого дня планируется завхозом похода ещё «на берегу», он всегда должен точно помнить сколько, чего и у кого лежит — попробуй, сбейся! Любой перекорм в первые дни похода чреват голодухой в последние, когда силы уже на исходе. Ещё и соотношение «углеводы-белки-жиры» (4–1–1) продуктов нужно правильно рассчитать.

Четыре-один-один! Магические цифры! Ерунда? Главное калорий, сала побольше? Ерунда! Бывает, при нарушении этого золотого, научно обоснованного соотношения ты ешь-ешь, а «не в коня корм». Не бежит твоя «коняшка» — тяги не хватает. Орга-

низм, этот отлаженный настроенный механизм, начинает сбоить. Он, бедняга, и так напрягает силы, перерабатывает отложения, пускает в дело все резервы, а ему пытаются «низкооктановое» топливо подсунуть. Не-е-ет, хозяин дорогой, вот помучайся теперь, послушай «там-там» сердечка, позадыхайся на подъёмах, почувствуй выматывающее душу и отравляющее жизнь сосание «под ложечкой»! Не рассчитал, не продумал, не позаботился обо мне, бесценном,— получай теперь! Кстати, к.п.д. работы организма по переработке «топлива» резко повышается: чем серьёзней поход — тем меньше приседаний по большой нужде. Не эстетично звучит? Понимаю. Зато естественно: раз в два-три дня, и ощущение такое, что камень из тебя выпал! И чем суровее поход, тем твёрже «камушек». Уж облегчение, так облегчение, всем облегчениям — облегчение!

Простые радости жизни... Где, как не в походе, сумеешь по достоинству оценить всю глубинную первобытную суть физиологического комфорта от ощущения сытости, тепла, сухости. Где, как не в походе, отбросишь многие ненужные условности норм поведения и хоть на время отрешишься от оставленных «на берегу» проблем, политики, всего того, что ещё несколько дней назад, ДО похода, казалось основополагающим и незыблемым. Перед тобой только маршрут, требующий концентрации сил и внимания, трезвой оценки ситуации и выбора правильных стратегии и тактики движения.

«Дорогу осилит идущий...» Всё это, вкупе с ощущением полного слияния с природой, позволяет многое оценить и переоценить, философски взглянуть на собственную жизнь со стороны. Искусственные напластования цивилизации меркнут и кажутся несерьёзными. И где, как не в походе, имеешь прекрасную возможность прочувствовать некую первооснову бытия, ощутить подлинность жизни. Из потаённых глубин генетической памяти словно воскресает дух древних пращуров, тысячелетняя философия жизни которых сводилась к достижению немудрёной цели: преодолеть и выжить.

Группа на маршруте. Шутки шутками, без них, конечно, не прожить, но поход дисциплинирует и мобилизует, сплачивает и закаляет. Очень важны такие качества, как психологическая устойчивость и сообразительность, здравомыслие и адекватность. Не менее важен подбор участников похода, их совместимость. И чем сложнее поход, тем больше ощущаешь тургруппу общей командой, единым целом, частью себя.

«Возлюби ближнего яко самого себя...» Именно в походе по-особому воспринимаешь смысл этой библейской истины. Отношения внутри группы несравнимы ни с чем — они даже не родственные, они глубже. Ибо «ближний» твой — вот этот шмурыгающий носом балбес с недельной щетиной, обветренными губами в грязной вонючей штормовке — твоя надежда и опора, гарантия выживания, в случае чего.

На маршруте нередко кажется, что вся жизнь, всё прожитое тобой явственно делится на две части: ДО похода и сам поход. И лишь потом придёт то неведомое, в дымке, что будет уже ПОСЛЕ похода. И вот, по возвращении, высокомерно вспоминая себя того, ДО похода, ты становишься мудрее и старше. Старше на целый поход!

В походы высших категорий сложности мне, увы, сходить так и не довелось, ограничился «тройками». Но знаю людей, регулярно ходивших исключительно в «пятёрки» и «шестёрки». Знаете, такое ощущение, что их ничем не проймёшь. Могут ли они погибнуть? Да запросто! Суть паники — это вполне естественная боязнь гибели. А человек, представьте, её не боится, точнее, побаивается (он же не сумасшедший), но возможности её не исключает. Противоестественно? В общем-то, да. Но на то они и «экстремалы» — особая порода людей, да и здоровья у них невпроворот.

Без здоровья в туризме делать нечего — и в этом его несомненная огромная польза: необходимость закаливания и поддержания хорошей физической формы. Спору

нет, заболеть в походе крайне нежелательно: глухомань, зачастую до ближайшего человеческого жилья десятки километров, условия жизни полевые, вся надежда только на группу и на медаптечку. Но организм, как правило, словно чувствуя экстремальность положения, обнаруживает недюжинные резервы, неожиданный даже для самого себя запас прочности.

Но помню, как после той северо-уральской «двойки», уже в поезде, наша команда растемпературилась — народ развалился на полках, все «кочегарят» и только воду хлещут. Словно организм решил отыграть «своё», компенсировать градусом все переохлаждения, которые выпали на его долю в походе. Будто кто-то невидимый внутри тебя снял ногу с педали тормоза. Но, странное дело, при подъезде к Казани все как-то разом ожили. К слову, руководитель Андрей Ланских всё же простыл на маршруте — ходовой день, а у него температура. Не беда: принял ударную дозу сульфодиметоксина, утяжелил рюкзак и почти весь день тропил. К вечеру хворь из организма он, слава Богу, выдавил.

Сложный поход –возможность испытания на прочность, выносливость и... на «вшивость». Непредвиденные ситуации, переохлаждения и переутомления (без них спортивный самодеятельный туризм представить невозможно) заставляют человека показать своё «нутро» во всей красе.

Девчонки, хотите удачно выйти замуж? Занимайтесь туризмом, ходите в категорированные походы — там Его и встретите! Там человек проявляет себя сполна, и чем сложнее поход, тем больше душевной гнили на виду. Знаю многих девчонок, нашедших Своего на маршруте или хотя бы понявших, каким Он должен быть. Бывает, иной шкаф-амбал «киксует» и ноет. А другой, с виду бледная спирохета, прёт и прёт, и всё ему нипочём. Именно о таких верно подметил Высоцкий: «значит, как на себя самого положись на него...»

Огонь, костёр в любом походе — основа мироздания, и это тоже роднит туристов с далёкими предками. Особенно когда несколько дней промотался по ледникам, и «зелёнка», зона леса, представляется земным раем. Не удивительно, что первая религия человека разумного — огнепоклонничество. «Как хорошо, когда привал, когда ты до смерти устал, когда костёр трещит, и ноздри дым щекочет...» Вечерний бивак. Весело пляшут языки пламени, озаряя и делая почти иконописными лики твоих ближних. Кажется, что освещённый и согретый костром кусочек пространства — единственный очажок цивилизации в безбрежном море тьмы и безмолвия. Будем жить!

Забавно наблюдать за блаженными лицами туристов у костра, увлечённых возгонкой пара из пропитанной за время ходового дня влагой одежды. Особенно в походах на Алтай и Саяны, запомнившихся мне самыми «сырыми». Но ещё потешнее выглядели куряки: они, первым делом, раскладывали на камушках у костра подмокшее курево. И когда мы, не курильщики, уже с упоением ощупывали и поглаживали на себе тёплую подсохшую одежду, эти ещё мокрые «извращенцы» с не меньшим кайфом совершали свои первые затяжки, а уж только потом начинали обсушиваться. Я всегда воевал с их дурацкой вредной привычкой, ибо свято убеждён: туризм и курение — несовместимы. Никого из куряк перевоспитать, конечно, не удалось, одна радость — не давал получить полного удовольствия от «самого процесса». Кстати, вспомнились университетские горные сборы на Фанах: четыре команды, более тридцати участников — и ни одного курильщика.

«Бергшрунд, рангклюфт, глетчер, мульда, морена, дюльфер, траверс, репшнур, булинь, бахман, полиспас, хоба, абалак, пенка, вибры, трикони, альпеншток, неопренка...» Понятные слова? Нет? Добро, можно попроще: «тур, серпантин, седло, цирк, бараний лоб, основа, схватывающий, восьмёрка, беседка, карабин, морковка, ледобур, связка, самоспас, табанка, самосплав...» Чуть ясней, но не до конца? Понимаю. Да,

«птичий» язык. Такие родные, я б сказал, кодовые для каждого туриста термины-индикаторы, позволяющие распознать «своего».

«Всё это, конечно, здорово,— наверное, недовольно ворчит «чужачок»,— но как быть с людьми, в память которых звучит сей рассказ? Их ведь не вернёшь...» К великому сожалению, не вернёшь... И как-то совсем не хочется оправдываться и бравировать расхожей цитатой, что «так лучше, чем от водки и от простуд». Потери одинаково горьки, вне зависимости от любой причины, по которой они случились. Представляю, как хотели жить дятловцы... Знаю, как любили жизнь погибшие в горах мои товарищи. И Иринка Мисюрова, и Серёга Пантюшин (погиб в лавине на зимнем восхождении на кавказскую Ушбу), и Саня Брызгалов (сорвался в горную реку на Тянь-Шане), светлая им память...

Да, риск, опасности всегда сопутствуют экстремальным видам спорта. Но разве мало их подстерегает нас среди каменных джунглей мегаполисов, на дорогах? В походах, в отличие от «рулетки» города, хотя бы есть шанс проанализировать и просчитать ситуацию, продумать правильную страховку, предупредить и предостеречься. Туристский опыт — это, помимо технических знаний и навыков, прежде всего, синоним грамотного, безопасного, осторожного, в хорошем смысле слова, поведения на маршруте. Ведь просто «молиться, чтобы страховка не подвела», совершенно недостаточно. И тут многое, очень многое зависит от руководителя группы.

Руководитель! Командир, центральная фигура любой тургруппы. Это он заявляет маршрут, подбирает команду, определяет стратегию и тактику прохождения маршрута. Это он несёт персональную ответственность за жизнь и здоровье каждого участника похода, убеждает и пресекает, подсказывает и нянчится. Руководитель — всегда наставник, поскольку опытнее любого из участников похода, как минимум, на категорию. Руководитель — всегда личность, и я рад, что мне с ними везло.

От руководителя почти полностью зависят отношения между участниками, микроклимат в группе, её общий настрой, собранность, боевой задор и решимость. Каков руководитель — таков и поход. На него возложена ещё одна немаловажная миссия: немедленно пресекать, особенно в конце маршрута, отвлечения на гастрономические темы. Говорить о жратве в походе строго-настрого запрещено: нервическая реакция участников диспута гарантирована железно. Между прочим, вся фантазия полуголодного туриста сводится, как правило, к мечтам о варёной картошечке с селёдочкой, квашеной капустке и солёным огурчикам. А что? Самая что ни на есть нашенская еда!

Точка! «Точка» по завершении похода. У кого-то на хате или на природе, когда защищён маршрут, выданы справки об участии, подтверждающие повышение туристской квалификации на целую категорию. Когда ты вновь видишь всех своих вместе, только в цивильной одежде, умытых и побритых, лишь не до конца подсохшая короста на губах да непривычная белизна в нижней части двухцветного лица, где ещё совсем недавно красовалась живописная щетина. Вновь те же песни, улыбки, шуточки о проделках мифического Чёрного Альпиниста, который постоянно сопровождал группу на маршруте, мелко пакостил и что-то регулярно подворовывал по мелочи. Воспоминания о задушевных беседах у костра, о потрясающем звёздном небе в горах, о том, как просыпались выше облаков. О непередаваемом чувстве душевного освежения, ведь так «важно где и какой горе сдать свои недуги...»

Некоторое время, вновь окунувшись «в суету городов и в потоки машин», ты ощущаешь себя не в своей тарелке. Вздрагиваешь от резких звуков, морщишь лоб, когда к тебе обращаются, пытаясь понять, что им всем от тебя надо. Недоумённо вглядываешься в лица вечных пленников городов, обделённых пониманием настоящей

радости жизни, подсознательно их всех жалея. И, улучив момент, закрываешь глаза и мечтательно вздыхаешь. «Как хорошо, о, Боже мой, что все, уставшие, домой мы возвернулись после трудного похода! Мы не забудем эти дни, нам очень дороги они, и мы опять пойдём, бродячая порода...»

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ОЧЕРКУ

И снова мистика. Не успел я опубликовать очерк, как не стало «дятловца» Юрия Ефимовича. Того самого Юры Юдина, который, прощаясь, обнимался с девчонками перед самым стартом трагического похода.

Он же последний, кто видел дятловцев живыми. «Эх, не повезло! — думал, наверное, расстроенный студент-четверокурсник Юрка, глядя им вслед.— Счастливчики!» Столько готовиться, добраться до отправной точки маршрута (в те времена достичь исходной точки зачастую было не легче, чем пройти сам поход — в такую глухомань забирались!) и отказаться от участия по состоянию здоровья: застудил нерв, когда ехали по морозу три часа в кузове грузовика, и нога постоянно болела...

«Вот повезло! — оторопев, выдохнули все, когда стало известно о трагедии.— Счастливчик!» На Юру Юдина даже пожелал царственно глянуть товарищ Кириленко, в то время первый секретарь Свердловского обкома партии. «Обнял по-отечески, прижал к себе,— вспоминал позже Юдин.— Хотя больше я почти ничего и не запомнил — дрожал, как осиновый листочек». Ещё бы: САМ Кириленко! А ещё — допросы оглушённого известием о гибели друзей-туристов Юры следователями и прокурором, опознание погибших и их вещей. Врагу не пожелаешь.

Вот и прожил Юрий Ефимович всю жизнь под грузом воспоминаний о случившемся. Рассказывал, что часто видел ребят во сне живыми и здоровыми, весёлыми, поющими вместе с ним песни. Думаю, многие из этих песен я знаю. А нога, кстати, больше Юрия Ефимовича не тревожила. Мистика? Он много лет руководил турклубом города Соликамска, не раз бывал на месте гибели дятловцев на горе Холат-Сяхыл, что в переводе с языка манси означает Гора Мертвецов (это название возникло намного раньше), через несколько лет после трагедии установил там с другими туристами мемориальную плиту.

Меня очень тронуло известие, что похоронили Юру Юдина вместе с дятловцами: такова была его воля.

Не одно десятилетие Юрий Ефимович пытался докопаться до причин гибели друзей. И мне почему-то казалось, что правду, в конце концов, узнает именно он. Не узнал.

Хотя... Думаю, что как раз сейчас он всё и узнал: души друзей-туристов не могли не встретиться в мире ином...

P.S. А ещё через неделю всего в восьми километрах от серовского аэропорта, среди труднопроходимой болотистой тайги нашли пропавший «кукурузник» Ан-2. Вместе с людьми, точнее, с тем, что от них осталось...

ВАРВАРА РЯЗАНЦЕВА

СВЕТ ВНУТРИ СЕБЯ

Семейное чтение как средство воспитания личности

Тридцать пять лет моей человеческой и профессиональной жизни отдано образованию молодёжи. Все эти годы, работая в различных педагогических сферах: учителем английского языка в школе, преподавателем зарубежной литературы в институте, инспектором по делам несовершеннолетних в органах внутренних дел, руководителем вуза, — я неустанно задавала себе вопрос: где найти ту точку опоры, которая могла бы перевернуть человеческую судьбу? И сегодня, подводя своеобразный итог, я с уверенностью заявляю: мир держится не на спине черепахи, не на крепких плечах мужчин, не на предельно политизированной идеологии общества — он держится на КНИГЕ, которая освещает наш путь днём и ночью! Не зря же, будто подтверждая высказанную мною мысль, писатель Павленко когда-то сказал: «Вовремя прочитанная книга — есть огромная удача! Она способна изменить жизнь...»

Самой мне крайне повезло, члены моей семьи только и делали, что читали: отец — журналист и писатель — учил нас: не читать всё равно, что не дышать! Его лозунг: ни дня без книги! — я пронесла через всю жизнь... Мы регулярно читали друг другу вслух, зачастую не стыдясь слёз. Благодаря папиному влиянию я начала трепетно относиться к СЛОВУ, пытаясь передать свою любовь сначала детям — своим и чужим, а затем и внукам... Центром моего детства был брат. Не спрашивая моего согласия, он частенько усаживал меня на неуклюжий деревянный табурет и читал вслух то, что было дорого его сердцу или просто случайно выхвачено глазом, не принимая в расчёт ограниченности моего младенческого восприятия. Я застывала в священном восторге, боясь пошевелиться, перевести дыхание, чтобы не нарушить магии священнодействия. Так в мою жизнь прочно вошли услышанные в самом раннем возрасте дивные книги, потянув за собой сотни других, которые и много лет спустя я мысленно оцениваю по критерию: достаточно ли это тонко, чтобы понравиться брату; и мудро, чтобы остановить взгляд отца?

Семья — исходная точка развития личности; пространство, в котором она обитает; ось, вокруг которой вращается... Именно она вводит ребёнка в мир культуры, в том числе и читательской. В условиях глубинного духовно-нравственного кризиса, переживаемого сегодня Россией, **значение семьи в становлении свободной, жизнеспособной, гуманной, социально успешной личности — трудно переоценить**! На деле же ответственность за её воспитание зачастую возлагается на школу, в то время как бьющиеся в тенётах собственного смятения родители если не направляют всю свою энергию на выживание, то поглощены гонкой за обретением материальных благ, и в большинстве случаев ограничиваются простым взращиванием младенца, обеспечением его физических, а отнюдь не духовных нужд, не занимаясь,

как правило, системным воспитанием с привлечением чтения — проверенного метода формирования внутреннего мира индивида. **В отторжении, в отчуждении, в отречении семьи от КНИГИ я усматриваю основную беду нашего времени**.

Столкновение малыша с плодами творчества случается в первые же дни его появления на свет, благодаря незатейливым прибауткам, потешкам, колыбельным, которыми потчуют малютку родственники. И если в семье серьёзно относятся к воспитанию, то первые книжки и навыки общения с ними появляются у ребёнка уже вместе с погремушками. Пестование будущего читателя начинается задолго до того, как детка выучит алфавит. Ежедневное чтение малышу: вначале коротких, ритмичных, легко запоминающихся четверостиший и простеньких сказок со множеством повторов — пробуждают дальнейшую потребность в более сложных книгах. Отсутствие стремления читать у взрослых — есть печальное следствие равнодушия родителей к развитию потребности в чтении у чад.

Если детям постоянно читают вслух, задают вопросы по картинкам, разыгрывают с помощью кукол и книжек-раскладушек мини-спектакли по сказочным сюжетам, то и речевые навыки развиваются у них успешнее, и эмоции проявляются ярче, и, что самое главное, нравственные понятия: надо быть добрым, помогать другим, жалеть тех, кому плохо, быть храбрым, никогда не жадничать — закрепляются спонтанно, что и представляет собой первые шаги по социализации личности. Книги, они же не читают нотаций, а ненарочито показывают на красочных примерах, что произойдёт, если предать товарища, быть ленивым, равнодушным или завидовать другим... Моральные заповеди не навязываются маленькому человеку насильно; под влиянием любимых сказок он вырабатывает их сам, начиная жить в согласии с ними...

Национальный и мировой опыт убеждает: **надо как можно раньше приобщать ребёнка к книгам** — кладези знаний, идей и чувств. Чтение должно превратиться в привычку, ведь именно в детском и юношеском возрасте происходит поиск идеала, своего места в жизни... Нечитающий школьник — главный фактор риска современной цивилизации, поскольку у него отсутствует собственная шкала этических ценностей, необходимый капитал знаний и эмоций для жизнеутверждающей творческой реализации. Именно такой субъект способен сублимировать внутреннюю неудовлетворённость собой и миром в деструктивной форме ненависти и агрессии.

Детское чтение — это интеллектуальный ресурс нашей страны, главный резерв развития нации — только читающее общество в состоянии быть обществом созидающим! Увы, статистика утверждает: до 90-х годов 60% родителей в России читали детям книжки, сегодня это делают только 12%. По моему мнению, ссылки на собственную занятость и засилье Интернета здесь совершенно неуместны: ставка слишком велика — речь идёт о закладке задатков мышления и воображения, от чего во многом зависит будущая судьба человека, а в совокупности и судьба России.

Счастливы те семьи, где чтение малышу на ночь стало доброй традицией. Неторопливое чтение — благо для обеих сторон. Задушевные часы наедине с книгой греют сердце, вспоминаясь в дальнейшем как лучшее из совместной истории. Даже когда ребёнок слишком мал, чтобы понять суть читаемого, звук родительского голоса, придыхания, интонации — выполняют исключительно полезную службу, успокаивая, защищая, вдохновляя... Ошибочно отказываться от чтения вслух и школьникам, уже овладевшим самостоятельными навыками! Читать своему ребёнку или внуку надо как можно дольше — это радостные моменты общения поколений, в процессе которых они обмениваются значимыми для себя истинами, начинают понимать и ценить внутренний мир друг друга. Учёные доказали: семейное чтение одинаково важно как для малышей, так и для зрелых людей, ощущающих в этот момент свою востребованность через передачу младшим жизненного опыта, собственных вкусов и ценностей. По сути,

семейное чтение является некой профилактикой старения, поскольку стимулирует у людей преклонного возраста активное занятие умственной деятельностью.

Сама я читала своим сыновьям вплоть до их совершеннолетия: выбирала то, что поразило из прочитанного за неделю, закладывала, а потом устраивала своеобразный «Родительский час». Надо сказать, практика эта не вызывала протеста в молодых студентах, так как, во-первых, срабатывала на уровне рефлекса, воспринимаясь непременным семейным ритуалом, а во-вторых, добавляла нечто новое к рутине обыденного бытия.

...Весь прошлый век наша страна по праву гордилась титулом «самой читающей в мире». Современная же статистика предлагает неутешительные данные: 37% россиян не читают книг вообще, 40% остальных — прибегают лишь к развлекательной литературе... И по грамотности, и по скорости чтения Россия занимает лишь 43-е место среди 65 развитых стран мира — шокирующий показатель для Родины Толстого, Чехова и Достоевского! **Интерес к чтению падает на глазах**... Ушло то общество, в котором читать было похвальным, а не читать — постыдным! В наше время молодёжь без смущения признаётся в том, что не любит книги. Судя по опросам, чтение стоит по популярности лишь после просмотра телепередач, путешествий, прослушивания музыки, компьютерных игр, посещения кино, спортивных секций и общения в социальных сетях... Выросло целое поколение родителей, которые либо не читают вовсе или же читают с прагматическими целями, а то и того хуже, ищут в чтении интертейнмент, поглощая ради развлечения низкопробную литературу на уровне комиксовой и клиповой культуры. О какой уж тут «разбуженной душе» речь! Перед педагогами и библиотекарями встаёт архисложная задача — возвращения интереса к чтению в семьях с нечитающими родителями...

Что тут скажешь: читать серьёзную литературу — дело непростое! Восприняв печатное слово, надо пропустить его не только через мозг, но и через фибры души, воображение... Куда проще разглядывать готовый визуальный ряд по телевидению или в кино, тем паче, что сюжеты, в основном, не заставляют ни думать, ни сострадать, ни рассуждать, ни делать нравственных выводов. Ещё легче переписываться простеньким жаргоном с себеподобными в Интернете или пойти в клуб — уж чего-чего, а возможностей разнообразить досуг сейчас предостаточно!

Из современных реалий таким образом выдавливается главное — **возможность обогащаться духовно и нравственно на примерах чужого опыта**, а свой — у представителей нового поколения — с овчинку. Катастрофа! Прерывается связь времён... Прекращая читать, человек перестаёт мыслить...

На том, что **только чтение позволяет овладеть в концентрированном виде накопленным веками знанием,** великие умы настаивали не раз. «Когда я вижу вокруг себя, как люди, не зная, куда девать свободное время, изыскивают самые жалкие занятия и развлечения, я разыскиваю книгу и говорю внутренне: этого одного довольно на целую жизнь...» — писал Фёдор Достоевский. «Книги — это корабли мысли, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой бесценный груз от поколения к поколению», — уверял Фрэнсис Бэкон. «Что может быть драгоценнее, чем ежедневное вхождение в общение с мудрейшими людьми мира?» — восклицал Лев Толстой. «Книга — это величайшее благо, сгусток умственной энергии, её никогда не заменит кибернетика», — утверждал историк Урсу. «**Книги делают нас лучше, а это чуть ли не единственная цель искусства**»,— делился мнением Гончаров. «Литература изъята из законов тления. Она одна не признаёт смерти»,— нашла я у Салтыкова-Щедрина. И, наконец, блестящая сентенция педагога Сухомлинского: «Книга — это могучее оружие. Умная, вдохновенная, она нередко решает судьбу человека и даже человечества...»

Осознавшим всю трансцендентность данной проблемы молодым **родителям надлежит дисциплинировать собственный образ жизни**, сделав над собой нешуточное усилие. Необходимо иметь примерный план чтения с ребёнком; записать его в библиотеку, рассказывать истории из жизни писателей... Предлагая новую книгу, пытаться «зацепить» внимание некой «фишкой», способной разбудить интерес; продумать систему мотивации: к примеру, завести «Тетрадь или экран прочитанных книг», куда малышам можно прикреплять звёздочки или сердечки. После прочтения важно обсудить с ними содержание произведения... Было бы здорово в качестве стимула устроить домашнюю выставку рисунков (сама я прибегала к этому способу множество раз), провести викторину, и, конечно же, не забывать хвалить юного читателя за каждое новое свершение, поддерживая уверенность в своих силах. Высшим пилотажем станет написание краткого отзыва о книге, ведение читательского дневника, что мой отец и я сама делали на протяжении всей своей жизни. Но главное: сын или дочь непременно позитивно отреагируют на неподдельный интерес самих родителей к чтению, видя, что те с энтузиазмом обмениваются между собой впечатлением о недавно прочитанном. Подспорьем послужит совместное посещение литературного музея, памятных мест, связанных с именем какого-либо писателя. К примеру, после посещения Усадьбы Алексея Толстого моя внучка с удовольствием прочла «Аэлиту». Для всего этого нужна лишь добрая воля взрослых! Мечты и сны...

... Именно в России когда-то зародилась **тенденция воспитания личности с помощью книги**, находящаяся ныне в упадке. Весь мир оценил эффективность этого действенного метода. Многие страны стали внедрять наш опыт, в том числе Япония, где исследователи прямо доказали, что только в результате чтения художественной литературы в детях укореняются нравственные принципы. Традиция эта, имеющая в нашей стране уникальную историю, представляет собой одно из самых благотворных воспитательных средств, которое не только образовывает детей, но и цементирует добрые взаимоотношения старших и младших в семье.

Французский учёный Лабуле когда-то произнёс: «Достоинство народа можно определить по количеству книг, которые он поглощает». Ему вторил композитор Рубинштейн: «Я сужу о городе по числу имеющихся в нём книжных магазинов...»

К несчастью, **мы сдали свои передовые позиции**, сделав громадный шаг назад. С начала 90-х отношение к библиотекам и чтению кардинально изменилось, и связано это с резким упадком авторитета культурных ценностей в целом, замены их на материальные. Чтение, как следствие дегуманизации общества, насаждающегося культа насилия, перестало быть показателем достижений личности, ведь в обществе, лишённом духовных идеалов, человек теряет свет внутри себя. На место веры приходит равнодушный расчёт, он вдруг понимает, что может что-то ухватить здесь и сейчас — не в смысле постижения собственной души, а по линии материальной — и целиком отдаётся этой стихии. Вот тогда-то и появляется **энергия отторжения**. Человек бежит от книг и начинает думать, что всё уже постиг, надо просто приобретать как можно больше красивых, удобных вещей... Он и не чувствует, что крылья его бутафорские и даны лишь на время — на испытательный срок. Такая судьба по сути своей трагична...

Оставаясь чуть не единственным источником «культуры ума и сердца», книги, как ни скорбно это признавать, потеряли своё влияние на умы молодого поколения. При этом две трети опрошенных семей в России по-прежнему имеют дома собрания художественной литературы, а значит, надежда на то, что **книга вновь сумеет овладеть сознанием масс**, сохраняется, при условии, что **каждый из нас — «посвящённых» — внесёт в это дело свою посильную лепту**! Чем выше поднимается душа по лестнице познания, тем больше на неё возлагается ответственность. **Подлинное**

знание несёт в себе духовный долг. Благословляя своего ученика, старца Тимона, пр. Серафим Саровский назидал: «Сей, отец Тимон, сей всюду данную тебе пшеницу, сей и на благой земле, и на песке, и на камени, и в тернии, все где-нибудь да и возрастёт и плод принесёт, хотя и с мукою, и не скоро...» Мы обязаны сеять! Лично я при всей своей загруженности провела не один десяток встреч с молодёжью в рамках разработанной мною программы: **«Читать книги — мода, неподвластная времени...»**

Думаю, пришло время выдвигать радикальный лозунг: **«Дети перестали читать — нация в опасности!»** Необходимо целенаправленно формировать общественное мнение, создавать систему государственной поддержки чтения, коль сам Президент выдвинул задачу возвращения Россией статуса «читающей страны» в качестве приоритетной: вырабатывать социальный заказ на издание книг, способствующих духовно-нравственному воспитанию; увеличивать количество часов на преподавание литературы в школе; вводить факультатив по подготовке к специальному ЕГЭ по ста книгам мировой сокровищницы литературы (опять-таки предложение Владимира Путина); привлекать энтузиастов, готовых бескорыстно делиться своим читательским опытом с молодёжью; создавать Общества книгочеев в учебных заведениях и систему стимуляции «Самых читающих учащихся» (многие годы я пыталась осуществлять всё это во вверенном мне вузе и не безрезультатно); запускать социальную рекламу, доносящую до населения в броской художественной форме: «Чтение — дело престижное, без него социально успешная личность состояться не может!»; организовывать специальные «книжные клубы», наподобие «Интернет-кафе», где у юношества появится возможность прочесть и обсудить новинки с заинтересованными лицами. Если уж на то пошло, так и проводить обязательные «Курсы по обучению молодых родителей воспитанию потребности в чтении у детей», как некогда практиковались для граждан нашей страны Курсы по ликвидации безграмотности.

Надо возвращать Книгу в семью! Она снова должна обрести принадлежащее ей по праву ПЕРВОЕ место в списке увлечений ребёнка, будь то спортсмен или юный техник... Ведь какими бы «передовыми» не смотрелись современные дошкольные учреждения, гимназии и лицеи нового типа, главными «мастерами», творящими разум и чувства детей, являются мать и отец — семья! Культурным, образованным, творческим, благородным ребёнок вырастает лишь там, где все читают, где ему преподносятся книги в подарок, где у него есть своя книжная полка, где авторитет Книги остаётся недосягаемым и незыблемым, бережно культивируясь в течение всей жизни.

«У каждого своё представление о РАЕ, мне же он с детских лет виделся библиотекой»,— написал в одном из своих произведений Борхес. Так вот, когда я пытаюсь вообразить картину абсолютной радости, **мне рисуется СЕМЬЯ, увлечённая чтением книги...** Ибо где и откуда ещё черпать мудрость и нравственные устои? Зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечник, и светит она всем в доме! **Надо делиться накопленным!**

«Привейте человеку вкус к чтению, дайте возможность читать — и Вы сделаете его счастливым!» — уверял физик и астроном Джон Гершель. Так давайте же делать наших детей и внуков счастливыми — это в наших руках, ведь книги по-прежнему с нами! **Очевидно, что, только приобщив молодёжь к национальной и мировой литературе, мы получим новое поколение российских граждан, имеющих достаточный интеллектуальный и духовный потенциал для решения актуальных задач, стоящих перед Россией и всем мировым сообществом в начале нового тысячелетия.**

СЕРГЕЙ ДЫРИН

ДИССЕРТАЦИЮ ЗАКАЗЫВАЛИ?..

О научном плагиате в России

По России вихрем пронеслась история с плагиатом в Московском педагогическом государственном университете. 11 человек лишились учёных степеней, диссертационный совет по истории закрыли, председателя совета сняли с работы. У меня эта история вызывает ассоциацию с недавним падением метеорита в Челябинске... В том смысле, что Челябинску просто не повезло, метеорит мог упасть в любом другом месте, и последствия были бы теми же самыми. Точно также не похоже, что диссертационный совет по истории при МПГУ как-то уж особенно отличался от других себе подобных советов. Похоже, и тут ребятам просто не повезло...

Изучить масштабы плагиата в России я решил на примере... собственных публикаций. Для начала я пропустил через программу «Антиплагиат» собственную докторскую диссертацию. Не то, чтобы я в ней особо сомневался, но после проверок в МПГУ мне это показалось интересным. Тем более что это совершенно нетрудно. Как я и ожидал, неоформленных должным образом заимствований в моей диссертации не оказалось. Зато я обнаружил много другого интересного. Дело в том, что программа «Антиплагиат» (по крайней мере, та версия, которой я пользуюсь) отмечает лишь совпадения текста в разных источниках, но не определяет, кто у кого заимствовал. В итоге, проверив в программе «Антиплагиат» основные свои публикации (8 монографий, 7 учебных пособий и несколько десятков статей), я обнаружил их фрагменты в самых разных источниках.

Так, свою главу про управление персоналом из коллективного учебного пособия «Управление качеством, персоналом и логистика в машиностроении», изданного в своё время в издательстве «Питер», в неизменном виде я обнаружил на образовательном портале Московского государственного индустриального университета (бывший ВТУЗ ЗИЛа), естественно, уже без ссылок на авторство. Причём учебное пособие это издавалось ещё лет десять назад и на сегодняшний день изрядно устарело. Но, видимо, для московского дистанционного образования сойдёт...

Свой скромный конспект лекций по теории организации, который для удобства студентов я выложил на сайте своего вуза, я с удивлением обнаружил в далёком Челябинске, в тамошнем педагогическом университете. Некая И. Х. Кутейникова, не изменив в моём конспекте практически ни строчки, поставила на титуле свою фамилию, гордо назвала это учебно-методическим пособием и издала у себя в универ-

ситете ещё в 2009 году. Любопытно, что тема кандидатской диссертации, которую госпожа И. Х. Кутейникова защитила в 2006 году на соискание учёной степени кандидата педагогических наук, звучит так: «Педагогическое содействие становлению профессиональной нравственности будущих педагогов». За нравственность уральских студентов, таким образом, можно быть спокойным, тем более что работает госпожа Кутейникова сейчас в должности проректора по воспитательной работе Уральской государственной академии ветеринарной медицины.

Большущие фрагменты (в несколько страниц) из своей последней монографии, где я излагаю сущность разрабатываемого мной многоаспектного подхода к управлению персоналом, без ссылок на меня, естественно, я обнаружил в коллективном учебном пособии, изданном недавно в Москве. Руководит «авторским» коллективом очень известный и уважаемый мной учёный. Справедливости ради думаю, что он в этой ситуации ни при чём. Наверняка, компоновали текст его молодые соавторы, и о происхождении заимствований руководитель, вероятно, и не подозревает. Ясно также, что я далеко не единственный бесплатный донор этого «авторского коллектива». С одной стороны, вроде даже и почётно, что мои идеи признаны коллегами. Но они ведь не только признаны, они ими ещё и присвоены. И если я завтра изложу эти идеи в статье и отправлю в какой-нибудь научный журнал, редакция имеет полное право отказать мне в публикации, поскольку они уже опубликованы под другим именем. И тогда мне придётся доказывать, что я не верблюд.

Несанкционированные заимствования в учебных пособиях, к сожалению, стали нормой и особо не удивляют. Но, оказывается, плагиат этим не ограничивается. Моя проверка позволила обнаружить и ряд статей в журналах, которые полностью основываются на моих текстах. Вот журнал «Управление в страховой компании», 2009 год, № 4. В нём некая Е. В. Смирнова, зам. генерального директора московской страховой компании ЗАО САК «Информстрах», бойко рассказывает, как она изучала особенности управления персоналом в страховых компаниях Москвы. При этом вся фактура статьи взята из четвёртой главы моей докторской диссертации. Так что, похоже, не проводила бизнесвумен никаких исследований, просто позаимствовала то чужое, что под руку попалось. К сожалению, не отстаёт от бизнесменов наша молодая поросль — аспиранты. Вот статья некоей Ю. С. Логиновой в журнале «Молодой учёный» (2012, № 4). Вся статья построена на материале одной из моих монографий. Монография старая и от многих идей, изложенных там, я уже давно отказался. Так что их реанимация меня не очень обрадовала. Впрочем, «автор» поступила со студенческой непосредственностью: выжав из моей монографии статью, она всё же включила эту монографию в список использованной литературы. Как говорится, и на том спасибо!

И особый урожай плагиата, который мне удалось обнаружить, это многочисленные рефераты и курсовые работы, предлагаемые студентам на платной основе на специализированных сайтах. Рефератов и курсовых работ на основе моих публикаций я насчитал два десятка. Реально их гораздо больше: мне считать надоело, да и нет у меня столько свободного времени. Причём «в дело» идёт всё подряд. Скажем, несколько лет назад я опубликовал в московском журнале «Управление корпоративной культурой» статью «Корпоративная культура: как её формировать» (УКК, 2010, № 3). Так её на одном из сайтов, не сменив даже названия, обозвали рефератом и предлагают студентам к продаже. Причём цена вполне «студенческая»: 150 рублей.

Таким образом, проведённое исследование позволило мне представить, сколько народу кормится вокруг только моего скромного научного творчества. Причём это ведь только то, что выставлено в Интернете. А наверняка есть ещё плагиат, представ-

ленный исключительно на бумажных носителях (те же самые диссертации, например). А теперь представим масштабы плагиата в рамках страны!

Что же происходит? Ведь все эти люди, придя ко мне в гости, вряд ли, уходя, умыкнут у меня набор столовых ложек. Они воспитанные, интеллигентные и понимают, что ложки — это чужое, а брать чужое нельзя. Так почему же ложки нельзя, а идеи, тексты — можно?

Причин для развития плагиата в современной России, к сожалению, много. Одна из ведущих причин — мода на учёную степень, распространившаяся среди российской элиты. По моим прикидкам до трети диссертационных защит в таких отраслях, как экономика, социология и педагогика приходится на людей, не имеющих никакого отношения к высшей школе и науке — бизнесменов, чиновников, депутатов. Писать диссертацию самим им некогда совершенно. Да и соответствующих навыков для этого у многих из них нет. Другое дело: содрать готовое...

Второй источник плагиата, напрямую связанный с первым, — это широко распространившая практика написания диссертаций под заказ. Впервые о существовании этой практики я услышал в начале 90-х годов. Тогда это был один из источников выживания учёных. Один известный российский социолог жаловался мне в начале 90-х, что для него проблемой является покупка ботинок, не говоря уже о чём-то большем. А потом на этой основе сформировались «бригады», для которых диссертации под заказ стали не просто куском хлеба, а куском хлеба с маслом и чёрной икрой. *В диссертации под заказ науки, как правило, не бывает вовсе.* Либо набор банальных фраз, либо плагиат.

Третий источник плагиата — общая нравственная деградация, охватившая современное российское общество. Материальная выгода, благосостояние — вот базовые ценности современных россиян. Причём это на фоне полного отсутствия религиозных ценностей у большинства россиян. Отсюда доминирующей становится не просто идея благосостояния, но благосостояние любой ценой.

Четвёртый источник плагиата — это существенное снижение образовательного потенциала студентов, произошедшее вследствие массовизации высшего образования. Платные формы обучения сделали доступным высшее образование, в том числе и для тех, кто по своей базовой общеобразовательной подготовке и по уровню интеллектуального развития получить его попросту не способен. В итоге, будучи неспособными осуществлять самостоятельные исследования, подобные студенты могут рассчитывать только на плагиат.

Итак, плагиат в российской науке (по крайней мере, в гуманитарных науках) приобрёл угрожающие размеры. На сегодняшний день российскую высшую школу закончили десятки тысяч студентов, не написавшие самостоятельно за время учёбы ни одной письменной работы. Все эти работы они приобретают на сайтах «Рефераты и дипломы под заказ». И ощущение, что таких студентов с каждым годом становится всё больше. К сожалению, кто-то из них далее оказывается в аспирантуре, а там к его услугам другие сайты: «Диссертация под заказ».

Сможем ли мы остановить эту страшную болезнь? Должны, у нас просто нет другого выбора!

МАРСЕЛЬ САЛИМОВ

ВРЕМЯ СМЕХА

Марсель Салимов, по его собственному выражению, находится в оппозиции ко всему негативному, что нас окружает. В своих произведениях он поднимает такие актуальные темы, как горькие плоды неразумных реформ, судьба простого человека, засилье бюрократии, некомпетентность руководящих кадров, коррупция, взяточничество, воровство, пьянство, наркомания и т.п. О том, насколько острым является перо поэта, свидетельствуют посвящённые ему строчки главного редактора журнала «Наш современник» Станислава Юрьевича Куняева: «Своим пером любую цель умеет поразить Марсель», — сказал он о своём друге и коллеге, и это действительно так, в чём могут легко убедиться читатели «Аргамака».

НЕНАРОДНЫЙ ПОЭТ

Завершался творческий мой вечер,
я стихи последние прочёл
и уже хотел закончить встречу,
но одной детали не учёл –
той, что поэтические речи
могут дать к дискуссии толчок…
И парнишка, дерзкий и свободный,
вдруг спросил: «А вы поэт — народный?»

Я всегда был быстрым на ответ
и в карман за шутками не лазил.
Ну, а тут — как будто кто-то сглазил –
не могу сказать ни «да», ни «нет».
Тут любой затылок свой почешет:
если не народный я — то чей же,
чей же я тогда, друзья, поэт?..

Я лишь рот открыл, чтобы ответить,
что меня пока ещё отметить
этим званьем не успели, но –
мужичок, невзрачный и немодный,
закричал: «Да как же — не народный,
если бьётся за народ давно?!»

«Ну и что, что за народ он бьётся?
Что — народ? Он только посмеётся,
а вот званьем наделяет — власть!» –
так ему ответила сердито
дама респектабельного вида,
этот спор подхватывая всласть.

«Это правда! — кто-то ей поддакнул. —
Власть не всяким делает подарки,
а лишь тем, кто за неё — горой!»
«Верно! Верно! — зал ответил дружно. —
Власти любят тех, кого им нужно,
а не тех, кто их хулит порой!»

«Ну какая польза от сатиры?
Ведь сатирой не закроешь дыры,
что сквозят в бюджете городском!
Хоть и служит наш поэт народу,
но он власти не напишет оду.
Что ж и ей-то помнить — о таком?»

«У него в стихах — ни поздравлений,
ни похвал, ни громких прославлений
тех, кто нам указывает путь.
А без од и посвящений пышных
даже самых званий никудышных
не получишь, хоть Гомером будь!»

«Коль писатель званий не имеет –
то писать, как надо, не умеет,
и, выходит, виноват он сам,
что полжизни не тому учился.
Потому такой и получился –
ни властям не мил, ни небесам!»

«Коль его борьба за правду гложет,
то другим он стать уже не сможет,
и ему народным — не бывать!
Тут не надо мировых признаний,
мой земляк собрал уже сто званий –
просто знал, кому и что давать...»

Напоследок, улыбаясь мило,
одна дама нежно попросила,
сунув в руки мне огромный лист:
«Мой знакомый вымечтал решенье –
о «народном» подавать прошенье.
(Я скажу — он славный куплетист!)

Мне неловко, что просить вас смею,
но скрепите подписью своею
Вы письмо, что мы пошлём сейчас
в комитет по присвоенью званий...»
Я вздохнул: «Ну что поделать с Вами?..»
И внезапно в зале свет погас.

И в дрожащем зыбком полусвете
рядом с ней на сцене я заметил
Пушкина, Тукая, Акмуллу
и других поэтов благородных,
что пришли за званием «народных»
сквозь веков седую полумглу.

О, Аллах! Я чуть не задохнулся.
Но пришёл в себя и оглянулся –
никого... Всё лишь минутный бред.
Вот — народ толпится возле сцены,
вот — белеют в полумраке стены...
Ну, а вот — опять включили свет.

И, светлея и душой, и ликом,
понял я, что истинно великим
в этих званьях наших — проку нет.
И как ветер, утренний, свободный,
я поставил подпись: *«Ненародный,*
для народа пишущий поэт».

ПРИДИ, ТУКАЙ!..
(К 100-летию со дня смерти Габдуллы Тукая)*

«Я ведь не только чистый поэт, как ты,
я же ещё дипломат, политик и общественный деятель.
Многое видят мои глаза, многое слышать мои уши...»
Из письма Габдуллы Тукая
поэту Сагитту Рамиеву

Проходит вечность, Волгой протекая,
пытаясь жизнь улучшить день за днём.
Сто лет уже, как с нами нет Тукая,
а мир вокруг — такой же, как при нём.
Кругом царят всё те же казнокрадство,
неравенство, жестокость, плутовство.
Всё так же кружит голову богатство
и процветает всюду воровство.
Одни всю жизнь живут в нужде угрюмой,
ну а другие — тащат из казны,

* — Великий татарский поэт, литературный критик, публицист, общественный деятель и переводчик Габдулла Мухамедгарифович Тукай скончался 15 апреля 1913 года в Казани.

прикрыв свой грех Правительством и Думой,
бюджет страны, как с пловом казаны.
Москва стоит на том же самом месте,
на месте — вся чиновничья орда,
что, позабыв о совести и чести,
с улыбкой сладкой грабит города.
Пустые строчки громко выкликая,
бегут поэты к званиям гурьбой,
но между них нет нового Тукая,
чтоб жил с народом общею судьбой.
Народный плач творцы стихов не слышат,
не обличают строчками грехи,
а, славя власть, подобострастно пишут
тем, кто вверху, хвалебные стихи.
Нехватка правды — жжёт сильнее жажды,
терзая сердце мукою в груди.
И так охота прокричать однажды:
— Приди, Тукай! Ты нужен нам! Приди!..

У ВСЯКОЙ ПОГОДЫ — СВОЙ ДОЖДЬ ИЛИ СНЕГ, У ВСЯКОГО ВРЕМЕНИ — СОБСТВЕННЫЙ СМЕХ

Хоть мир — один, но не един поток времён тягучий,
его — на «было», «будет», «есть» в три русло разнесло.
Глядишь — прошёл тяжёлый год, знать, новый — будет лучше.
У каждого из трёх времён — свои добро и зло.

Но мой народ давно живёт, лишь в мудрость предков веря,
и эту мудрость не таит в чулане ото всех:
«Какой мы посадили лес — такие в нём и звери.
Какое время на дворе — такой у нас и смех».

1. Время прошлое смотрит в грядущее,
потому назовём его — ждущее...

Прошедший день — не прах.
Гони из сердца страх,
что он тебе несчастья наколдует.
То время, что прошло,
дыру в душе прожгло –
и нам в неё из будущего дует!

Пусть прошлое — прошло,
но там жилось — светло,
поскольку мы все верили и ждали,
что этот день пройдёт,
и жизнь нас приведёт
в счастливые сияющие дали!

Что ж делать? И сейчас
во мне он не погас –
светильник веры в светлый мир грядущий.
Бессмертен тот народ,
что верою живёт.
А век, что прожит, носит имя — ждущий.

2. Настоящее время — другое:
быстротечное и дорогое

У времени, в котором мы живём,
утрачена надёжная основа.
Всё, как дефолтом, съедено огнём
стремленья к власти. А у власти — слова
в запасе не осталось, чтоб оно
давно не обесценилось, как рубль...
Я говорю, смеясь — но не смешно
мне повторять один и тот же дубль:

«Не унывайте, милые друзья!
Я вашу боль стихами не развею.
Ну кто я есть? Простой сатирик я.
Я лишь смеяться только и умею!
Такое мне досталось ремесло –
хлестать сатирой век по грубой коже.
Но чем сильнее миром правит зло,
тем слово правды ценится дороже.

Слова без фальши — нынче раритет.
Слова без страха — многим не по средствам.
Ну так оценим, что сказал поэт,
и посмеёмся, не боясь последствий!

3. Грустно всё, за спиной остающееся.
Время будущее — смеющееся...

Наступит день, наступит год –
развеселится весь народ,
придут в дома достаток и веселье.
На много дней, на много лет
не станет в мире слёз и бед,
и в душах счастье справит новоселье.

Не чудеса ли? Все вокруг
мне рады, будто я им — друг,
и над былым хохочут с наслажденьем!..
Тем людям, что придут потом,
смешно смотреть на наш Содом,
где мы плутали в наших заблужденьях.

И мне достанется от них
за то, что очень мало книг
я написал, воюя словом смелым!
И одному ли только мне?
Никто не сможет в стороне
от смеха их укрыться между делом.

Такие выводы, друзья,
на время глядя, сделал я,
и веря в то, что впереди — пора успеха.
И говорю я сам себе:
нас завтра счастье ждёт в судьбе,
а значит, будущее время — время смеха!

* * *

... Вот для того, чтобы сбылось всё это
хотя б когда-то, я несу сейчас,
как тяжкий груз, призвание поэта –
и день и ночь пишу стихи для вас...

Перевёл с башкирского Николай ПЕРЕЯСЛОВ

РЕНЕ ДЕ ОБАЛЬДИА

МЕНЯ ВЗРОСЛЕТЬ НЕ ТОРОПИТЕ...

Рене де ОБАЛЬДИА — известный французский поэт, драматург и прозаик, член знаменитой Французской академии, избрание в которую является пожизненным, из-за чего французы называют её членов «бессмертными». Родился он в 1918 году, его мать была француженкой, а отец выходцем из Панамы. Детство будущего писателя прошло в Гонконге, классическое образование он получил в знаменитом парижском лицее Кондорсе, а во время второй мировой войны целых четыре года провёл в концентрационном лагере «Stalang VIII C» в Силезии.

В послевоенные годы Рене де Обальдиа стал журналистом и начал писать небольшие рассказы, которые были настолько стилистически необычны и образны, что о них стали говорить как о стихотворениях в прозе. Он написал также несколько толстых романов, и они тоже оказались очень близки к поэзии. Он прославился и как драматург, но его пьесы тоже называют поэтическим театром. И тогда ему ничего не осталось, как начать писать ещё и стихи, хотя их в его творчестве намного меньше, чем произведений других жанров. Но зато они необычайно своеобразны и не похожи ни на чьи другие, из-за чего их уже не один год изучают во французских школах.

* * *

Моя мама — актриса. Я мог бы часами смотреть
на лицо, что прекрасней, чем фантик любой шоколадки.
В мире столько мужчин, что за счастье сочли б умереть
за свидание с ней и один поцелуй её сладкий!

Но я вижу её, в основном, на экране кино,
в окруженье легенд, словно в розовой дымке тумана.
Миллионы людей её любят восторженно... Но –
из-за этой работы она мне давно уж не мама.

И когда в мою спальню она заплывает, как Бог,
чтоб поправить подушку, склоняясь ко мне невесомо,
я лежу, притворившись, что сплю, затаив даже вздох,
ощущая дыханье её на лице своём сонном.

Когда она тихо выходит из комнаты прочь,
и с уходом её обрывается сладкая мука,
натянув на себя одеяло, я плачу всю ночь,
чтобы мир не слыхал от меня ни единого звука...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ РЕБЁНКА, КОТОРЫЙ НЕ ХОЧЕТ ВЗРОСЛЕТЬ

Мой меньший брат орать не прочь,
сестрёнка хнычет день и ночь,
звезду осенний небосвод
жуёт, как ослик у ворот.

Давно отец в земле лежит,
сраженьям отдан на закланье.
А мама в дождь и в зной спешит
к мадагаскарцу на свиданье.

Ложитесь спать и спите, люди,
забыв, что где у вас болит.
Ночь эта долго длиться будет.
Мой ангел ваших ждёт молитв.

С губной гармошкою в обнимку,
лежу, прижав её к груди,
последний воин древних инков,
неповторимый средь других.

Меня взрослеть не торопите,
у повзрослевших жизнь — грустна.
Пусть унесёт в свою обитель
меня скорее ангел сна.

Ложитесь спать и спите, люди,
забыв, что где у вас болит.
Ночь эта долго длиться будет.
Мой ангел ваших ждёт молитв.

Хочу быть вечным я младенцем,
хотя все слёзы перерос.
Мне хватит меньшей среди звёзд,
чтоб сердцу бедному согреться!

У мамы в спальне свет потух,
она с тем дядькой там, я знаю.
Вот досчитаю до 102-х…
Вот досчита… И засыпаю.

Ложитесь спать и спите, люди,
забыв, что где у вас болит.
Ночь эта долго длиться будет.
Мой ангел ваших ждёт молитв.

ЗАНЯТИЯ БАЛЛИСТИКОЙ

Если б мама серёжки сняла, я бы рад
был вручить ей взамен две серёжки из вишен –
алых вишен, что солнцами ало горят,
над верхушками сада, над крышей и выше.

А когда я из церкви приду и пойму,
что навек суждено мне остаться обжорой,
я у мамы с ушей быстро вишни сниму
и кровавую мякоть сжую с них проворно.

И когда господин, благородных седин
не стыдясь, вновь придёт с комплиментами к маме,
будет трубку курить и пускать сизый дым,
выдувая колечки худыми губами,

я, спеша, буду пальцами косточки брать,
будто ядрами пушку тайком заряжая,
и в незваного гостя я стану стрелять,
всё презренье своё к нему так выражая.

За комодом присев, я пущу много раз
свои пули, скользящие в соковой смазке, —
и они, пролетев, попадут прямо в глаз
господину, что маме пришёл строить глазки…

СЕКРЕТИК

Как-то тропкой в час заката
я шагал через лесок
и, случайно взбив песок,
вдруг нашёл подобье клада:
полскорлупки от ореха,
звон кузнечикового смеха,
гроз шумевших ночью эхо
и от радуги кусок.
От волненья задрожав,
я схватил их в руки, сжав
в кулаке своём без цели,
и носил их так неделю,
свято тайной дорожа.

В воскресенье я в кулак
заглянул — там нет секрета!
Пусто там… Я псу про это
рассказал — мол, как же так:
был секрет, а нынче — нету?..

И, зевнув, сказал мне он:
«Погоди… увидишь сон…»

Ох, и долог к ночи путь!
А пришла она — и тьмою
заслонила всё собою,
так что я не мог уснуть.
Но когда, на всех в обиде,
всё ж на миг сомкнул глаза,
то так ясно вдруг увидел,
как, расправив паруса,
шёл корабль сквозь небеса,
и кузнечик рядом с рубкой
с капитанской чёрной трубкой,
дым пуская в облака,
вёл его наверняка
на призыв огней рассветных
в брызгах радуг
семицветных…

БОЯЗНЬ СКВОЗНЯКОВ

Ах, мама, мама, погляди
на кенаря скорей –
где песня, что в его груди
всегда звенела? Разбуди
его и отогрей!

Смотри — упал он и лежит,
судьбе своей покорный.
Ни хвостик мелко не дрожит,
ни глаз не блещет чёрный…
А был — такой проворный!

Потрогай, мама, он — как лёд,
мне страшно сунуть пальчик.
Неужто он — не запоёт?..
— Увы! Он умер, мальчик.

Ты помнишь, бабушку твою
мы хоронили в мае?
Её душа теперь — в раю…
Там есть и птичьи стаи.

— Ты про бабулю? Вот уж кто
умел трепать мне нервы!
Какой там рай? Она за то –
давно в аду, наверно.

— О, Гектор! Бога не гневи!..
— А ты мне — птичку оживи,
она ведь не болела...
— Сквозняк продул ей тело.

— А что такое — смерть? Игра?
Уменье притвориться
уснувшим с ночи до утра?..
Скажи ему: вставать пора!
Пускай проснётся птица!

— Увы, малыш. Тут нет игры.
Мы все поём лишь до поры,
мой мальчик златоглавый,
румяный и кудрявый.
Расти себе со славой!

— Ах, мама, двери все запри!
Плотнее окна затвори!
Пускай сквозняк незримо
проносит гибель мимо.

От ветра, мама, в теле — дрожь,
сквозняк продует — ты умрёшь
и, словно птичка Божья,
летать не сможешь больше.

Закроешь клювик — и на нас
твой не посмотрит больше глаз,
ты ляжешь с птичкой рядом...
Ах, мамочка, не надо!

ПРИНОШЕНИЕ СВЯТОЙ ДЕВЕ МАРИИ

Отрывок из утраченной поэмы

Эти поэтические строки были написаны мной в 1941 году в концентрационном лагере «Stalang VIII C», когда весь окружающий мир утопал в огне и крови. Найдя их более чем через полвека, я перечитал их, и передо мной воочию предстал тот молоденький двадцатилетний солдатик, каким я был в те трагические годы, — окружённый колючей проволокой, богатый лишь своей нищетой и настежь открытый душой для молитв о спасении. А я тогда был невероятно молод и искренне верил, что Бог слышит каждого, кто обращает к Нему молитвы, и обязательно его спасёт...

Рене де Обальдиа

Я дитя не из тех, что, едва появившись на свет,
к своей смерти шагают, как будто ведёт их уздечка.
Я б, конечно, хотел быть послушным, как в стаде овечка,
и хотел бы быть нежным и робким, как маковый цвет,
как весеннее поле, которое тронул рассвет,

как ребёнок, что сладко уснул на своей колыбели
иль цветок золотистый, чей стебель зажат меж зубов…
Но и взрослым хотел бы я стать, чтоб, как ветви дубов,
мои руки от тяжких трудов и боёв огрубели!

Матерь Божья, под взглядом Твоим — тает снегом сердечко…

Только выбора нет — и, едва появившись на свет,
я иду к своей смерти, как дети шагают на праздник –
все чисты и нарядны… (И даже последний проказник –
в аккуратный костюмчик сегодня послушно одет!)
Так порой к воскресенью выносит нас жизни река
мимо дней подготовки к Причастию, трудных и длинных,
мимо долгих раздумий и светлых идей голубиных,
что уносят нас ввысь за собой, точно птиц в облака.

К этой радости сколько себя ни готовь — бесполезны надежды.
Никогда не успеешь ни душу отмыть, ни погладить одежды…

И, увы, не замедлить нам шаг, что приводит к концу,
словно главная улица — к празднику возле собора,
где кружит карусель, и под пенье церковного хора
Пресвятая Мария зовёт нас на небо к Творцу.

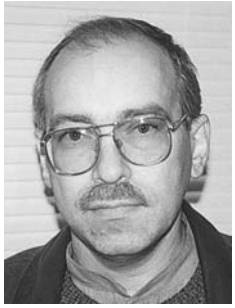
Залпы детских хлопушек пугают собою людей,
и они, содрогаясь, тревожно стреляют глазами
и, тоски не сдержав, обливаются молча слезами
у фонтана, чьи струи, как шеи больших лебедей,
нам лопочут стихи и чаруются ими же сами.

Здесь-то смерть нас и ждёт, возле самого входа в собор –
там, где все мы ликуем, прощаясь с грехами и ложью,
и с улыбкою грустной глядит с высоты Матерь Божья,
как из глаз наших искры летят, словно пули в упор.

Пресвятая Мария! Ну можно ль судить слишком строго
этих бедных мальчишек, душой воспевающих Бога?..

И под сладкие звуки молебнов и праздничных служб,
среди песен и смеха, что к горлу подходят слезами,
среди тысяч историй любви, неприязней и дружб,
когда мы умираем, не чувствуя этого сами,
Матерь Божья нисходит с небес под печальные звуки
и берёт наши души в Свои белоснежные руки…

Перевёл с французского Николай Переяслов
(при участии Свети Гийо)



ИЗДАНО В РОССИИ

СЕРГЕЙ АЛПАТОВ

Марат Бибишев. В поисках истины. Казань. *ПИК «Идел-Пресс». 2013 г. 287с.*

Марата Шакировича Бибишева хорошо знают не только в Набережных Челнах, но и во всём Татарстане. Заслуженный строитель Республики Татарстан и Российской Федерации, почётный гражданин города, член Союза Архитекторов России, один из первопроходцев строительства Набережных Челнов. Человек, замыслами которого во многом и воплотился в жизнь современный облик города. Атеист, но организатор и один из авторов проекта строительства уникальной по облику мечети «Тауба», руководитель, отстоявший от сноса храм Косьмы и Дамиана в Орловке. Настоящий профессионал, никогда не прогибавшийся под власть и поэтому многим неудобный своей неизменной жизненной позицией, независимыми суждениями. Раньше, как он сам говорит, никогда особо не стремился выражать свои мысли в печати или давать интервью, но, пройдя большой путь от начальника участка до руководителя крупнейшего в республике домостроительного комбината, начал испытывать внутреннюю потребность поделиться опытом, взглядами, мнениями, порой резко отличающимися от официально «правильных».

Неслучайно его книга «В поисках истины» начинается так называемой доктриной директора ЦРУ Аллена Даллеса и Всеобщей декларацией прав человека. Несмотря на многочисленные сомнения по поводу подлинности первой, жизнь показывает, что наша страна практически полностью прошла всё уготованное ей этим планом. И реальность задуманного и осуществлённого западом с нашей Родиной не вызывает никаких сомнений в подлинности этого документа — таково глубокое убеждение автора.

Сама книга построена из четырёх частей. Первая — впечатления от зарубежных поездок. М.Ш. Бибишеву довелось побывать в Германии (тогда ещё ГДР), в Австрии, Турции, Италии, Израиле, Испании, Китае и в Арабских Эмиратах.

Цепкий взгляд строителя замечает особенности архитектуры, отделки зданий, организации строительного процесса. Идёт постоянное сравнение со своей страной. Интерес к деталям. В Венеции, например, его интересует состав римского раствора — почему он водонепроницаемый, почему кирпичная кладка дворцов не подвержена сырости, а в Арабских Эмиратах — особенности многоэтажного монолитного строительства на ограниченных территориях. А кроме чисто технических вопросов он пытается разобраться и в политической ситуации посещаемого им региона, условиях жизни людей, его населяющих.

Вторая часть книги — это выступления М.Ш. Бибишева на различных совещаниях и съездах, его полемические статьи в прессе.

В третьей — осмысление и констатация всего того, что произошло со страной в последние годы, в том числе и со строительной отраслью, итоги ошибок вследствие не только непродуманных решений, но и целенаправленного, по мнению автора, курса на

развал великой державы. Крупнейшей авантюрой века называет он преступное ограбление и разрушение народного хозяйства. И с ним трудно не согласиться. Наверное, хороший экономист более профессионально объяснил бы происходящее в экономике страны, а налоговик — подробнее прошёлся по ситуации с налогами и их несовершенством. Но М.Ш. Бибишев вполне доступно и понятным языком излагает всё, что происходит на его глазах в самых различных сферах нашей жизни. Это не только строительство, но и сельское хозяйство, и торговля (вернее, заменившая её всеобщая спекуляция). Это попранные духовно-нравственные ценности человека и приватизация, которая не дала основной массе населения ничего, а обогатила самую незначительную, но самую нечистоплотную часть руководителей и чиновников.

В последней части книги автор опять возвращается к самой близкой для него теме — строительству. Он делится своими соображениями по поводу комплексной застройки города, об особенностях строительства на селе, о проблеме нехватки кирпичных заводов, истории и становлении возглавляемого им комбината.

Думается, что выступления, статьи такого авторитетного человека, обладателя острого ума и нешаблонного мышления, каким для татарстанцев является Марат Шакирович Бибишев, собранные в одну книгу, станут интересны многим, даже далёким от строительной темы, читателям.

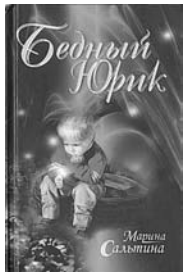
Кирилл Ковальджи. «Моя мозаика или по следам кентавра». *Москва. ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН. 2013 г. 471 с.*

Новая книга известного поэта Кирилла Ковальджи «Моя мозаика или по следам кентавра» — это сборник эссе и миниатюр, написанных с улыбкой и всерьёз. Это наблюдения и размышления, житейские картинки, короткие рассказы — воспоминания, а также портреты и статьи о современных писателях и поэтах.

В книге четыре части. Первая — короткие рассказы, страницы биографии, вторая — «Литературные портреты» русских, молдавских и румынских писателей, третья — вольная, где беглость записей, ассоциаций, полемики чередуется свободно, прихотливо, создавая насыщенную, культурную, интеллектуальную атмосферу вообще и внутренний мир автора в частности. Четвёртая часть — мысли об искусстве, философии, религии и политике.

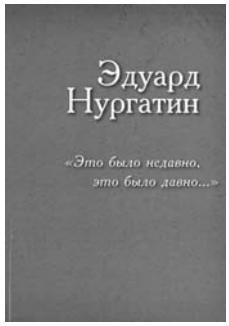
Наиля Ахунова. «Заметки на веере». *Казань. П.Ц. «Отечество». 2013 г. 80 с.*

В книгу «Заметки на веере» дипломанта Международного конкурса хайку (Москва, 2011), организатора Межрегионального фестиваля хайку в Казани «Хайкумена на Волге — 2012», лауреата Республиканского конкурса «Книга года-2011», известной казанской поэтессы Наили Ахуновой вошли хайбуны — прозаические миниатюры с вкраплением хайку (трёхстиший). Родиной этого жанра является Япония, но он получил популярность во всём мире. Это поэтический дневник автора, в котором лирические эссе, путевые заметки, пейзажные зарисовки, основанные на личных наблюдениях, сочетаются со стихотворными вставками, где хайку является, как правило, завершающей деталью, а трёхстишия иногда сопровождаются ассоциативными комментариями. Книга состоит из двух разделов: «Стрижи и бабочки» и «Бенефис Луны. Хайку». Она является продолжением книги хайбунов Наили Ахуновой «Заметки на полях шляпы» (2011), которая стала первым казанским изданием в этом жанре.



Марина Сальтина. «Бедный Юрик». Рассказы. *Москва. Издательство «Голос-Пресс». 2013 г. 222 с.*

Марина Генриховна Сальтина — уроженка Казани, режиссёр, актриса, педагог, писатель. Член Союза театральных деятелей и Союза писателей России. Герои её гротескных и иронических миниатюр — наши современники и современницы, застигнутые врасплох нелепостями перестройки. Внимательный взгляд автора движется вслед за ними, подобно кинокамере фиксируя стоп-кадры — странные, смешные, грустные, трагические и анекдотические ситуации, в которые загоняют простого человека духовная нищета и социальная слепота безвременья. Миниатюры эти трудно назвать юмористическими, в них больше печального. Так рассказ, давший название всей книге «Бедный Юрик», о семье — непутёвой мамаше с тремя детьми, проживающими в одной из комнат коммунальной квартиры. С младшим, «никому особо не нужным» годовалым Юриком старшие общаются в основном матом. И первое слово, произнесённое малышом, в ответ на вопрос: «Кто ты такой?» — тоже матерное. Какой уж тут юмор. Грустно…



Эдуард Нургатин. «Это было недавно, это было давно». *Набережные Челны. Типография «Стрижи». 2013 г. 255 с.*

Э. Нургатин уже печатался в «Аргамаке». Это было во время его учёбы и занятий в литературной студии, которую вёл редактор нашего журнала Н.П. Алешков. А месяц назад Эдуард Нургатин получил диплом об окончании Набережночелнинского педагогического колледжа и был призван на службу в Вооружённые Силы России. Незадолго до этого в его жизни произошло не менее важное событие — вышла в свет его первая книга стихов и прозы «Это было недавно, это было давно». Стихи и проза Эдуарда неоднозначны — есть и слабые места, но, однозначно, есть и свои находки. Объединяет их общая тема: философские и нравственные искания себя. Душевные взлёты и падения молодого автора, думается, не оставят равнодушными читателей.

Пётр Ткаченко. «Традиционная народная культура: вчера, сегодня, завтра». *Москва. Общественное движение «Походъ». 2013 г. 104 с.*

Известный писатель, историк и краевед Кубани Пётр Ткаченко в своей новой книге размышляет о нынешнем состоянии традиционной народной культуры, о причинах её затухания и о возможных путях её возвращения в нашу жизнь. Он пишет: «… в мире шла и идёт жестокая борьба. И если её конечная цель — овладение энергоресурсами и природными богатствами, то начинается она за овладение человеческими душами…»

Тема, поднятая автором, — одна из самых больных в существующей сегодня нашей стране. Вовсе не застойными были те 70 лет Советской власти, о которых принято сейчас снисходительно и с пренебрежением говорить, — доказывает он. А разрыв духовной преемственности между поколениями всё-таки произошёл именно в последние два десятилетия перестроечных времён, чего не происходило и в самые трагические периоды нашей истории.

Глубокое и детальное исследование Петра Ткаченко рассматривает значительное количество работ по данной тематике и доказывает, что традиционная народная культура не есть нечто архаическое. Это то, что сопровождает народ во всей его истории, а человека — всю его жизнь, от крещения до похорон.

Дина Садыкова «Новая жизнь. Дневник Виты». *Москва. Издательство «Вест — Консалтинг». 2013 г. 114 с.*

Проза Дины Садыковой, молодой казанской писательницы, — удивительное явление молодой литературы. Произведения этого автора построены на стыке документальной прозы, высокой поэзии и жёсткой публицистики. Д. Садыкова пишет коротко и ясно. И попадает точно в цель. Ей веришь и сопереживаешь её героине. Её тексты при внешней простоте очень глубоки. Они о детстве, любви, разлуке, ребёнке, женщине, мужчине, взаимоотношениях между ними. Взгляд Дины Садыковой на жизнь — это одновременно взгляд и поэта, и прозаика, и женщины, и молодой мамы. Мы все любим и беспокоимся за наших детей, но выразить эту сладкую муку молодой писательнице удалось совершенно точно и образно с присущим, несомненно, ей талантом.

«Все поэты Новгородской области». Сборник стихов. Выпуск № 4. *Великий Новгород. ООО Типография «Виконт» 2012 г. 359 с.*

Сборник выпущен к 45-летию Новгородской областной писательской организации, о чём и рассказывается во вступительной статье председателя этой организации Анатолия Молоканова. Автор достаточно подробно описывает все перипетии последних лет, произошедшие в среде новгородских писателей, вспоминает своих предшественников на этом посту. А вот сам сборник оставляет странное впечатление. Похоже, целью его издания было не обидеть никого из коллег. Поэтому и, как говорится, «всем сёстрам по серьгам». И уровень произведений, мягко говоря, неоднозначный. Судите сами: первый же автор (а они размещены по ранжиру — сначала члены Союза писателей России, затем участники литклубов и объединений) Антонина Ефимова с басней «Змея и уж». Ничего не смущает в названии? Правильно, уж тоже змея. Выходит, басня о двух змеях, вид одной из которых чётко обозначен, а другая — некая беспородная тварь. Так и есть — главные герои — добродушный рогоносец (?) уж и некая коварная змея, которая «..лишь у Диора одевалась и любила в обществе блистать...» Суть самого произведения проста, если не сказать, примитивна, как кувалда. Простой, работящий и не пьющий муж — уж, и жена — змея, которая завела себе «бойфренда» и спустила на него всё мужнино состояние. Развод, насмешки над обманутым мужем. Как и положено, справедливость торжествует, и через год жена является с повинной «одинока и бедна». Но тут «... навстречу вышла ящерка младая: мадам, Вас тут никто не ожидает!» Финал и положенная к случаю сентенция: «не будь хитра и ядовита, не сядешь у разбитого корыта». Такой вот террариум.

Не менее любопытна и ещё одна басня этого же автора под названием «Соперницы». Эта притча о могучем кедре, любви которого домогаются лиственница, пихта, сосна и ель. По ходу её действия соперницы применяют уловки, ставящие в тупик читателя. «... лиственница Кедра умоляла, стройный стан зазывно оголяла...», и недвусмысленно предлагала: «испытай: в постели я тигрица, просто грех в такую не влюбиться...» Пихта сомневается в мужской силе Кедра, вопрошая: «... уж не гей ли ты, коль мне не рад?» Сосна и ель критикуют друг друга, соответственно, за худобу и пышные формы. Но растительная эротика в данном случае не прокатывает. Всё напрасно, хвойным не добиться любви кедра: «по берёзе белой он страдал, ей он сердце верное отдал...» Вспомнишь тут покойного ныне пародиста Александра Иванова — какой простор для творческих упражнений на тему межвидового секса деревьев!

Конечно, в сборнике немало и вполне достойных стихов, но и откровенного графоманства тоже хватает. Как написано ещё у одного автора сборника:

«... Я не владею ямбом и хореем,
И, может быть, порой пишу я бред,
Но, если в мире станет чуточку добрее,
Простится мне, что я плохой поэт».

Поэту, тем более непрофессиональному, «этот бред», может быть, и можно простить, но уж никак не составителям сборника.

«Великороссъ». Литературно — исторический журнал. № 1 (7) 2013. *Московская обл. г. Лобня. ООО Издательский дом «Великороссъ».192 с.*

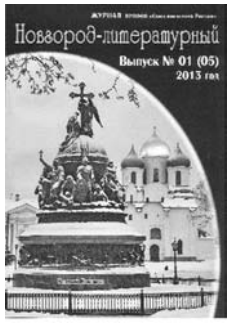
Номер открывается «Словом главного редактора» Игоря Голубничего, в котором он объясняет позиции своего издания: «... Россия, как часть европейской, христианской цивилизации, вместе со всем миром стоит перед реальностью и неизбежностью грядущих перемен. В значительной степени (хотя во многом поверхностно и по принуждению) воспринявшая либеральные квазиценности в конце XX века, она стала невольным заложником своего выбора (речь идёт о политическом и мировоззренческом выборе конца XX века). Действительность свидетельствует о том, что изменить парадигму развития за короткое время наша Россия не сможет — слишком глубоко укоренились «общечеловеческие ценности» в общественном сознании при содействии либеральной идеологической машины и иностранных спецслужб. Выход может быть только один — принимая неизбежное, опираться на исконные российские ценности и на советский период нашего многонационального Отечества как самый плодотворный и справедливый в истории мировой цивилизации...»

«Великороссъ» публикует большую подборку стихов к юбилею поэтессы Людмилы Щипахиной, по-настоящему женственных, душевных, но и патриотичных. Кроме того, в разделе «Поэзия» присутствуют стихи Александра Боброва, Петра Гулдедавы, Сергея Бударина, Ларисы Прашкивской, Тамары Потаповой, Юрия Петракова, Сергея Лебедева, Юрия Яхонтова, Анатолия Гребнева, Марины Новиковой, Инны Мухиной, Ирины Щербиной, болгарской поэтессы Йорданки Теофиловой-Господиновой.

В разделе «Публицистика» размещён любопытный очерк Сергея Чернышёва «Исторический взгляд на отечественную экологическую культуру», где автор прослеживает, как менялось отношение к окружающей природе от языческих времён до печально известного, по счастью несостоявшегося проекта поворота северных рек. Кстати, сам С. Чернышёв был в числе тех учёных, которые готовили письмо в ЦК КПСС и правительство о несостоятельности и авантюрности этого проекта.

Стоит отметить публикацию «Кто вы, товарищ Сталин?» Сергея Рыченкова, основанную на малоизвестных архивных документах и короткие автобиографичные заметки «На Панджшере» Александра Свиридова, где автор честно и без прикрас повествует о некоторых моментах своей службы в Афганистане.

В разделе «Проза» наиболее интересными показались рассказы Виталия Богомолова. Этакие «маленькие трагедии» из жизни маленьких людей. Это и рассказ о новогодней встрече бывших однокурсников, которых обворовал бомж, оказавшийся их студенческим знакомым. «Божий адамант». И рассказ «Предатель» — о вражде двух стариков, один из которых был в плену. И история женщины, отравившей мужа и сына, потому что не могла выдержать их издевательств и побоев, — рассказ «Тайна за многими печатями».

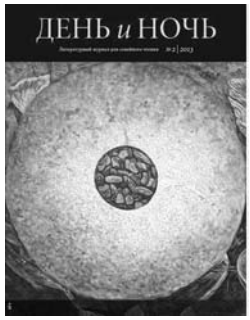


«Новгород — литературный». Журнал НРОООО «Союз писателей России». Выпуск № 01 (5) 2013 г. *г. Великий Новгород. 126 с.*

В первом за этот год номере журнала «Новгород — литературный» немало стихов и прозы как дебютантов, так и маститых авторов. Опубликовано окончание повести Валерия Мартынова «Посолонь», первые части которой публиковались в четырёх номерах прошлого года. И это, как мне кажется, не совсем удачно для читателей. Затягивать размещение не особо большого произведения на очередной год — значит снижать его восприятие. Впрочем, у редакции на то, должно быть, есть свои резоны. Высказываю лишь своё мнение.

Трогают рассказы Ивана Андреева о школьных годах в деревне, о любимом педагоге-музыканте. Читая эти рассказы, веришь, что так оно всё и было. Талант у нас почти всегда сопутствует с пьянством, большая душа — с незащищённостью и повышенной ранимостью.

В рубрике «Краеведение. Неизведанная новгородчина» интересное исследование о Демянском плацдарме — малоизученной, трагической и одновременно героической странице Великой Отечественной войны. Автор его, Александр Симаков, «перелопатил» значительный архивный материал, обращается к воспоминаниям не только военачальников, но и рядовых участников тех событий как с нашей, так и с немецкой стороны.



«День и Ночь». Литературный журнал для семейного чтения. № 2. 2013 г. Красноярск. *Типография «Литера-принт». 200 с.*

В альманахе сибирских писателей, как обычно, много интересного. Это и статья популярного китайского писателя Мо Яня о литературном образовании в Китае со вступительным словом об этом авторе Юрия Машукова. Это и интереснейшее архивное исследование Владимира Чагина «В дни великих шумов ратных...» о санитарном поезде № 187, курсировавшем на Северо-Западном фронте в годы Первой мировой войны, и который стал местом, где пересеклись жизненные пути многих людей. В том числе — нескольких жителей далёкого Красноярска, одной из дочерей Льва Николаевича Толстого и мужа великой русской поэтессы Марины Цветаевой (тогда ещё, впрочем, не очень известной) Сергея Эфрона. И, конечно, сотен и тысяч других участников военно-санитарных событий тех лет — сестёр милосердия и медбратьев, врачей, лечивших и вывозивших раненых русских солдат и офицеров с мест сражений. В. Чагин касается в своём исследовании не только эпизодов, связанных с санитарным поездом, но и прослеживает истории своих героев дальше — через Гражданскую войну, эмиграцию, лагеря... Очерк сопровождается большим количеством ранее не опубликованных фотографий.

В номере опубликованы стихи красноярского поэта-фронтовика Петра Коваленко, которого В.П. Астафьев считал одним из лучших русских поэтов, писавших о войне. В его стихах не только боевые эпизоды. Вот только четыре строки о буднях войны:

Она сама в фашистов не стреляла,
В разведку не ходила по ночам.
Она бельё солдатское стирала —
По-бабьи, со слезами пополам.

«Прачка»

И ещё одна подборка стихов ветерана-фронтовика Анатолия Чмыхало. Трудно удержаться, чтобы не привести одно из стихотворений целиком:

А на войне такое было дело:
Пехотный полк в бою не устоял,
И капитан особого отдела
Стрелять по отступавшим приказал.
И объяснял я капитану что-то,
Вытягиваясь в струнку перед ним...
И то сказать: кому охота
Палить в упор картечью по своим?!
И всё-таки опомнилась пехота,
И залегла в бурьяне и в пыли.
Но под конвоем, как врага народа,
Меня в штрафную роту увели.

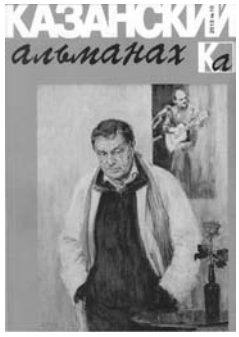
Всего двенадцать строк, а за ними не просто эпизод войны, но и полная картина боя, и столкновение характеров, и поломанная судьба человека, словом — сюжет для целой повести.

Вообще в номере немало хороших стихов разных авторов. Это и подборка рано ушедшего из жизни московского поэта Ильи Тюрина, и поэма на историческую тему «Князь Александр Ярославич на пути в Каракорум» Анатолия Вершинского, и «Левантийская лествица» Андрея Расторгуева. Здесь же стихи Анатолия Третьякова, Игоря Селезнёва, Валерия Скобло, Натальи Ахпашевой.

В разделе «Проза» — читающееся на одном дыхании начало романа-наваждения, как охарактеризовал его автор, Николай Переяслов, «Ветер с Востока», и повесть Марины Эшли «Родионов».

Особо хотелось бы отметить «Записки» Раисы Валеевой. Это воспоминания о 30–40 годах простой татарской женщины, обработанные и отредактированные её сыном. Это коллективизация и раскулачивание, голод и бегство от него в Баку. Это и военные годы, и мобилизационные работы. Бесхитростные строки, за которыми боль и слёзы, потеря близких людей и тяжёлый, на пределе возможностей, физический труд, который сопровождал всё детство и юность автора.

Нужно добавить, что эти же записки были переданы её сыном, членом Союза российских писателей Маратом Валеевым и в адрес нашего журнала, и опубликованы в прошлом номере «Аргамака».



«Казанский Альманах» № 10, 2013 г. Литературно-художественное и культурно-просветительское издание. *ГУП «Татарское книжное издательство. 231 с.*

«Письма не краснеют» — это латинское изречение вынесено в заголовок публикации от редколлегии альманаха. В нём редакционная коллегия ставит вопрос: как отличить качественное, настоящее в литературе от фальшивого, ложного, как отделить «зёрна от плевел». В современном мире нетрудно притворяться писателем, играть в эту игру всю жизнь, получать премии, звания, купаться в лаврах «инженера человеческих душ».

И, не откладывая дело в долгий ящик, в альманахе запускается анкета «Литература и псевдолитература, писатель и имитатор». Первыми лицами, прошедшими анкетирование, стали поэт Разиль Валеев, писатели Людмила Улицкая, Лев Кожевников, Александр Кабаков, Эдуард Русаков, Рустем Галиуллин.

Уже одно это наверняка вызовет несомненный интерес читателя. А кроме того, в номере отрывок из романа Ахата Мушинского «Белые волки», рассказы Аллы Глебовой, Майи Валеевой, Тихона Журавлёва, к 100-летию которого в журнале помещён рассказ «Шумел

камыш». К ещё одному юбилею — 100-летию со дня рождения казанского поэта Леонида Топчия — «Казанский альманах» даёт подборку его стихов.

Словом, хотите читать настоящую литературу? Возьмите в руки «Казанский альманах».

Михаил Гоголев. «Верь в любовь». *ОАО «Первая Образцовая типография», филиал «Дом печати — Вятка». г. Киров 2013 г. 480 с.*

В свою новую книгу под названием «Верь в любовь» Михаил Гоголев включил сказки, повесть в рассказах «Пираты на Каме» и некоторые стихи.

Центральное место в сборнике занимает цикл «Сказки о зайцах». Автор сравнивает людей с этими животными. Рядом с ними живут, конечно, и хищники, которые всячески пытаются длинноухих обидеть. Сами зайцы порой глуповаты, слишком трусливы, часто попадают в неприятные ситуации. Не все сказки автора равнозначны, но смысловую нагрузку морализации добра и зла выполняют вполне доступно.

В свою достаточно объёмную книгу Гоголев включил и воспоминания о детстве — более 80 рассказов, ранее уже издававшихся под общим названием «Пираты на Каме». Здесь хорошо угадывается биографичность изложения и, конечно, главный герой Лёнька — это явно прообраз самого автора. Рассказы о подростке, который входит в жизнь, думает о любви, дружбе, окружающем мире. И сорок лет назад, и сегодня это неизбежно будет повторяться.

Михаил Гоголев пишет добрые рассказы, ситуации в которых узнаваемы и правдивы. Однако есть какая-то незавершённость в каждом из них. Классическое построение любого произведения подразумевает и такое понятие, как развязка. А присутствует такое ощущение, что писатель просто останавливает своё повествование в любом удобном ему месте, по настроению. И всё же «Пираты на Каме», на мой взгляд, — лучшая часть новой книги.

Наши авторы

стр. 273 АЛПАТОВ Сергей Вадимович родился в городе Волжском Волгоградской области в 1958 году. Окончил отделение журналистики истфилфака Казанского Государственного университета. В Набережных Челнах проживает более 40 лет. Работал журналистом в местных газетах и на телевидении. Шесть лет был руководителем пресс-службы Елабужского муниципального района.

стр. 215 БЕЛОМОИНА Нурия Абдулловна родилась 18 ноября 1961 года в деревне Кама-Исмагилово Альметьевского района РТ. Окончила Тюменский инженерно-строительный институт, Тюменский государственный университет. Работала инженером института Гипротюменнефтегаз, переводчиком отдела художественных передач и национального вещания Комитета по телевидению и радиовещанию, корреспондентом редакции национального вещания «Регион-Тюмень», главным редактором редакции публицистических и художественных программ радио ГТРК «Регион-Тюмень», начальником отдела по работе с органами власти ОАО «Альфа-Банк», директором ООО «Персона», директором Западно-Сибирского филиала ФГУ «Редакция «Российской газеты», исполнительным директором ООО Аудиторская фирма «Аудит-Контакт». На данный момент — заместитель руководителя республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа». Награждена благодарственным письмом премьер-министра Республики Татарстан И.Ш. Халикова от 1 ноября 2011 года.

стр. 281 ВОРОНИН Александр Геннадьевич родился 29 декабря 1958 года в Куйбышеве (ныне — Самара). Учился в Казанском театральном училище, играл в спектаклях театра юного зрителя. Выпускник Литературного института имени Горького 1986 года (семинар драматургии В.С. Розова). В 1987 году в Казанском тюзе поставлена его пьеса-фантазия «Четыре вечера и одно утро». Участник Всесоюзных семинаров драматургов в Рузе, Дубултах, Ленинграде.

С исчезновением СССР подался в журналистику. В газете «Молодёжь Татарстана» опубликовал роман с продолжением «Ясновидящая». С 1998 по 2001 год работал в журнале «Казань», опубликовал в нём три повести. В 2005 году в Казанском тюзе к 60-летию Великой Победы поставили пьесу Александра Воронина «Прикосновение к войне» — по автобиографической прозе Виктора Розова. Там же через год сыграли премьеру комедии «Полёты в параллельных мирах».

Более двадцати лет Александр Воронин преподаёт историю театра в Казанском театральном училище. В 2008 году вышли его книги «Драма диасизма» (к 70-летию Диаса Валеева) и «Монарх — монах» (сборник пьес). В 2010-м под его редакцией издали альманах «Галерея», посвящённый 75-летию казанского поэта Виля Мустафина.

Председатель Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей. Член бюро Правления Союза театральных деятелей Татарстана. Заместитель главного редактора литературного журнала «Аргамак. Татарстан».

стр. 116 ГОФМАН Владимир Николаевич родился в городе Городце Горьковской (ныне Нижегородской) области. Закончил авиатехникум, истфилфак университета им. Лобачевского и Московскую Духовную семинарию.

С 1984 по 1996 годы жил в Набережных Челнах, работал редактором газет «Камские зори», «Вести КамАЗа», «Дюжина», «Отчий край», активно посещал занятия литобъединения «Орфей». В Набережных Челнах в его биографии произошёл важный этап — журналист решил стать священнослужителем, к чему стремился едва ли не с самого детства.

Ныне отец Владимир — священник Нижегородской епархии Русской Православной Церкви, соведущий еженедельной телепередачи «Свете Тихий» (канал «Культура»). Член Союза писателей России. Автор нескольких книг поэзии и прозы, а также трёх пьес для детей (две — в соавторстве). Лауреат премии им. Бориса Корнилова (поэзия, 1983), Эдуарда Касимова (публицистика, 1990), Нижнего Новгорода (проза, 2003).

стр. 281 ГУБАЕВ Фарит Саитович — заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, Член Союза фотохудожников России и Московского Союза художников-графиков. Год рождения — 1951. Живёт и работает в Казани.

Выпускник отделения журналистики Казанского государственного университета. Работал ассистентом кинооператора Казанской Студии телевидения, литсотрудником в заводской многотиражке. Был ответствен-

ным секретарём республиканской молодёжной газеты. Общий стаж работы в прессе — почти 40 лет. И все они связаны с фотографией. Фотокорреспондент республиканских газет и журналов. В городской газете «Вечерняя Казань» проработал более десяти лет со дня её основания. В 90-е годы был приглашён на работу в центральную газету «Россия». Там же, в Москве, работал фоторедактором в журнале «Обозреватель». Несколько лет возглавлял отдел фотовыставок в «Фотоцентре» Союза журналистов России (Москва).

Все годы профессиональной работы были и временем творческой деятельности. Уже в начале 70-х Фарит Губаев стал одним из основателей казанской фотогруппы «ТАСМА», которую возглавлял многие годы. Творчество членов группы «ТАСМА», хорошо известной тогда у нас в стране и за рубежом, московские искусствоведы в конце 70-х определили как «Казанская школа фотографии».

Работы Губаева получали высокую оценку на республиканских, всесоюзных и международных фотовыставках. Он — автор 20 персональных выставок. Его работы выставлялись в Казани, Москве, Ленинграде, Вильнюсе, Риге и Таллине, Париже и Амстердаме, Вашингтоне и Нью-Йорке, Кобурге (Канада). В 1992 получил Грант Министерства культуры России за фотопроект «Ищу Женщину». Но главный проект, над которым Ф. Губаев работает более тридцати лет, посвящён национальному празднику Сабантуй.

Фарит Губаев — бильдредактор многих фотоальбомов и выставок. Принимал активное участие в подготовке уникального зарубежного издания «Россия. Столетняя история в фотографиях», выпущенного издательством «Рэндом Хаус» (Нью-Йорк, США, 1994 год). Фотоальбом был успешно переиздан в 10 странах мира.

В 2001 году Фарит Губаев участвовал в работе международного жюри «Интерпресс-фото». Он так же неоднократно входил в состав жюри республиканского журналистского конкурса «Хрустальное перо».

А в 2007 сам стал лауреатом X журналистского конкурса «Хрустальное перо» в номинации «Взгляд через объектив» за фотоработы в альбомах «Татарстан. Портрет современника». В этот двухтомник вошли тысяча фотопортретов лучших людей республики Татарстан.

В 2008 году Фарит Губаев был признан лучшим фотожурналистом. За что и получил на конкурсе «Хрустальное перо» спецприз премьер-министра Республики Татарстан — автомобиль.

стр. 257 ДЫРИН Сергей Петрович — доктор социологических наук, профессор, родился 23 ноября 1959 года в селе Корноухово Рыбно-Слободского района Татарской АССР. Закончил Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, социологический факультет университета марксизма-ленинизма при Татарском ОК КПСС, факультет психологии института дополнительного профессионального образования Казанского государственного технологического университета.

После окончания университета работал в социологической службе КамАЗа, социологом аппарата Набережночелнинского городского совета народных депутатов, директором центра образования и развития, проректором по НИР, первым проректором института управления. С 2002 г. по 2011 г. — ректор института управления. С сентября 2011 г. по настоящее время проректор по научной работе Набережночелнинского государственного торгово-технологического института. Награждён медалью «В память 1000-летия Казани», Почётным знаком «За заслуги перед городом Набережные Челны», Почётными грамотами мэра г. Набережные Челны. Автор более 200 научных и учебно-методических работ, в том числе 8 монографий и 7 учебных пособий. Неоднократный лауреат конкурсов «Лучшая научная книга», проводимых фондом поддержки отечественного образования.

стр. 129 ЗУЛКАРНАЕВА Сагидаш Сайдулловна родилась 6 июля 1968 года в Самарской области. Писала стихи «в стол», но после того, как заняла первое место в конкурсе «Горжусь тобой, губерния моя!», зарегистрировалась на некоторых литературных сайтах и занялась продвижением своего творчества. Стихи вошли в общий сборник творческих произведений жителей района, печатались в местных газетах, в литературных журналах и альманахах «Русское эхо», «Союз Писателей», «Бег», «Автограф», «45 параллель», в сетевых альманахах «Литературная губерния» (г. Самара), «Эрфольг». Живёт в селе Новопавловка Самарской области.

стр. 63 КОЖЕВНИКОВА Наталья Юрьевна — поэтесса, член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Родилась в Бузулуке. Окончила историко-филологический факультет Оренбургского государственного пединститута. Работала научным сотрудником, главным хранителем фондов Бузулукского краеведческого музея, заместителем главного редактора областной газеты «Южный Урал». В настоящее время — главный редактор Оренбургского регионального литературно-художественного альманаха «Гостиный Двор».

Автор книг «Лики любви», «Домовитая ласточка», «Другое время» и др. Стихи печатались в столичных изданиях — журнале «Мо-

сква», газетах «День литературы», «Завтра», «Российский писатель» и др.

Лауреат литературной премии им. С.Т. Аксакова. Лауреат Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка». Лауреат Всероссийского фестиваля поэзии «Соколики русской земли-2011».

Живёт в Оренбурге.

стр. 193 КРАСИЛЬНИКОВ Николай Николаевич — поэт, прозаик, эссеист, переводчик, критик, родился 19 декабря 1948 года в Ташкенте в семье советских служащих. Часть детства и отрочества прошла в старинном волжском городке Кинешме на родине родителей. С юности работал на заводе, затем служил в армии — в группе Советских войск в ГДР. Закончил республиканский институт русского языка и литературы им. А.С. Пушкина. По образованию — филолог.

Автор более 60 книг стихов, рассказов, повестей для детей и взрослых, общий тираж которых составляет более четырёх миллионов экземпляров. Среди них наиболее известны читателям книги «Перо синей птицы», «Друзьям натуралистам», «Олений родник», «Здравствуй, Колумб!», «Тропой полосатого зверя», «Тайна охотничьего домика», «Аистиный снег» и другие.

Перу Н. Красильникова принадлежат многочисленные воспоминания, эссе, предисловия о классиках — И. Бабеле, М. Булгакове, С. Айни, Г. Гуляме, Ч. Айтматове и других. О наших современниках — Н. Рубцове, А. Передрееве, В. Приходько, А. Файнберге...

Свободно владея тюркскими языками, Николай Красильников перевёл на русский язык книги рассказов, повестей, романов узбекских писателей Тулкуна «В гостях», С. Абдуллаевой «Фантастика», М. Кошчанова «Записки снайпера», Т. Каипбергенова «Письма на тот свет, дедушке», а также стихи четырёх десятков каракалпакских, казахских, крымско-татарских, корейских поэтов, увидевших свет в разные годы в издательствах Ташкента, Москвы, Санкт-Петербурга.

Николай Красильников также является автором, составителем и редактором антологий детских книг стихов «Солнце детства моего», «Солнышко на листьях», сборников сказок «Как хорошо дарить подарки», «Узбекские народные сказки», «Как дехканин счастье искал» и других.

Ряд произведений поэта и писателя были отмечены литературными премиями, правительственными грамотами, медалью республики Узбекистан «Шухрат». А совсем недавно Николай Красильников за серию детских книг стал лауреатом престижной премии МСПС им. С. Михалкова «Облака».

Николай Красильников — член Союза писателей и Союза журналистов России. В настоящее время живёт и работает в Москве.

стр. 209 ЛЮТЫЙ Вячеслав Дмитриевич родился в 1954 году в городе Легница Польской Народной Республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А.М. Горького. Служил в армии, работал радиоинженером, звукооператором и заведующим литературной частью театра, инкассатором, менеджером коммерческого банка. В настоящее время — ответственный секретарь журнала «Подъём». Лауреат премии Общественной Палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», премии журнала «Подъём» «Русская речь». Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

стр. 49 МИННУЛЛИН Роберт Мугаллимович родился 1 августа 1948 года в деревне Назяде Илишевского района Башкирской АССР. Советский и российский поэт, журналист, политический деятель. Окончил Казанский государственный университет. В 1966–68 гг. работал литсотрудником Илишевской районной газеты (Башкирская АССР). После окончания КГУ в 1973–77 гг. — корреспондент газеты «Яшь ленинчы». В 1977–83 гг. работал в редакции журнала «Казан утлары» редактором отдела, затем ответственным секретарём. С 1979 г. — член КПСС. В 1983–86 гг. — главный редактор Татарского телевидения. В 1986–95 гг. — главный редактор газеты «Яшь ленинчы» (с 1990 г. — «Сабантуй»). С 1990 г. — народный депутат Республики Татарстан. В 1995–2000 гг. возглавлял постоянную Комиссию Госсовета РТ по культуре и национальным вопросам. С 2000 г. занимает пост заместителя председателя Госсовета РТ.

Автор 34 книг на татарском, русском и башкирском языках. Женат, имеет сына и дочь. Заслуженный деятель искусств Татарстана, заслуженный работник культуры Башкортостана. Награждён Почётной грамотой РТ. Лауреат Государственной премии РТ им. Г. Тукая, республиканских премий им. М. Джалиля и А. Алиша, Международной литературной премии им. Андерсена.

стр. 230 МУРАТОВ Пётр Юрьевич родился в 1962 году в Казани. После окончания средней школы поступил в Казанский Государственный университет на биолого-почвенный факультет, кафедра микробиологии. В 1984 году по окончании университета был распределён в НИИ молекулярной биологии НПО «Вектор» под Новосибирском. Кандидат биологических наук. С начала девяностых и до сих пор — предприниматель. Женат, имеет двух детей, внучку. Автор книги «Встретимся на «Сковородке» (воспоминания о Казанском университете).

стр. 197 НОРД Геннадий Эдуардович — поэт, композитор, исполнитель. Член Союза

писателей Москвы и Международного ПЕН-клуба. Член Правления Международной Федерации русскоязычных писателей. Автор 18 книг и 31 песенного альбома.

Явился инициатором и организатором установки в центре Монреаля памятника А.С. Пушкину (скульптор Виталий Гамбаров). Включён в энциклопедию «Знаменитые люди Москвы». Сыграл роли в нескольких художественных и телевизионных фильмах.

Лауреат национальной премии «Золотое перо Руси», премии ГУВД Москвы, международных фестивалей «Пушкинская лира», «Русская песня», «Звезда полей», «Янтарное ожерелье» и других.

Имеет почётные звания «Человек тысячелетия», «Лучший автор нового тысячелетия», «Маэстро Шансона», «Поэт 2002 года Русского Зарубежья».

Награждён многими орденами и медалями, а также грамотой Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «За высокую гражданскую позицию в творчестве и в жизни» и дипломом имени Риммы Казаковой «За высокое художественное мастерство лирической песни».

За развитие русской культуры за рубежом Геннадию Эдуардовичу объявлена благодарность Министерства культуры Российской Федерации.

стр. 252 РЯЗАНЦЕВА Варвара (Наталья Степановна Филатова) родилась в семье журналиста, писателя Степана Егоровича Кузменко, корреспондента газеты «Правда» в Куйбышевской и Ульяновской областях, члена Союза писателей СССР. По первому образованию — филолог, по второму — философ (кандидат философских наук). Главная тема научных исследований, с которой не раз выступала на площадках западных университетов,— «философия гармонии». Профессор, руководит Поволжским филиалом Международного университета в Москве. Имеет медаль «За благотворительность». Пишет новеллы и повести в жанре психологической прозы. Повествуют они об искушениях, ожидающих человека на многотрудном пути духовного поиска. В 2013 году в самарском литературном журнале «Русское эхо» была опубликована повесть «Дорогу осилит идущий». В настоящее время готовятся к изданию ещё две книги: «В пределе извечной печали» и «Не как все».

Варвара Рязанцева регулярно проводит встречи с читателями разного возраста и статуса в рамках программы «Читать книги — мода, неподвластная времени». Включена в состав российских прозаиков для участия в международной программе «Русские мифы» в Черногории. Владеет тремя иностранными языками. Посетила более тридцати зарубежных стран. Имеет двоих взрослых сыновей.

стр. 260 САЛИМОВ Марсель Шайнурович родился 3 января 1949 года в Башкортостане. С отличием окончил филфак Башкирского госуниверситета и Свердловскую высшую партийную школу. С 1973 года работает в редакции республиканского журнала сатиры и юмора «Хэнэк» («Вилы»), с 1980 года является его главным редактором. С 1988 года – член правления Союза писателей Республики Башкортостан. На протяжении десяти лет был председателем Союза журналистов Башкортостана. Сейчас возглавляет Объединение ветеранов журналистики Башкортостана. Его произведения издавались в Уфе, Москве, Казани, а также переведены на многие языки мира.

стр. 44 САРЧИН Рамиль Шавкетович — поэт, литературный критик, литературовед. Автор поэтических сборников «Стихотворения», «Возвращение», «Цветоповал»; монографий «Поэтический мир Николая Благова», «Традиции русской поэзии в творчестве Инны Лиснянской»; статей о русской литературе, преимущественно о поэзии. Родился в селе Калда Барышского района Ульяновской области. Окончил филологический факультет Ульяновского государственного педагогического университета, аспирантуру при кафедре литературы УлГПУ. Работы Рамиля Сарчина опубликованы в сборниках всероссийских и международных конференций, в журналах «Мономах» (Ульяновск), «Аргамак. Татарстан» (Набережные Челны), «Казань», «Идель» (Казань), «Наш современник» (Москва), «Иные берега» (Хельсинки, Финляндия). Член Союза российских писателей, член Союза писателей Республики Татарстан. Кандидат филологических наук, работает над докторской диссертацией.

стр. 39 ФАЙЗУЛЛИН Равиль Абдрахманович, поэт, общественный деятель, народный поэт Республики Татарстан, почётный академик АН РТ, родился 4 августа 1943 г. в деревне Юлсубино Рыбно-Слободского района Татарстана. После Кутлу-Букашской средней школы окончил Казанский государственный университет. В 1965–1967 годах служил в рядах Советской Армии. Окончил аспирантуру в ИЯЛИ при Казанском филиале АН СССР. В 1968–1972 гг.— руководитель Альметьевского отделения Союза писателей Татарстана. В 1973–1977 гг.— заместитель председателя правления Союза писателей Татарстана. С 1989 г.— главный редактор журнала «Казан утлары» («Огни Казани»). Следует отметить, что большая часть литературной жизни поэта связана с этим основным литературно-художественным изданием татарского наро-

да. Ещё в студенческие годы он несколько лет работал сотрудником в этом журнале. Спустя много лет, став главным редактором, им подписано к печати около трёхсот из тысячи номеров, вышедших за всю историю журнала. Творчество Р. Файзуллина высоко оценено. Он лауреат Республиканской премии им. М. Джалиля, Государственной премии Татарстана им. Г. Тукая, литературной премии Министерства культуры РТ и Союза писателей Татарстана им. Г. Исхаки. В 1985 г. удостоен звания Заслуженного работника культуры РСФСР. Награждён орденом Дружбы, различными медалями, многочисленными Почётными грамотами РТ и РФ. В 1990–1995 гг. — депутат Верховного Совета РТ.

стр. 136 ЧВАНОВ Михаил Андреевич родился 25 июля 1944 года в Башкирии, на реке Юрюзани в деревне Старо-Михайловка Салаватского района в семье инвалида Великой Отечественной войны. В 1967 году окончил филологический факультет Башкирского университета. Преподавал математику и черчение в сельской школе, был разнорабочим на стройке, работал в молодёжной газете, в Башкирском книжном издательстве, в правлении Союза писателей Башкортостана. Автор более 20 книг прозы и публицистики, вышедших в Уфе, в Воронеже, в Москве. Известен также как исследователь и популяризатор жизни и творчества великого русского писателя С.Т. Аксакова и его сыновей: И.С. Аксакова и К.С. Аксакова. Автор двух книг об Аксаковых и целого ряда статей и эссе, которые помимо России публиковались в периодике Сербии и Болгарии. Возглавляет Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова в Уфе, в своё время созданный при его активном участии. В короткое время при помощи созданного им же Аксаковского фонда музей превратился в известный не только в России общественно-культурный центр, активно проводящий в жизнь евразийскую идею славяно-тюркского и православно-мусульманского согласия.

Лауреат Всероссийской литературной премии им. С.Т. Аксакова и премии им. К. Симонова Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов. В июле 2006 года награждён Большой литературной премией первой степени Союза писателей России за книгу «Мы — русские? Всего мира Надеждо и Утешение». С 2009 г. — почётный гражданин города Уфы.

стр. 66 Я. УДИ́Н (Манджиян Яша́ Геранович) по национальности удин. Родился в 1951 году в селе Нидж Азербайджанской ССР. Учился в Саратовском государственном университете. Автор четырёх книг прозы, выходивших в Москве и Саратове. Публиковался в журналах «Волга», «Подъём», «Волга–XXI век», «Сура», в альманахах «Волжские зори», «Истоки», «Саратов литературный», «Московский Парнас», «Стрежень», «Литературный Саратов» и других периодических изданиях. С 1989 года — член Союза писателей СССР и Союза писателей России. Живёт в Саратове.

стр. 207 ЮСУПОВА Лилия Джигангеровна — член Союза писателей России с 1998 года, автор 14 сборников стихов, лауреат Шукшинской премии, дипломант Международного конкурса тюркоязычных переводчиков «Ак-Торна», дипломант международного конкурса переводов произведений Чеслава Милоша на русский язык, лауреат Международного конкурса «ЛитоДрама» и Цветаевской премии. По профессии — врач, к.м.н. Живёт и работает в Горно-Алтайске.

стр. 201 ЯРЮХИН Валентин Никитич родился в 1952 году в Бендерах Молдавской ССР. Окончил актёрское отделение Кишинёвского института искусств им. Г. Музическу, был актёром в театрах Тирасполя, Кирова, Перми, Казани. В 1989 году окончил режиссёрский факультет ГИТИСа (ныне Российская Академия театрального искусства, РАТИ). Стажировался в Москве в театре «Школа драматического искусства» под руководством Анатолия Васильева. Поставил около 40 спектаклей в театрах Перми, Казани, Иркутска, Ростова. Преподавал в Казанской Академии культуры. Семь лет возглавлял Русский драматический театр «Мастеровые» в городе Набережные Челны. Печатался в журналах «Идель», «Казань», «День и ночь», «Континент». Автор двух сборников стихов — «Хроника бегущего» (1996) и «С точки зрения птиц» (2004). Член Союза российских писателей.

Содержание

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ
СТИХИ О КАЗАНСКОМ КРЕМЛЕ 3

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВ
СВИЯЖСК ВСТРЕЧАЛ ГОСТЕЙ УНИВЕРСИАДЫ 4
СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВ
ПУШКИНСКИЙ ДЕНЬ В КАЗАНИ 9
СЕРГЕЙ БУДАРИН
В ТАРХАНЫ, К ЛЕРМОНТОВУ 10
КСЕНИЯ ЛАРИНА
ЖУРНАЛЫ В ГОСТИ К НАМ! 12
ИРИНА ГРИГОРЬЕВА
ТРИ ИПОСТАСИ И ТРИ ИДЕИ ДИАСА ВАЛЕЕВА 14
ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ
«ЦЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА — САМООТДАЧА...»,
ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНОВ В МОСКВУ... 16
КАЗАНСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЁТА 28
ДИАНА КАН
«НЕМЦЫ ДОШЛИ ДО ВОЛГИ...» 29

ПОЭТЫ ТАТАРСТАНА

РАВИЛЬ ФАЙЗУЛЛИН
КАЖДЫЙ МИГ УХОЖУ... 39
РАМИЛЬ САРЧИН
ЗЕМНЫЕ КОРНИ ВЕЧНЫХ ИСТИН 44
РОБЕРТ МИННУЛЛИН
ЛИСТВА ГРУСТИТ ПО НЕБЕСАМ 49
РАМИЛЬ САРЧИН
НЕБО НАЧИНАЕТСЯ С ПОРОГА 53

НАСЛЕДИЕ

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН, ФАРИТ ГУБАЕВ
БЕССМЕРТНОЕ ВЕЛИЧИЕ КРЕМЛЯ 59

ЗВАНЫЕ ГОСТИ

НАТАЛЬЯ КОЖЕВНИКОВА
ЛЕСТНИЦА В САД 63
Я. УДИ́Н
ОРАНЖЕВЫЙ КЛЮВ ДРОЗДА. *Предисловие Виктора Бирюлина* 66

РАССКАЗЫ

ВЛАДИМИР ГОФМАН
ЛУЧ 116
НАД НЕБОМ ГОЛУБЫМ 120
MEMENTO MORI 123
ДВЕ ПТИЦЫ В СИНЕМ НЕБЕ 125
КОНСУЛЬТАНТ 127
НИЖЕГОРОДСКИЕ КАРТИНКИ 127

НОВОЕ ИМЯ

САГИДАШ ЗУЛКАРНАЕВА

СВЕЧА НА СКВОЗНЯКЕ. *Предисловие Дианы Кан* 129

РЕКВИЕМ

МИХАИЛ ЧВАНОВ

СЕРЕБРИСТЫЕ ОБЛАКА 136

ЛИКИ ПОЭЗИИ

НИКОЛАЙ КРАСИЛЬНИКОВ

ПЕВУЧИЕ ДЕРЕВЬЯ 193

ГЕННАДИЙ НОРД

ПОТОМУ ЧТО ЛЮБЛЮ 197

ВАЛЕНТИН ЯРЮХИН

БЛИЖЕ К ВЕЧЕРУ 201

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ!

ЛИЛИЯ ЮСУПОВА

ПОД СКРИПКУ БОГА 207

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШТУДИИ

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

ЗЕЛЁНАЯ НИТКА 209

СТРАНСТВИЯ И СТРАННИКИ

НУРИЯ БЕЛОМОИНА

ДЕНЬ КОЛЬЦО 215

ПЁТР МУРАТОВ

ЛЮДИ ИДУТ ПО СВЕТУ 230

УЧЁНЫЕ ОБ АКТУАЛЬНОМ

ВАРВАРА РЯЗАНЦЕВА

СВЕТ ВНУТРИ СЕБЯ 252

СЕРГЕЙ ДЫРИН

ДИССЕРТАЦИЮ ЗАКАЗЫВАЛИ? 257

СМЕХОТЕРАПИЯ

МАРСЕЛЬ САЛИМОВ

ВРЕМЯ СМЕХА 260

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

РЕНЕ ДЕ ОБАЛЬДИА

МЕНЯ ВЗРОСЛЕТЬ НЕ ТОРОПИТЕ... 266

ИЗДАНО В РОССИИ

СЕРГЕЙ АЛПАТОВ

РЕЦЕНЗИИ 273

НАШИ АВТОРЫ 281

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: БЕССМЕРТНОЕ ВЕЛИЧИЕ КРЕМЛЯ. ФОТО Ф. ГУБАЕВА

ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: БЕССМЕРТНОЕ ВЕЛИЧИЕ КРЕМЛЯ . ФОТОХУДОЖНИК Ф. ГУБАЕВ

ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ЛИЛИЯ ЮСУПОВА: ПОД СКРИПКУ БОГА

ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: Л. ЮСУПОВА. «НАТЮРМОРТ С ЧАСАМИ»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Выходит ежеквартально
(1 раз в 3 месяца)

Учредитель
ОАО «Татмедиа»
420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2, 6 этаж. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:
423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:
Татарстанское отделение
Союза российских писателей
423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Подписано в печать 6.08.2013 г.
Формат 70x100 1/16;
Печать офсетная. Бумага ВХИ.
Усл. печ. л. 20,64 . Тираж 2000 экз.
Заказ

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»
420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Со всеми номерами литературного журнала «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей **www.srpkzn.ru**.

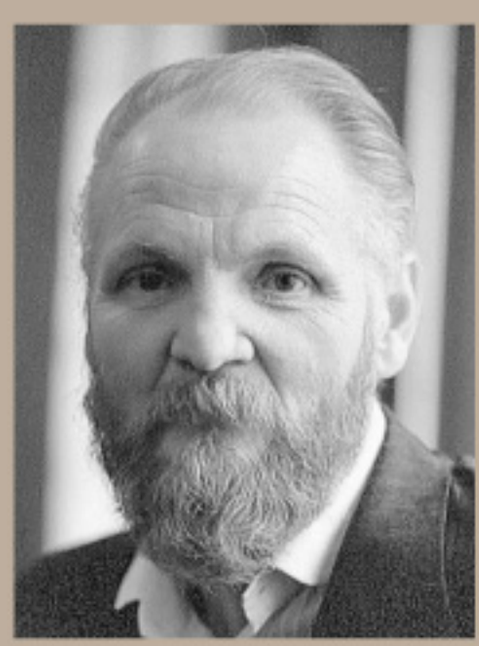
Рукописи принимаются по адресу: 423809, Татарстан, г. Набережные Челны, а/я 126 или e-mail: anp45@mail.ru. Желателен диск с набором, фотография, краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

Л. Юсупова. «Натюрморт с часами»

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ



ВЛАДИМИР КРУПИН

У нас нет запасной родины. Нам здесь жить, здесь умирать. У нас нет двойного гражданства. Ни за какие заслуги, просто так, мы получили в наследство величайшую родину, необычайной силы язык, на котором говорят с Богом, у нас ведущие в мире литература, философия, искусство. Надо доказать, что мы имеем право на такое наследство. Что именно мы хозяева этого наследства.

НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА

Вот место, где я выросла.
Что Бог судил, то вынесла.
Надеюсь, капнет ладаном,
Пришлёт благую весть.
Историей помучена,
К терпению приучена
И Родину нескладную
Приму, какая есть.

Рассказы из новой, ещё неизданной книги русского писателя, лауреата Патриаршей литературной премии Владимира Николаевича Крупина (Москва) и стихи русской поэтессы Натальи Ивановны Первовой (Набережные Челны) читайте в декабрьском «Аргамаке».